

БЕСТСЕЛЛЕР NEW YORK TIMES • БЕСТСЕЛЛЕР AMAZON #1

АЛАЯ РЕКА

Выходной день... Захватывающий...
Взвешивай... Мощный...
Я люблю тебя в этот роман

Полн Хоккингс

Самый мощный роман
2020 года по версии
New York Times, Forbes,
Washington Post,
Vogue, Marie Claire

ЛИЗ МЮР

Лиз Мур

Алая река

Посвящается М. А. Ч.

Что сказать о нынешнем Кенсингтоне – о протяженных авеню, о резиденциях, более похожих на дворцы, о живописных домиках? Что еще не известно нам про этот город в городе, прильнувший к груди безмятежной реки Делавэр? Здесь процветает деловая инициатива; здесь фабрики столь многочисленны, что дым из их труб застит небеса, а гулом механизмов полнится обширное пространство. В сей земле изобилия счастливый народ не ведает нужды. Отважные мужчины и благородные женщины произвели целое поколение стойких и упорных детей, что станут достойными преемниками своих родителей, когда те завершат земной путь. Да вольется свежая кровь в жилы Кенсингтона, а через них – и в жилы всей Филадельфии! Да будет украшен сим венцом наш славный Континент!

«Город в городе», анонимный автор, 1891 г.

*Ни смут, ни разногласий – голосов —
и тех в Земле Блаженных не слышать.
Покоит остров сей морская гладь,
не наблюдают местные часов...*

*Нам, лотофагам, ведомо: не смерть
страшна. Куда страшнее – бытиё.
Жестока и жестка земная твердь,
слезьми да кровью не смягчишь ее.
Зачем же очи к небу подымать,
гневить пустыми просьбами богов,
когда уже от них получен в дар
сладчайший полусон, густой нектар
забвения?..*

*Мерцают пузырьки
с исподу спущенных, как шторы, век;
змеится морок пурпурной реки...
Останься с нами, здесь, бродяга-грек!
Вон, золотом расплавленным залит
песок. Полудня нет: всегда – закат.*

*К потоку снова обрати свой взгляд.
Неужто всё душа твоя блажит?
Неужто ярче яхонт иль агат,
чем этих вод уверенный распад?*

*Альфред Теннисон
Из поэмы «Лотофаги»*

Список

Шон Гейген, Кимберли Гуммер; Кимберли Брюэр, ее мать и дядя; Бритт-Энн Коновер; Джереми Хаскилл; двое младших сыновей Ди Паолантонио; Чак Бирс; Морин Говард; Кайли Занелла; Крис Картер и Джон Маркс (с разницей в один день, оба – жертвы передозировки); Карло, не помню фамилии; парень Тейлор Боуз; годом позже – сама Тейлор Боуз; Пит Стоктон; внучка бывших соседей; Хайли Дрисколл; Шейна Питревски; Дони Джейкобс и его мать; Мелисса Джилл; Меган Морроу; Меган Гановер; Меган Чисхолм; Меган Грин; Хэнк Чамблисс; Тим и Пол Флорс; Робби Саймонс; Рикки Тодд; Брайан Олдрич; Майк Эшмен; Черил Сокол; Сандра Броуч; Кен и Крис Лоуэри; Лайза Моралес; Мэри Линч; Мэри Бриджес и ее племянница, с которой они были ровесницами и подругами; Джим; отец и дядя Мики Хьюз; два двоюродных деда, с которыми мы редко виделись. Наш бывший учитель мистер Полз. Сержант Дейвис из 23-го. Наша кузина Трейси. Наша кузина Шэннон. Наш отец. Наша мама.

Сейчас

– У нас труп, – сообщает диспетчер. – Герни-стрит, Трекс. Женщина неопределенного возраста. Предположительная причина смерти – передозировка.

Первая мысль: Кейси.

Она, эта мысль, засела во мне крепко. На каждое сообщение о мертвой женщине организм реагирует, как на укол, – содроганием. Затем – нехотя, словно исполнительный, но наскучивший службой солдат – вступает разум. Приводит статистику: за прошлый год в Кенсингтоне от передозировки умерли 900 человек. И Кейси среди них нет. Так какова вероятность, что сейчас речь идет о ней?

Далее, этот караульный, этот ответственный за мою адекватность, наваливается на меня с упреками – где твой профессионализм? Ну же, расправь плечи. Вот так. Теперь улыбочку! Сделай лицо попроще. Брови

не хмурь. Подбородок не выдвигай. Занимайся чем положено.

Целый день катаюсь с этим новеньким, Лафферти, по вызовам. Натаскиваю его. В ответ на мой кивок Лафферти откашливается, вытирает рот. Ясно – нервничает.

– Двадцать шесть тринадцать, – произносит он.

Это номер нашей служебной машины. Надо же, запомнил.

– Сообщение анонимное, – продолжает диспетчер. – Поступило с телефона-автомата.

Да, они еще сохранились на Кенсингтон-авеню. Но, насколько мне известно, в рабочем состоянии только один.

Лафферти смотрит на меня, я – на него. Жестом ободряю: давай, задавай вопросы.

– Вас понял, – говорит он в свою рацию. – Конец связи.

Неправильно. Подношу к губам свою рацию. Голос звучит отчетливо:

– Сведения о дислокации?

* * *

Выслушав ответ диспетчера, инструктирую Лафферти: не стесняйся задавать вопросы, а то многие новички-полицейские насмотрелись детективных сериалов, слизнули эту манеру – говорить кратко, будто всё знают. А надо вытащить из диспетчера максимум подробностей.

Прежде чем успеваю закрыть рот, Лафферти обрывает:

– Вас понял.

Меряю его взглядом.

– Супер, Лафферти. Просто супер.

Мы всего час знакомы, а я его раскусила. Лафферти любит потрещать. Мне о нем уже известно куда больше, чем ему обо мне. У Лафферти – амбиции. И гонор. Сноб, короче, этот Лафферти; сноб и пижон.

Он из тех, кто боится, как бы его не назвали нищепородом, или слабаком, или тупым; до такой степени боится, что ни в жизнь не признается в наличии соответствующих проблем. Я, напротив, отдаю себе полный отчет в своей бедности. Особенно теперь, когда Саймон больше не шлет чеки. А как насчет слабостей? Пожалуй, и они наличествуют. Мое упрямство сродни ослиному – я, например, неизменно отказываюсь от помощи. Кроме того, я не из храбрых: едва ли заслоню товарища от пули и даже на проезжую часть не выскочу в погоне за преступником.

Бедная? Да. Слабая? Да. Тупая? Нет, это не про меня.

* * *

Сегодня снова опоздала на планерку.

Стыдно признаться – это уже третий раз за месяц. Ненавижу опоздания. Минимум, который требуется от полицейского, – пунктуальность. Сержант Эйхерн поджидал меня в позе Наполеона.

– А, Фитцпатрик! Милости просим, милости просим... Сегодня вы с Лафферти. Машина номер двадцать шесть тринадцать.

– Кто это – Лафферти? – ляпнула я. Надо же было так опростоволоситься. Жебовски, который вечно сидит в уголке, сразу заржал.

– Лафферти – вот он, – произнес Эйхерн, указывая налево.

Тут-то я его и увидела. Эдди Лафферти, второй день на районе. Уставился в свой пустой блокнот. Когда назвали его имя, окинул меня быстрым оценивающим взглядом. Наклонился, будто заметил что-то неподобающее на собственных ботинках – к слову, надраенных до зеркального блеска. Поджал губы. Тихонько присвистнул. В этот миг я его почти жалела.

А потом он расселся на пассажирском сиденье.

И вот они, факты об Эдди Лафферти, которые открылись мне за первый час знакомства. Ему сорок три года, старше меня на одиннадцать лет. В программу «Личностное и профессиональное развитие» вступил поздно. До последнего времени работал в сфере строительства, затем прошел медобследование («Тогда спина замучила, – доверительно сообщает Эдди Лафферти. – Она и сейчас еще беспокоит. Чур – это между нами».) Только что закончил курсы. Был женат три раза, имеет троих почти взрослых детей. Имеет дом в горах Поконо. Тренируется с гантелями («Из фитнес-клуба не вылезаю!»). Страдает дефицитом внутренней ротации плеча. И периодическими запорами. Вырос в Южной Филадельфии, сейчас живет в Мейфэре. Сезонный абонемент на «Филадельфийских орлов»^[1] делит с шестью приятелями. Его последней жене чуть за двадцать. («Наверное, в этом проблема и была. Девчонка она еще».) Играет в гольф. Взял из собачьего питомника двух питбулей-полукровок, их зовут Джимбо и Дженни. В старших классах играл в бейсбол. Кстати, в одной команде с нашим сержантом Кевином Эйхерном; он-то и предложил Эдди Лафферти поступить в полицию. (А, ну тогда понятно!)

А вот что Эдди Лафферти узнал обо мне: я люблю фисташковое мороженое.

* * *

Целое утро только и делаю, что пытаюсь закачать базовую

информацию о районе в редкие паузы, которые возникают между тирадами Лафферти.

Кенсингтон, говорю я, это один из новейших районов в городе Филадельфия – очень старом, по американским меркам. Филадельфия, продолжаю я, была основана в тридцатых годах восемнадцатого века англичанином Энтони Палмером, купившим участок ничем не примечательной земли и назвавшим его в честь лондонского района, где как раз тогда появилась официальная резиденция британских монархов. (Наверное, Палмер тоже был снобом и пижоном. Или оптимистом – так оно мягче звучит.) Продолжаем. Восточная часть нынешнего Кенсингтона располагается в одной миле от реки Делавэр, но в прежние времена она включала и саму реку. Соответственно, первыми в городе появились такие отрасли, как кораблестроение и рыболовство. Уже к середине девятнадцатого века начинается эра промышленного развития. Пик этой эры ознаменован процветанием сталелитейной, текстильной, а также фармацевтической промышленности. Однако век спустя фабрики стали закрываться целыми дюжинами. Стартовал упадок Кенсингтона – сначала темпы были низкие, затем все покатило в тартарары. Многие жители снялись с мест, перебрались кто в другие районы Филадельфии, а кто и за городскую черту; все искали другой работы. Некоторые остались – из верности или в иллюзорной надежде на перемены. Сегодняшний Кенсингтон населяют в равных долях потомки ирландцев, что приплыли сюда в девятнадцатом и двадцатом веке, и мигранты новой волны – пуэрториканцы и прочие латиносы; плюс несколько сравнительно малочисленных диаспор – этакая прослойка в демографическом пироге. Я говорю об афроамериканцах, выходцах из Восточной Азии и с Карибских островов.

Сегодня район скукожился и уместается между Франт-стрит, которая тянется к северу от восточной части Филадельфии, и Кенсингтон-авеню. Обычно ее называют просто Аве; кто-то вкладывает в это слово горькую иронию, кто-то – симпатию. Вытекает Аве из Франт-стрит и стремится на северо-восток. Железнодорожное полотно для электрички от Маркет-Фрэнкфорда – или, короче, для Эль (ибо разве может город с ником «Фили» оставить без аббревиатуры хоть что-нибудь значимое?) – проходит над Франт-стрит и Кенсингтон-авеню. Следовательно, обе улицы затенены бо́льшую часть дня. Поддерживают железнодорожное полотно стальные опоры голубого цвета – этакie ноги. Расстояние между ними составляет двадцать футов, так что издали вся конструкция кажется гигантской многоножкой, нависшей над районом. Подавляющее большинство сделок –

а продаются здесь только наркотики и сексуальные услуги – заключается на основных районных «артериях», а продолжение имеет в переулках и тупиках (чаще – в заброшенных домах и на пустырях). Этим последним здесь полно – почти каждая улица упирается в пустырь. Главная улица пестрит вывесками: «Ногтевой сервис», «Закусочная», «Салон сотовой связи», «Супермаркет», «Фикс-прайс: любой товар за 1 доллар». Имеются ломбарды, бесплатные столовые и другая благотворительность, а еще бары. Около трети фасадов заколочена.

И все-таки район развивается. Взять хотя бы стройку слева от нас – здесь будет кондоминиум. Место долго пустовало – с тех самых пор, как снесли фабрику. Ближе к границам Кенсингтона открывают бары и офисы; например, их уже немало в Фиштауне, где прошло мое детство. Население молодеет. Новые жители – честные, наивные, при деньгах. Идеальная добыча. Вот мэр и озабочен. Вот и талдычит: нужно больше патрульных полицейских. Больше, больше, больше.

* * *

Сегодня льет как из ведра. Веду машину медленнее обыкновенного. В другое время я бы вихрем мчалась на вызов. По пути успеваю называть магазины и салоны, сообщать Лафферти имена владельцев и арендаторов. Рассказываю о недавних преступлениях, если считаю, что напарник должен о них знать (каждый раз он реагирует присвистом, трясет головой). Перечисляю тех, кто готов к сотрудничеству с полицией. За окном полицейского фургона – обычная картина. Группка наркоманов – одни жаждут ширнуться, другие уже ширнулись. Половина тех, что околачиваются на тротуаре, прислонились к стенам. Потому что едва на ногах держатся. Таких называют кенсингтонскими фасадными подпорками^[2]. Но говорят так персонажи, способные шутить над чужой бедой. Я не из их числа.

Женщины сегодня в основном под зонтами. На них зимние шапки и куртки-дутьши, джинсы, грязные кеды. Большинство женщин без макияжа, разве только веки густо подведены черным карандашом. Ни одна деталь одежды этих женщин не говорит прямо о том, что они «работают на Аве», но понять это нетрудно. Каждого мужчину, будь он за рулем или пеший, женщины встречают долгими, пристальными взглядами. Почти всех этих женщин я знаю, а они знают меня.

– Это Джейми, – говорю я Лафферти. – Это Аманда. Это Роза.

Мне представляется, что по долгу службы и он тоже должен знать их имена.

Минуем квартал. На перекрестке Кенсингтон-авеню с Кэмбрия-стрит замечаю Полу Мулрони. Она сегодня на костылях; одна нога жалко, бессильно болтается. Пола мокнет под дождем – еще и зонт, заодно с костылями, ей не удержать. Джинсовая куртка совсем потемнела от воды. Шла бы Пола лучше куда-нибудь под крышу...

Ищу глазами Кейси. Обычно она здесь работает, это их с Полой угол. Порой они дерутся или дуются друг на друга, а то одна из них перебирается в другое место – а через неделю, глядишь, они снова вместе. Помирились, в обнимку сидят; у Кейси папироса к губе прилипла, Пола держит бумажный стакан с водой, или соком, или пивом.

Сегодня Кейси нигде не видно. У меня слегка сосет под ложечкой.

Пола замечает знакомую машину, щурится, чтобы разглядеть, кто внутри. Поднимаю над рулем два пальца – дескать, привет. Пола переводит глаза с меня на Лафферти, вздергивает подбородок.

– А это Пола, – говорю я.

Прикидываю, надо ли что-нибудь добавить. Например, что мы с ней учились в одной школе. Что были в хороших отношениях. Что она – подруга моей сестры.

Впрочем, Лафферти уже перескочил на новую тему. На сей раз он повествует об изжоге, терзающей его по целым месяцам.

– Слушай, а ты всегда такая молчунья? – внезапно спрашивает Лафферти. Это первый вопрос, который он задал мне после откровения о фисташковом мороженом.

– Нет. Я просто устала.

– В смысле, до меня у тебя была прорва партнеров? – уточняет Лафферти и регочет, будто над удачной шуткой. Правда, быстро спохватывается. – Извини. Вопрос был некорректный.

Я молчу. Долго. Достаточно долго. Наконец выдавливаю:

– Нет. Один.

– А сколько вы работали вместе?

– Десять лет.

– И что с ним стряслось?

– Весной колено повредил. Он на больничном.

– Как его угораздило?

Не уверена, что Лафферти следует об этом знать. Но все же отвечаю:

– При исполнении.

Подробности Трумен сам выдаст – если сочтет нужным.

– Ты замужем? Дети есть? – продолжает Лафферти.

Лучше б о себе трындел.

- У меня сын. Мужа нет.
- Сын? Здорово! А сколько ему?
- Четыре года. Уже почти пять.
- Классный возраст. Помню, мои в этом возрасте были такие занятные...

* * *

Выруливаю к въезду в Трекс. Перед нами – забор с дырой. Этой дыре уже лет надцать; кто-то сшиб доску, а починить руки у властей так и не дошли. Здесь у нас будка неотложной помощи.

Ловлю себя на сочувствии Эдди Лафферти. Сейчас он увидит мертвое тело – а практику-то проходил в Двадцать третьем районе. Двадцать третий – рядом с нашим, но уровень преступности там в разы ниже. Вдобавок Лафферти главным образом патрулировал улицы на своих двоих да сдерживал толпу на митингах. Сомневаюсь, что ему приходилось выезжать по звонку диспетчера «У нас труп». Хватает способов спросить, много ли человек видел мертвецов на своем веку; но я, поразмыслив, решаю обойтись без ключевого слова.

– Ты уже этим занимался?

Лафферти мотает головой:

– Не.

– Тогда приступим, – говорю я с натужным оптимизмом.

Не знаю, что добавить. На самом деле к такому не подготовишь.

* * *

Тринадцать лет назад, когда я начинала, выезды к трупам случались всего несколько раз в году. Поступала информация, что некто вколол себе фатальную дозу, что пролежал после этого слишком долго и медицинское вмешательство уже не имеет смысла. Чаше, правда, звонили в тот момент, когда человека еще можно было спасти. Да, тринадцать лет назад такое часто случалось.

Но лишь за текущий год в Филадельфии обнаружены 1200 трупов, причем подавляющее большинство – в нашем районе. Почти у всех причина смерти – передозировка. Некоторые трупы были неумело спрятаны приятелями или любовниками, видевшими смерть, но не желавшими связываться с полицией, отвечать на вопросы «как» да «почему». Но чаще трупы обнаруживаются прямо на улице или на пустыре. Иногда их находят взрослые родственники. Иногда – дети жертв. Иногда и мы, полицейские. Патрулируя район, замечаем распростертое на

виду (или, наоборот, заваленное хламом) тело, щупаем пульс – а его нет. Рука у любого трупа ледяная. Даже летом.

* * *

Через пролом в заборе мы с Лафферти попадаем в овражек. Десятки, если не сотни раз я проделывала этот путь. Овражек, заросший бурьяном, находится на моем участке. И всегда, всегда в этом бурьяне либо мертвое тело, либо вещдоки. Когда я работала в паре с Труменом, именно он шел первым. Потому что Трумен старше – по возрасту и по званию. Но сегодня первой иду я; подергиваю головой по-утиному, словно это поможет меньше промокнуть под дождем. Который, к слову, и не думает стихать. Так долбит по фуражке, что я собственный голос едва слышу. Ботинки отсырели, скользят в грязи.

Виадук Лехай, который сейчас больше на слуху как Трекс, представляет собой участок земли, знававший лучшие времена. Таких участков в Филадельфии немало. Когда-то, в период индустриального расцвета Кенсингтона, по виадуку сновали товарные поезда; сейчас здесь буйствует бурьян. Под сорняками и опавшей листвой почти не видны шприцы и пакеты; молодая древесная поросль является прикрытием для тех, кто занят грязными делами. И городская общественность, и Корпорация объединенных железных дорог давно предлагают заасфальтировать весь участок – но им никто не внемлет. Я по этому вопросу настроена скептически. Не представляю, хоть убей, что Трекс может измениться. По-моему, он всегда будет местом, где колются наркоманы и где женщины обслуживают своих клиентов. Допустим, всю территорию действительно покроют асфальтом; но тогда места того же назначения возникнут в других кенсингтонских кварталах. Такое уже случалось, и я – тому свидетель.

Слева слышится шорох. Оборачиваюсь. Из зарослей материализуется некто мужского пола. Стоит неподвижно, свесив руки, не отирая с лица дождевой воды. Впрочем, может, это не вода, а слезы.

– Сэр, – говорю я, – не видели ли вы что-нибудь, о чем надо сообщить полиции?

Он молчит. Таращится на меня. Облизывает губы. Взгляд нездешний, как у всякого, кому срочно нужна доза. Глаза неестественного ярко-синего оттенка. Может, он ждет наркодилера или приятеля – того, кто поможет ему «поправиться». Наконец мужчина медленно качает головой.

– Вам не следует здесь находиться, сэр, – продолжаю я.

Знаю: другие полицейские так не миндальничают. Считают, это пустая

трата времени – гнать таких вот с места преступления. Мол, подобный персонаж тупо выждет, пока копы скроются из виду, и снова тут как тут. Согласна; и все равно я всегда предлагаю человеку уйти по-тихому.

– Извините, – произносит мужчина. Впрочем, ясно: в ближайшее время он не уйдет. А мне с ним рассусоливать некогда.

Продолжаем путь через лужи. Диспетчер сообщил, что мертвое тело находится в ста ярдах от пролома в заборе, по правую сторону, за поваленным стволом. Информатор оставил на стволе газету, чтобы нам было легче найти труп. Ее-то мы и высматриваем, все больше удаляясь от забора.

Первым поваленный ствол видит Лафферти. Делает шаг с дорожки – которая, собственно, никакая не дорожка, а просто тропа, протоптанная за многие годы. Следую за Лафферти. Мучаюсь вопросом, знакомая или незнакомая окажется эта женщина. Может, я ее задерживала или просто видела во время патрулирования, изо дня в день, из ночи в ночь. И прежде чем успеваю «поставить блокировку», в висках начинает стучать: «Или это Кейси. Кейси. Кейси».

Лафферти, опередивший меня на десять шагов, заглядывает за ствол. Молчит, только наклоняется все ниже и шею вывернул как-то странно.

Подскакиваю к стволу, тоже наклоняюсь.

Первая мысль: слава богу, это не Кейси.

Незнакомка. Смерть наступила недавно. Под дождем женщина мокнет недолго. Но уже окоченела. Лежит на спине, неловко изогнув руку. Рука стала похожа на птичью лапу. Лицо искажено, черты заострились. Глаза распахнуты. У скончавшихся от передозировки глаза обычно закрыты. Для меня это некое утешение; по крайней мере, думаю я, бедняга умер легко. Но эта женщина выглядит потрясенной, не верящей, что ее настигла смерть. Снизу – толстый слой листвы. Тело вытянуто, напряжено, как у солдата; вот только скрюченная правая рука нарушает впечатление. Возраст женщины – чуть за двадцать. Волосы она собрала в тугой хвост; сейчас хвост растрепан. Пряди выбились из-под резинки – явно не сами. На женщине майка и джинсовая юбка. Это в середине-то октября! Дождь поливает голые плечи, голые ноги, искаженное лицо. Смывает улики. Подавляю порыв укрыть, укутать несчастную. Где ее куртка? Возможно, женщину раздели, когда она уже была мертва.

Рядом – вполне предсказуемо – валяются шприц и самодельный жгут. Она в одиночестве умерла? Такие редко умирают в одиночестве. Обычно при них находится любовник или клиент; он сбегает, чтобы не связываться с полицией, чтобы не попасть под подозрение.

По инструкции мы обязаны проверить: может, она еще жива...

У меня сомнений нет; если б не стажер Лафферти, проверять я не стала бы. Но Лафферти смотрит, и деваться мне под его взглядом некуда. Перешагиваю ствол, собираюсь пощупать пульс – но тут слышатся шаги и голоса.

– Твою мать! – повторяет неизвестный. – Твою мать! Твою мать!

Дождь усиливается.

Это подросли медики. Два парня. Идут – не торопятся. Знают: спасти некого. Для сегодняшней найденной все кончено. Ясно и без патологоанатома.

– Свежак? – уточняет один из парней.

Киваю. От слова «свежак» меня коробит. Подумать, как гадко мы порой говорим о мертвых.

Парни подходят к стволу. Без пиетета, с каким следует встречать смерть, косятся на женщину.

– Офигеть, – тянет один, по фамилии Сааб (она у него на бейдже).

Второго зовут Джексон.

– По крайней мере, нести ее не надорвемся – вон какая тощая, – констатирует Джексон.

Фраза для меня – как удар под дых.

Сааб и Джексон перелезают через ствол, опускаются на колени рядом с телом.

Джексон пытается нащупать пульс – на запястье, на шее. После нескольких бесплодных попыток бросает взгляд на часы.

– Неопознанная мертвая женщина, время обнаружения одиннадцать часов двадцать одна минута.

– Запиши, – велю я Лафферти.

Вот и видимая польза от напарника – не надо самой вести записи. Лафферти держал блокнот за пазухой, чтобы тот не промок. Теперь он достал блокнот и навис над ним, стараясь собственным телом защитить от дождя.

– Погоди секунду, – говорю я.

Эдди Лафферти переводит взгляд с меня на мертвое тело.

Опускаюсь на колени между Саабом и Джексонем. Нечто в лице жертвы кажется подозрительным. Глаза у нее уже затуманились, подернулись мутной пеленой; челюсти стиснуты. А под бровями и на скулах проступила россыпь пунцовых точек. Издали они производили впечатление румянца, но вблизи отчетливо видно: это результат кровоизлияний. Лицо женщины будто истыкано красной шариковой

ручкой.

Сааб и Джексон тоже склоняются над мертвой.

– Ни фиги себе, – бормочет Сааб.

– Что такое? – спрашивает Лафферти.

Подношу рацию к губам, говорю:

– Высокая вероятность насильственной смерти.

– Откуда видно? – спрашивает Лафферти.

Джексон и Сааб не удостоивают его ответом. Они всё еще изучают тело.

Оборачиваюсь к напарнику. Должна же я его обучать.

– У нее петехии, – поясняю я, указывая на пунцовые точки.

– А это что?

– Лопнувшие сосудики. Один из признаков удушения.

Вскоре на место преступления приезжает сержант Эйхерн.

Тогда

Впервые я осознала, что у сестры серьезные проблемы, когда ей было шестнадцать. Стояло лето 2002 года. Двумя сутками ранее, в пятницу днем, Кейси ушла из школы вместе с подругами. Мне сказала, что к вечеру вернется.

Но не вернулась.

Уже в субботу я металась по дому, названивала приятелям Кейси, расспрашивала, где бы она могла быть. Мне не отвечали. Сами не знали; а точнее, просто не хотели говорить. Мне стукнуло семнадцать, я была болезненно застенчива, при этом уже взвалила на себя роль всей своей жизни. Роль Ответственной Сестры. Бабушка называла меня маленькой старушкой. Говорила, такая серьезность мне же самой во вред. В глазах приятелей Кейси я была не лучше надоедливой мамы, которой «своих не сдают». Один за другим они бубнили: «А я почему знаю?»

В те дни сладу с Кейси уже не было. И все-таки, дерзкая и шумная, она одним своим присутствием делала жизнь сносной. Помню ее необычный смех. Кейси смеялась беззвучно, разинутый рот дрожал; то и дело производила серию резких вдохов – с подвыванием и эхом – и сгибалась пополам, словно от боли. Эхо было показателем наличия сестры в доме; тишина, по контрасту, казалась особенно зловещей. Мне не хватало грохота музыкальных записей и этого ее кошмарного парфюма – резкий, приторный, он, видимо, призван был маскировать запах «травки», которой баловались Кейси и ее приятели. Назывался парфюм «Пачули муск».

Все выходные я уговаривала бабушку позвонить в полицию. Ба всегда

была против того, чтобы «впутывать чужих». Наверное, боялась, что «органы» сочтут ее не подходящей для нас опекуной.

Когда наконец Ба согласилась, ей лишь со второй попытки удалось набрать номер на оливково-зеленом дисковом телефонном аппарате – настолько тряслись руки. Никогда прежде я не видела Ба ни такой встревоженной, ни такой взбешенной. После звонка ее еще долго колотило – то ли от ярости, то ли от страха, то ли от стыда. Длинное лицо с багровыми скулами искажали новые, незнакомые гримасы. Она бубнила что-то про себя – проклятия, а может, молитвы.

* * *

Исчезновение Кейси было одновременно и неожиданным, и предсказуемым. Моя сестра всегда отличалась общительностью. Периодически связывалась со всяким сбродом – благодушными бездельниками, далеко не изгоями, но и не теми, кого принимают всерьез. В девятом классе ненадолго попала под влияние хиппи; затем несколько лет одевалась как панк, красила волосы в самые экстремальные цвета, носила кольцо в носу и даже сделала татуировку – леди-паук в паутине. И сменила нескольких парней. Я, в свои семнадцать, никогда с парнем не встречалась. Кейси была популярна, но использовала свою популярность во благо. Например, подростком взяла шефство над девочкой по имени Джина Брикхаус. Эту Джину травили из-за лишнего веса, зловонного дыхания, скверных зубов, нищеты родителей – наконец, из-за иронии, что была заложена в самом ее имени^[3]. Короче, к одиннадцати годам Джина Брикхаус отказалась разговаривать. Но под крылом у Кейси она буквально расцвела. В выпускном классе ее называли уже Уникумом – такое прозвище дают фрикам-бунтарям, которые внушают уважение.

Но потом социальная жизнь моей сестры сделала крутой вираж. Кейси стала регулярно влипать в истории, над ней постоянно висела угроза исключения из школы. Она пила алкогольные напитки, причем даже в школе; она употребляла лекарственные препараты наркотического действия – те, об опасности которых тогда никто не подозревал. В тот же период у Кейси появились секреты от меня. Еще за год до этих событий Кейси обо всем мне рассказывала – часто с извиняющимися и даже молящими интонациями, будто жаждала отпущения грехов. Эта ее новая практика – таиться – успеха не имела. Чутье мое сестре было не обмануть. Я вычисляла ее проступки по манере держаться, по внешним признакам, по взгляду. Мы с Кейси жили в одной комнате, спали в одной постели с самого раннего детства. Был период абсолютного взаимопонимания, когда

я угадывала реплику Кейси прежде, чем сама Кейси открывала рот; и точно так же Кейси угадывала мои реплики. Мы выработали особый стиль общения – обрывали фразы, доканчивали высказывания мимикой и жестами. Посторонние нашего особого языка не понимали. Ну и вот, Кейси стала все чаще ночевать у подруг. Или являлась домой под утро, и пахло от нее странно. Я эти запахи не могла идентифицировать. Беспокоилась ли я за Кейси? «Беспокоилась» – слово слишком слабое.

Когда Кейси исчезла на двое суток, потрясло меня не исчезновение как таковое и даже не мысли об ужасных вещах, которые могли произойти с сестрой. Потрясло меня осознание: я полностью вычеркнута из жизни Кейси. Вычеркнута ею самой. Кейси способна скрывать свои самые страшные тайны ВОТ ТАК, причем ДАЖЕ ОТ МЕНЯ.

* * *

Вскоре после того, как Ба обратилась в полицию, мне на пейджер пришло сообщение от Пола Мулрони. Я сейчас же перезвонила ей. В старших классах Пола была лучшей подругой Кейси, и она единственная считалась со мной. Единственная понимала и уважала наши особенные сестринские отношения. По телефону она сообщила, что слышала о Кейси и, кажется, знает, где ее искать.

– Ты только бабке своей не говори, – добавила Пола. – А то я ведь и ошибаться могу.

Она была миловидна, высока ростом и крепко сбита. Такими мне представлялись мифические амазонки. Впервые я прочла о них в «Энеиде», в девятом классе; а в пятнадцать лет обнаружила амазонок в комиксах. Впрочем, когда я сказала Кейси, что Пола похожа на амазонку – думала польстить Поле, – сестра только скривилась («Мик! Не вздумай никому даже намекать на это!»). Впрочем, хоть Пола мне всегда нравилась (и до сих пор нравится), я уже тогда понимала: она плохо влияет на Кейси. Брат Пола, Фрэн, сбывал наркотики. Пола ему помогала, и все об этом знали.

В тот день мы с ней встретились на углу Кенсингтон-авеню и Аллегейни.

– Иди за мной, – скомандовала Пола.

По дороге она сообщила, что два дня назад они с Кейси зависли в одном доме, у Фрэнова приятеля. Что это значит, я мигом смекнула.

– Мне пришлось свалить, – сказала она. – А Кейси захотела остаться.

Пола Мулрони вела меня на север по Кенсингтон-авеню. Скоро мы свернули в переулок – сейчас не вспомню, как он назывался, – и остановились возле обшарпанного дома без архитектурных подробностей,

одного из многих в квартале ленточной застройки. Застекленная дверь была выкрашена белой краской и имела металлическое украшение – лошадь с повозкой, причем передние ноги у лошади были отломаны. Мы добрых пять минут ждали, пока откроют, и я успела все рассмотреть.

– Они точно дома, – повторяла Пола, колотя в дверь. – Они всегда дома.

Наконец нам отворили. На пороге стояла женщина, больше похожая на привидение. Таких тощих я никогда не видела. Волосы у нее были черные, щеки – багровые, веки – набрякшие. Позднее и у Кейси веки такими стали, а тогда я не знала, отчего это.

– Фрэна здесь нету, – выдала женщина. Говорила она о брате Полы. Вероятно, была старше нас всего лет на десять; впрочем, ее возраст не поддавался определению.

– А это еще кто? – спросила женщина, указывая на меня. Она задала вопрос прежде, чем Пола отреагировала на сообщение об отсутствии Фрэна.

– Это моя подруга. Она сестру ищет.

– И сестер тут никаких нету тоже, – отрезала женщина.

Пола поспешила сменить тему:

– Мне нужен Джим.

* * *

Филадельфийский июль – это всегда адское пекло. В доме все плавилось, и неудивительно – крыша-то была плоская, крытая толем. Вдобавок дом провонял сигаретами и чем-то тошнотворно-сладким. Чем именно, я тогда не знала. При мысли, для кого этот дом изначально построили, сделалось тоскливо. Уж конечно, здесь жила дружная, работающая семья. Скорее всего, рабочий с женой и детьми. По утрам он спешил на огромную фабрику – одну из тех, что и доныне торчат, заброшенные, по всему Кенсингтону, – а вечером возвращался к семье и читал молитву перед тем, как приняться за ужин. Мы с Полой как раз и попали в бывшую столовую. Мебель отсутствовала, только к стенам было прислонено несколько складных железных стульев. Из уважения к рабочему и его семье я пыталась представить ту, прежнюю обстановку. Наверное, поколение назад посередине помещался овальный стол с кружевной скатертью, на полу – ковер из плюша. Стулья, конечно, были мягкие, удобные; почти кресла, только без подлокотников. И обязательные занавески, сшитые доброй бабушкой. И натюрморт на стене – какая-нибудь ваза с фруктами...

Появился Джим – наверное, хозяин дома. В черной футболке и в

джинсовых шортах. Уставился на нас. Руки бессильно свисали вдоль тела.

– Ты, что ли, Кейси ищешь? – процедил Джим.

Я подумала: откуда он знает? Может, моя внешность выдает отсутствие опыта? Может, я выгляжу как опекунша, вечная спасительница; та, что не сбежит, пока все закоулки не обшарит? У меня всю жизнь такой вид. Когда я поступила работать в полицию, мне пришлось немало потрудиться над осанкой и выражением лица, а то арестованные меня всерьез не воспринимали.

Я кивнула.

– На второй этаж иди, – бросил Джим.

Кажется, он говорил что-то вроде «ей хреново, вот она и лежит». Не помню. Я не слушала. Я метнулась вверх по лестнице.

В коридор выходило несколько дверей, но все они были закрыты. Я не сомневалась: за каждой дверью таятся всякие ужасы. Признаюсь: мне было очень страшно. Некоторое время я стояла без движения. Потом жалела об этом.

– Кейси, – тихонько позвала я, надеясь, что вот сейчас моя сестра просто возникнет в коридоре. – Кейси!

Дверь приоткрылась. Высунулся кто-то неизвестный – и мгновенно исчез.

Было темно. Снизу слышались голоса Полы и этого Джима. Говорили о Фрэне, о соседях, о копах, которые в последнее время толпами ходят по Аве, так их и так.

Собрав все свое мужество, я постучалась в ближайшую дверь, выждала несколько секунд и повернула ручку.

Там, в той комнате, я нашла Кейси. Я узнала ее по кислотно-розовым, свежевыкрашенным волосам, разметавшимся по матрацу. Ни простыни, ни подушки не было. Кейси лежала ко мне спиной, на боку, неудобно, неестественно вывернув шею.

Она была практически голая.

Глядя на сестру с порога, я не сомневалась: она мертва. Пусть она лежала в той же позе, в какой я привыкла видеть ее спящей, – тело Кейси не расслабилось, нет. Тело *обмякло*. У живых так не бывает. Вдобавок руки и ноги казались набухшими, неподъемными.

Я подошла к ней. Перевернула ее на спину. Левая рука свесилась с кровати, упала бессильно, безжизненно, все еще перетянутая, словно мусорный мешок, трикотажной тряпкой – видимо, лоскутом от футболки. Ниже самодельного жгута, теперь ослабленного, змеилась набухшая мороком пурпурная вена. Лицо было изможденное и безразличное, кожа с

просинью, рот разинут, глаза закрыты, но не плотно – меж верхних и нижних век белели из-под ресниц щелки-полумесяцы.

Я трясла сестру. Звала ее по имени. Потом спохватилась – сорвала жгут. На матрасе обнаружила шприц. Снова закричала: «Кейси! Кейси!» Пахло от нее экскрементами. Я надавала ей оплеух. Прежде я не видела ни героина, ни героинистов.

Помню, как я вопила на лестнице:

– Позвоните «девять-один-один», скорее!

Конечно, зря. В доме вроде этого службу спасения ни в жисть не вызовут. Однако я продолжала вопить, пока не примчалась Пола и не закрыла мне рот ладонью.

– Ни хрена себе! – протянула она, взглянув на Кейси.

До сих пор восхищаюсь находчивостью Пола, ее хладнокровием, быстротой и точностью ее движений. Она подсунула руку Кейси под коленки, другой рукой подхватила ее под мышки и потащила с кровати. Моя сестра в то время была толстушкой, но Пола довольно легко снесла ее по лестнице вниз. Спускалась она боком, спиной к стене, глядя под ноги. Я бежала следом. Наконец мы вышли на крыльцо.

– Не вздумайте звонить, пока в другой квартал не уберетесь, – предупредила тощая женщина, открыв нам дверь.

«Она умерла, – вертелось в моей голове. – Она умерла. Моя сестра умерла». Перед глазами все стояло лицо Кейси на этой загвазданной чужой койке. Ни я, ни Пола не проверили, дышит ли она, однако я не сомневалась: сестры у меня больше нет. Понеслись мысли о будущем, о целой жизни без Кейси. Моя свадьба. Рождение моих детей. Смерть бабушки. От жалости к себе я заплакала. Я потеряла единственного человека, способного взять на себя часть бремени, которое обрушил на нас сам факт нашего рождения. Теперь не с кем делить тоску по умершей маме и сгинувшему отцу. Некому плакаться из-за бабушки – редчайшими проявлениями ее доброты мы упивались, ведь бóльшую часть времени Ба была с нами жестка. Да еще бремя нашей бедности... Из-за слез я не видела, куда иду. Споткнулась о кусок асфальта, вздыбленный древесным корнем.

* * *

И пары секунд не прошло, как нас засек молодой полицейский – один из тех, кого кляли Джим с Полой. Еще через несколько минут появилась «Скорая» и увезла меня и Кейси. При мне ей ввели «Наркан»^[4], и она чудесным образом восстала из мертвых – начала вопить от боли,

жаловаться на тошноту и на жизнь в целом, ныть: «Кто вас просил?!»

В тот день мне открылась тайна: никто из них не хочет, чтобы его спасали. Все они жаждут уйти. Не просыпаясь, быть поглощенными землей. На лицах возвращенных с того света – ненависть. За годы работы в полиции, стоя возле какого-нибудь несчастного медика, чья задача – воскрешать из мертвых, я десятки раз видела это общее для всех наркоманов выражение. Ненависть была в лице Кейси, когда ее глаза открылись, когда она начала сыпать проклятиями, а затем всхлипывать. Ненависть ко мне – родной сестре.

Сейчас

Нам с Лафферти было велено уезжать. Потому что на сцене появился сержант Эйхерн. Он прикроет мертвое тело, он встретит судмедэксперта и следователей из Восточного отдела по тяжким и особо тяжким.

Лафферти наконец-то заткнулся. Расслабляюсь под шорох «дворников» и еле слышное стрекотание рации. Чуть погодя спрашиваю Лафферти:

– Ты в порядке?

Он кивает.

– Вопросы есть?

Он отрицательно качает головой.

Снова умолкаем.

Есть две разновидности молчания. Конкретно это – неловкое, напряженное. Молчание чужих людей, что-то друг другу недоговаривающих. Вспоминается Трумен – вот с ним молчать было комфортно. Он даже дышал по-особенному – ритмично, успокаивая меня самым этим размеренным ритмом.

Проходит пять минут. Наконец Лафферти подает голос:

– Здесь бывало и получше.

– В смысле?

Он поводит руками по сторонам:

– Я говорю, райончик-то лучшие времена помнит. Мальчишкой я сюда ходил в бейсбол играть... Ничего, вполне сносно было.

Морщу лоб.

– Здесь и сейчас не фатально, Эдди. В Кенсингтоне есть кварталы благополучные, есть не очень. Только и всего. Район как район.

Лафферти пожимает плечами. Я его не убедила. Он и года в полиции не прослужил, а уже недоволен. Не он один, кстати. Есть полицейские, которые только и знают, что хаять свои участки. Чем дольше служат, тем активнее хают. Сама слышала. В числе таких, к сожалению, и сержант

Эйхерн. О Кенсингтоне эти люди говорят в выражениях, не приемлемых для того, чья обязанность – защищать общество и способствовать росту гражданской ответственности. На планерках сержант Эйхерн называет Кенсингтон и помойной ямой, и отстойником, и Дерьмовиллем.

– Не знаю, как тебе, Эдди, а мне просто необходимо выпить кофе, – говорю я.

* * *

Обычно я беру кофе на углу, в забегаловке из тех, где коптят спиртовые горелки, воняет кошками, а по стенам размазаны желтки из сэндвичей с яичницей. Хозяина заведения, Алонзо, я числю в друзьях. Но сегодня мы туда не пойдем. На волне расцвета малого бизнеса появилось новое кафе – «Бомбический кофе»; туда-то я и направляюсь. Пусть Лафферти не думает, что наш район – отстойник и тэ пэ.

Есть что-то особенное в новых кенсингтонских кофейнях, в том числе в этой; что-то сразу цепляющее взгляд. Может, дело в интерьерах, в контрасте прохладной стали и теплой древесины; может, в посетителях – их, судя по внешнему виду, занесло с другой планеты. Остается только догадываться, о чем они думают, говорят, строчат в ноутбуках. Полагаю, их темы – книги, одежда, музыка и комнатные растения. Они кидают клич в Сети: «Помогите выбрать кличку для щенка!» Они заказывают напитки с произносимыми названиями. Порой ужасно хочется в такую кофейню, к людям с ТАКИМ кругом забот.

Паркуюсь напротив «Бомбического кофе». Лафферти таращится на меня. В глазах – скепсис.

– Майк, ты полностью уверен? – произносит он.

Это из «Крестного отца». Вероятно, Лафферти полагает, что я цитату не словлю. Ему неизвестно одно обстоятельство: фильм «Крестный отец» я смотрела несколько раз. Не по своей воле и с отвращением.

– Ты что, готова выложить четыре доллара за свой кофе? – уточняет Лафферти.

– И за твой тоже, – ободряю я.

Нервничаю, приближаясь к барной стойке; досажую на себя за мандраж. Посетители, все как один, напрягаются: как же, полицейская форма, оружие... К этому я привыкла. Поглазев, посетители снова утыкаются в ноутбуки.

У девушки за стойкой – анорексия, косая челка и вязаная шапка, которая эту челку фиксирует в диагональном положении. У юноши, который ей помогает, волосы, темные у корней, на кончиках еще хранят

остатки платинового цвета. Очки – огромные, как совиные глаза.

– Слушаю вас, – произносит юноша.

– Два кофе средней крепости, пожалуйста, – говорю я. (Не без удовлетворения замечаю, что цена – не четыре, а два доллара за порцию.)

– Что-нибудь еще? – не отстает Совёныш. Он стоит к нам спиной, разливает кофе.

– Ага, – встревает Лафферти. – Плесни в кофе толику виски, раз уж взялся.

Произнесено с улыбкой. Лафферти явно ждет, что и эта цитата будет словлена. Я уже поняла: острит он в стиле моих дядюшек – пошло, предсказуемо, беззубо. Лафферти высок ростом и недурен лицом; должно быть, он привык нравиться.

Совёныш оборачивается, натывается на затяжную улыбку Лафферти.

– Спиртное не продаем.

– Я пошутил, – поясняет тот.

Совёныш с мрачным видом ставит стаканчики на стойку.

– Где здесь туалет? – спрашивает Лафферти. В тоне – ни намека на дружелюбие.

– Туалет не работает, – отвечает Совёныш.

Как же, не работает! Вон она, дверь в дальнем конце зала, и что-то не видать таблички «Ремонт»... Барменша в вязаной шапке отводит взгляд.

– А другого что, нету? – спрашивает Лафферти.

Обычно нам, патрульным, не отказывают. Все понимают: мы не в офисе торчим, а катаемся целый день. Без общественных туалетов нам никак не обойтись.

– Нет, – цедит Совёныш. – Что-нибудь еще желаете?

Молча расплачиваюсь. Иду к дверям. В обед будем у Алонзо кофе пить. Алонзо пускает нас, копов, в свой заплеванный сортир, даже если ничего не покупать. Алонзо улыбается. Алонзо знаком с Кейси. Алонзо известно, как зовут моего сына, и он не забывает о нем справиться.

* * *

– До чего славные ребята, – выдает Лафферти, когда мы выходим из кафе. – Просто души.

В голосе – горечь. Он оскорблен в лучших чувствах. Впервые мне жаль его.

Про себя я думаю: «Добро пожаловать в Кенсингтон. Зато не будешь больше гнать, что тебе все о нашем районе известно».

* * *

Смена заканчивается. Паркуюсь на стоянке. Проверяю машину тщательнее обычного – Лафферти ведь смотрит. Вместе топаем в офис отчитываться перед сержантом Эйхерном.

Тот уже у себя в кабинете. На самом деле помещение – коридорный «аппендикс» с бетонными стенами, которые «потеют», едва включишь кондиционер. Но это Эйхернова личная территория. Он даже табличку на дверь повесил: «Без стука не входить».

Мы послушно стучимся.

Эйхерн сидит за столом и таращится в компьютер. Без единого слова, без единого взгляда на нас принимает отчет.

– Доброй ночи, Эдди, – бросает он вслед Лафферти.

Я медлю в дверях.

– И вам, Мики, доброй ночи, – произносит сержант Эйхерн. С упором на «вам».

Говорить или нет? Решаюсь.

– Извините, уже известно что-нибудь о сегодняшней жертве?

Сержант Эйхерн тяжело вздыхает. Смотрит на меня поверх экрана. Трясет головой.

– Пока нет. Никаких новостей.

Эйхерн – невысокий, щуплый, седой и голубоглазый. Не то чтобы некрасив – просто комплексует из-за роста. В нем пять футов восемь дюймов^[5], во мне – двумя, если не тремя дюймами больше. При разговоре со мной Эйхерн обычно становится на цыпочки. Сейчас он избавлен от этого.

– Совсем никаких? – переспрашиваю я. – Разве эту женщину не опознали?

Эйхерн снова качает головой. Что-то я ему не верю. Станный он – никогда всех карт не раскроет, даже если нет причин для секретности. Видимо, таким способом дает понять, кто здесь главный. Меня Эйхерн недолюбливает. Наверное, из-за промаха, который я допустила вскоре после перевода из другого района. Сержант тогда, на планерке, выдал неправильные сведения о преступнике, который был в розыске, а я подняла руку и прямо указала на ошибку. Лишь потом поняла, что это было неправильно. Следовало промолчать, дождаться конца планерки и сказать Эйхерну все наедине. Я поставила его в неловкое положение при подчиненных, это факт; но большинство сержантов спустили бы эпизод на тормозах или обратили в шутку. Эйхерн же так на меня глянул, что жуть

взяла. Мы с Труменом решили, у сержанта с тех пор на меня зуб; при всяком удобном случае мы развивали эту тему. Однако за легкомысленными репликами мы оба, как я теперь понимаю, скрывали серьезную озабоченность.

– На панели я эту женщину не видела, – говорю я. – Это к вопросу о роде ее занятий.

– Ее род занятий меня не волнует, – цедит Эйхерн.

С языка вот-вот сорвется фраза «А должен бы волновать!». Факт важный. Означает, что погибшая либо недавно перебралась в наш район, либо оказалась здесь случайно. Мы, патрульные, лучше всех знаем свои участки. Мы постоянно на улице, заглядываем в каждый дом, в каждое новое заведение, общаемся с людьми. Сотрудники Восточного отдела, по крайней мере, задали мне этот вопрос – заодно с рядом других. Именно поэтому я покидала место преступления чуть успокоенная.

Воздерживаюсь от комментариев. Постукиваю пальцами по дверному косяку. Разворачиваюсь. Пора уходить. Эйхерн останавливает меня вопросом. Причем глядит по-прежнему в компьютер.

– Как там Трумен, Мики?

Тушуюсь. Не ожидала такого. Вымучиваю:

– Хорошо, должно быть.

– Вы с ним не контактируете, что ли?

Пожимаю плечами. Порой не поймешь, с какой целью Эйхерн затрагивает ту или иную тему. Но цель есть всегда.

– Странно, – продолжает сержант. – Я думал, у вас отношения.

Он поднимает глаза. Визуальный контакт на целое мгновение продолжительнее, чем это считается приличным.

* * *

По пути домой набираю бабушкин номер.

Мы редко созваниваемся. Еще реже встречаемся. Когда родился Томас, я решила: его детство будет кардинально отличаться от моего. То есть в жизни моего сына должен быть минимум общения с Ба, да и со всеми О'Брайенами. Из необъяснимого чувства – словно чем-то обязана семье – я переступаю через себя, устраиваю для Томаса ритуальные визиты к Ба перед Рождеством или сразу после. Периодически звоню по телефону – чисто с целью убедиться, что Ба еще жива. Она выражает недовольство, но, я уверена, ничуть не тяготится ситуацией. Во-первых, никогда сама не звонит. Во-вторых, не предлагает посидеть с Томасом – даром что достаточно энергична для работы в кейтеринговой компании и для подработки в «Трифтвее»^[6]. Вот интересно – если я с ней контактировать перестану, Ба догадается мой номер набрать? Вряд ли.

– Чего надо? – бурчит Ба после седьмого гудка. Она всегда так отвечает.

– Это я.

– Кто «я»?

– Мики.

– А, – тянет Ба. – По голосу-то и не признала.

Молчу, перевариваю. Застарелое чувство вины, вот это что.

– Бабушка, ты о Кейси давно слышала?

– А тебе какое дело? – осторожно уточняет Ба.

– Так просто.

– Ничего я не слышала. Сама знаешь – я с ней не общаюсь. Мне этот гемор не нужен. Я с ней не общаюсь, – повторяет Ба для пущей убедительности.

– Ладно. Пожалуйста, позвони, если что-нибудь узнаешь.

– Что ты затеяла? – цедит Ба. Теперь уже с полноценным подозрением.

– Ничего.

– Держись от нее подальше, не то наплачешься.

– Разберусь.

Следует короткая пауза, после которой Ба выдает:

– Чтоб ты да не разобралась.

Очень ободряюще звучит.

Ба меняет тему.

– Как поживает мой малыш?

К нам с Кейси она никогда так нежно не относилась, как к моему сыну. Ба его балует. Когда Томас у нее – выуживает из сумки древние слипшиеся леденцы, разворачивает и кормит его с рук.

– Лучше всех, Ба.

– Да ладно.

Впервые с начала разговора чувствую по голосу – она улыбается.

– Перестань, Мики. Сглазишь.

– Предраассудки.

Жду. Почему-то надеюсь, что она скажет: «Привози Томаса» или «Поглядеть бы, как вы устроились на новом месте».

– У тебя всё? – выдает Ба.

– Всё. Кажется, всё.

Прежде чем я успеваю добавить хоть слово, она отключается.

* * *

Миссис Мейхон, квартирная хозяйка, орудует граблями перед крыльцом. Дом в колониальном стиле, нам с Томасом отведен третий этаж – надстроенный много позже, с нелепой планировкой комнат. Подниматься надо по шаткой наружной лестнице, которая с фасада не видна. Территория к дому прилегает небольшая, но есть длинный задний двор, где Томасу позволено играть, где болтается на дереве старая автомобильная шина – импровизированные качели. Еще один плюс (всего их два) – это размер арендной платы. Пятьсот долларов в месяц, включая воду, электричество и прочее. Мне повезло: у коллеги брат снимал эту квартиру, потом переехал, и коллега дал мне телефон хозяйки. По словам этого брата, квартира непафосная, зато чистая и с хозяйкой легко поладить. Я ухватила за предложение и в тот же день выставила на продажу свой дом в Порт-Ричмонде. Сердце кровью обливалось – так жаль было дома. Но другого выхода я не видела.

Подъезжаю. Миссис Мейхон прерывает работу. Стоит, опершись на деревянную рукоять грабелей. Машу ей, еще сидя за рулем.

Выхожу из машины. Снова машу. На заднем сиденье у меня пакет с продуктами – будет чем занять руки. Миссис Мейхон из числа досужих; а вот я сейчас проскочу, вся такая занятая, с веским поводом не останавливаться для разговоров. Я заметила: почтальон, проходя мимо дома миссис Мейхон (неизменно торчащей у крыльца), тоже напускает на себя озабоченный вид. Когда же я, арендаторша, появляюсь в поле зрения миссис Мейхон, ее глаза загораются волнением и надеждой. Она, похоже, только и ждет, чтобы ее попросили о каком-нибудь одолжении. Впрочем, миссис Мейхон и так вечно во всё встревает. Ей до всего дело – до квартиры, до машины, до нашей с Томасом одежды (как правило, не соответствующей погодным условиям). Советы поступают с быстротой и регулярностью, которые больше уместны в больнице, при даче лекарств

тяжелым пациентам. У миссис Мейхон коротко стриженные седые волосы и дряблые брыла, колыхающиеся при каждом движении головой. Ходит она в фуфайках (то утепленных, то облегченных, смотря по сезону) и в мешковатых синих джинсах. Со слов соседей мне известно, что миссис Мейхон была замужем, однако, похоже, никто не знает, куда делся муж. В плохие минуты я воображаю, что бедняга скончался, и причиной смерти стало перманентное раздражение на жену. Всякий раз, когда Томас капризничает, садясь в машину или вылезая из нее, я буквально чувствую взгляд миссис Мейхон из-за занавески: так рефери следит за ходом матча. Порой миссис Мейхон даже выходит на крыльцо – наверное, из окна плохо видно. В таких случаях у нее всегда руки скрещены на груди, а в глазах – осуждение.

Выныриваю из машины с пакетом покупок. Миссис Мейхон только того и дожидалась.

– К вам сегодня заходили, милочка.

Вот еще новость.

– Кто заходил?

Миссис Мейхон донельзя довольна.

– Он не представился. Только сказал, что еще придет.

– Как он выглядел?

– Высокий. Темноволосый. Красивый, – сообщает миссис Мейхон заговорщицким тоном.

Саймон. От догадки начинает сосать под ложечкой. Долго молчу. Наконец спрашиваю:

– А вы ему что сказали?

– Что вас нет дома.

– А он что сказал? А Томас его видел?

– Не видел. Этот человек позвонил в мою дверь. Насколько я поняла, он думал, *вы* ему откроете. Думал, вы *внизу* живете.

– И вы указали ему на ошибку? Сообщили, что я живу на третьем этаже?

– Ничего подобного, – обижается миссис Мейхон. – Стану я такую информацию выкладывать первому встречному.

Молчу. Колеблюсь. Ужасно не хочется открывать перед миссис Мейхон хоть один закоулок личной жизни; но, похоже, вариантов нет.

– В чем дело? – спрашивает она.

– Если этот человек снова появится, скажите ему, пожалуйста, что мы съехали. Что мы тут больше не живем. Что нового адреса вы не знаете.

Миссис Мейхон расправляет плечи. Наверное, от гордости – как же,

задание получила. Секретное.

– Надеюсь, проблем не будет, милочка. Мне проблемы не нужны.

– Он неопасный, миссис Мейхон. Просто я с ним перестала общаться.

Поэтому мы сюда и переехали.

Миссис Мейхон кивает. Впервые вижу в ее глазах нечто вроде одобрения.

– Хорошо. Сделаю, как вы просите.

– Спасибо, миссис Мейхон.

Она машет рукой – дескать, не за что. Затем, не в силах больше сдерживаться, сообщает:

– Сейчас пакет порвется, милочка.

– Что, простите?

– Я говорю, у вас пакет сейчас порвется. Пакет с продуктами. Они, пакеты, на такую тяжесть не рассчитаны. Поэтому я всегда прошу девушку в супермаркете складывать мои покупки в два пакета.

– В следующий раз и я так сделаю, миссис Мейхон. Обязательно.

* * *

Когда я впервые вышла на работу после рождения Томаса, тоска по нему была ощутима физически, терзала меня, как жестокий голод, целый день до вечера. Спеша за сыном в больницу (он был на программе дневного ухода), я воображала, что мы соединены резинкой; по мере нашего сближения резинка укорачивалась. Томас подрос – и чувство стало менее болезненным, превратилось в смягченную версию себя. Но и сейчас я скачу вверх по лестнице через две ступени – потому что меня ждет восторженное личико, улыбка от уха до уха, ручонки, простертые для объятий.

Открываю дверь. Сын мчится навстречу, повисает на мне. Позади него тенью маячит Бетани, приходящая няня.

– Я скучал, – шепчет Томас. Его личико в дюйме от моего лица, его ладошки – на моих щеках.

– А ты хорошо себя вел? Был послушным мальчиком?

– Да.

Взглядываю на Бетани, ища подтверждения или опровержения. Бетани уже уткнулась в телефон, уже на низком старте. Не в первый и не во второй раз думаю, что надо сменить няню. Томас с Бетани не ладит. Дня не проходит, чтобы он вслух не вспомнил свой садик, тамошних приятелей и воспитателей. Но из-за моего графика – две недели дневные смены, две недели ночные – приходящую няню еще попробуй найди. Бетани, девица

двадцати одного года, подрабатывает гримером. Имеет свободный график и вдобавок берет недорого. Впрочем, плюсы ее мобильности полностью нивелируются ее ненадежностью. В последнее время Бетани только и делает, что врет по телефону – мол, приболела. В результате я израсходовала почти все положенные мне отгулы. А в те дни, когда Бетани все-таки изволит появляться, она опаздывает, в результате чего я тоже опаздываю, в результате чего сержант Эйхерн все сильнее мною недоволен.

Благодарю Бетани, расплачиваюсь с ней. Она уходит. Ни «спасибо», ни «до свидания». Как обычно. Зато в доме сразу легче дышать.

Томас глядит на меня.

– А когда я в садик вернусь?

– Томас, ты же знаешь – садик от нашего нового дома слишком далеко. На будущий год, в сентябре, ты пойдешь в другой садик – или забыл?

Томас вздыхает.

– Потерпи немножко. Меньше года осталось.

Снова вздох.

– Разве тебе так уж плохо с Бетани?

* * *

Конечно, меня мучает совесть. Каждый вечер после дневной смены да еще, как правило, по утрам я пытаюсь компенсировать сыну издержки торчания с Бетани. Я сажусь с ним на пол, и мы играем, пока Томас сам не устанет. Еще я учу его всему, что нужно знать о мире; впрок набиваю маленькую головку информацией, воспитываю в нем стойкость, торможу любопытство – чтобы хватило на время «без меня», на бесконечные недели, когда я работаю во вторую смену и не имею возможности сама укладывать сына спать.

Сегодня он в радостном возбуждении. Показывает, что соорудил в мое отсутствие. Это целый город с вокзалом. Вот и деревянные паровозики (я купила их у бывшего владельца); вот шары из бумаги – они символизируют скалы, горы и дома. А банки и бутылки, выуженные Томасом из мусорницы, вполне сошли за деревья.

– Бетани тебе помогала, Томас?

Спрашиваю с надеждой.

– Нет. Я всё сделал сам.

В голосе – гордость. Где Томасу понять, что в ответ я хотела бы услышать: «Да, Бетани помогала».

Для неполных пяти лет Томас высокий и сильный мальчик. Он очень

подвижный и чересчур догадливый. А еще красивый. Он так же красив и так же умен, как Саймон. Но, в отличие от своего отца, Томас – добрый.

* * *

Ни на завтра, ни на второй день, ни на третий из убойного отдела не звонят. Проходит две недели. Эйхерн упорно назначает мне в напарники Эдди Лафферти. То ли дело было с Труменом. И даже в одиночку, как после его травмы. При нынешнем урезанном бюджете патрульных редко отправляют на машине по двое, но наш тандем был исключением. Трумен и я сработались идеально, довели реакции практически до синхронности. Результативность была лучшая по району. Едва ли эффект от патрулирования в паре с Лафферти дотянет до прежних успехов. Теперь каждый день я выслушиваю излияния Эдди. Он распространяется о своих гастрономических, музыкальных и политических пристрастиях. Он триндит о бывшей жене № 3; он критикует миллениалов и стариков. Я отмалчиваюсь. Я еще молчаливее, чем в день первого совместного патрулирования – если такое возможно.

Нас переводят из утренней смены в вечернюю. Теперь мы колесим по району с четырех до полуночи. Усталость давно сделалась привычной.

Тоскую по сыну.

Уже неоднократно (пожалуй, слишком много раз) спрашивала Эйхерна о той молодой женщине, найденной в Трекс; опознали ее или нет? Установили причину смерти? Неужели убойный отдел не имеет к нам вопросов?

Сержант Эйхерн неизменно отмахивается.

* * *

В понедельник, в середине ноября (мертвое тело обнаружили почти месяц назад), иду к Эйхерну до начала смены. Сержант занят возле копира. Не успеваю я рот раскрыть, как он резко оборачивается и бросает:

– Нет.

– Чего нет?

– Новостей нет, – поясняет Эйхерн.

– До сих пор не получены результаты вскрытия? А еще что-нибудь известно?

– Почему вас это так интересует, Фитцпатрик?

Сержант Эйхерн смотрит с каким-то странным выражением. Вроде даже улыбается. Дразнит меня, что ли? Похоже, у него есть некий козырь...

Делается не по себе. Кроме как с Труменом, я ни с кем из коллег не говорила о Кейси. И у меня ни малейшего желания начинать этот разговор прямо сегодня.

– Просто, по-моему, это очень странно, сержант Эйхерн. Почти месяц, как тело найдено, а о погибшей до сих пор нет данных. Согласитесь, это наводит на мысли.

Эйхерн выпускает тяжкий вздох. Кладет ладонь на крышку копира.

– Уясните себе: это сфера убийного отдела, а не наша с вами. Я слышал, результаты вскрытия ничего не прояснили. А поскольку личность жертвы не установлена, подозреваю, что убийный отдел занялся более спешными делами.

– Вы шутите?

Прикусываю язык, но поздно – вопрос уже сорвался.

– Нет, я серьезен, как инфаркт, – цедит Эйхерн. Это его любимое присловье.

Он отворачивается к копиру.

– Эту женщину задушили, – говорю я. – Все признаки удушения налицо. Сама видела.

Эйхерн напрягается. Я его прессую, это ясно. А он не любит, когда его прессуют. Некоторое время стоит ко мне спиной, руки в боки, ждет, когда копир выплюнет копии документов. Молчит.

* * *

Трумен сказал бы: уходи подобру-поздорову. «Это политика, Мик; кругом одна политика, – вот его слова. – Главное – правильно выбрать, к кому подмазываться. Подмазывайся к Эйхерну, если это нужно для самосохранения».

Но у меня подмазываться никогда не получалось. Правда, я предприняла несколько попыток. Например, я знаю, что Эйхерн обожает кофе; вот я и дарила ему кофе на Рождество. Один раз купила пакет кофейных зерен в бутике рядом с садиком, в который ходил Томас.

– Ну, и что это? – спросил Эйхерн, уставившись на пакет.

– Кофе в зернах.

– То есть теперь уже и молоть надо самому?

– Да.

– У меня нет кофемолки.

– Вот как. Ну, может, на следующее Рождество...

Эйхерн натянуто улыбнулся, сказал: «Не заморачивайтесь», вежливо поблагодарил.

Увы – мои усилия к оттепели не привели. Поскольку сержант руководит нашим подразделением, именно от него зависит, в какую смену и с кем я попаду, и именно ему я отчитываюсь в девяти случаях из десяти. Патрульные, которым Эйхерн благоволит, – сплошь его приятели. Главным образом, мужчины. Их мнение он спрашивает, их соображения выслушивает со вниманием, то и дело кивая. Сама наблюдала такую сцену с Эдди Лафферти. Легко представляю обоих в школьной бейсбольной команде: Эйхерн – лидер, Лафферти – запасной. Эту же схему они и на службу перенесли. Похоже, она обоим устраивает. Вывод: Лафферти умнее, чем кажется. Или хочет казаться.

* * *

Наконец копии готовы. Эйхерн забирает их, со стуком выравнивает стопку.

Я все стою. Молчу, жду ответа. В ушах звенят слова Трумена: «Уходи, Мик».

Эйхерн вдруг оборачивается. Физиономия недовольная.

– Если у вас вопросы, почему бы вам не обратиться непосредственно в убийный отдел?

И проходит мимо меня широким, уверенным шагом.

Ценный совет. Отлично знаю, что будет, если я и впрямь обращусь в убийный отдел. Схема следующая. У жертвы нет родителей, готовых плакаться местным телеканалам, – значит, не будет освещения убийства в прессе. А раз пресса молчит – то и дела как такового тоже нет. Обычная шлюшка склеила ласты на Кенсингтон-авеню. Ничего нового. Обитателям Риттенхаус-сквер^[7] не о чем беспокоиться.

* * *

За всю смену я едва ли два слова сказала. Мне тошно.

Даже Лафферти заметил: что-то не так. Он тянет кофе, косится на меня над краем стакана. В конце концов не выдерживает:

– Ты в порядке?

Смотрю прямо перед собой. Если при ком и жаловаться на Эйхерна, то уж точно не при Эдди Лафферти. Неизвестно, до какой степени они близки. Но ответить что-то надо. И я отвечаю, тщательно выбирая выражения:

– Просто я расстроена.

– Чем?

– Помнишь, месяц назад мы обнаружили мертвую женщину? В Трекс?

– Ну.

– Так вот, уже есть результаты вскрытия.

Лафферти прикладывает к стакану кофе. Обжигается, морщит губы.

– Ага, слышал.

– Эти результаты сочли неубедительными, – продолжаю я.

Он молчит.

– Неубедительными, представляешь?

Лафферти пожимает плечами.

– А я что? Я не спец.

– Но ты ведь тоже ее видел. Тебе открылась та же картина, что и мне.

Он зачем-то отворачивается к окну. Две минуты проходят в молчании.

Наконец напарник открывает рот.

– Тут как посмотреть, Мик. С одной стороны, оно и неплохо.

Не нахожусь с ответом. Может, я его неправильно поняла?

– Я хотел сказать... Я имел в виду, смерть – штука паршивая. Но, по моему, чем так жить, уж лучше поскорее... того...

Меня пробирает озноб. Молчу, чтобы не сорваться на Лафферти. Сосредоточиваюсь на дороге.

Не рассказать ли ему про Кейси? Наверное, он смутится. Устыдится резкости своих суждений. Но прежде чем я успеваю произнести хоть слово, Лафферти кивает – на левый тротуар, затем на правый.

– Что с них взять, с этих девок?

И крутит пальцем у виска. Дуры, дескать. Мозгов – ноль.

У меня челюсть отвисает.

– Ты это о чем?

Говорю еле слышно. Лафферти вскидывает брови. Взглядываю на него, чувствую, что краснею. Моя вечная проблема. Щеки начинают пылать по любому поводу – от гнева, от смущения и даже от радости. Как меня еще в полицию взяли с таким недостатком?

– Ты о чем? Что ты имеешь в виду?

– Да так. Просто ляпнул.

Он поводит руками по сторонам – дескать, сама зацени обстановку.

– Ну, мне их это... того... жалко.

– Да? А по первой фразе не скажешь... Ладно, допустим.

– Слышь, Мик, я ж никому не в обиду. Расслабься.

Тогда

Помню, нас повели на балет «Щелкунчик». Поход был организован для пяти- и четвероклассников. Мне уже исполнилось одиннадцать, я была

старше всех на параллели. Кейси только-только сравнялось девять.

Я была молчуньей. Если и говорила, то едва слышно. И бабушку, и почти всех учителей это очень раздражало, мне постоянно приказывали шире открывать рот. Друзей у меня, можно сказать, не было. На переменках я читала книги. Радовалась плохой погоде, когда можно сидеть дома.

Кейси, напротив, заводила приятелей везде, где бы ни появилась. Как сейчас вижу ее, тогдашнюю: беленькая, вечно хмурая кубышка с сильными, крепкими ручонками и ножонками. Передние зубы у нее торчали по-кроличьи, и Кейси старалась скрыть этот недостаток, натягивая на зубы верхнюю губу. В своей компании она считалась заводилой, старшие родственники ее любили. Но и врагов у Кейси хватало. Среди них числились главным образом ребята, травившие слабых и бедных: Кейси с раннего детства остро чувствовала тяжесть этого бремени – бедности. Не медля и не раздумывая, она вызывала обидчика на бой – даже если и жестокость, по мнению учителей, ей померещилась, и «жертва» вовсе не хотела, чтобы ее защищали, а то и просто не нуждалась в защите. Именно один из таких эпизодов и привел к исключению Кейси из школы Святого Спасителя (связь между ее нравом и названием школы уже тогда казалась мне горькой иронией). Кейси вышвырнули; это означало, что уйти должна и я. Бабушке было удобнее, чтобы мы учились в одной школе.

Для меня это стало трагедией. Я любила нашу школу. И меня там любили сразу две наставницы, одна – мирянка, другая – монахиня. Обе прониклись ко мне, сумели продраться через мою застенчивость, разглядеть и вытащить на свет нечто скрытое во мне. Правда, на это понадобился не один год. Обе наставницы, независимо друг от друга, поведали Ба о моей одаренности. Хоть я и оценила их инициативу – я всегда чувствовала, что имею поводы гордиться собой, и вот ощущение подтвердилось, – все-таки жалела, что они так поступили. Для Ба «одаренная» означало «спесивая». Нет, наказания не последовало, но некоторое время она глядела на меня косо.

И вот Кейси доигралась – мы обе вылетели. Помню, Ба усадила нас на диван и нависла над нами.

– Ты, – произнесла она, ткнув в меня пальцем, – должна приглядывать за ней, – кивнула на Кейси.

Нас записали в публичную школу на Фрэнкфорд-стрит. Наши новые товарищи были из бедных и/или неблагополучных семей; слишком бедных и слишком неблагополучных, чтобы учиться в приходских школах. Вероятно, и мы в это заведение угодили, потому что втроем с Ба подпадали

под обе категории.

Школа называлась «Гановер». Кейси предсказуемо сошлась с группой зlostных прогульщиков; на меня никто не обращал внимания. В «Гановере» застенчивые дети были предоставлены самим себе. Каждый, кто не усложнял учителям жизнь, получал одну-две похвалы за хорошее поведение и бывал благополучно забыт. Уделом такого ребенка становилось тихое увядание на классной «галерке». Впрочем, не следует винить в этом одних только учителей. Попробуй-ка уследи за тремя десятками хулиганов, сконцентрированных в тесном помещении. В таких условиях учителя просто выживали, как умели.

* * *

Кстати: не учись мы в «Гановере», не видать бы нам никакого «Щелкунчика». Детям из приходских школ такие подарки никогда не доставались. А нам, «публичным», городские власти регулярно подкидывали то куртейки (предполагалось, что в них и зимой не замерзнешь), то тетради с карандашами (предполагалось, что они будут использованы по назначению), то такие вот культпоходы (предполагалось, что мы пару часов сможем поразмышлять над вопросами, право на которые есть только у богатых и праздных).

Но тогда... Тогда я ждала балета с нетерпением.

Платье у меня было одно-единственное, и то – из магазина секонд-хенд; хлопчатобумажное, голубое, без рукавов, с белыми цветиками на лифе, оно казалось мне прелестным. Ба купила его в приступе мотовства, каковые крайне редко ее охватывали. Но на тот момент платье провисело в шкафу уже два года, и я успела из него вырасти. Вдобавок Ба напялила на меня синюю куртку (перешедшую от Бобби, нашего двоюродного брата с материнской стороны). Куртка была мало того что мальчуковая, так еще и ни разу не стиранная, с потными разводами в подмышках. От нее по́том припахивало, как от самого Бобби. В сочетании с курткой платье выглядело нелепо. Это я даже в свои одиннадцать понимала. Но я никогда не видела настоящий балет, и неизвестно почему мне хотелось показать: я осознаю, где балет, а где, к примеру, кино; я улавливаю разницу, я прониклась важностью момента. Поэтому я надела голубое летнее платье вместе с синей курткой. В таком виде, уткнувшись в книжку, я и торчала в школьном коридоре, ждала, когда за нами приедут автобусы.

Прямо передо мной, по обыкновению окруженная приятелями, веселилась Кейси.

Наконец автобусы приехали. Вслед за Кейси я поднялась по

ступенькам, довела сестру до заднего сиденья, а сама села чуть впереди. Я сделала это намеренно: стремилась продемонстрировать учителям (и себе самой) независимость от Кейси. При ней я была увереннее, и меня это напрягало.

* * *

Уроки музыки у нас тогда вел мистер Джонс, человек веселый и славный. Он-то и организовал культпоход на «Щелкунчика». Он был молод – пожалуй, моложе, чем я сейчас, – и уже на следующий год его переманила какая-то более приличная пригородная школа. На подъезде к концертному залу мистер Джонс встал во весь рост, дважды хлопнул в ладоши и взмахнул правой рукой, выдвинув два пальца. Таким способом он призывал нас к тишине. Каждый должен был повторить его жест. Как обычно, я выждала, пока взлетела вверх первая детская ручонка, и лишь потом, с чувством облегчения, сама ответила соответствующим движением.

– Ребята, – заговорил мистер Джонс. – Надеюсь, все вы помните о правилах, которые мы обсуждали еще в классе? Ну-ка, что это за правила?

– Сидеть тихо! – заорали из задних рядов.

– Да. Правило номер один. – Мистер Джонс загнул палец. – Дальше.

– Не пинать переднее кресло! – повторил тот же голос.

– Пожалуй, – согласился мистер Джонс. – Правда, я об этом не упоминал; хотя следовало бы.

Без особой уверенности он загнул второй палец.

– Что еще? Ну, смелее, ребята!

Я знала, что еще. «Не хлопать в ладоши, пока другие не захлопали». Но я молчала.

– Не хлопать в ладоши, пока другие не захлопали, – произнес мистер Джонс.

– Правило номер четыре: сидеть смирно, – произнес мистер Джонс.

– Правило номер пять: не шептаться, – произнес мистер Джонс. – Не хихикать. Не ерзать, как детсадовцы.

Сюжет «Щелкунчика» он пересказал нам еще на уроке, еще неделю назад.

– В большом доме жила девочка. Это было давно, так что все на сцене будут одеты по-старинному.

На этой фразе мистер Джонс задумался. Помолчал и продолжил:

– И еще: это балет, а в балете мужчинам положено носить, гм... колготки. Уясните это себе сейчас, чтобы потом пальцами не показывать.

Так вот. На Рождество родители этой девочки приглашают гостей, и среди них – подозрительный крестный. Девочка его боится, но вы не бойтесь – на самом деле он хороший парень. Крестный дарит девочке куклу, которую зовут Щелкунчик. Я вам это заранее говорю, чтобы вы привыкли к имени^[8]. Ночью девочка засыпает и видит сон. Это и есть балет. Во сне Щелкунчик оживает и становится принцем, сражается с гигантскими мышами, забирает девочку в страну снежинок и еще в какую-то другую страну, забыл название. Короче, там всё из конфет. Девочка и принц смотрят, как танцуют жители этой страны. Конец.

– А в реальную жизнь она, девчонка эта, вернулась потом? – подал голос кто-то из наших мальчиков.

– Не помню, – отвечал мистер Джонс. – Вроде вернулась.

* * *

Хоть мы с сестрой и росли всего в трех милях от центра Филадельфии, нас туда возили раз в году, первого января, смотреть, как десятки наших кузенов, дядьев, их начальников и приятелей участвуют в Параде ряженных. Вполне возможно, что Музыкальная академия (ряженные идут в том числе и по Брод-стрит, где она расположена) попадала в поле моего зрения; но внутри я, конечно, никогда не была. Здание просто очаровательное – из красного кирпича, с арочными окнами и старинными фонарями, что всегда горят у входа.

Первыми автобус покинули учителя. Они выстроились коридором, через который нам надо было проследовать, махали руками в перчатках, направляя нас к дверям.

Я оказалась позади Кейси и ее компании. Сестра нарочно громко шаркала ногами. Ух и влетело бы ей от бабушки, окажись она здесь! Кейси уже тогда любила «нарываться»; проверяла, что ей спустят, а что – нет. Понятно, родственники и наставники всё меньше склонны были прощать ее выходки. Я, когда могла, умирала Кейси – мне больно было видеть, как ее наказывают.

Мы вступили в фойе, где уже толпилась публика. Больше всего меня тогда поразили девочки-зрительницы. Их было очень много; все они пришли со своими мамами, причем в разгар учебного дня. Почти все были мне ровесницами, некоторые – чуть младше. Все до единой – белые. Гановерцы, по контрасту, могли бы сойти за делегацию от ООН. Рекой эти белые девочки двигались от Мейн-лайн; я уже знала, *что* это за улица, к какому району она принадлежит. Казалось, девочки следуют особому, тайному дресс-коду: на каждой было изящное пальто до колен, непременно

однотонное и яркое, а под ним – платице, которое больше пристало бы подарочной кукле: атласное, шелковое или бархатное, с оборками, кружевами и пышными рукавичками. Девочки выглядели, как драгоценные камни, или цветы, или звезды. Каждая была в белых колготках и черных, начищенных до блеска туфельках на маленьком каблучке и с перепонкой. Даже прически у них были почти одинаковые – волосы собраны в узел высоко на затылке. Такие же прически мне предстояло увидеть у балерин.

Нас, гановерских, приехало человек шестьдесят, если не все восемьдесят; из-за нас в фойе стало не протолкнуться. Мы застыли в полной растерянности.

– Вперед, ребята, – скомандовал мистер Джонс. Но и у него вид был смущенный.

Наконец к нему подошел улыбающийся распорядитель и спросил, не из «Гановера» ли вся эта ребятня. С явным облегчением мистер Джонс кивнул.

– Значит, вам сюда, – произнес распорядитель.

Мы продвинулись ближе к удивительным девочкам с их мамами. Даже они, мамы, не говоря о дочках, уставились на нас, разинув рты. Смерили взглядами наши пуховики, наши кеды, наши неприбранные волосы. Я подумала: мамы, наверное, на работе выходной взяли. Мне и в голову не пришло, что они вообще не работают. Все взрослые женщины, которых я знала, работали, причем, как правило, в нескольких местах. Что касается знакомых мужчин, из них работала лишь половина.

* * *

Ни за что не забыть мне мгновение, когда пополз вверх занавес. С самого начала я находилась в дивном трансе, а тут и вовсе оцепенела. На сцене падал снег, казавшийся настоящим; о снеге мистер Джонс не предупреждал. Затем я увидела особняк – величественный снаружи, восхитительно-роскошный изнутри. Появились нарядные дети в сопровождении нарядных взрослых. Детям были преподнесены подарки, перевитые лентами; детей развлекали куклы-танцоры. Потом дети поссорились, но разругать ситуацию поспешили взрослые – ласковые, терпеливые, любящие; ссора их не рассердила, а только умилила. А еще был оркестр – живой! Каждая моя клеточка отзывалась на неземные движения танцоров. Что же до музыки, она открывала мне тайны, о существовании которых я даже не догадывалась. От избытка чувств на глаза навернулись слезы; я их не вытирала, чтобы не привлечь внимания одноклассников. В волшебном полумраке зрительного зала я сидела

неподвижно, позволяя слезам катиться по лицу и стараясь не шмыгать носом.

Впрочем, скоро возня гановерцев спугнула все это волшебство.

Справедливости ради скажу: никого из нас никогда не учили сидеть тихо столько времени подряд. В школе были перемены, да и на уроках дети вертелись и ерзали. Некоторые понимали, что должны вести себя прилично хотя бы из благодарности, хотя бы ради мистера Джонса; но привычка брала свое. Гановерцы елозили ногами и локтями, перешептывались – ни одно правило не осталось ненарушенным. Мистер Джонс и другие учителя только и делали, что оглядывались на нарушителей и делали характерный жест двумя пальцами: мол, я слежу за тобой. В школе и дома нам по сто раз повторяли: слушайся старших; не путайся под ногами; не встревай, пока тебя не спросили. Но чтобы просидеть без движения три часа подряд, наблюдая некое замедленное, полное непонятных ассоциаций действо... Для этого требовался навык, которого у большинства из нас не было.

Кейси сидела рядом со мной. Я видела: она еле терпит. Она уже начала ерзать. Вот подтянула к подбородку и обхватила руками колени, вот с грохотом опустила ноги на пол. Вертит головой. Пихает меня локтем, будто случайно, и ойкает. И с энтузиазмом зевает. И прикидывается, что уснула от скуки.

Перед моей сестрой сидела одна из тех удивительных девочек. Ее красное пальто было аккуратно повешено на спинку кресла. В первый момент, когда мы только добрались до своих мест, в ноздри нам ударил парфюм ее матери. В ответ на очередное, особо шумное движение Кейси эта девочка оглянулась.

Она оглянулась всего один раз, но моей сестре этого хватило.

Моя сестра резко подалась вперед и прошипела:

– Чего вылупилась?

Девочка стала смотреть на сцену. Кейси за ее спиной стиснула и подняла кулак. Целое мгновение, бесконечное и кошмарное, я была уверена: сейчас она ударит. Сейчас саданет прямо в напряженный затылок, под тугой узел волос. И я размахнулась, желая перехватить руку Кейси. Но тут повернула голову девочкина мама. Рот ее замер в безмолвном крике ужаса, и Кейси опустила кулак, скукожилась в кресле – пристыженная, беспомощная перед социальной пропастью, глубину которой мы до той поры не осознавали.

* * *

И по сей день я не уверена, *что* явилось последней каплей – та женщина нажаловалась или мысль пришла всем учителям одновременно. Словом, было решено увезти нас подобра-поздорову. Помню, в антракте нас выстроили парами и погнали через людное фойе, мимо чудесных девочек и их мам, которые теперь стояли в очереди за пирожными. Помню искаженные яростью лица учителей. Еще помню, что все время была в куртке Бобби, но на выходе почему-то вздумала снять ее. Теперь, будучи взрослой женщиной, я понимаю: это не имело смысла, нас ведь выводили на холод. Но тогдашняя, одиннадцатилетняя Мики, наверное, хотела просигнализировать другим балетоманам: я не с «этими», я – отдельно; я понимаю, как нужно одеваться на балет. Я – одна из вас. И я вернусь. Когда-нибудь я вернусь.

Вот какую смысловую нагрузку несло для меня голубое платье, слишком тесное и короткое. Несло – да не донесло. Мой поступок лишь усугубил ситуацию. Двое четвероклассников, мальчик и девочка, так и прыснули.

– На кой она этот обрубок напялила? Вся задница наружу! – выкрикнул мальчик.

Несколько гановерцев засмеялись. Дальше все было вполне предсказуемо. Кейси, которая шла чуть впереди меня, словно обрадовалась поводу применить кулак. С перекошенным лицом она набросилась на злополучного четвероклассника. Слишком долго сдерживала ярость. Может, чуть ли не с рождения.

– Кейси, не надо! – пролепетала я.

Но было поздно.

Сейчас

После того, как Лафферти выдал «Что с них взять, с этих девок?», выбора у меня нет. Иду к сержанту Эйхерну. Я намерена просить в напарники кого-нибудь другого. Я даже речь заготовила – у нас, мол, стиль работы разный. Незачем мне хаять Лафферти, все-таки он – приятель Эйхерна. Однако прежде чем я успеваю закончить свою речь, Эйхерн бросает:

– Ладно, Мики.

И даже не глядит на меня, даже взгляд от смартфона не отвлекает.

* * *

Неделю работаю одна. Так гораздо лучше. Спокойнее. Останавливаюсь, когда и где считаю нужным, сама выбираю, по какому вызову ехать.

Особенно хорошо, что можно позвонить Бетани и позвать к телефону Томаса. Когда долго нет вызовов, я рассказываю сыну сказки, или историю улиц, по которым катит моя патрульная машина, или излагаю планы на наше с Томасом будущее. Себя я убеждаю вот в чем: да, конечно, телефон – это не живое общение, но по крайней мере Томас получает пищу для ума. От *меня* получает. Вдобавок развиваются его речевые навыки. Сын становится хорошим собеседником. Порой даже создается иллюзия присутствия Трумена в машине.

* * *

Однажды на утренней планерке сталкиваюсь с незнакомцем. Он молод, серьезен с виду, одет в строгий серый костюм. Я нахожу его очень приятным. Одну руку незнакомец держит согнутой на уровне своего подтянутого живота, в другой сжимает папку из коричневой бумаги. «Наверное, следователь», – думаю я. Незнакомец ни с кем не разговаривает. Не иначе, сержанта дожидается.

Наконец входит Эйхерн. Требует всеобщего внимания. Тут-то незнакомец и представляется. Его зовут Дейвис Нуэн, он из Восточного убойного. И у него новости.

– Сегодня ночью, – сообщает Нуэн, – в вашем районе совершены два убийства.

Слава богу, жертвы уже опознаны. Одна – семнадцатилетняя Кэти Конвей, работавшая в компании «Делко». Белая. Объявлена в розыск неделю назад. Вторая – Анабель Кастильо, восемнадцати лет, сиделка. Латиноамериканка.

– Обе жертвы, – говорит Нуэн, – были обнаружены на участках, между которыми много общего, и в сходных позах. Конвей – на пустыре в Тайоге, ничем не прикрытая, никак не замаскированная, заметная с улицы. Кастильо – на пустыре в Харт-лейн; ноги под сгоревшей машиной, голова и плечи выставлены напоказ, видны любому прохожему. Обе были, по всей вероятности, вовлечены в бизнес сексуальных услуг. Обоих, скорее всего, задушили. И об обеих погибших никто не заявлял в течение многих часов после смерти.

(Это как раз неудивительно. В Кенсингтоне давно привыкли к виду безжизненных тел. Люди лежат прямо на улицах, и никто не разбирается, мертвы они или только без сознания.)

Нуэн увеличивает фото погибших. На несколько долгих секунд полицейские замирают. Анабель и Кэти улыбаются с экрана – словно из прошлой, более благополучной жизни. Вот Кэти на вечеринке – наверное,

по случаю своего шестнадцатилетия; стоит у бассейна, очень довольная. Вот Анабель обнимает малыша – надеюсь, не своего.

– Информация, – предупреждает Нуэн, – сугубо конфиденциальная. Мы ничего не сообщали СМИ; только уведомили родственников.

Он выдерживает паузу, продолжает:

– В связи с этими событиями мы подняли дело молодой женщины, найденной на Герни-стрит в октябре, хотя тогда результаты вскрытия ничего не дали.

Взглядываю на Эйхерна. Тот отводит глаза.

– Та женщина до сих пор не опознана, – говорит Нуэн. – Однако, учитывая события прошлой ночи, мы полагаем, что все три убийства связаны между собой.

Эйхерн упорно таращится в смартфон.

– Это может означать, что в вашем районе орудует маньяк.

Заявление встречено полным молчанием.

– Что бы кто из вас ни услышал, ни заметил – немедленно сообщайте в Восточный отдел, – говорит Нуэн. – Нам очень нужна ваша помощь.

* * *

Некоторое время после планерки сижу в машине, уставившись в мобильный телефон. Налетает внезапный вихрь, и дубы, окружающие парковку, начинают бешено жестикулировать. Вспоминаю: дуб – любимое дерево Томаса.

С тех самых пор, как мы нашли в Трекс тело молодой женщины, мне не дает покоя одна мысль. А именно: примерно тогда же пропала и Кейси. Правда, я ее толком не искала. Моя сестра частенько исчезает как раз на такой период; иногда потому, что лечится от наркозависимости. Но сейчас... сейчас это совпадение кажется мне зловещим. Помню, в раннем детстве, когда мама долго не появлялась дома, я испытывала ту же ноющую тревогу.

* * *

Вообще-то мы с Кейси не разговариваем. Уже пять лет. Правда, за этот период было несколько случаев (три, если точнее), когда мне по долгу службы приходилось говорить с сестрой – как представителю власти с правонарушителем. Все три раза я держала эмоции в узде; арестовывала и отпускала Кейси с тем же холодным профессионализмом, какой демонстрирую любому жителю Кенсингтона. К чести сестры надо сказать, что и она не скандалила. Когда требовалось, я даже наручники на нее

надевала (стараясь не причинить боли); я озвучивала, что конкретно вменяется ей в вину (домогательства плюс хранение наркотиков, один раз – с попыткой распространения). Я перечисляла Кейси ее права, я простирала над ее теменем ладонь, чтобы Кейси не ударилась, забираясь в полицейский фургон. Я закрывала дверцу возможно тише, я везла Кейси в участок, записывала ее данные, после чего мы обе сидели в камере друг против друга – сидели и молчали, избегая встречаться глазами.

Всякий раз со мной был Трумен. Он тоже неизменно молчал, только его озадаченный взгляд метался от меня к Кейси и обратно.

– Никогда не оказывался в такой дикой ситуации, – признался Трумен после первого раза.

Я не ответила, только плечами пожала. Конечно, всякий, кто не посвящен в подробности нашей с Кейси прошлой жизни и нашего молчаливого соглашения, счел бы ситуацию полной дичью. А мы в этом уже сколько времени варимся. Трумену я ничего не объясняла. Да и никому другому.

– Ты до сих пор ее отслеживаешь, – догадался мой напарник после второго раза.

Я промолчала, и он развил мысль:

– Если б не сестра, ты уже давно бросила бы патрульную службу. Выдержала бы экзамен, стала следователем... А ты ее пасешь.

Я сказала Трумену, что он ошибается. Что я люблю свой район; пекусь о благополучии людей; нахожу историю Кенсингтона крайне интересной. Что мне доставляет удовольствие наблюдать, как район меняется к лучшему. Наконец, патрульная служба заряжает меня адреналином. Некоторые жители Кенсингтона, заявила я тогда, действительно имеют проблемы, но для меня район стал чем-то вроде родственника – проблемного, но дорогого и милого сердцу. Которого не бросишь, потому что слишком много сил в него вложено.

– Сам-то ты почему экзамен не сдашь, а, Трумен? – спросила я.

Среди моих знакомых мало кто сравнится с ним по уму и хватке. Он давно мог бы пойти на повышение. Он мог бы перевестись в любой отдел, стоило ему только захотеть.

На мой вопрос Трумен ответил смехом.

– Пожалуй, причины те же, что и у тебя, – сказал он. – Привык, понимаешь, быть в курсе всего, что на районе происходит.

* * *

Прошло десять минут. Все еще гипнотизирую телефон. Вдруг

понимаю, что осталась одна на стоянке. Упаси бог, выйдет Эйхерн и застукает меня, валяющую дурака, в то время как остальные патрульные давно разъехались. За последний год, с тех пор как я перебралась в Бенсалем^[9], как променяла Томасов respectable садик на мутную Бетани, как лишилась надежного напарника, – моя продуктивность резко пошла на спад. О чем Эйхерн не устает напоминать.

Выруливаю с парковки. Направляюсь в заданный квартал.

Но сначала проеду по Кенсингтон-авеню и по Кэмбрия-стрит. Не найду Кейси, так хоть увижу Полу Мулрони.

* * *

Полы Мулрони нет на привычном месте; ее отсутствие сразу бросается в глаза. Но здесь же, на Полином углу, расположено заведение Алонзо. Заглядываю поздороваться, погладить кота Ромеро (Алонзо назвал его в честь бывшего питчера бейсбольной команды «Филадельфия Филлиз»). Раньше я всегда садилась лицом к окну, чтобы видеть Полу и Кейси.

Алонзо, конечно, отлично знает мою сестру. Кейси, как и я, у него постоянная покупательница; была таковой задолго до того, как мы перестали общаться. Вкусовые пристрастия Кейси не изменились с детства – она по-прежнему обожает ледяной чай и кремовые спондж-кейки, их и покупает. Только теперь к этому набору добавились сигареты. Случайно столкнувшись у Алонзо, мы с Кейси делаем вид, что незнакомы. Алонзо тогда на нас таращится. Его можно понять. Он в курсе, что Кейси – моя сестра, ведь я регулярно расспрашиваю его, как она выглядит и не заметил ли Алонзо чего подозрительного в ее внешности или поведении. Расспрашиваю не столько из беспокойства за сестру, сколько по долгу службы. Вдруг Кейси докучает Алонзо?

– Может, отвадить этих двоих от вашего заведения? – спрашиваю я. – Только намекните – и они сменят дислокацию.

Алонзо всегда отвечает: «Не надо»; «Кейси и Пола – постоянные покупатели»; «Они мне по душе»; «С ними никаких проблем».

Раньше я, бывало, зависала у Алонзо, тянула кофе, смотрела на Кейси и Полу – как они выставляют себя на продажу, а никто не берет, а им нужна доза, и они впадают в отчаяние и становятся все настырнее с мужчинами. Мужчин этих я тоже изучила. Теперь сразу понимаю, кто потенциальный клиент. Они, потенциальные, раскатывают по Кенсингтон-авеню, а сами косятся на женщин; заметив полицейский фургон, начинают смотреть строго на дорогу. Они разновозрастные, разношерстные – но в каждом есть что-то от волка, от подлого хищника. Однако фоторобот потенциального

клиента я не смогла бы составить: на типаж накладывается слишком много индивидуальных особенностей. Мне случалось даже угадывать клиентов в мужчинах, которые везли на заднем сиденье собственных детей. Подонки могут прикатить прямо с Мейн-лайн в шикарной «Ауди». Ему может быть под восемьдесят; а порой пикантных развлечений ищут компании подростков. Или гетеросексуальные пары желают разнообразить интимную жизнь. Несколько раз я видела одиноких женщин – они, случается, тоже снимают проституток. По мне, такие женщины не лучше мужчин, хотя, пожалуй, Кейси и ее подруги идут с ними охотнее. Женщин они не так боятся.

Сильно постаравшись, я в состоянии проникнуться сочувствием почти к любой разновидности правонарушителей. Но только не к клиентам наркозависимых проституток. Для них – никакой объективности. Проще говоря, я их ненавижу. Меня воротит от их спортивного вида, от их жадности до плотских утех, от неспособности контролировать самые низменные инстинкты. Меня бесит частотность проявления их агрессии и гнусности. Наверное, офицер полиции не должен принимать все так близко к сердцу; наверное, мои чувства – показатель моей сомнительной профпригодности. Есть два типа платных сексуальных услуг. Первый – соглашение между двумя адекватными взрослыми особями. Второй – сделки, что заключаются на Аве. Сделки между клиентом и женщиной, которая находится в состоянии ломки, которой худо, которая за дозу готова на любые условия. По-моему, между этими типами сделок – пропасть; и мужчины, третирующие таких женщин, вызывают во мне бешеную ярость. При задержании я не смотрю им в глаза; я норовлю толкнуть их, побольнее стиснуть им запястья наручниками. Ничего не могу с собой поделать.

Тому, кто повидал с мое, нелегко сохранять объективность.

Однажды мы с Труменом наткнулись на рыжеволосую женщину лет пятидесяти с лишним; босая, она рыдала на крыльце. Лица не прятала – наоборот, запрокинула голову к солнцу. Глаза и рот были открыты, слезы лились рекой. Мы остановились, подошли к ней. По инициативе Трумена, кстати. Он в таких случаях проникался к жертвам. При нашем приближении женщина согнулась вдвое, закрылась руками. Из-за двери послышался голос:

– Она с вами говорить не хочет.

– Что с ней случилось? – спросил Трумен.

– По кругу пустили, – мрачно отозвались из-за двери.

Выйти к нам хозяйка дома не соизволила. Свет не зажгла. Мы поняли:

имело место групповое изнасилование.

Невидимая свидетельница подтвердила нашу догадку и внесла уточнения:

– Вчетвером. Один ее в дом затащил, а там еще трое.

– Тише ты! Тише! – крикнула пострадавшая. Это были ее первые слова.

– Хотите написать заявление? – мягко предложил Трумен. С женщинами он всегда был очень деликатен. Порой справлялся гораздо лучше меня.

Но рыжеволосая снова закрылась руками. Больше она ни слова не произнесла, а рыдала так, что едва не задыхалась.

«Где ее обувь?» – думала я. Наверное, туфли были на высоких каблуках, и она сбросила их в надежде убежать. Вон какие грязные, обломанные ногти; вот как сбиты пальцы. По правой ступне текла кровь – должно быть, на стекло или на гвоздь напоролась, бедняжка.

– Мэм, – не сдавался Трумен, – вот, смотрите, я вам свой телефон оставляю. На случай, если передумаете насчет заявления.

Он сунул ей визитку.

Кварталом дальше, возле другой женщины, сбавила скорость другая машина.

* * *

Из окна в заведении Алонзо я не раз видела, как Кейси заключала сделки. Наклонялась к окну автомобиля, медленно катившего по Аве. На моих глазах автомобиль сворачивал в переулок, и туда же устремлялась моя сестра, исчезала за углом, где ждал пустырь или хибара, где с Кейси могло случиться все что угодно. «Она сама такую жизнь выбрала», – внушала я себе. И сейчас продолжаю внушать.

Нередко оказывалось, что я проводила у Алонзо десять-пятнадцать минут – ждала, когда появится из-за угла Кейси.

Алонзо никогда слова мне в упрек не сказал. Он деликатный: отходит в сторонку, пока я прихлебываю кофе из пластикового стаканчика.

Сегодня Алонзо занят с посетителем, и я привычно сажусь у окна. Из щели тянет холодом; зябну, терпеливо жду.

* * *

Вздрагиваю от звона трех серебряных колокольчиков, подвешенных над дверью. Посетитель вышел, Алонзо пока свободен.

Приближаюсь к прилавку, расплачиваюсь за кофе.

– Жаль, что с вашей сестрой так случилось, – выдает Алонзо.

– Как – так?

Алонзо молчит. Лицо у него вытягивается. Характерная гримаса человека, сообразившего, что проболтался.

– О чем вы, Алонзо?

Он качает головой.

– Да я толком не знаю. Может, недопонял чего. Или недослышал.

– Что конкретно вы недослышали и недопоняли?

Алонзо наклоняет голову набок, косится за окно, на угол, где обычно торчит Пола. Заметив, что Пола нет, продолжает:

– Наверное, пустяки какие-нибудь. Просто позавчера Пола сказала, что Кейси исчезла. Что ее уже месяц никто не видел, если не дольше. Что никто не знает, где она.

Киваю. Рот держу закрытым, плечи – расправленными. Ладони мои спокойно лежат на ремне, и вообще я просто воплощенная невозмутимость.

– Вот как, – говорю.

– Пола небось напутала, – юлит Алонзо. – Она в последнее время малость того... – Его лицо выражает сочувствие. Похоже, он готов сделать что-нибудь катастрофическое – например, похлопать меня по плечу. Слава богу, не двигается с места. Он будто застыл. И я тоже.

– Вы правы, Алонзо. Пола определенно что-то напутала.

Тогда

Некоторые люди склонны видеть причину всех бед в собственном трудном детстве. Кейси как раз такая. Незадолго до того, как мы перестали общаться, она пришла к выводу: в ее проблемах виноваты отец с матерью, которых она лишилась слишком рано, а также Ба, которая никогда не любила Кейси, а пожалуй, даже испытывала к ней неприязнь.

Помню, я, услышав это откровение, на миг онемела, а потом заметила, что обстоятельства у нас были одинаковые.

Мое мнение: я стала тем, кем стала, потому что принимала правильные решения, а не полагалась на слепой случай. Наше детство, конечно, безоблачным не назовешь, но по крайней мере одна из нас вышла из него подготовленной к продуктивной жизни.

Но когда я это озвучила, Кейси закрыла лицо ладонями.

– Для тебя, Мики, все всегда было иначе. С самого начала.

Так она сказала, и я до сих пор не пойму, что имелось в виду.

Впрочем, если взвешивать шансы, если выяснять, у кого детство было

труднее (в любом из смыслов), мои обстоятельства определенно перетянут.

Я говорю так потому, что помню маму – а Кейси не помнит. Причем воспоминания мои – светлые. Значит, мамину смерть я восприняла тяжелее. Кейси была слишком мала, чтобы уяснить всю глубину нашей потери.

* * *

Мама умерла молодой. В восемнадцать, учась в выпускном классе, она забеременела мною. А училась хорошо, и девочкой была примерной, по словам Ба. Только с нашим отцом и встречалась, других парней не знала. И вот, нате вам: несколько месяцев свиданий – и залет. От кого, от кого, а от Лизы такого не ожидали, повторяла Ба. Сама она, если ей верить, была потрясена больше всех. До сих пор Ба говорит об этом с горечью – острой, как в день, когда все открылось. Никто не верил, говорит Ба. Все только ахали. Только переспрашивали: «Лиза?! Да ладно!»

Религиозные убеждения Ба сразу исключили аборт. Но из-за этих же убеждений она приняла беременность дочери в штыки. Стыдилась сверх всякой меры. А год был 1984-й. Сама Ба вышла замуж в девятнадцать, родила в двадцать. «Тогда времена были другие» – вот и все ее объяснение. Наш дед умер рано – погиб в аварии. Пьяный ехал, как я сейчас догадываюсь. Ба вечно твердила, что дед любил заложить за воротник. Больше она замуж не вышла.

Одно время я задавалась вопросом: как бы все было, не погибни наш дед? Была бы бабушка другой? Ведь львиная доля ее усилий уходила на то, чтобы просто держаться на плаву: есть самой и кормить нас, платить за коммунальные услуги и выкарабкиваться из вечных долгов. Если б супруг вносил свою долю в денежном и эмоциональном эквиваленте, как знать, может, бабушке, да и нам с Кейси, жилось бы легче... Глупые, сентиментальные предположения, ибо по сей день Ба мужчин презирает – от них, мол, одни проблемы, и если б не продолжение рода, так хоть бы они и вовсе перевелись на свете. Подспудно Ба не доверяет ни одной особи мужского пола. Избегает их, насколько это возможно.

Краткое замужество дало бабушке единственный повод для гордости – право заявлять, что она забеременела, будучи мужней женой. «Мужней женой!» – повторяет Ба, тыча себя пальцем в грудь. То есть все у нее получилось по правилам.

Узнав, что дочь беременна, Ба настояла на браке, даром что лишь единожды видела «этого Дэниела Фитцпатрика»; именно так Ба говорила об отце, даже когда он исчез из наших жизней. Однако недостаток

информации о будущем зяте не остановил Ба. Сначала она усадила юных грешников на диван и устроила им хорошую головомойку, а затем отправила в церковь, где те дали клятвы любви и верности. Дэниел Фитцпатрик сам рос без отца, с беспутной матерью – потаскухой, по убеждению Ба, также зачавшей вне брака. «Чего и удивляться», – говорила Ба. «Яблочко от яблоньки», – говорила Ба. Хуже того: Дэниела Фитцпатрика содержала благотворительная организация. «Лучше б на трудящего человека денежки тратили», – ворчала Ба.

Что обо всем этом – о ребенке, о свадьбе и о самой Ба – думала мать Дэниела Фитцпатрика, неизвестно. Я ее совсем не помню. Она даже на мамины похороны не явилась, чем нанесла Ба смертельную обиду.

Если верить Ба – а верить приходится, ведь других источников нет, – Лиза и Дэниел тихо обвенчались в церкви Святого Спасителя в среду, ближе к вечеру. Свидетелями были сама Ба и дьякон. После свадьбы Дэниел стал жить в доме Ба. Молодым она уступила среднюю спальню; иногда ей даже удавалось содрать с них арендную плату. От остальных родственников Ба скрывала этот брак, сколько могла. Ходила с гордо поднятой головой. Глядела с вызовом.

Через пять месяцев родилась я. Через полтора года – Кейси.

А через четыре года мама умерла.

* * *

Если успокоиться, если собраться с мыслями – явятся воспоминания об этом кратком периоде. Увы, чем дальше, тем труднее их вызвать. Порой, колеся по району, я вижу себя маленькой, на заднем сиденье. Естественно, никаких детских кресел. Мама за рулем, что-то напевает. Если я оказываюсь возле холодильника, причем любого, стоящего где угодно, – мелькает другое видение: моя молоденькая мама жалуется Ба, что холодильник пуст. «Да неужто, – отзывается Ба из соседней комнаты. – Ну так положи туда чего-нибудь».

Более смутно помнится бассейн в чьем-то доме. Может, я всего раз там побывала. И фойе кинотеатра. Не знаю, какого именно. Сейчас все кинотеатры сместились в центр Филадельфии. Те, что остались, давно превращены в концертные площадки.

Я помню мамину юность. Мама сама была как ребенок, как ровня мне. Нежнокожая, с сияющими, легкими волосами, она даже бабушку заставляла оттаять. Ба рядом с мамой становилась спокойнее, не мерила, по обыкновению, комнату быстрыми нервными шажками. Смеялась против воли, зажимала себе рот, головой трясла. «Малахольная ты, Лиза! – так она

реагировала на очередную выходку дочери. – Дом в бедлам превратила». Взглядывала на меня, улыбалась с гордостью. В те дни она была добрее. Ее завораживало победоносное Лизино легкомыслие; она не догадывалась, какая судьба уготована ей, какая судьба уготована всем нам.

В тишине и темноте моей спальни являются, если очень постараться, еще более интимные воспоминания. Тут мне одной не обойтись, тут нужен Томас – лобастенький Томас, бодающий меня в подмышку, лежащий так близко, что можно вдыхать запах детского мыла. Лишь в такие мгновения приходит мама, склоняется над моей кроваткой. Моя юная мама, по-девичьи хрупкая, с мягкими, неоформившимися чертами лица, в неизменной черной футболке с надписью, которую я не умею прочесть. Мамины руки, обнимающие меня. Мамино лицо – веки опущены, рот приоткрыт. Мамино дыхание, свежее, как у жеребенка или козленка, что питается одной травой. Мне четыре года; я глажу маму по щеке. «Привет!» – шепчет она, и целует меня, и бормочет что-то неразборчивое, сладкое, мне в темя, в ухо, в ямку под подбородком. И снова целует. И кусается в шутку. И повторяет снова и снова: «Малютка моя» – самую главную фразу. Дальнейшее требует напряжения всех душевных сил. Потому что это – мамин голос. Высокий, звонкий, счастливый, порой – с нотками изумления: как ее, Лизу О’Брайен, вообще угораздило родить?

* * *

Но я не помню ничего, совсем ничего, связанного с маминой наркозависимостью. Возможно, все плохое просто вытеснил инстинкт самосохранения. Возможно, об этом я не знала в силу возраста; не видела, не могла видеть, как наркотики разрушают мамино сознание, мамино тело. В моих воспоминаниях одно только хорошее, светлое – но тем они мучительнее.

Соответственно, я не помню ни маминой смерти, ни сообщения о ней. Память сохранила только бабушкину реакцию. Вот Ба мечется по дому, как львица по клетке; рвет на себе волосы и рубашку. Снимает телефонную трубку – и вдруг принимается методично колотить ею себя по лбу. Вцепляется зубами в собственное запястье, чтобы не вырвался из горла вопль. Еще помню, взрослые говорили шепотом. Меня и Кейси впихнули в платья из жесткой материи, натянули на нас колготки и застегнули на наших ножонках чересчур тесные туфельки. Потом, подавленные, удрученные, все потащились в церковь. Ба почти упала на скамью. Еще: Ба дернула Кейси за руку, чтобы та не шумела. Помню отца. Он сидел рядом с нами в полной прострации. Потом сборище переместилось в бабушкин

дом, словно пропитанный чувством стыда. Мы с Кейси были забыты. Нас не замечали. Не брали на руки. Не умывали. Не кормили. Я сама шарила в буфете и холодильнике. Ела и тащила еду для Кейси. Кормила ее с рук. В доме постоянно толклись взрослые. Я, маленькая, натыкалась на их колени, видела их ботинки, в лучшем случае – полы пиджаков и пальто, но не видела лиц. Шорох одежды. Никаких детей. Двоюродных сестер и братьев к нам не водили. Бесконечная зима. Пустота и горечь. Наполовину пустая бутылка содовой в холодильнике – содовую не допила мама. Поиски в родительской спальне (отец все еще жил у Ба). Обнаружение той самой черной футболки (она, как и постельное белье, пахла мамой). Помню, я нюхала даже мамины тапки. Ба, застукав меня за этим занятием, целый день выделила, чтобы постирать и вычистить мамины вещи. Тогда я стала осторожнее. В ящике комода нашла мамина щетка для волос. Ее я тоже нюхала; снимала волосины, обматывала себе пальцы. Кончики пальцев становились пурпурными, а я все мотала, мотала – ту же, еще ту же...

С каждым годом воспоминания блекнут. Сейчас мне большого труда стоит вызвать какой-нибудь эпизод; убедившись, что он пока цел, я поскорее заталкиваю его обратно. Потому что свет воспоминаниям вреден. Они и так уже почти выцвели. А мне надо сохранить хоть что-нибудь для Томаса. И я дозирую эпизоды, для их тающую сладость.

* * *

Когда мама умерла, Кейси было всего два года. Она еще подгузники носила (которые порой не меняли целыми сутками). Потерянная, одинокая сестра ковыляла по дому; рискуя свалиться, карабкалась на лестницу; надолго забивалась то в шкаф, то под кровать. Выдвигала ящики, полные опасных предметов. Наверное, ей хотелось попасть в поле зрения взрослых, этих великанов; часто я обнаруживала сестру на кухонном столе или на краешке ванной – замершую, словно птичка, одинокую, никому не нужную. У Кейси была тряпичная кукла по имени Маффин и две пустышки, которые отродясь никто не мыл. Эти сокровища Кейси тщательно прятала. Однажды обе пустышки пропали. Ба не стала покупать новые, и Кейси проревела несколько дней подряд. Сосала пальцы, отчаянными глотками втягивала в себя воздух.

Не по своей инициативе я начала опекать сестру. Просто увидела: больше никому дела до нее нет, вот и впряглась. В то время Кейси еще спала в колыбели, которая стояла в нашей общей комнате. Но очень быстро она выучилась выбираться наружу и делала это из ночи в ночь. С проворством, которого и не заподозришь в таком маленьком ребенке, моя

сестра, словно паучок, выползала из колыбели и ложилась спать со мной. И так повелось, что именно я напоминала взрослым: надо сменить Кейси подгузник, надо переодеть ее в чистое. Именно я приучала сестру к горшку. Со всей серьезностью относилась к роли опекуни. С гордостью тащила это бремя.

Когда мы чуть подросли, Кейси каждый вечер просила: «Расскажи про маму!» И каждый вечер я, маленькая Шахерезада, напрягала память, чтобы выдать сестре новый эпизод, или же попросту сочиняла. «Помнишь, как мы с мамой ездили на море?» – спрашивала я, и Кейси поспешно кивала. «Помнишь, как мама купила нам мороженое? Помнишь, какие вкусные оладьи она пекла нам на завтрак? Помнишь, как она читала нам на ночь сказки?» (Все эти проявления родительской любви регулярно упоминались в детских книжках.) Я вычитывала их сама. Я лгала сестре. Кейси слушала, прикрыв глаза, словно кошка на солнцепеке.

С великим стыдом признаю: статус хранительницы семейной истории давал мне власть над сестрой, давал оружие сокрушительной силы, которое я применила всего один раз. Был вечер, мы поссорились, уже не помню из-за чего, Кейси на меня кричала – долго, надрывно. Устав от воплей, я совершила злодеяние, в котором тут же раскаялась. «Меня мама больше любила, чем тебя!» – выпалила я. По сей день это – моя самая чудовищная ложь. Я тотчас сама себя опровергла – но было поздно. Маленькое личико Кейси побагровело и сморщилось. Ротик открылся, словно для ответа. Но крыть сестре было нечем. И она разревелась. Завыла от непоправимого горя. Так могла бы быть взрослая женщина, знавшая боль, выдававшая виды. До сих пор этот вой свеж в моей памяти.

* * *

После похорон кто-то заикнулся: теперь, мол, отец нас заберет, увезет в другое место. Но у отца, похоже, не было ни денег, ни желания что-то менять, и мы, все трое, остались жить у Ба.

И зря.

Отец с самого начала не ладил с тещей; теперь же, когда мамы не стало, они только и делали, что скандалили. Обычно Ба напускалась на отца, кричала: «Ты когда за комнату платить будешь, голодранец?!» Кейси, в отличие от меня, этих сцен не помнит. Вскоре отец не выдержал – съехал. Мы остались на попечении бабушки. Она рвала и метала. Стоило Кейси набедокурить, заводила: «Будто не хватит на мой век соплей да бардака!» Никак не получалось встретиться с Ба взглядом. Она не смотрела прямо на нас – только вбок или повыше наших мордашек. Так смотрят на солнце.

Сейчас я догадываюсь: потеря дочери, обожаемой до самозабвения, удерживала Ба от нежностей. В нас она видела подтверждение: мы смертны, как и Лиза; мы – бомбы замедленного действия, начиненные новой болью.

Нам с Кейси доставалась лишь малая часть бабушкиного раздражения. Самые сильные эмоции были направлены на нашего отца. К нему Ба питала ненависть разрушительную, как торнадо. Ненависть многократно усиливалась, когда отец пренебрегал своими родительскими обязанностями. Ежемесячно, не найдя в условленный день чек на наше содержание, Ба разражалась привычным монологом: «Я, как его увидела, так сразу и раскусила, и говорю Лизе: мутный он, хахаль твой; таких-то мутных поискать!»

Еще одно откровение (правда, бабушка его не нам с Кейси озвучивала, а кому-то по телефону – но достаточно громко); так вот, Ба говорила: «Он ее на это дерьмо подсадил. Сгубил мне девку».

Когда мама умерла, *«этот Дэниел Фитцпатрик»* умалился до местоимения. Стал единственным, к кому подходило местоимение «он», если не считать пары-тройки дядьев да Господа Бога. Других лиц мужского пола в нашей жизни не было. При встречах мы называли его папой. Сейчас это кажется нелепым, не верится, что слово «папа» слетало с моих губ. Но даже и в те времена странно было произносить «папа» после очередной долгой разлуки. Отец сам так себя называл, говорил Ба: «Я – их папа». А Ба отвечала: «Значит, води себя, как папы ведут».

В итоге он исчез с концами. На целое десятилетие. А когда мне уже сравнялось двадцать, кто-то из его приятелей сообщил, что Дэниел Фитцпатрик умер. Как? Да так же, как все мрут на северо-востоке Филадельфии. Так же, как умерла Кейси – в первый раз. И во второй. И в третий.

Тот отцовский приятель думал, я уже в курсе; моя реакция стала для него неожиданностью.

А вот о маме Ба почти не говорила. Иногда я заставляла ее глядящей на мамино фото – старое школьное фото, где маленькая Лиза О’Брайен улыбается беззубой улыбкой. Только оно и осталось от мамы – единственное свидетельство, что Лиза О’Брайен бегала по этому дому. Фото цело до сих пор. Висит на стене в гостиной. Мамино изображение пережило ее саму; но, может, знай мама, как по ней будут тосковать, она бы здесь задержалась.

Еще, очень редко и только по ночам, я слышала бабушкин плач – нечеловеческий вой, приглушенный подушкой, или детские всхлипы. И то,

и другое говорило о неизбывном горе. Но в дневное время Ба держалась. Молчала. Только иногда бросит: «Она сама виновата; сама в это дерьмо влезла. Вы, обе, – глядите, тоже не вляпайтесь».

* * *

Так мы росли – без отца и без матери.

Когда мама умерла, бабушка была еще сравнительно молода – ей только исполнилось сорок два. Нам она казалась гораздо старше. Она постоянно работала. Как правило, в нескольких местах. Зимой в доме властвовал невыносимый холод. Батареи были отрегулированы на 55 градусов^[10]; если б не риск, что трубы лопнут от мороза, Ба, пожалуй, и вовсе отключала бы отопление. Мы ходили в куртках и шапках. Если жаловались, Ба кричала: «Вы, что ли, будете по счетам платить?» В ее отсутствие активизировались призраки – дом принадлежал семье с 1923 года, когда дедушка Ба, ирландец, купил его. Сама Ба унаследовала дом от своего отца. Двухэтажный таунхаус, тесный, без архитектурных излишеств; на втором этаже, в ряд, вдоль коридора, три крошечные спальни, на первом, тоже в ряд, изолированные друг от друга гостиная, столовая и кухня. Входя в любую из комнат, мы запинаясь о низкий порожек – как о напоминание о строгих рамках.

Мы бродили по дому – туда-сюда, от парадной двери до черного хода, или по коридору второго этажа – всегда предсказуемо вместе, где одна, там и другая. Ба придумала для нас две клички – МикКейси и КейМики. Неразлучные, мы были нелепы в паре; я – долговязая, темноволосая худышка и Кейси – беленькая, крепенькая, как гриб-шампиньон. Мы вели переписку; наши рюкзаки и карманы были полны измаранных вдоль и поперек бумажек.

Потом мы обнаружили, что в углу спальни ковролин отходит от плинтуса, и устроили там, под ковролином, под неплотно закрепленной половицей, настоящий тайник. Оставляли друг другу записки, рисунки, бесценные мелочи. В деталях планировали жизнь, которая начнется для нас, как только мы покинем бабушкин дом. Я мечтала поступить в колледж, получить полезную специальность, найти работу с приличной зарплатой. Потом выйти замуж, родить детей и осесть где-нибудь, где всегда тепло. Но сначала, конечно, посмотреть мир. Кейси, напротив, одолевала фантазии. То она хотела играть в ансамбле, даром что отродясь музыкального инструмента в руках не держала. То мечтала об актерской карьере. То воображала себя шеф-поваром. Иногда – моделью. Порой тоже говорила: «Поступлю в колледж»; но на мой вопрос, в какой именно,

начинала перечислять учебные заведения, заведомо недоступные для нас обеих. Те, которые упоминали в телепрограммах. Те, в которых учатся дети богатых родителей. Я не считала себя вправе развеивать иллюзии сестры. Хотя, наверное, следовало бы.

Я заботилась о Кейси, как любящая, но неопытная мать; я безуспешно пыталась оградить ее от опасностей. А Кейси была мне подругой, и в этом статусе всё толкала меня к своим приятелям, всё социализировала.

Но по вечерам, в нашей общей постели, мы становились самими собой – сестрами-сиротами; мы цеплялись друг за друга, елозили головами, темной и светлой, сбивали в общий колтун распущенные волосы и шепотом перечисляли школьные несправедливости, постигшие нас за день.

Уже будучи подростками, мы продолжали спать вместе, хотя был момент, когда каждой из нас могло достаться по комнате. Но нам тогда и в головы не пришло разделиться. Среднюю спальню – «мамину комнату» – ни я, ни Кейси не рискнули бы занять – она была чем-то вроде музея, в ней жила память о маме. Правда, Ба периодически пускала туда на постой какого-нибудь родственника, согласного платить ежемесячно несколько сотен долларов. А потом ей вздумалось демонтировать кондиционер у себя в спальне, и окно заклинило в открытом состоянии. Ба не стала тратиться на слесаря – она забила окно тряпьем и фанерками, заперла дверь, проклеила щели скотчем и перебралась в среднюю спальню. Скотч, однако, плохо помогал против декабрьских сквозняков; ту зиму мы перемещались по дому, завернувшись в одеяла, словно в тоги.

* * *

Бабушку вечно мучила проблема: с кем нас оставить? В «Гановере» продленки не было, и Ба выкручивалась как могла.

Однажды она прознала о программе Полицейской атлетической лиги. Ходить было недалеко и бесплатно, и Ба нас туда записала.

В двух просторных, с эхом, комнатах, к которым прилагался стадион, мы играли в американский футбол, волейбол и баскетбол. Опекала нас офицер Роза Залески, высокая женщина, явно сама в прошлом и футболистка, и волейболистка, и баскетболистка. Еще нам регулярно рассказывали о пользе школьных занятий и вреде алкоголя и наркотиков. (Об этом мы слышали из уст «завязавших»; наставления сопровождались устрашающими фото и заканчивались лимонадом и печеньем.)

Офицеры Лиги сочетали в себе строгость с отзывчивостью и вдобавок умели увлечь детей. Прежде мы с Кейси знали совсем других взрослых; при них от нас только и требовалось, что «вести себя прилично». Офицеры

Лиги приятно контрастировали с этими взрослыми. Выбрав себе наставника, а точнее – кумира, ребенок ходил за ним по пятам, во всем подражая ему. Таким образом, у каждого офицера быстро формировался свой отряд; со стороны наставник и воспитанники больше походили на утиное семейство. Кейси боготворила вечно замороченную Олмуд, миниатюрную женщину с буйным чувством юмора. Офицер Олмуд, не стесняясь, выражала недовольство «недоделанным миром, полным недоделков» и трунила над «кучкой придурков» – так она называла своих подопечных, почему-то провоцируя их истерический хохот. Кейси мигом «слизнула» у Олмуд и походку, и интонации, и вообще все повадки. Пыталась она и выражаться афоризмами, как Олмуд, причем при бабушке. Правда, та живо пресекла эти попытки.

Мой кумир не привлекал к себе столько внимания.

Офицер Клир поступил в Лигу совсем молодым. Ему было всего двадцать семь лет. Но мне эти двадцать семь казались глубокой зрелостью, предполагающей развитое чувство ответственности. У офицера Клира был маленький сынишка, о котором тот с восторгом рассказывал; но обручального кольца он не носил, ни о жене, ни о подруге не упоминал. Устроившись в уголке просторной, как кафетерий, комнаты, где мы делали домашнее задание, офицер Клир утыкался в книгу. Время от времени он поднимал взгляд над страницей, озирался – не шалим ли? не отвлекаемся ли? – и снова возвращался к чтению. Длинные голенастые ноги у него, вероятно, затекали, и он их то вытягивал, то закидывал одну на другую. Довольно часто Клир вставал и обходил нас по одному, склонялся над каждым, спрашивал, что задали и все ли получается, и указывал на ошибки. Он был строже всех офицеров в Лиге. Не хохмил с детьми, как другие. Лицо его почти постоянно выражало задумчивость. Кейси офицера Клира на дух не выносила.

Зато я жизни без него не мыслила. Офицер Клир внимательно выслушивал каждого, кто бы к нему ни обратился; глядел в глаза и чуть кивал – дескать, понимаю, всё понимаю. И вдобавок он был красивый. Черные волосы зачесывал назад, бачки носил самую чуточку длиннее, чем, наверное, полагалось по уставу (в 1997 году бачки были в тренде). Сдвигал темные брови, если какой-либо пассаж в книге казался ему особенно интересным. Плюс высокий рост, широкие плечи и легкий налет старомодности – словно Клир шагнул в эту казенную комнату прямо с экрана, прямо из фильма тридцатых-сороковых годов. Да еще учтивость. Однажды Клир придержал для меня дверь и, пока я стояла, совершенно опешившая, принялся нахваливать мою прилежность в занятиях, называя

ее «редкостным даром». Поскольку я не двигалась с места, он простер вперед руку – мол, после вас – и чуть нагнул голову в галантном поклоне. Я была потрясена. С тех пор каждый день я занимала место всё ближе к офицеру Клиру, и вскоре нас разделял лишь узкий проход между столами. Сама я с Клиром никогда не заговаривала – только еще тщательнее и внимательнее делала домашние задания в надежде, что Клир заметит и при всех похвалит мое усердие.

Наконец надежда оправдалась.

В тот день офицер Клир учил нас играть в шахматы. Мне сравнялось четырнадцать. Я пребывала в фазе максимальной закомплексованности. Рта почти не раскрывала; мучилась из-за прыщей, из-за нечистых волос и тела (на водопроводной воде, как и на отоплении, Ба тоже экономила); стеснялась обносков (в благотворительном магазине Ба вечно доставались вещи либо на два размера больше, либо на два размера меньше, чем надо).

Но, страдая по поводу внешнего вида, я чрезвычайно гордилась своим умом. Мне нравилось воображать ум великолепным драконом, спящим на куче сокровищ, охраняющим эти мои тайные сокровища от всех, в первую очередь – от Ба. На них я уповала, ибо верила: однажды они спасут нас обоих – меня и Кейси.

В тот день, невероятным умственным усилием, проявив чудеса сосредоточенности, я обыграла почти всю нашу группу. Нас, полуфиналистов, осталось четверо. Все взгляды были устремлены к нам, а взгляд Клира я ощущала на физическом уровне, хотя сам офицер стоял где-то сзади, невидимый мне. Сутулой спиной, торчащими лопатками я чувствовала: вот он, здесь, совсем рядом – высокий, широкоплечий, прочный, как скала. Вот он затаил дыхание. Вот выдохнул. Вот снова затаил.

Я вышла в финал.

– Отличная работа, – прокомментировал офицер Клир, и я расправила плечи и тут же снова их ссутулила. Всё это молча.

И вот решающая игра – с мальчиком старше меня, «сделавшим» половину отряда. Он, тот мальчик, уже несколько лет серьезно занимался шахматами. Он и меня вмиг «сделал».

Ребята расходились по домам, но офицер Клир медлил. В итоге мы остались наедине – он, высокий, сильный, оперевший руки в бока, и я – выдохшаяся после матчей, пунцовая под его взглядом, не смеющая поднять глаз.

Офицер Клир медленно протянул руку, взял моего поверженного короля, сделал им правильный ход. Затем опустился на колени передо

мной, сидевшей за столом, и тихо спросил:

– А раньше ты в шахматы играла, Микаэла?

Он всегда называл меня Микаэлой, и я это ценила особо. Кличка «Мики», придуманная бабушкой, меня коробила; тем неприятнее было, что ее подхватили все – и родня, и одноклассники, и учителя. Кстати, мама тоже использовала мое полное имя; по крайней мере, мне так помнится.

Я покачала головой – дескать, нет. Говорить я просто не могла.

Офицер Клир кивнул. И произнес:

– Я очень, очень впечатлен.

* * *

И начал учить меня шахматам. Каждый день он уделял двадцать минут мне одной. Показывал, как открыть игру гамбитом, объяснял, какие еще бывают стратегии.

– Ты чрезвычайно способная, Микаэла, – говорил офицер Клир. – А как у тебя в школе?

Я пожимала плечами. Краснела. При нем я всегда была красная, кажется, не только лицом, но и всем телом. Кровь пульсировала во мне бурно, выбивала в висках: «Я – живая! Живая!»

– Н-нормально, – мямлила я.

– Значит, стремись, чтобы было отлично, – напутствовал офицер Клир.

Он поведал мне, что азы шахмат ему преподавал отец – тоже полицейский. К сожалению, добавил офицер Клир, отец умер молодым.

– Мне было восемь, – сказал он, в раздумье беря и снова ставя пешку.

Я быстро взглянула на него и снова уставилась на клетки шахматной доски. «Значит, и он через это прошел», – мелькнуло в голове.

Офицер Клир носил мне из дому книги. Сначала это были детективы – как основанные на реальных событиях, так и полностью вымышленные. Нравившиеся его отцу. «Хладнокровное убийство» Трумена Капоте, «Убойный отдел» Дэвида Саймона. Весь Чандлер, вся Агата Кристи, весь Дэшил Хэммет. Офицер Клир рассказывал о фильмах. Любимым фильмом у него был «Серпико»; еще он хвалил «Крестного отца» («Считается, что лучшая часть трилогии – вторая; а на самом деле лучшая – первая», – доверительно сообщил мне офицер Клир). Были упомянуты также «Славные парни» Скорсезе и несколько более старых фильмов. Особо отмечены – «Мальтийский сокол» («Даже лучше книги!»), «Касабланка» и все триллеры Хичкока.

Ни одна книга, ни один фильм из рекомендованных офицером Клиром не остались не прочитанными или не просмотренными мной. «Тяжелые

времена в отеле “Эль Рояль”» я даже переписала себе на диск. Я покупала диски любимых групп Клира – «Флоггинг Молли» и «Дропик Мёрфиз». Клир сказал, что группы – ирландские, и я ожидала напевности скрипок и заволаживающего звона ударных. К моему неприятному удивлению, из колонок раздались хриплые мужские вопли и агрессивное дребезжание гитар. И все-таки я допоздна слушала эти записи на плеере, или же скользила лучом карманного фонарика по страницам, которых касался офицер Клир, или в гостиной, на диване, просматривала классику детективного жанра, столь милую его сердцу.

– Понравилось тебе, Микаэла? – неизменно спрашивал офицер Клир, а я отвечала: «Очень понравилось», даже если это было совсем не так.

* * *

Офицер Клир мечтал о карьере следователя. Часто говорил: «Обязательно займусь этим вопросом, вот только сынишка подрастет». Пока ребенок был мал, Клиру больше подходила служба в Лиге – без ночных дежурств и срочных выездов. Несколько раз он приводил сына, мальчика лет четырех-пяти, на занятия. Звали его Габриэль, он был вылитый отец – темненький, худощавый. Голенастые лодыжки торчали из слишком коротких брючек. При первом знакомстве офицер Клир, явно гордясь Габриэлем, пронес его на руках по всей комнате. Я жутко взревновала. Не знаю, чего я хотела. Чувствовала только, что ревную одновременно и к отцу, и к сыну.

Наконец Клир остановился рядом со мной.

– А это, сынок, Микаэла. Мы с ней лучшие друзья.

Вся трепеща, я подняла взгляд. Еще много дней эта фраза отзывалась во мне, грела, нежила: «Лучшие друзья. Мы с ней – лучшие друзья».

* * *

Увы, примерно в тот же период у Кейси начались серьезные проблемы. Сейчас мне кажется, виной всему – моя невнимательность к сестре. До того, как в мою жизнь вошел офицер Клир, я была безраздельно предана Кейси. Делала с ней домашние задания, давала советы в поведенческих аспектах (если, конечно, сама что-то в них смыслила), улаживала конфликты с бабушкой, по утрам заплетала Кейси косы, с вечера готовила ей бутерброд в школу. Кейси в ответ открывалась мне; я была в курсе ее маленьких тайн, ее школьных обид. Я одна знала, сколь глубокая, сколь неизбывная тоска порой наваливается на мою сестру и сколь тяжело Кейси выплывать из этой тоски. Но, размышляв об офицере Клире, я

отдалилась от сестры. Мои мысли, мои желания, мое томление – все принадлежало ему. Для Кейси ничего не осталось.

В результате она покатилась по наклонной плоскости. В тринадцать уже регулярно сбегала с занятий в Лиге. Всякий раз после звонка из Лиги Ба пыталась наказать Кейси, но успехом такие попытки увенчивались крайне редко – Кейси сбегала и от Ба тоже. А потом проступков накопилось такое количество, что Ба как-то неуверенно выдала: «Она уже большая, а я ей не сторож» – и махнула рукой. Мне было пятнадцать. Заодно уж Ба перестала контролировать и меня. Охота мне заниматься в Лиге – на здоровье; а лучше б работу нашла – так она рассуждала. Но я выбрала не работу, а практику всё в той же Лиге. Стала вожатой у младших детей.

Выбор мой был продиктован в основном желанием находиться поближе к Клиру. Но я ни единой живой душе в этом не призналась бы.

Кейси после школы стала зависать в компании, где верховодила Пола Мулрони. Конечно, о домашних заданиях теперь и речи не шло. Новые приятели моей сестры одевались во всё черное, курили, красили волосы и слушали группы вроде «Грин дэй» и «Самфинг корпорейт». Я подобную музыку не выносила физически – а вынуждена была терпеть. Кейси, пользуясь любой отлучкой бабушки и игнорируя то обстоятельство, что я занимаюсь, включала плеер на полную мощность. Помимо сигарет, она стала курить и марихуану. Небольшой запас и того и другого держала под коврином. Изгадила наш детский тайник.

Словно пощечину мне влепила.

Отчетливо помню, как впервые обнаружила в нашем тайнике «колеса». Их было штук шесть, маленьких, голубого цвета; они лежали в миниатюрном пакетике. Как ни странно, взяв пакетик двумя пальцами, я испытала чувство облегчения – потому что таблетки казались произведенными на фабрике, а не в чьей-нибудь кухне. Каждая даже имела отметинки – с одного боку аккуратные буквы, с другого – цифирки. Не фальсификат, значит. Кейси меня дополнительно успокоила. Сказала, что таблетки – вроде «Тайленола»^[11] с усиленной формулой. Совсем невредные. Отцу Альби – это парень один – таблетки врач выписал; не выпишет же врач плохого? Это обезболивающее, потому что ведь у нас на районе где отцы вкалывают? Известно: на стройках или в порту грузчиками. Работа тяжелая, кости ноют, мышцы сводит. На дворе был 2000 год. Четырехлетним малышам сплошь и рядом прописывали «Оксиконтин»^[12] – и родители малышей покупали его без задней мысли.

Еще спасибо за рецепт говорили. Считалось, что «Оксиконтин», в отличие от опиоидов предыдущего поколения, не вызывает такого привыкания; вот никто и не опасался. «Тебе-то они зачем?» – спросила я Кейси. «Так просто. Прикольно же» – был ответ.

Кейси не сказала, что они с приятелями эти таблетки крошат, а порошок нюхают.

А вскоре она и вовсе пошла по рукам. О том, что моя сестра спит с парнями, я узнала случайно. Услышала, как десятиклассник хвалился своим приятелям – дала, мол, младшая Фитцпатрик. Я спросила Кейси напрямую. Она только плечами пожала – ну да, было дело; чего колыхаешься-то?

Я на тот момент еще даже ни разу не целовалась.

Пропасть между нами росла. Без Кейси мое всегдашнее одиночество как-то выпячивалось, словно лишняя рука или нога; оно дребезжало в ушах; оно волочилось следом, как консервная банка, привязанная к кошачьему хвосту. Я тосковала по Кейси. В доме ее отсутствие ощущалось физически. Вдобавок некому стало меня социализировать. Я больше не могла ходить на вечеринки – меня там не ждали; за ланчем в школе я сидела в полном одиночестве. Сестра умела меня «преподнести»; когда мы оказывались в компании, выдавала: «С нашей Мики не соскучишься; сейчас идем, а она говорит...» Далее следовала какая-нибудь шутка, придуманная самой Кейси. Так было до Клира. Отныне, если мы пересекались в школе, сестра только кивала мне. Но и это происходило все реже – Кейси прогуливала школу.

Несколько раз я, затолкав подальше гордость, оставляла сестре записки в нашем старом тайнике.

Ответов я не получила. Ни одного.

* * *

В те дни сестра удостаивала меня вниманием, только если я заводила речь об офицере Клире.

Кейси его терпеть не могла.

«Много о себе воображает», – говорила она. Порой называла офицера Клира пижомом. Но даже тогда я понимала: неприязнь сестры к Клиру гораздо глубже, Кейси чувствует в нем нечто гадкое и темное, то, чего не может – или не желает – выразить словами.

«Ну-ну», – хмыкала она, стоило мне упомянуть Клира либо сослаться на его мнение; я же львиную долю своих высказываний начинала фразой «офицер Клир считает». Кейси и Ба пародировали меня столь безжалостно,

что я окончательно замкнулась в себе. Моя одержимость Клиром, по иронии судьбы, поменяла нас с сестрой ролями. Теперь Кейси беспокоилась обо мне, а не наоборот.

* * *

Именно к Клиру я обратилась за поддержкой и советом после первой передозировки шестнадцатилетней Кейси.

Было лето. Мое последнее школьное лето перед выпускным классом. Мне исполнилось семнадцать; мы с офицером Клиром очень сблизились. Говорили теперь не только о книгах, фильмах и музыке; Клир стал моим советчиком и моей опорой в самых разных вопросах. Я была в курсе его детских и подростковых проблем; он делился со мной и взрослыми переживаниями, такими как разногласия с коллегами и проблемы в семье. Мать, с болью сообщил офицер Клир, после смерти отца пристрастилась к алкоголю, а недавно, пьяная, упала и сломала шейку бедра. Сестра, пожаловался он, во всё сует свой нос; просто не продохнуть от ее заботы. Я слушала и кивала, но комментариев не делала. О своей семье не распространялась. Предпочитала слушать, а не говорить. Офицер Клир, в отличие от Ба, ценил мою серьезность – по крайней мере, так мне казалось. И не уставал хвалить меня: я и умная, и наблюдательная, и вдумчивая, и сообразительная на удивление.

В Лиге я была уже не практиканткой, а консультантом по организации летних программ, и за работу мне платили. Я чувствовала себя почти ровней офицеру Клиру. Я сопровождала детей на занятия, придумывала для них развлечения, с грехом пополам учила играть в спортивные игры, в которые никогда не играла сама. И каждую удобную минуту использовала, чтобы поговорить со своим кумиром.

Передозировка сестры повергла меня в шок. Как тень, я бродила по зданию Лиги – в лице ни кровинки, в голове сумбур. Зачем я здесь? Может, мне надо скорее домой, к Кейси? Ба устроила ей разнос; и потом, ей ведь реально плохо!

С такими мыслями я наконец вошла в самую просторную комнату. Меня била дрожь, я обхватила себя руками за плечи. И вдруг заметила: из-за рядов пластиковых, как в кафетерии, столиков, из своего любимого угла, на меня смотрит офицер Клир. В тот день дети особенно плохо себя вели, вот их и засадили за чтение и рисование. В комнате висела напряженная, вымученная тишина.

Офицер Клир поднялся и медленно пошел ко мне. Дети, радуясь поводу отвлечься, завертели головами, но Клир строго глянул на них и одним

кивком велел продолжать занятия.

Приблизившись, он весь подался ко мне, приготовился выслушать. Смотрел на меня, нахмутив свои красивые брови – весь внимание.

– Что случилось, Микаэла? – спросил он. Нежность в его тоне потрясла меня.

Вероятно, от нее, от этой нежности, глаза наполнились слезами. Никогда прежде никто с такой неподдельной любовью не спрашивал меня, что случилось. Во всю мою жизнь ни один взрослый не проявил столько озабоченности моим состоянием. И во мне что-то открылось – некий шлюз, который потом попробуй закрой. Отчетливо мелькнуло видение – мамины нежные руки на моих щеках.

– Не надо плакать, – сказал офицер Клир.

Я потупилась. Две горячие слезищи скатились по скулам, и я их отерла – поспешно и яростно. Я вообще редко плакала, при взрослых всегда сдерживалась. Ба отучила от слез. Бывало, раскапризничаемся с Кейси, расхнычемся, а она говорит: «Не перестанете реветь без причины – уж я вам причину-то обеспечу». И действительно, обеспечивала – до тех пор, пока мы не переросли ее, мелкую и ледащенкую.

– Иди во двор, – еле слышно шепнул офицер Клир. – Жди, я сейчас.

* * *

В тот день было 90 градусов^[13] в тени. Нормальный филадельфийский июль. Я выскочила к баскетбольной площадке с шаткими скамейками для зрителей. За площадкой тянулось футбольное поле – давно пожухлое, вытоптанное. Окрестные улицы как вымерли. Ни прохожих, ни зевак. На зады Лиги даже ни одно окно не выходило. Надо мной вяло жужжали мухи; еще более вяло я от них отмахивалась.

Прислонилась к кирпичной стене, козырек над которой создавал нечто похожее на тень. Сердце стучало где-то в животе – от страха за сестру или по другой причине, я не знала.

Я думала о Кейси. «Скорая» привезла ее в Епископальную больницу. Всю дорогу между нами висело молчание. Когда Кейси положили на койку, я сказала: «Как ты могла, просто не понимаю». А она процедила: «Где уж тебе понять». И всё. Поговорили, называется. Но вид у Кейси был, как будто ей худо – глаза закрыты, щеки с прозеленью. Вдруг дверь палаты распахнулась, и ворвалась Ба – лицо серое, застывшее, руки сцеплены. Ощущение, что их и не расцепишь. Ба – маленького росточка, тощая; о таких говорят: «В чем душа держится?» Нервически подвижная, минуты спокойно не постоит, тем более не посидит. А вот же – застыла у койки,

окаменела. Только губами чуть шевелила, шипя с ненавистью:

– Глаза-то открывай. На меня смотри. Открывай и смотри, говорю!

Кейси повиновалась, хоть и не сразу. Она долго шурилась, отворачивала лицо от флуоресцентного света, что бил с потолка.

Ба ждала. Она заговорила, лишь когда взгляд Кейси сфокусировался на ней.

– Слушай сюда. Мне вот этого вот с твоей матерью хватило. А ты, – Ба нацелила на Кейси указательный палец, – *ты* кровь мою сосать не будешь.

Затем Ба схватила Кейси за локоть и потащила с койки. Игла капельницы выскочила, трубочка повисла, закачавшись. Ба повлекла Кейси прочь из палаты; мне ничего не оставалось, как только бежать следом. Медсестра закричала:

– Куда?! Ей нужен постельный режим!!!

Ни одна из нас не отреагировала.

Дома Ба отвесила Кейси тяжелую оплеуху. Моя сестра бросилась в спальню и заперлась изнутри.

Через некоторое время я подошла к дверям. Я звала сестру по имени. Ответа не было.

* * *

Кирпичная стена до того раскалилась, что жгла сквозь одежду. Иначе говоря, опора и поддержка из нее была никакая. Я стояла спиной к двери. Раздался тихий хлопок, затем еще один: дверь открыли и снова закрыли. Я не поворачивала головы. Воздух набух влагой. Пот струился у меня по бокам, мочил рубашку. Я смотрела прямо перед собой. Знала: офицер Клир подходит. Сзади. Вот остановился. Наверное, думает, что дальше делать. Дышит. Я слышу, как он дышит. И вдруг его руки обхватили меня всю. Я рано выросла. Была этакой жердьё. В школе почти никто из мальчишек не мог смотреть на меня сверху вниз. Офицер Клир – мог. Он сомкнул объятие, и мой затылок оказался у него под подбородком – вот насколько Клир был выше.

Я закрыла глаза. Спиной чувствовала биение его сердца. Когда умерла мама, меня стал преследовать один и тот же сон. Будто некто, лишенный лица, баюкает меня, мерно и уверенно качает, подхватив одной рукой под спину, другой – под колени, сцепив пальцы в замок. Уже давно этот сон не возвращался, но чувства, которые я испытывала при пробуждении, помнились отчетливо. Я просыпалась утешенной. Умиротворенной. Любимой.

В тот день меня укачивал Саймон Клир. Я открыла глаза и подумала:

«Вот оно, сбылось».

– Что случилось? – снова спросил Саймон.

И я все ему рассказала.

Сейчас

С сожалением признаю: мне стоит немалых усилий взять себя в руки после разговора с Алонзо. Десять минут сижу за рулем без движения; наконец завожу мотор. Людей, что толкуются на тротуаре, вижу будто сквозь туманную муть. В каждой женщине мерещится Кейси; подъехав ближе, убеждаюсь – обозналась, ничего общего с моей сестрой у этой женщины нет. И у этой. И вон у той. Несмотря на промозглую погоду, опускаю оконное стекло. Пусть щеки и лоб обвеет ветром.

Из диспетчерской один за другим поступают звонки, но я медлю, не мчусь по вызову, как обычно.

Вдруг, спохватившись – я же на работе! – резко газую, обгоняю какой-то седан. Задаюсь вопросом: будь я следователем, что предприняла бы? Как стала бы искать пропавшую женщину?

В нерешительности касаюсь экрана, встроенного в приборную панель. Гаджет вроде ноутбука. В компьютерах я – дока, но эти конкретные системы крайне неудачные – всё время ломаются. Сегодня система работает; правда, подвисает.

Впервые за несколько лет ищу Кейси в базе данных.

Делать этого мне не следует; предполагается, что без веской причины ни один полицейский в этой базе никого не ищет. При входе я зарегистрировалась – значит, мои данные обнаружит любой желающий. В другое время я бы так не светила, но сегодня у меня устойчивое ощущение, что мои данные никого не интересуют, что никто не займется поисками. У патрульных нашего района просто времени нет.

И все-таки сердце мое скачет, пока пальцы выбивают на клавиатуре: «Фитцпатрик, Кейси Мэри, д. р. 16 марта 1986».

Вылезает досье арестов длиной в милю. Первый арест имел место тринадцать лет назад, когда Кейси было восемнадцать. Пребывание в состоянии опьянения в общественном месте. По сравнению с прочими поводами для ареста этот кажется пустячным.

Лиха беда начало. Аресты с того дня следовали вереницей, обвинения были всё серьезнее. Хранение наркотических веществ. Нападение на человека (сожителя, который регулярно колотил Кейси, но не замедлил вызвать полицию, когда, единственный раз, она попробовала дать сдачи).

Далее: домогательства; домогательства; домогательства. Последний арест случился полтора года назад. Мелкое воровство. Кейси за него месяц отсидела. Это было ее третье по счету тюремное заключение.

Однако в досье нет информации, которая единственная меня сейчас интересует, которую я так надеялась обнаружить. Нет сведений, что Кейси в данный момент находится в тюрьме – а значит, и среди живых.

В такой ситуации самый естественный следующий шаг – опросить родственников пропавшей. Чем скорей, тем лучше. Я же тискаю телефон, мешкаю – меня тошнит. Как всегда, когда нужно войти в контакт с О'Брайенами.

* * *

Если в двух словах, то вот оно, объяснение: родственники недолюбливают меня, а я недолюбливаю их. С детства я как паршивая овца; впрочем, такое же чувство постигло бы на моем месте любого человека, замотивированного на продуктивную жизнь. Едва ли в нормальной семье тяга ребенка к хорошим отметкам, страсть к чтению, рано принятое решение служить в правоохранительных органах вызовет подозрительность. Не таковы О'Брайены. Вот почему я оберегаю от них Томаса. Не хочу, чтобы он стал изгоем; еще хуже, если он хоть в чем-то уподобится О'Брайенам, которые, помимо вовлеченности в мелкую преступность, имеют целый букет предубеждений, в том числе расовых. Когда Томас родился, я решила оградить его от мутной о'брайеновской этики. Не то чтобы я бойкотирую родню; нет, один-два раза в год мы видимся в доме Ба, иногда сталкиваемся на улице или в магазине; в таких случаях я проявляю вежливость и даже сердечность. Но в остальное время избегаю родственников.

Томас пока не понимает, в чем дело. Не хочу ни пугать его, ни забивать ему голову информацией, для которой он не дорос. Версия для сына – всему виной моя загруженность на работе, мой неудобный график. Томас, впрочем, уже о чем-то догадывается. Недостаток более правдоподобных объяснений он компенсирует регулярными расспросами о родне, мольбами отправиться в гости к тем, с кем знаком, и встретиться уже наконец с остальными.

В прежнем садике однажды задали нарисовать семейное древо. Томас, едва дыша от волнения, попросил фотографии. Пришлось сознаться, что их нет. Ни одной. Тогда мой сын нарисовал каждого члена семьи, как ему представлялось; каждого снабдил улыбкой или печальным выражением лица, а также шапкой кучерявых волос определенного цвета. Теперь «семейное древо» висит у него над кроватью.

* * *

Готовлюсь отбросить гордость и протянуть руку своим многочисленным родственникам. Прежде всего составляю список для обзвона. Достая блокнот, выдираю последнюю страницу, пишу в столбик:

Ба (уже спрашивала).

Эшли (наша двоюродная тетка, нам ровесница; мы с ней дружили, когда были маленькие).

Бобби (еще один родственник, куда менее симпатичный; сам приторговывает наркотой и снабжал ею Кейси, пока мы с Труменом его не вычислили и не пригрозили упрятать за решетку).

Ну и хватит родни. Перейдем к знакомым.

Марта Льюис (когда Кейси выпустили условно-досрочно, Марта была ее надзирателем. Сейчас у нее, наверное, новый подопечный).

Далее следуют соседи. Затем – подружки Кейси по средней школе. После них – те, с кем Кейси водилась в старших классах. Наконец, ее нынешние приятели (никаких гарантий, что они не перешли в разряд врагов).

* * *

Сидя в патрульной машине № 2885, методично обзваниваю всех по списку.

Ба трубку не берет. На автоответчик она телефон не ставит. Когда мы

были маленькие, Ба не пользовалась автоответчиком из страха, что ее станут помогать кредиторы. Сейчас это просто привычка; или, может, так у нее проявляется мизантропия. «Кому надо, тот дозвонится», – убежденно говорит Ба.

Эшли не отвечает. Оставляю голосовое сообщение.

Бобби не отвечает. Оставляю голосовое сообщение.

Ни Марта Льюис, ни Джин Хейс не отвечают. Оставляю голосовые сообщения.

Потом спохватываюсь: да ведь сейчас никто голосовые сообщения не прослушивает! Печатаю всем эсэмэски. «Давно с Кейси общались?», «Кейси пропала», «Если что-нибудь слышали о Кейси, если видели ее, пожалуйста, сообщите».

Гипнотизирую телефон.

Первой откликается Марта Льюис. «Привет, Мик. Сочувствую. Поищу по своим каналам».

Затем – Эшли. «Нет, к сожалению, я не в курсе».

Еще несколько старых приятелей пишут, что сами давно не видели Кейси. Желают мне удачи в поисках. Выражают соболезнования.

Единственный, кто не пишет и не перезванивает, – это Бобби. Снова набираю его номер. Молчание. Пишу Эшли – может, Бобби номер сменил? «Нет, не менял. Всё правильно», – отвечает Эшли.

И вдруг я вспоминаю: сегодня понедельник, двадцатое ноября. В четверг – День благодарения.

* * *

Сколько себя помню, О’Брайены (со стороны Ба) на День благодарения собираются все вместе. Одно время отмечали в доме тети Линн, бабушкиной младшей сестры. Сейчас роль хозяйки торжества взяла на себя дочь тети Линн – Эшли. Но с рождения Томаса я эти сходки не посещаю. Моя стандартная отговорка – дежурство. Об одном я умалчиваю: дежурство я прошу сама, потому что в праздничные дни больше платят.

В этот четверг я как раз свободна. Планировала провести День благодарения с Томасом вдвоем. Купить консервированные бататы, готовое картофельное пюре и курицу гриль. Посреди стола поставить свечу, рассказать сыну истинную историю этого праздника. Ту историю, которую сама я узнала от своей любимой учительницы, мисс Пауэлл, – и которая сильно отличается от привычной версии, излагаемой в учебниках.

Но появление в доме Эшли дает шансы разузнать о Кейси, а может, и приступить с расспросами к Бобби, так и не ответившему на мою эсэмэску.

Снова звоню Ба. На сей раз она отвечает.

– Здравствуй, бабушка. Это Мики. Слушай, ты пойдешь к Эшли на День благодарения?

– Не пойду. Работаю.

– А вообще у нее гости будут?

– Линн говорит, что будут. А тебе на что?

– Просто интересуюсь.

– Еще скажи, что сама идешь.

– Может быть. Пока не знаю.

Ба выдерживает паузу, затем бросает:

– Очуметь.

– Представляешь, в кои-то веки дежурство на праздник не вlepили, – продолжаю я. – Ты только Эшли пока не говори ничего. Вдруг не получится.

Я готова попроситься, но задаю последний вопрос:

– Кейси не объявлялась?

– Сколько можно? – сердится Ба. – Ты ж знаешь – я с ней не контакту. А тебе она на что сдалась?

– Я так, просто...

* * *

Остаток дня проходит в бесплодных поисках. Катаюсь по району, высматриваю тех, кого можно расспросить о Кейси. Судорожно проверяю входящие эсэмэс-сообщения. Успеваю выехать всего по нескольким вызовам, причем выбираю случаи попроще.

Вечером Томас спрашивает:

– Мама, что-то случилось, да?

Язык чешется сказать: все паршиво, милый, ты – единственная отдушина. Единственная моя радость. Сам факт твоего существования, твое внимательное личико, разум, что растет в твоей головке, каждое новое слово, каждый новый речевой оборот, пополняющий твой словарь, я берегу как золотой запас, который обеспечит твое будущее. Главное, что у меня есть ты.

Я ограничиваюсь банальным:

– Нет, всё в порядке. С чего ты взял, будто что-то случилось?

По его лицу вижу – он мне не верит.

– Томас, – начинаю вкрадчивым тоном, – хочешь поехать на День благодарения к тете Эшли в гости?

Томас подпрыгивает и театральным жестом прижимает ручонки к

груди. Они у него, как у всех мальчишек, – в заусенцах, с сильными пальцами, а ладони всегда пахнут землей, даже если Томас к лопатке и близко не подходил.

– Конечно! Я по ней очень соскучился!

Смешно. Последний раз я возила Томаса к Эшли, когда он был совсем крохой. Едва ли Томас вообще ее помнит. Он и знает-то о существовании Эшли лишь потому, что регулярно водит пальчиком по ветвям «семейного древа», повторяя имена. Ему известно, что тетя Эшли замужем за дядей Роном и у них есть дети, его кузены, – Джереми, Челси, Патрик и Доминик. А маму тети Эшли зовут Линн; бабушка Линн.

Вот он вскидывает ручонки – ура! – и спрашивает, сколько дней до праздника.

* * *

Укладываю сына спать. В те недели, когда график позволяет, мы с Томасом строго следуем раз заведенному вечернему ритуалу. Сначала купаться, затем – читать и, наконец, в постель. В каком бы районе мы ни жили, Томас записывается в библиотеку. Библиотекари знают его по имени. Каждую неделю мы тащим домой целую кипу книг, каждый вечер Томас отбирает те, что ему больше по душе. Я читаю вслух, Томас за мной повторяет; мы описываем картинки и придумываем собственные варианты развития событий; стараемся угадать, что там будет дальше.

В те недели, когда у меня вечерние дежурства, Томаса укладывает Бетани. Не иначе, наскоро прочитывает ему пару абзацев – а то и вовсе обходится без книжки.

Томас уже под одеялом. Медлю в полутемной, тихой детской, мечтая лечь рядом с моим мальчиком и забыться дремой хоть ненадолго. Но меня ждет работа. Встаю, целую сына в лобик и закрываю за собой дверь.

* * *

Перемещаюсь в гостиную, беру старый лэптоп. Саймон отдал мне его, когда купил себе новый. Вхожу в Интернет.

Никогда не регистрировалась в соцсетях. Мне претит сама мысль о постоянном контакте с совершенно чужими людьми, а тем более – с людьми не совсем чужими. К таковым я отношу персонажей из прошлой жизни. Незачем им знать, что и как у меня в жизни теперешней. А вот Кейси – по крайней мере, одно время – активно использовала соцсети. Открываю «Фейсбук», чтобы найти ее следы. Не тут-то было. Сначала надо зарегистрироваться. Делать нечего – вношу свои данные.

Вот она, искомая Кейси Мэри. И фото есть – на нем моя сестра держит цветок, улыбается. Прическа и цвет волос те же, что я видела у нее в последнее время; значит, фото сравнительно свежее.

Конечно, я не рассчитываю на подробную информацию под фото. Обновление фейсбушной страницы едва ли фигурирует у Кейси в списке важных дел. К моему удивлению, страница сестры пестрит постами. В основном это фото кошек и собак, но мелькают и младенцы. Разумеется, чужие. Хватает пустопорожних текстов о терпимости, лицемерии, предательстве; ясно – отрывка массового маркетинга. В очередной раз убеждаюсь: ох и мало мне известно о родной сестре.

Некоторые посты сделала сама Кейси. Их я прочитываю особенно внимательно, ищу зацепки.

«Если сразу не вышло...» – это написано нынешним летом.

«Нужна работа! Помогите!»

«Хочу посмотреть “Отряд самоубийц”^[14]!»

«Это я в кафе “У Риты”. Кру-у-у-уто!!!» (прилагается фото Кейси со стаканом ледяной воды).

В августовском посте Кейси сообщает, что «без памяти влюблена». Фото тоже имеется: моя сестра и неизвестный тип – белый, тощий, стриженный «ежилом» и с татуировками на предплечьях. Обнимает Кейси. Оба стоят перед зеркалом.

Пояснение: «Коннор Док Фэмизол». Чуть ниже приписано: «А ничегошенький этот Доктор».

Вглядываюсь в физиономию. Кликаю на его имя. Страница доступна только для друзей. Не то что у Кейси. Не навязаться ли к нему в друзья? Пожалуй, не надо.

Пытаюсь гуглить имя «Коннор Фэмизол». Ноль найденных ссылок. Ладно, поищу в нашей базе данных. Завтра. Как только сяду за руль.

Возвращаюсь к страничке Кейси.

Сообщение от двадцать восьмого октября, автор – некая Шейла Макгир.

«Кейси, ты куда пропала? Отзовись!»

Комментариев нет. Сама Кейси постила в последний раз за месяц до вопля этой Шейлы Макгир – второго октября. Вот что она написала:

«Сама боюсь того, что делаю».

Кликаю на «отправить сообщение». Впервые за пять лет пытаюсь войти в контакт с сестрой.

«Кейси, я за тебя волнуюсь. Где ты?»

* * *

Назавтра Бетани в кои-то веки появляется вовремя. В последние недели я наловчилась избегать бурных сцен прощания с Томасом – заранее расклеиваю по квартире яркие стикеры (ровно десять штук), которые приводят его к книжке-раскраске.

Приехав на работу, спокойно, без спешки иду в раздевалку. Протираю туфли, и вдруг мое внимание цепляет голос из телевизора.

– Волна насилия прокатилась по Кенсингтону... – замогильным голосом вещает диктор.

Резко выпрямляюсь.

Значит, СМИ таки пронюхали. Если б что-нибудь подобное случилось в центре Филадельфии, об этом уже месяц трубили бы по всем каналам.

Кроме меня, в раздевалке только одна коллега, молодая, из новобранцев. Переодевается в гражданское после ночного дежурства. Не могу вспомнить, как ее зовут.

– За последнее время обнаружены четыре женских трупа. Первоначально считалось, что молодые женщины погибли от передозировки наркотических веществ, однако новая информация заставляет предположить, что женщины были убиты.

Четыре.

Мне только о трех известно. Первая – та, которую мы нашли в Трекс. Вторая – Кэти Конвей, семнадцати лет, третья – сиделка Анабель Кастильо, восемнадцати лет.

Почти падаю на скамью, что тянется вдоль платяных шкафчиков. Закрываю глаза. Визуализирую собственную жизнь, по которой вот буквально в эти мгновения проходит чудовищный разлом, делит ее на ДО и ПОСЛЕ. Собственно, видение привычное; посещает меня всякий раз при скверных новостях. Время становится резиновым, вялым, едва кто-нибудь, кашлянув, произносит: «Послушай, Мик... Только не волнуйся...»

Диктор перечисляет жертв поименно. Начинает с Кэти Конвей. Следует отрывок из интервью с ее матерью. Женщина, понятно, потрясена – но явно еще и пьяна. Или обкурена. Тянет слова. «Хорошая была моя Кэти, – говорит Конвей-старшая. – Таких дочек еще поискать».

Жду. Почти не дышу. Не может это быть Кейси; не может, и всё. Иначе мне кто-нибудь сказал бы. Ну разумеется. Хотя я и не заговариваю о сестре на работе, но все ведь знают. У нас фамилия общая – Фитцпатрик; уже по одной фамилии можно сообразить. Проверяю входящие звонки и сообщения. Пусто.

Диктор переходит к Анабель Кастильо; наконец к женщине, которую мы с Эдди Лафферти нашли в Трекс. Фото этой последней не показывают, но мне в память врезались и вывернутая рука, и крохотные кровоподтеки на скулах, и залитые дождем открытые глаза. Этот образ преследует меня уже больше месяца, достаточно лечь в постель и опустить веки.

Сейчас, сейчас у них там, в телестудии, дойдет дело до четвертой погибшей. До той, про которую я пока ни сном ни духом. В глазах темнеет – сначала медленно. И вдруг будто свет гасят.

– Сегодня утром, – продолжает диктор, – в Кенсингтоне было обнаружено четвертое тело со схожими признаками насильственной смерти. Полиция заявляет, что жертва уже опознана, однако отказывается открыть ее имя до тех пор, пока не будут извещены родственники.

– Вы в порядке?

Надо мной склонилась эта, новенькая, из ночной смены. Киваю – мол, да, в полном. Но это не так.

* * *

В детстве у меня было несколько подобных эпизодов. Врач называл их паническими атаками, но я всегда считала термин неточным. Выражались эпизоды в ощущении, будто я умираю; ощущение могло длиться несколько минут или несколько часов. Все это время я считала удары собственного сердца, уверенная, что вот сейчас оно стукнет в последний раз. Но уже очень давно – со школьных лет – эпизодов не случилось. И вот я, взрослая, чувствую признаки эпизода, сидя в полицейской раздевалке. Мир словно заключен в черную рамку, которая становится все шире, а сама картинка, соответственно, все уже. Я будто слепну. Теряется связь между мозгом и глазами. Я пытаюсь задержать дыхание.

* * *

Надо мной навис сержант Эйхерн – краснолицый, почти взбешенный. Рядом маячит эта, новенькая. У нее белокурые волосы и хрупкая фигурка. Тонкой струйкой она льет воду на мой лоб, объясняя сержанту Эйхерну:

– Меня так мама учила – если кому плохо, надо водой... Мама всю жизнь на «Скорой» работала, – добавляет новенькая для пущей убедительности.

Ох, как же стыдно! Будто мой тайный порок стал всем виден. Вытираю лоб, суечусь – пытаюсь резко принять вертикальное положение, рассмеяться, обратить все в шутку. Но взгляд падает на зеркало, а в нем отражено мое лицо – серое, перекошенное ужасом. Снова кружится голова.

* * *

Сержант Эйхерн, невзирая на мои протесты, хочет отправить меня домой. Мы у него в кабинете. Сажу в кресле, усилием воли пытаюсь улучшить самочувствие.

– Не хватало, чтобы обморок настиг вас в патрульной машине, – бубнит Эйхерн. – Поезжайте домой. Отдохните.

«Обморок». Да еще и «настиг». Эйхерну явно в удовольствие говорить мне такое. Не пойму, усмехнулся он или это только кажется. Воображаю, с каким смаком он поведает о моем эпизоде на планерке.

Наконец собираюсь с силами и встаю. Но прежде чем выйти, решаюсь на вопрос.

– Говорят, в Кенсингтоне нашли четвертое тело...

Эйхерн вскидывает взгляд.

– Всего одно? И на том спасибо.

– Смерть наступила не от передозировки, сержант Эйхерн. Женщину задушили. Как и первых трех.

Он молчит.

– Об этом уже в газетах пишут, – добавляю я.

Эйхерн чуть кивает.

– У вас есть ее данные, сержант Эйхерн?

Следует тяжкий вздох.

– А вам-то зачем, Мики?

– Просто я подумала – может, я ее знаю... В смысле, может, я ее задерживала, сюда привозила...

Эйхерн берет смартфон, возит пальцем по экрану. Читает вслух:

– Кристина Уокер, если верить документам. Афроамериканка, возраст – двадцать лет, рост пять футов четыре дюйма, вес сто пятьдесят фунтов.

Не моя сестра.

Чья-то еще.

– Спасибо, сержант Эйхерн.

Смотрю в окно. Отмечаю, что дубовая листва уже сорвана ветрами. Вспоминаю пассаж из школьного учебника: почти всю территорию Пенсильвании покрывают апалачские дубовые леса. В свое время пассаж вызвал недоумение: слово «апалачский» я ассоциировала исключительно с югом, а слово «Пенсильвания» – строго с севером.

– Мики, – Эйхерн выводит меня из затянувшегося транса. – Вы точно в последнее время не общались с Труменом?

Перевариваю вопрос. И ответ. Выдавливаю:

- Точно. А что такое?
- Да просто вы его в раздевалке звали.

* * *

Трумен Дейвс.

На стоянке достаю телефон, нахожу в списке номер Трумена. Смотрю на экранчик. Проговариваю про себя: «Трумен. Трумен». Сколько раз за прошедшие десять лет я произносила это имя вслух?

Трумен Дейвс. Мой главный наставник. А в последние годы – и единственный друг. Трумен, в паре с которым я проработала почти десять лет. Трумен, научивший меня всему, что я знаю о патрульной службе. В частности, что на уважительное отношение все и всегда отвечают уважительным отношением. Трумен, мрачневший, если хаяли его район; скорый на утешение или шутку – смотря по необходимости, каковая могла возникнуть для него даже при аресте. Трумен, по которому я тоскую каждый день. Чей совет нужен мне сию минуту.

Трумен, которого я избегала.

У меня это с детства. Знаю: так нельзя. Но – шарахаюсь от всего, что не в силах принять, отворачиваюсь от всего, чего могу устыдиться. Опрометью бегу прочь, лишь бы не остаться один на один с неопровержимым фактом. В этом смысле я – трусиха.

В старших классах у меня была любимая учительница. Историю преподавала. Звали ее мисс Пауэлл. Средних лет, мне она казалась пожилой. Другие ученики ее не жаловали. Она не стремилась к дешевой популярности, которую легко завоевывали отдельные преподаватели – по большей части молодые белые мужчины. Эти играли с учениками в бейсбол и баскетбол, хохмили, норовили «стать на одну доску». Мисс Пауэлл была не такая. Афроамериканка лет тридцати пяти, она одна растила двоих детей. В вечных джинсах, в очках, всегда серьезная, привлекала к себе только тех учеников, что были настроены на учебу. К таким она относилась как к взрослым, как к равным, и в эту малочисленную группку вкладывала все силы. Дала нам свой телефон и домашний адрес, сказала: «Если что – не стесняйтесь, звоните. Выручу». Предложением я воспользовалась лишь однажды – но мне приятно было сознавать, что за пределами школы до меня есть дело по крайней мере одному взрослому человеку. Что на этого человека можно переложить ответственность.

Мисс Пауэлл вела у нас расширенный курс истории США с упором на историю Пенсильвании. На деле же давала куда больше знаний – главное,

было их не проворонить. От мисс Пауэлл я получила представление об основах философии и правилах диспута, о геологии и дендрологии (особенно – о дубе, ее любимом дереве. Теперь это и мое любимое дерево, и Томаса тоже). Как бы между строк мисс Пауэлл упоминала о дисбалансе власти в США, каковой привел к узаконенной предвзятости. Правда, эту тему она затронула лишь краем – ведь классную «галерку» занимали дети польских, ирландских и итальянских эмигрантов. Они могли заикнуться родителям, а уж те изрядно осложнили бы жизнь самой мисс Пауэлл.

Мое восхищение ею и ее методами преподавания было столь глубоко, что я серьезно думала об истфаке. До сих пор иногда прокручиваю в голове этот сценарий – как бы у меня сложилось, стань я учителем истории. Томас уже задает вопросы: почему в мире всё так, а не иначе; тогда я либо вспоминаю наставления мисс Пауэлл, либо ищу ответы в книгах, а подаю их в стиле своей бывшей учительницы. Во всяком случае, стараюсь.

Зачем это лирическое отступление? А вот зачем. Несколько лет назад я столкнулась с мисс Пауэлл в супермаркете – и на меня нашел ступор. Казалось бы – такая встреча; следовало обрадоваться, может, даже обняться. Ан нет. Я, в своей полицейской форме, словно окаменела. Мы не виделись с моих попыток подать документы в педагогический колледж. Там, в супермаркете, постаревшая, сидящая мисс Пауэлл толкала переполненную тележку, увенчанную пачкой хлопьев. Она замерла. Даже рот приоткрыла. Смерила меня взглядом. (Живо вспомнилась особая лекция о забастовках в Лос-Анджелесе – с какой гримасой говорила мисс Пауэлл о причинах и следствиях!) А теперь я, одна из преданнейших учениц, – и вдруг сотрудница полиции! Взгляд мисс Пауэлл скользнул к нашивке с моим именем. Ну да, все правильно: «М. Фитцпатрик».

– Микаэла, это ты? – пролепетала она.

Время замедлилось, растянулось, провисло. Я ответила не сразу.

– Нет, – сказала я.

Как последняя трусиха. Как предательница. Не пожелала объяснить, что да почему.

Никогда прежде я не стыдилась своей профессии. А в тот раз мне было стыдно. В причинах рыться не берусь.

Мисс Пауэлл выждала минуту, словно решая, что делать дальше. Сказала: «Извините, обозналась». Ясно: не поверила мне.

* * *

Теперь, на парковке, прокрутив давнее проявление трусости, собираюсь с духом, снова беру в руки телефон и жму на вызов.

Трумен отвечает после пятого гудка.

– Дейвс на связи.

– Это я.

– Мик? – уточняет Трумен, выдержав паузу.

– Ну да.

Внезапно к горлу подкатывает ком. Только этого не хватало. Я не плакала уже несколько лет и никогда не теряла контроль над собой при Трумене. Открываю рот, но вместо слов выдаю отвратительный булькающий звук. Принимаюсь кашлять. Беру себя в руки.

– Что-то случилось? – спрашивает Трумен.

– Слушай, ты сейчас занят?

– Нет.

– Что, если я к тебе заскочу?

– Давай, – бросает Трумен и диктует свой новый адрес.

* * *

Нападение на Трумена было как гром среди ясного неба. Ни малейших мотивов не имело, если только не считать мотивом полицейскую униформу и патрульную службу. Мы с Труменом стояли возле машины, друг против друга. За его спиной возник некто. Молодой. В легкой ветровке, застегнутой доверху, так чтобы воротник закрывал почти половину лица. В бейсболке, надвинутой на брови. Может, будь тот апрельский день потеплее, я бы насторожилась, но день был зябкий. Парень между тем приближался. Ступал упруго, спортивные штаны не стесняли движений. Бейсбольную битку он нес вертикально, прислонив к плечу, – словно малость устал после тренировки.

Я его не рассматривала. Трумен рассказывал что-то забавное; я засмеялась, он – вслед за мной.

С уверенностью, что поступает правильно, и даже с некоторой грацией, парень ударил Трумена по правому колену. Тот рухнул как подкошенный. Парень пнул его, опять же в правое колено, и бросился бежать.

Кажется, я кричала «Стой!» или «Ни с места!»; не помню точно.

Меня словно парализовало. Почему? Откуда взялся ступор? Мой напарник катался по земле, корчился от боли – а я стояла, не в силах хоть что-нибудь предпринять. Как последнее ничтожество. Как желторотая практикантка. Трумен, не контролирующий себя, почти воющий, вызывал у меня отвращение. Потому что прежде я его таким не видела. Он всегда владел собой.

Я было метнулась за хулиганом – но, сделав пару прыжков,

возвратилась к Трумену. Нельзя же оставлять его одного.

– Беги, Мики, – прокрипел зубами Трумен.

И я побежала.

Хулиган успел завернуть за угол. Я тоже завернула.

И почти наткнулась на ствол. Потому что меня ждали. Карманная «Беретта» с рукоятью с деревянными накладками; над глазком холодного дула – человеческие глаза. Ледяные, ярко-синие, они одни только и были видны – рот и нос закрывал воротник ветровки, лоб и брови – бейсболка.

– Назад, нах, – процедил мерзавец.

Я повиновалась. Без колебаний отступила на несколько шагов, попятилась из переулка обратно на улицу. Я едва дышала.

Чуть повернула голову, увидела, что Трумен так и лежит на земле.

Вытянула шею, заглянула в переулок – преступника и след простыл.

* * *

Арестовали его без моей помощи. Но на свободе он разгуливал еще целый кошмарный месяц. Трумену за это время сделали две операции (потом он еще неоднократно подвергался хирургическому вмешательству). С тех пор на больничном. Когда же преступник наконец был схвачен, произошло это вовсе не потому, что Микаэла Фитцпатрик вспомнила некие важные подробности. Нет, подробности запечатлела видеокамера на супермаркете в нескольких кварталах от места происшествия.

Узнав, что парень теперь очень долго не появится на районе, я выдохнула.

Впрочем, чувство облегчения быстро улетучилось. Арест не снимал с меня вины за оцепенение, за то, что пошла на попятную, не подчинилась команде.

За то, что предала своего напарника.

В больнице я навестила Трумена всего один раз. Вошла, повесив голову. Сочувствие выразила скороговоркой.

В глаза Трумену я так и не взглянула.

* * *

Он сейчас живет в Маунт-Эйри. Я в его новом доме не бывала. Приходится поколесить по району; это нервирует.

В прежний дом, который в Ист-Фоллз, я навевывалась. Правда, лишь изредка. Если вычесть несколько особых случаев, наше с Труменом общение имело место на работе. Конечно, мне случалось подбросить его домой или забрать перед сменой; да еще пару раз меня приглашали в гости

– на вечеринки по случаю выпускного у Труменовых дочек, на день рождения его жены Шейлы и тому подобные мероприятия. Два года назад, с наигранной небрежностью, Трумен сообщил о разводе. Они прожили более двадцати лет, ну а теперь всё, он съезжает. Девочки давно студентки, и незачем притворяться, будто у него с Шейлой осталось что-то общее. Если б я чуть надавила, Трумен сознался бы: инициатор развода – не он, а Шейла. Но я давить не стала. Я и так поняла насчет Шейлы – по не характерной для Трумена фальши, по усилиям явить равнодушие, да и по тому факту, что он столько лет скрывал семейный разлад. Подробностей я никогда от него не допытывалась, и Трумен платил той же монетой. (Думаю, поэтому мы и сработались; по крайней мере, взаимная деликатность была одной из главных причин.)

О районе Маунт-Эйри я знаю немного. Во времена моего детства и отрочества северо-запад Филадельфии был все равно что другим штатом – настолько отличался от северо-востока. Разумеется, проблем хватает и на северо-западе. Там, к примеру, находятся штаб-квартиры сразу нескольких серьезных преступных группировок. Но там же – каменные особняки с рулонными газонами, спрятанные за милями каменных стен. Те самые особняки, что стали визитной карточкой моего города еще во времена, когда слово «Филадельфия» ассоциировалось с Кэтрин Хэпбёрн^[15], а не с криминальной статистикой. История северо-запада Филадельфии известна мне со слов миссис Пауэлл: начиналось все как поселение из двух десятков немецких семейств, первоначально носившее название «Джермантаун».

Наконец-то сориентировалась. Сворачиваю на нужную улицу.

* * *

Снаружи дом очень симпатичный. От соседних домов его с каждой стороны отделяет узкая полоска газона. Фасад тоже узкий, но видно: планировка такова, что комнаты растянуты в глубину. Лужайка плавно спускается прямо к тротуару, на крыльце – качели. Сбоку тянется подъездная дорожка, на ней – машина Трумена. Места хватило бы и для моей машины, но я из скромности паркуюсь на улице.

Трумен открывает дверь прежде, чем я успеваю подняться на крыльцо. В колледже он участвовал в кроссах по пересеченной местности, позднее не пропускал ни одного городского марафона. Его отец еще на Ямайке занимался легкой атлетикой, участвовал в международных соревнованиях – словом, подавал надежды как бегун. А потом... потом он повесил кроссовки на гвоздь, эмигрировал в Штаты, окончил колледж. Умер очень рано, однако успел научить сына всему, что знал о скорости и

выносливости. И сейчас видно, что Трумен мог бы сделать спортивную карьеру в легкой атлетике: он высок, худощав и жилист. При ходьбе всегда ступает сначала на носок, будто в любую секунду готов прыгнуть. Сколько раз я наблюдала, как Трумен гнался за правонарушителем, – и невольно сочувствовала последнему. Всех, кого преследовал, Трумен настигал в пять прыжков. Неизвестно, сможет ли он бегать теперь, после травмы. Правое колено до сих пор в наколеннике поверх джинсов.

Меня он приветствует легким кивком. Ни «здравствуй», ни «заходи».

* * *

Стены в гостиной голы до абсурда. Прежний дом Трумена тоже был без излишеств, но сохранял намеки на семейную жизнь: в прихожей – детские наколенники, на доске для заметок – правильно, заметки. В новом обиталище возле перегородки стоит массивный радиатор, густо покрашенный белой краской. В углу горит бра, верхний свет выключен. Комнату затемняет козырек крыльца, а в торцевых стенах окна просто отсутствуют. Трумен, словно только что заметив, какая кругом темень, щелкает выключателем. Вспыхивает потолочная лампа. Теперь видны многочисленные книжные полки. Что ж, дом Трумену вполне подходит. У нас с ним всегда были темы для разговоров именно потому, что мы оба любим читать. В отличие от меня, Трумен вырос в дружной семье. Но он был единственным ребенком, застенчивым по причине заикания. От этой беды Трумен потом избавился, а вот в детстве рта не мог раскрыть, чтоб его не осмеяли. Поэтому дружил юный Трумен преимущественно с книгами. Вот и сейчас на журнальном столике раскрыта книга. «Искусство войны», автор Сунь-Цзы. Еще год назад я обязательно поддразнила бы Трумена: с кем воевать собрался? Но сейчас что-то изменилось, что-то погасло между нами, и я все свыкаюсь с новой реальностью.

– Как дела, Трумен?

– Нормально.

Мы оба так и стоим столбами. Трумен сам не садится и мне не предлагает.

Я в полицейской форме, но ремень оставила в машине. Зря. Сейчас было бы куда руки деть. Тру лоб.

– Колено как?

– Терпимо.

Трумен смотрит на свое колено. Вытягивает ногу.

Киваю по сторонам.

– Мне нравится.

– Да, неплохо получилось, – отзывается он.

– Чем сейчас занимаешься?

– То одним, то другим. Летом вот садом увлекся. Читаю. В ко-опе подвизался.

Что такое ко-оп, мне неизвестно. Но вопросов я не задаю.

– Ко-оп – это кооперативный продуктовый магазин, – поясняет Трумен, словно прочитав мои мысли. Улыбается еле заметно. Он в курсе, до чего мне претит афишировать пробелы в собственных познаниях.

– Девочки в порядке?

На столе, на самом краешке, притулилась семейная фотография. Дочери Трумена еще совсем малышки. На фото присутствует и Шейла. Есть в этом что-то недостойное – держать в доме портрет бывшей жены. Неужели Трумен по ней тоскует? Кажется, да. Гоню неприятную мысль.

– В порядке, – отвечает он.

Дальше не знаю, о чем говорить.

– Чай будешь? – наконец выдавливают Трумен.

* * *

Вот мы на кухне. Здесь все гораздо новее, чем в холле и гостиной; видимо, Трумен сделал ремонт. Частично своими руками – он много чего умеет и постоянно учится. Из последних достижений: незадолго до травмы он сам починил негодный фотоаппарат «Никон».

Трумен вынимает из коробки заварочный чайничек, отмеряет ложечкой настоящий, непакетированный чай. Теперь, когда он ко мне спиной, говорить легче. Вот откашляюсь – и скажу...

– В чем дело, Мики?

Спросил, не оборачиваясь.

– Я должна попросить прощения.

Звучит слишком официально. В кухнях так не выражаются. Вечная моя проблема – выбрать тон. Трумен медлит, но лишь мгновение. Снова приступает к подготовке чайной церемонии – льет кипяток в чайник.

– Прощения? За что?

– За то, что не задержала того выродка. За то, что тормознула.

Голос срывается. Трумен качает головой.

– Неправильно формулируешь.

– Что?

– Я говорю, не за это надо извиняться, Мик.

Теперь он обернулся. Смотрит на меня. Не выдерживаю, прячу глаза.

– Ну, сбежал один отморозок. Бывает. Со мной, знаешь, сколько раз

такое было? Сам уже не помню... – Трумен переводит взгляд на чайник. – Ты не в том виновата, что не задержала преступника, а в том, что растерялась.

– Не только в этом, Трумен. Я еще и попятилась от него.

– А это как раз было правильно. Какой прок, если б он тебя застрелил – из-за несчастного колена?

Молча перевариваю. Затем выдаю:

– Прости, что растерялась. Прости.

Удовлетворенный кивок. Атмосфера разрядилась. Трумен разливает чай.

– На службу вернешься?

Вопрос кажется уместным.

Трумену пятьдесят два года. Выглядит на сорок. В манерах особая неспешность – из-за нее впечатление, будто он законсервировал собственную если не молодость, то молоджавость. Его реальный возраст стал мне известен пару лет назад, когда приятели устроили ему вечеринку по случаю юбилея. В пятьдесят два Трумен может спокойно уйти в отставку. Пенсия ему обеспечена.

Он пожимает плечами.

– Может, вернусь. А может, и нет. Пока не решил. Жизнь переменилась, и не к лучшему... – Сверлит меня взглядом. – Ты ведь не только для того приехала, чтоб извиниться.

Я не отпираюсь. Я не в силах поднять глаза.

– В чем дело, Мики?

* * *

Когда я, выдохшаяся, наконец замолкаю, Трумен хромает к двери, ведущей из кухни прямо в сонный сад.

– С какого времени о Кейси нет вестей?

– Пола Мулрони говорит – примерно месяц назад с ней общалась. Но она ведь может и напутать...

– Давненько.

На его лице появляется знакомое выражение. Так он смотрит, когда готов к преследованию. Когда готов распрямиться, словно пружина, и мчаться за правонарушителем.

– Что еще тебе известно, Мик?

– Кейси последний раз постила в «Фейсбуке» второго октября. На тот момент она встречалась с персонажем по кличке Док. На ее странице есть фото этого Дока. Или Доки.

Трумен прищуривается.

– Док, говоришь?

– Вот и я тоже удивилась.

– Гм. Док...

– Ты, случайно, не слыхал о таком?

Поразмыслив, Трумен качает головой.

– Может, ты слыхал о Конноре Фэмизоле? Кажется, это его настоящее имя.

– Как-как? Фэмизол? – переспрашивает Трумен. Вижу: ему смешно.

– Ну да. А что такого?

С детства не терплю шуток, которые понятны всем, кроме меня.

– Мик, ты это имя из «Фейсбука» добыла? – уточняет Трумен.

Киваю.

Трумен хохочет.

– Кличка это. «Друзья прежде всего» расшифровывается [\[16\]](#).

Он смотрит так ласково, смеется так снисходительно, что в груди у меня развязывается некий узел. В следующую секунду я тоже прыскаю.

– Вот я бестолочь... А ты сразу протек. Один-ноль в пользу Трумена Дейвса.

Он быстро серьезнеет.

– Мик, а ты заявила куда следует о пропаже Кейси?

– Нет.

– Ну и чего ты ждешь?

Молчу. Ничего я не жду, просто стыжусь сестры.

– Никто не будет ее искать. Глянут в досье арестов – и задвинут дело подальше.

– Ты, Мик, все-таки заяви в полицию. А хочешь, я Ди Паоло поспрашиваю?

Майк Ди Паоло – Труменов приятель из Восточного убойного. Они вместе росли в Джуниате. Вообще Трумен, не в пример мне, компанейский. Когда мы работали в паре, он и меня пытался социализировать.

Отрицательно качаю головой.

– Не хочешь? Тогда хоть Эйхерну скажи.

Нет, только не ему. Эйхерна в семейные проблемы посвятить – от одной мысли все внутри переворачивается. Особенно после сегодняшнего. После моего эпизода. Еще подумает, что у меня нервный срыв...

– Трумен, сам рассуди: если я не займусь поисками сестры, кто вообще займется?

Это верно. Мы, патрульные, – что-то вроде глаз у существа под названием «полиция». Ни сержантам, ни капралам, ни лейтенантам столько не открывается, сколько нам. Именно к нам люди обращаются с просьбой вернуть потерявшегося ребенка. Именно к нам бежит этот самый ребенок, бежит и кричит: «Найдите мою маму!»

Трумен пожимает плечами.

– Так-то оно так; но Эйхерну все равно сказать нелишнее будет.

– Ладно, – обещаю я.

Вряд ли я выполню обещание; выходит, вру?

– Врешь, – констатирует Трумен.

Улыбаюсь.

Он глядит в пол. И медленно произносит:

– Есть один человек; он, пожалуй, знает этого Дока-Доку.

– Кто такой?

– Пока не заморачивайся. Я сам проверю. Надо же нам с чего-то начинать.

– Нам?

– У меня времени – прорва, – говорит Трумен, косясь на травмированное колено.

Понятно, почему он ввязывается.

Потому что, как и я, Трумен – человек азартный.

* * *

Следую совету Трумена, даром что все во мне этому противится.

Эйхерн не выносит, когда его накручивают перед планеркой; но я специально примчалась на работу пораньше. Стучусь к нему в кабинет.

Он поднимает голову. В лице тревога. Выражение сохраняется всего один миг. Увидев, что это я, Эйхерн кроит улыбку.

– Офицер Мики Фитцпатрик! Как самочувствие?

– Прекрасно. Гораздо лучше. Не понимаю, что это со мной вчера такое было. Наверное, обезвоживание организма.

– Это в смысле – сушняк? После бурной вечеринки, да?

– Вроде того, – подстраиваюсь под Эйхернов тон. Не добавляю: «Ну да, мы с моим четырехлетним сыном оторвались по полной». Может, Эйхерн и не помнит, что у меня есть сын...

– Вчера вы меня здорово напугали, Мики. С вами такое раньше бывало?

– Никогда, – вру я.

– Тогда ладно.

Сержант снова утыкается в свои бумаги. Поднимает взгляд.

– Что-то еще, Мики?

– Мне надо с вами поговорить. Это не займет много времени.

– Валяйте, только, чур, коротенечко. Планерка через пять минут.

– Дело вот в чем...

Язык присыхает к нёбу. Никогда не представляла, что о ситуации с Кейси вообще можно рассказать – тем более коротенечко.

– Лучше я вам мейл пришлю, – выдавливаю я.

Сержант Эйхерн невозмутим.

– Как хотите, – произносит он с явным облегчением.

Уже в дверях понимаю: никакого мейла не будет.

* * *

Все утро я как на иголках. Мозг сигнализирует каждой клеточке тела: «Что-то случилось. Что-то случилось. Что-то случилось». Подсознательно жду: вот сейчас раздастся звонок диспетчера, вот сейчас сообщат: найден еще один женский труп. И, конечно, это окажется труп Кейси. Вообразить ее мертвой легче легкого. Львиная доля сил уходит на то, чтобы отогнать видение прочь. Слишком часто сестра представала передо мной на грани жизни и смерти.

Поэтому я дергаюсь от каждого звонка. Поэтому убавляю звук в рации.

Хорошая новость: сегодня мороз, а значит, активность правонарушителей приближается к нулю. Заезжаю к Алонзо, беру кофе, пробегаю взглядом местную газету. Сажу долго. Ни Кейси, ни Пола не появляются.

У Алонзо почему-то выключена музыка. Привычная обстановка, жужжание флуоресцентных ламп, гудение холодильников, мяуканье кота Ромеро нагоняют сон.

Тем резче кажется телефонный звонок. Подпрыгиваю, как ужаленная.

Смотрю на экранчик. Звонит Трумен.

– Работаешь, Мик?

– Ага.

– Слушай. Я на перекрестке Кенсингтон-авеню и Аллегейни. С человеком, который в курсе насчет Дока.

Обещаю подъехать к десяти – если, конечно, не вызовут куда-нибудь.

* * *

Не вызвали. Трумен на тротуаре прихлебывает кофе. Наблюдаю за ним исподтишка – но всего одно мгновение. Уличные женщины

останавливаются, заговаривают с Труменом – определенно предлагают себя. Трумен – красивый мужчина и привык к шуточкам насчет своего успеха у женщин. В смысле, привык на эти шуточки не реагировать. Однако его внешность меня не касается, совсем. Я в нем всегда видела исключительно наставника. И очень старалась не дать повод к сплетням насчет наших с ним отношений. Мы – коллеги, и не более. Увы, достаточно поставить в пару мужчину с женщиной, как находятся досужие, начинают строить домыслы... Про нас тоже строили, даром что Трумен столько лет был женат. Я собственными ушами слышала, как нас обсуждают. Правда, всего однажды. И все десять лет старалась убедить себя, что наш профессионализм отменяет любые намеки на «внеурочную активность» – этот термин я применяю к романтическим отношениям на службе.

Вылезаю из машины, здороваюсь. В первый момент не вижу заявленного персонажа. Трумен чуть кивает на кучку не то ларьков, не то забегаловок и велит следовать за ним.

Фасад постройки, к которой подходит Трумен, вывеской не оснащен. Это что-то вроде универсама. На продажу выставлена всякая всячина, от кукол до рулонных обоев. В витрине пылится косо пристроенная табличка с надписью «Товары». Как будто этим все сказано. Сама я, должно быть, тысячу раз проезжала мимо этой, гм, торговой точки. И не замечала ее.

Внутри тепло. Долго топчусь на придверном коврике, оттираю мокрую грязь с ботинок. Полки так забиты товарами, что в проходе и не повернешься. За прилавком – старик в вязаной шапке, с книгой. Не поднимает взгляда от страниц.

– Вот она, – произносит Трумен.

Старик откладывает книгу. Слезающиеся глаза глядят на меня с недоумением, руки чуть трясутся.

– Я говорю, это сестра Кейси. Мики, – поясняет Трумен.

Старик продолжает таращиться. Наконец понимаю: его смутила полицейская форма.

– С копами не общаюсь, – заявляет старик.

Сколько же ему лет? Наверное, все девяносто. Улавливаю легкий акцент; кажется, ямайский. Труменов отец родом с Ямайки. Щурюсь на Трумена.

– Да ладно вам, мистер Райт, – говорит тот. – Я ведь и сам – коп.

Старик меряет Трумена взглядом, выдает:

– Коп копу рознь.

– Мистер Райт знает парня по кличке Док, – сообщает Трумен. – Он

вообще всех на районе знает. – И громко уточняет: – Верно ведь, мистер Райт, вы всех тут знаете?

Старик на такие комплименты не ведется.

Делаю к нему пару шагов. Он садится на табурет, ощетинивается. Что мне в моей работе не по душе, так это когда люди при моем приближении напрягаются.

– Мистер Райт, – начинаю я. – К сожалению, я не могла переодеться в гражданское перед встречей с вами. Я обращаюсь к вам как частное лицо, а не как представитель власти. Скажите, где найти человека по кличке Док?

Старик с минуту раздумывает.

– Очень вас прошу, мистер Райт. Любая информация может оказаться крайне важной.

– Незачем тебе знаться с Доком, – цедит старик. – Добра из этого не выйдет.

По спине бегут мурашки. Впрочем, я ничуть не удивлена. Уж конечно, Кейси не в церковном хоре бойфрендов себе подбирает.

Жужжит рация. Мистер Райт вздрагивает. Выключаю рацию. Мысленно молюсь: только бы ничего фатального не случилось. Только бы сейчас, вот сейчас, не вышло так, что я игнорирую вызов первостепенной важности.

– Мистер Райт, у меня сестра пропала. Родная сестра. Последняя информация о ней – что она завела роман с парнем по кличке Док. Вот зачем он мне нужен – узнать о сестре.

– Допустим, – бормочет старик. – Допустим.

Он косится по сторонам, словно опасается, как бы кто не подслушал. Подается вперед.

– Приходи в полтретьего. Он в это время у меня в подсобке греется.

– В подсобке? – переспрашиваю я.

Но Трумен уже тащит меня вон, на ходу бросая: «Спасибо, мистер Райт».

– Только переоденься, – добавляет старик.

* * *

Трумен буквально конвоирует меня к машине.

Упираюсь. Раскрываю рот:

– Кто это еще такой?

Но Трумен прижимает палец к губам. Заговаривает он, лишь когда машина трогается.

– Райт – двоюродный брат моего отца, – сообщает как бы с неохотой.

Ему достается скептический взгляд.

– Твой дядя, что ли?

– Ну да.

– Тот самый славный мистер Райт, о котором ты не раз упоминал?

Трумен смеется.

– Мы не очень-то роднимся.

– Вот не знала, что твой дядя держит универсам на Аве...

Трумен пожимает плечами. Посыл ясен: ты много чего обо мне не знала. И не знаешь.

Некоторое время едем молча. Начинается снегопад. Включаю «дворники».

– А что там у него в подсобке такое? – не выдерживаю.

Трумен вздыхает.

– Обещай, что это останется между нами.

– Обещаю.

– Райт пускает в подсобку наркоманов. Чтобы они там могли уколаться.

Понятно. В Кенсингтоне подобные места имеются. Почти все адреса я знаю. Почему не знала про это конкретное? Не иначе потому, что Трумен его крышует.

– Дядя – хороший человек, – продолжает тот. – Нет, правда. У него два сына было; оба наркоманили, оба умерли. С тех пор дядя держит под прилавком «Наркан» и одноразовые шприцы. За происходящим в подсобке он наблюдает через видеокамеру. Увидит, что какому-нибудь дураку несчастному худо – сразу бежит откачивать. Безвозмездно. Никто ему не платит.

Значит, у мистера Райта в подсобке – импровизированный инъекционный пункт. Почти во всех штатах таковые под запретом – а надо бы их легализовать. Может, и Кейси ходила к мистеру Райту?

Трещит рация. Домашнее насилие. Требуются двое патрульных. Отвечаю диспетчеру, что сейчас приеду.

– Ты со мной, Трумен?

– Я же на бюллетене. По официальной версии, лежу пластом. Не хватало мне только засветиться...

– Чем займешься?

Трумен указывает вперед, на здание библиотеки.

– Туда меня подбрось. Я там машину оставил. Позвони, как справишься, ладно? Чтобы я был в курсе.

Медлю, подбираю слова.

– А ты разве не пойдешь со мной к мистеру Райту?

Оказывается, я с самого начала надеялась: Трумен будет рядом.

Он качает головой.

– Лучше ты одна.

Наверное, разочарование отразилось на моем лице. Трумен продолжает:

– Мики, я могу тебе еще понадобиться. Нельзя, чтобы этот Док увидел меня раньше времени.

Он прав, конечно.

Останавливаю машину возле библиотеки. Провожая Трумена взглядом. Вспоминаются все его особенности, которых мне так недостает: грудной, заразительный смех; невозмутимость, с какой Трумен реагировал на вызовы (она передавалась и мне); любовь к дочерям и гордость за них; советы по воспитанию Томаса; незримое участие в его жизни – например, подарки – нечастые и недорогие, зато выбранные с заботливостью (главным образом книги); скрытность и сдержанность; пиетет к моей скрытности и сдержанности. А еще изысканный вкус в еде и напитках (я дразнила Трумена снобом, когда он покупал что-нибудь экзотическое в экосупермаркете – какой-нибудь чайный гриб, кефир, бурые водоросли араме или ягоды годжи). Трумен, в свою очередь, вышучивал мои плебейские пищевые привычки заодно с упрямством; называл меня трудным подростком и чудачкой. Ни от кого другого я бы таких прозвищ не потерпела, но в устах Трумена они мне даже нравились. Чувствовалось, что ему по душе и упрямство мое, и чудачество. И что он понимает меня – так, как никто не понимал, кроме Кейси – той, из детства.

Странно видеть Трумена в штатском. Никак не привыкну. Ступает он нерешительно, косясь по сторонам. Внезапно представляю его мальчиком – замкнутым, даже нелюдимым. «До двенадцати лет я толком не говорил», – разоткровенничался однажды Трумен, а я ответила: «Я тоже».

* * *

Возле дома, в котором, по словам диспетчера, имеет место драка, застаю коллегу, Глорию Питерс – она успела раньше меня, уже опрашивает потерпевшую. Вхожу в кухню. Теперь я – наедине с домашним тираном, мужчиной лет тридцати – тридцати пяти. Он пьян, глядит со злобой.

– Сэр, может, расскажете, что здесь произошло?

Да, именно так: «сэр». С правонарушителями, даже с самыми отпетыми, я всегда вежлива. Потому что вежливость отлично работает. Впрочем, этого типа не примешь.

– Черта с два.

Он обнажен по пояс. Руки скрещены на груди. Тощий, высокий. Из-за

опьянения трудно понять, чем еще он злоупотребляет.

– То есть вы не хотите давать показания, сэр?

Он усмехается. Систему изучил досконально. Знает, что не обязан говорить.

Пытается опереться о кухонный стол, но столешница мокра – здесь что-то разбили и пролили в драке. Пальцы соскальзывают, мужчина теряет равновесие. Впрочем, в следующую секунду он уже вновь довольно твердо стоит на ногах.

А что, если в доме дети?

Прислушиваюсь. Наверху кто-то копошится.

– Сэр, у вас есть дети?

Он молчит.

За годы в патрульной службе я всякого навидалась. Меня трудно смутить. Но этот тип вызывает отторжение. Стараюсь не смотреть ему в глаза – так я избегала бы визуального контакта с агрессивной собакой. Чувствую: *этого* лучше не загонять в угол. Кошусь на кухонные шкафы и ящики, прикидываю, в котором хранятся ножи. Мужчина достаточно пьян, чтобы броситься на меня с ножом; с другой стороны, из-за алкоголя у него нарушена координация движений, и я легко увернусь. А то и вовсе свалю его с ног.

Внезапно понимаю: где-то я видела это лицо. Пытаюсь вспомнить, забыв об опасности визуального контакта.

– Я вас знаю, сэр?

– А я почему знаю?

Ответ нелепый. Впрочем, как и вопрос.

Может, я видела его на районе, в этом нет ничего необычного. Мне тут многие примелькались.

Входит Глория Питерс. Наконец-то! Она еле заметно качает головой. Судя по всему, пострадавшая передумала. Ей уже не хочется, чтобы мужа забирали в участок.

– Оставайтесь на месте, – говорю.

Надзирая за правонарушителем, я успела прикинуть, какая в доме планировка. Задней двери нет; следовательно, мужчина не сбежит; по крайней мере, не сбежит незамеченным. Идем с Глорией в гостиную, разговариваем вполголоса.

– Так он избил жену или нет? – спрашиваю я.

– Скорее всего, избил. Лицо у нее пунцовое. Сейчас наверняка не скажешь, но к завтрашнему утру синяки будут во всей красе.

– Ну так давайте его заберем.

Арест – вот то небольшое, что мы можем сейчас сделать. Нет видимых свидетельств насилия. Нет заявления от жертвы.

На лестнице слышатся детские шажки. Мальчуган, с виду немногим старше Томаса, крадется вниз, но, заметив чужих, мчится по ступеням обратно в спальню. Это решает дело. Мы арестуем отца и мужа. Вызываюсь сделать это одна. Глория Питерс останется в доме, проверит, в порядке ли ребенок (может, он там не единственный); если что, вызовет кого-нибудь из социальной службы.

Пока я веду арестованного из дому, пока заталкиваю его в полицейский фургон, он буравит меня взглядом. Ни на секунду глаз не отводит. Просто мороз по коже.

Едем в полном молчании. Я привыкла; арестованные редко

разговаривают, жалуются или плачут, или клянут злую судьбу. Нарушители со стажем знают: молчать – в их же интересах. Но этот... Этот будто следит за мной. Будто выбрал идеальную мишень – мой затылок.

Поневоле изучаю его лицо в зеркале заднего вида. Где он мог мне попасться? Почему кажется знакомым? Замечаю ухмылку: он просек, что я использую зеркало заднего вида; он в курсе моих мыслей. И моих страхов. Плечи, шея, лопатки мокры от пота, волосы на затылке шевелятся.

* * *

В участке я вынуждена караулить его, пока освободится офицер, определяющий арестованных в камеры. Утыкаюсь в мобильник, не произношу ни слова. Сажу под взглядом, как под прицелом.

Наконец за ним приходят. Тут-то он и открывает рот.

– А я тебя знаю.

– Неужели?

– Точно.

Караульный смотрит вопросительно: увести этого выродка? Чтоб не вякал?

– И откуда же вы меня знаете?

Пытаюсь говорить сардоническим тоном; боюсь, получается неважно.

Арестованный кроит ухмылку. Мне уже известно его имя: Роберт Малви-младший. Там, в доме, он отказался предъявить документы. Имя сообщила его жена.

Роберт Малви-младший молчит. Долго. Выжидательно.

– Так я и сказал, – наконец бросает он.

Караульный грубо хватает его под локоть и тащит в камеру.

* * *

Полицейский, если только он профессионал, никогда не позволит эмоциям взять верх над разумом. Будет беспристрастен, как судья, и невозмутим, как священник. Получается, мне до истинного профессионализма еще далеко – весь день я не могу стряхнуть липкий страх, что охватил меня в машине, наедине с Робертом Малви-младшим. Передо мной так и стоит его лицо, его неестественно светлые глаза и волчий оскал ухмылки. А смена, кстати, оказывается более насыщенной, чем я полагала, слушая прогноз погоды.

Обычно в такой холод уличная жизнь в Кенсингтоне замирает. Но после ареста Малви приходится мчаться в Спринг-Гарден, где избili велосипедиста. Хулиганы скрылись, вокруг пострадавшего собралась

толпа.

Следует еще несколько серьезных вызовов. А время между тем приближается к половине третьего. Мне пора к мистеру Райту. Чтобы не загрузили в самый неподходящий момент, тяну резину, еле ползу на очередной вызов.

В два пятнадцать паркуюсь неподалеку от заведения Алонзо, в нескольких кварталах от универсама мистера Райта.

Старик сказал: «Переоденься»; это был его единственный совет. Но переодеться не во что. В разгаре смены в участок не поедешь, в раздевалку не пойдешь.

Значит, придется купить одежду в магазине сети «Фикс-прайс» вон там, за углом.

Но что делать с оружием и рацией? Тащить с собой? Какой тогда смысл переодеваться в гражданское? Оставить в машине? А если поступит звонок из категории первоочередных? Игнорирование такого звонка сулит серьезные проблемы. До сих пор на дежурстве и рация, и оружие всегда были при мне.

Наконец я решаюсь. Оставляю и то, и другое. В багажнике. Так надежнее.

* * *

Ныряю под вывеску «Любой товар за 1 доллар». Скольжу взглядом по захламленным полкам. Ну и что здесь выберешь? Вон висят огромные черные футболки и черные мужские треники. Я в них точно зальюсь. Однако выбирать не приходится. Покупаю и то, и другое, спешу к Алонзо и прошусь в туалет.

Алонзо, как всегда, пускает.

В кабинке раздеваюсь, напяливаю футболку и треники, а свою форму прячу в пакет.

Алонзо при виде меня скидывает брови.

– Неудобно вас беспокоить, Алонзо, но не могли бы вы поддержать здесь этот пакет? Совсем недолго. Буду очень признательна.

– Не вопрос, – отвечает Алонзо.

Поколебавшись, кладу на прилавок десятидолларовую купюру.

Он пытается вернуть ее, но я только говорю:

– Это чаевые.

* * *

Температура воздуха – восемнадцать по Фаренгейту^[17]. В любом

другом районе женщина, вырядившаяся в футболку, вызвала бы как минимум недоуменные взгляды; но в Кенсингтоне никого таким прикидом не удивишь. Ни при какой погоде.

Прибегаю к мистеру Райту в два сорок. Распахиваю дверь. Изнутри тянет живительным теплом. Звякает миниатюрный колокольчик. Людей нет.

Некоторое время стою, прислушиваюсь. Улавливаю хлопок задней двери.

В проходе возникает мистер Райт. Пробирается, привычно огибая стойку с обручами.

Глядит на меня молча. Может, не узнал? Может, забыл про утреннюю встречу?

Вот он дошел до прилавка, вот со скрипом опустился на табурет.

Следует долгая пауза.

– Его еще нету, – цедит наконец-то мистер Райт.

– В смысле, Дока?

– А то кого же?

– Ладно.

На самом деле – не ладно. Уже без десяти три. Моя работа под ударом. Не хватало, чтобы меня застукали в таком месте, без формы, рации и оружия. Если будет важный вызов, а я не отвечу и потом соврну, что рация забарахлила, – поверят ли мне?

– Можно вас спросить, мистер Райт?

– Спросить-то – спрашивай на здоровье. Отвечать я не обязанный.

И он подмигивает. Кажется, оттаял.

– Скажите, он – Док – каждый день приходит? Вы уверены, что сегодня...

Дверь открывается, мистер Райт вскидывает брови и чуть заметно поводит головой на вошедшего.

Оборачиваюсь.

Вошедший высок ростом (примерно с меня), тощ и жилист. Да, это его я видела в «Фейсбуке». На нем ярко-оранжевая, наглухо застегнутая куртка и джинсы. Волосы длиной до подбородка – отрастил, значит, с тех пор – и такие грязные, что цвет не определишь. Вроде каштановые. И он очень, очень хорош собой. Героин много чего с телом вытворяет, в том числе сгоняет жир. Весь, до капли. Черты заостряются, выпячиваются, лишенные плоти. Всё – чересчур: румянец на скулах, блеск глаз, краснота губ...

Вошедший, косясь в мою сторону, молча идет к прилавку.

– Меня, что ли, ждешь? – произносит он.

Надеется, что я сейчас уберусь. Мало ли откуда меня занесло. Мало ли кто я такая. А у него дело.

Рассчитываю, что мистер Райт нас познакомит. Нет, он вмешиваться не намерен.

– Не тебя, – мямлю я. И, решившись, добавляю: – Ты, случайно, не Док?

– Нет.

– Нет?

Обычно я более находчива.

– Сказал же – нет.

Док меряет меня взглядом. Складывает руки на груди. Постукивает мыском ботинка. Всем своим видом выражает нетерпение.

– Нет так нет, – говорю я. – Просто ты сильно похож на одного парня. С фотки.

Его буквально передергивает.

– С какой еще фотки?

Взгляд скользит от меня к мистеру Райту и обратно. Определенно я здесь лишняя. Встряла. Вклинилась между Доком и дозой. А доза ему явно необходима. Он еле держится. Ему на месте не стоит.

Применяю новую тактику:

– Слушай, я кое-кого ищу. Кейси Фитцпатрик.

Док на секунду каменеет. Затем его руки тяжело опускаются на прилавок.

– Блин! – выдыхает он. – Так ты ее сестра?

Живо всплывают в памяти все до единого случаи, когда я вытаскивала Кейси из сомнительных домов, а точнее, притонов. И каждый мужчина, задавший мне этот вопрос. Наверное, зря я снова в это ввязалась. Или не зря?

– Да, я ее сестра.

Запираться бесполезно. Телосложением мы с Кейси разнимся, но лицами очень схожи. Эту особенность только ленивый вслух не отмечал.

– То есть ты – Мики? – уточняет Док.

– Да.

Мистер Райт глядит строго на прилавок.

– Она о тебе часто говорила, – произносит Док. Меня жуть берет. «Говорила». Прошедшее время.

Поспешно спрашиваю:

– Знаешь, где она сейчас?

Док качает головой.

– Не знаю. Она меня бросила пару месяцев назад. С тех пор не слышал про нее.

– Вы с ней...

Он смотрит на меня, как на идиотку.

– Вы с ней были... вместе?

– Ну да.

Дольше ждать ему неважно, и он выдает:

– Слушай, у меня тут одно дело. Объявится Кейси – дай мне знать, лады?

– Есть у тебя телефон?

– Как не быть.

Он диктует свой номер. Для верности тут же звоню ему. В кармане оранжевой куртки что-то слабо вспыхивает, слышится песня, названия которой мне не вспомнить. Песня была на пике популярности во времена моего детства. Но я и тогда не знала, как она называется.

– Порядок, – говорю. – Спасибо.

Иду к двери. Док окликает меня:

– Постой. Ты в полиции служишь, да?

Колеблюсь. Потом отвечаю утвердительно.

Он молчит. И мистер Райт тоже молчит.

– Что-нибудь еще? – спрашиваю я.

– Ничего.

Спиной чувствую его взгляд.

* * *

– Ну, – произносит в трубке голос Трумена.

– Сейчас, – отвечаю я.

Быстрым шагом, чуть ли не бегом, направляюсь к заведению Алонзо. Дыхание перехватывает. Я промерзла до костей. Левую ладонь прижимаю к груди. Скорей бы схватить рацию и пистолет. Они – словно дети, оставленные без присмотра. Жаль, что нельзя перейти на полноценный бег.

– Как всё было? Получилось? – спрашивает Трумен.

Излагаю события.

– Как он тебе показался, Мик?

– По-моему, врет, – отвечаю после паузы. – Скользкий тип.

Трумен молчит.

– А ты что думаешь?

– Похоже, ты права.

Снова молчание. Понятно. Трумен сообразил: так вот сразу согласиться

с моим мнением насчет Дока – все равно что признать: песенка Кейси спета.

– А там кто его знает, – выдает он.

– Еще раз спасибо за помощь.

– Хватит уже. Заспасибила вконец.

Возвращаюсь к Алонзо, живо переодеваюсь. Судорожно проверяю входящие. Готова обнаружить сообщения от коллег: «Где тебя нелегкая носит?!», «Тебя Эйхерн искал». Ничего такого нет. Снова благодарю Алонзо, но уже на выходе спохватываюсь:

– Скажите, Алонзо, а можно будет у вас еще разок вещи оставить? Ненадолго? Есть тут какой-нибудь, не знаю... чуланчик?

* * *

Бегу к машине, припаркованной за углом. Вот сейчас сверну – а там сержант Эйхерн поджидает, на часы поглядывает...

Нет, конечно, никакого Эйхерна. Выдыхаю. Достаяю из багажника рацию и пистолет. Почти сразу же раздается звонок диспетчера.

Кража из автомобиля, ничего срочного.

Слава богу.

– Еду, уже еду.

* * *

По дороге домой перевариваю дневные события. Сначала тяжесть содеянного мною давит на плечи, но внезапно я чувствую приступ ярости. Такое уже было; приступы повторялись регулярно, именно из-за них я прекратила общаться с Кейси. И, как только приняла это решение, моя жизнь наладилась. А дело вот в чем: у меня вспыльчивый нрав. Саймон говорил, и не раз, что не знает человека более уравновешенного, чем я. Что ж, я и впрямь была уравновешенной. До поры до времени.

Сейчас, в машине, направляясь к дому, негодую на себя самое: как я могла? Как я до такого додумалась? Рискнула работой – притом любимой работой, подставила под удар собственный жизненный уклад, зарплату с соцпакетом, которые обеспечивают приличные условия мне и моему сыну! И ради кого? Ради женщины, которая, очень может быть, исчезла намеренно, которая не хочет, чтобы ее обнаружили! Ради той, чьи решения, все до единого, диктовались исключительно ее же прихотями; ради той, которая отвергала попытки близких выправить ее жизненный путь...

Хватит, хватит, клянусь я самой себе. Сыта по горло. Отныне пусть

Кейси живет как знает. Не стану больше ее опекать.

Но в этот миг память зачем-то подсовывает картинку: задушенная в Трекс молодая женщина. Синие губы. Сальные волосы. Одежда не по сезону. Глаза – распахнутые, недоумевающие, не защищенные от дождя...

* * *

Вот я в Бенсалеми. Выруливаю на подъездную дорожку. Заворачивая за угол, поднимаю взгляд. Так и есть: в окне Томасова мордашка. Томас теперь взял такую привычку: заберется на подоконник, прикинется к холодному стеклу, держась ручонками за раму; глаза страдальческие. При виде меня он расплывается в улыбке – и исчезает. Значит, побежал к дверям, мне навстречу.

Дома расплачиваюсь с Бетани (вид у нее, как всегда, скучающий). Спрашиваю, как Томас себя вел.

– Нормально, – отзывается Бетани. Никаких подробностей.

Утром я оставила ей денег, чтобы она свозила Томаса в книжный магазин. Чтобы он сам выбрал себе книжку. Детское кресло давно куплено, однако так и валяется у Бетани в машине, даже не распакованное.

– Чем вы занимались, Бетани?

– Мы, это... читали. Книжки.

– Интересно было в книжном магазине, Томас?

– Мы туда не поехали, мама, – мрачно отвечает сын.

Перевожу взгляд на Бетани. Она невозмутима.

– Сегодня холодрыга. Мы читали книжки дома.

– Не книжки, а книжку. Всего одну, – бурчит Томас.

– То-мас!

Произношу его имя с расстановкой, с предупреждением.

Но на сердце тяжело.

* * *

Наконец Бетани убирается. Томас – глаза широко раскрыты, ручки по швам, ладошками наружу – стоит передо мной, словно живой укор. «Полюбуйся, до чего ты меня довела, мама! Полюбуйся!»

Томас – умный, очень умный. Знаю, неправильно так отзываться о собственном ребенке, но тому полно свидетельств. Мой сын рано заговорил, в полтора года уже собирал пазлы. Ему не исполнилось и двух лет, а он уже знал алфавит и цифры. Порой мне кажется, Томас склонен к перфекционизму; я даже специально изучала это явление, хотела выяснить, не может ли оно перерасти в навязчивую идею или, не дай бог, в

зависимость. (Зависимость – она же в генах, а Томас, нравится мне это или нет, имеет прямое отношение к семье О’Брайен.) Я стараюсь характеризовать его просто – «одаренный», даром что Ба в свое время долго куксилась из-за этого слова.

Когда Томасу исполнилось два года, я показала его специалистам; все утверждали, что мой сын значительно опережает своих сверстников в развитии. Вооруженная этими утверждениями, я приступила к Саймону. Под моим напором тот помог устроить Томаса в «Спринг-Гарден дэй скул» – дошкольное учреждение с великолепной репутацией, удобной дислокацией и заоблачной (для меня) стоимостью обучения. На этом учреждении я остановилась после долгих поисков и сравнений и еще более долгих самовнушений, что потяну такую плату. «Спринг-Гарден» посещают в основном дети из Фиштауна и Нортен-Либертиз – районов, некогда запущенных, а теперь облагороженных и ставших престижными. Львиную долю денег, что Саймон давал на Томаса, съедала плата за обучение. Несмотря на социальные различия, сын очень быстро завел приятелей (до сих пор нет-нет, да и вспомнит их в разговоре – скучает). Я же утешалась мыслью, что в «Спринг-Гарден» закладывается некий фундамент, на котором Томас выстроит свое дальнейшее обучение. В моих мечтах фигурировал университетский диплом в области медицины или юриспруденции. Я и Томасом-то назвала сына в честь Томаса Холма, главного геодезиста штата Пенсильвания, советника самого Уильяма Пенна. Этому человеку Филадельфия обязана великолепной планировкой; хорошо бы и мой Томас стал геодезистом или архитектором... Кстати, Холма больше других деятелей почитала мисс Пауэлл.

А год назад чеки от Саймона просто перестали приходить. Я вытягивалась в нитку, чтобы Томас, как и прежде, учился в «Спринг-Гарден», чтобы рассчитываться с приходящей няней, караулившей Томаса во время моих ночных дежурств, чтобы выплачивать кредит за дом в Порт-Ричмонде, чтобы сносно питаться. Некоторое время – совсем недолго – мы держались, хотя чего это стоило! Ели консервы из тунца со спагетти, одежду вообще не покупали. Но в декабре прошлого года нас постиг прорыв канализации. Нечистоты вырвались на улицу, и я выложила за ремонт десять тысяч долларов. С этого начался наш финансовый крах.

Разобравшись с протечкой, я отправилась в Южный убойный отдел – искать Саймона. Он мало того что больше не слал чеков, но уже два раза в условленные дни не приезжал повидать Томаса. Он сменил сим-карту в телефоне, а заодно и место жительства. Это последнее обстоятельство я выяснила сама. Когда Саймон во второй раз не появился у моего дома ради

общения с сыном, я поехала в Южную Филадельфию. Долго и впустую трезвонила у дверей. И все поняла.

Томас, брошенный обожаемым отцом, был безутешен. Потому-то я запрятала гордость поглубже; потому и стала искать Саймона на работе, оставив сына с няней.

Надо знать мой характер, чтобы понимать, как тяжело мне далась та поездка. Мы с Саймоном оба скрытные и пересудов не терпим. На работе свои отношения не афишировали – возможно, причиной было их нетрадиционное начало. Конечно, мои коллеги знали, что у меня есть сын, – но понятия не имели, от кого. И не рисковали спрашивать, ведь я одним своим видом остужала даже самое искреннее любопытство.

Возле Саймоновой работы я появилась практически неузнаваемой – в темных очках на пол-лица и в фуфайке с капюшоном (парик я сочла излишеством).

Сразу заметила машину – черный «Кадиллак», который Саймон купил подержанным и сам оттюнинговал. Я остановилась ярдах в пятидесяти от полицейского участка, на улице. И стала ждать, когда закончится рабочий день.

Подробности отвратительной сцены, которая произошла между мной и Саймоном, я опушу. Скажу только, что он засек меня еще с крыльца и попытался ретироваться обратно в здание, но я его окликнула. Еще скажу, что вышла из себя, что орала, а Саймон выставлял вперед руки – как бы для защиты от меня, буйной. Я пригрозила ему судом, если в течение недели не получу деньги для Томаса, а он парировал: не посмеешь, сама ведь в курсе, сколько у меня приятелей среди юристов, и вообще я у тебя ребенка на раз отниму, моргнуть не успеешь. И пальцами прищелкнул. Чуть остыв, Саймон добавил: нелепо было с моей стороны отправлять Томаса в такой дорогуший сад. Что я о себе возомнила? Мы – не миллионеры.

Тогда-то я и приняла решение. Я вдруг перестала кричать и размахивать руками. Кажется, даже улыбнулась. И ушла. Поехала восвояси, ни разу в зеркало заднего вида не глянула. Отдалившись на достаточное расстояние, позвонила риелторше, через которую покупала дом в Порт-Ричмонде, и попросила выставить этот дом на продажу. Затем был второй звонок – заведующей «Спринг-Гарден». Я сообщила, что забираю Томаса. Для нас обоих это была трагедия.

Назавтра я порасспросила коллегу, у которого брат как раз съезжал от миссис Мейхон. Он, коллега, чуть раньше сетовал, что его припрягли вещи вывозить. И еще я разместила объявление на сайте приходящих нянь:

нужна няня, располагающая временем, для четырехлетнего мальчика; район – Бенсалем.

Саймону я о переезде не сообщила.

Если одумается, решила я – по месту работы меня вычислит. Если хочет видаться с сыном – пусть снова чеки шлет.

Так я начала с чистого листа.

* * *

С тех пор я немало принесла в жертву собственной независимости и защите Томаса. Считаю, что в целом решение было правильное.

Но, возвращаясь со смены, я неизменно вижу в Томасовых глазах тоску по общению с ровесниками и досаду на равнодушную няньку, которая только и знает, что сидеть в соцсетях. И эти тоска и досада день за днем расшатывают мою уверенность.

Принимаюсь готовить ужин. Томас притих в своей комнате.

Стол накрыт. Иду за сыном.

Томас – возле станкового мольберта, рисует что-то яркое, крупное. Мольберт ему на прощание подарили в «Спринг-Гарден».

Некоторое время молча наблюдаю. Наконец решаюсь спросить:

– Что ты рисуешь, Томас?

– Картину для Эшли.

– Для Эшли?

– Ну, для ТЕТИ Эшли. На завтра.

Господи!

Завтра – День благодарения. Совсем из головы вон...

Томас, должно быть, почуял неладное. Глядит с испугом.

– Мы же едем к тете Эшли, мама.

По интонации получается утверждение, а не вопрос.

Нарисовал Томас индейку и банку консервов – не то бобы, не то кукурузу. Чего ждать от ребенка, который уже год не видел свежих овощей – только консервированные? И виновата в этом я.

– Конечно, мы едем, Томас.

– Хорошо.

Он снова поднимает взгляд. Знаю, отлично знаю, какой вопрос сейчас прозвучит.

– А папа тоже там будет?

Атмосфера в комнате резко меняется. Наверное, в тысячный раз за последний год я отчеканиваю:

– Нет. Папы не будет.

* * *

С утра ужасно нервничаю.

Пребывание в гостях у любого представителя семейства О'Брайен – всегда стресс. Особенно если в эти гости меня не ждут. Накануне вечером я чуть было не позвонила Эшли и не предупредила, что мы с Томасом придем. Передумала – эффект неожиданности, пожалуй, будет мне на руку. Особенно если моя цель – расколоть кузена Бобби (который явно меня избегает – минимум пять эсмэсок оставил без ответа). В общем, план такой: нагрять, спросить о Кейси всех, кого получится, и уйти. Без скандалов и сцен.

– Мама, что с тобой? – волнуется Томас, наблюдая, как я мечусь по кухне.

– Венчик найти не могу.

В последнее время мне все кажется: детство Томаса летит, проносится мимо на бешеной скорости – а ведь должно быть во всех отношениях лучше моего собственного детства. Например, я спохватываюсь: «Мы с Томасом никогда ничего не пекли!» И мчусь за мукой и дрожжами.

Сегодня мы будем печь брауни. Проблема в том, что я в жизни их не готовила. Первая партия благополучно сгорает. (Томас, по своей доброте, долго грызет один брауни, кривится и наконец выдавлиывает: «Вкусно».)

Вторая партия получается лучше.

Отмывание противня заняло немало времени, и в Олни я гоню быстрее, чем следовало бы, с ребенком-то в машине.

* * *

В детстве Эшли была нам ближе всех из родни. Она – дочь тети Линн, самой младшей бабушкиной сестры. Тетя Линн родилась на двадцать лет позже Ба, по возрасту она почти ровесница нашей маме. Тетя Линн с Эшли жили в квартале от нас, Эшли ходила с нами в школу Святого Спасителя; в отличие от нас, ее и окончила. Сама родила рано, в девятнадцать, чем никого не удивила, кроме собственной матери. Тетя Линн, когда речь шла об Эшли, словно шоры напяливала. К чести Эшли надо сказать, что жизнь свою она потом упорядочила. Поступила на вечернее отделение медицинского колледжа, малыша оставляла на тетю Линн. Сейчас имеет диплом медсестры. Лет в двадцать пять вышла замуж. С мужем, Роном, у них трое детей – погодки. Семья переехала в Олни, в более просторный дом; правда, дворик там тесноват. Эшли не вызывает у меня отторжения. Жизнь Кейси могла бы развиваться по такому же сценарию – на этой мысли я

себя часто ловлю. С моей сестрой они ровесницы, их вкусы в музыке и одежде совпадают, да и чувство юмора у обеих специфическое, обе – те еще язвы. В детстве и отрочестве тусовались в одной компании. Пожалуй, из всех О’Брайенов мне не хватает только общения с Эшли. Я даже пыталась сблизиться с ней (звонила первая), но Эшли, совсем как я, занята детьми и работой: поговорить – поговорит, а сама почти никогда не перезванивает.

* * *

Долго не могу найти местечко для парковки. Наконец мы перед дверью. Дом прямо-таки гудит. Наверное, целая толпа в гостиной собралась – толпа родственников, которых я много лет не видела.

В семье О’Брайен имеется особое выражение, чрезвычайно оскорбительное для всякого, кто О’Брайенам не по нраву: «Он/она себя лучше нас воображает». Боюсь, именно это выражение годами применяли и ко мне.

Мнусь на пороге, не решаясь войти. Вернулась моя детская застенчивость, причем резко, без предупреждения. Томас это чувствует. Жметя к моим ногам. За спиной прячет рисунок, свернутый трубочкой, – подарок тете Эшли. В моих руках дрожит поднос, на котором разместились брауни.

Открываю дверь.

О’Брайены едят с красных пластиковых тарелок. Для пьющих имеется пиво. Для трезвенников – ко-ка-кола и спрайт. Пахнет корицей и жареной индейкой.

При нашем появлении челюсти перестают жевать, пивные кружки застывают, так и не поднесенные к губам. Все взгляды обращены на нас. Кое-кто кивает издали, а двое храбрых (недаром же они – старшее поколение) подходят обняться.

Дядя Рич, младший брат Ба, тоже здесь. Вон, машет рукой. С ним не то жена, не то подруга; не знаю, никогда эту женщину не видела. Мой кузен Ленни. Его дочь, лет на десять меня моложе. Не помню, как ее зовут. По всему дому бегают дети. Томас косится на них с тоской, но по-прежнему жметя к моей ноге.

Эшли как раз шла из кухни. Заметила нас, резко остановилась.

– Мики! – кричит она на всю гостиную. В каждой руке у нее по бокалу с пивом. – Ты ли это?

– Привет. Ничего, что мы нагрязнели? Я только в последний момент узнала, что смена не моя.

Выпалив это на одном дыхании, повыше поднимаю поднос. Брауни – мой вклад в фуршет.

Эшли успела овладеть собой.

– Молодец, что выбралась, Мики!

Руки у меня заняты. Коленом подпихиваю Томаса – ну же, входи в дом. Он переступает порог. Я следую за ним.

Эшли направляется прямо к нам. Останавливается, смотрит на Томаса сверху вниз.

– С ума сойти, какой ты стал большущий!

Томас молчит. Ручки по-прежнему за спиной. Вот одна, со свернутым рисунком, дрогнула, будто готовая протянуться к тете Эшли, – и снова пугливо вернулась на место.

– На кухне помощь нужна? – спрашиваю я.

Эшли мотает головой:

– Нет, все готово. Иди поешь. Я сейчас вернусь.

Мальчуган лет пяти-шести, уже давно присматривавшийся к Томасу, наконец приближается и спрашивает:

– Тебе нравятся «Крутые спецназовцы»?

– Да, – отвечает Томас.

Очень сомневаюсь, что он вообще про таких слышал.

Оглянуться не успеваю, а обоих и след простыл. Судя по шуму из полуподвала, там в разгаре войнушка.

Гул в гостиной возобновляется. О'Брайены говорят о своем.

Остаюсь в одиночестве. Как всегда на семейных сборищах.

* * *

Некоторое время болтаюсь по дому, гоню картину, будто мне вполне комфортно. Ясно, почему Эшли с семьей перебралась в Олни. Дома здесь более старые, но зато и более просторные. Например, этот конкретный в два раза больше, чем дом ленточной застройки, в котором я сама выросла. Никаких архитектурных излишеств, да и улица какая-то неуютная – и все же семье из шести человек в таком доме лучше. Мебель видала виды, стены голые, если не считать распятий над дверьми, будто в школе-интернате при католическом монастыре. Что-то новенькое. Похоже, Эшли ударилась в религию.

Когда со мной здороваются – я киваю или говорю: «Привет»; если вдруг пытаются обнять – неловко поднимаю руки, неловко взгромождаю их на родственные плечи. Не люблю объятий. В детстве меня на таких сборищах Кейси выручала. Буквально спасала от сумасшествия.

Протискивалась сквозь толпу, тянула меня за собой. На подначки отвечала подначками, на дразнилки – дразнилками, всегда беззлобными. Мы с ней набирали еды и устраивались где-нибудь в уголке. Жевали, наблюдали за родней. Сморозит взрослый глупость или выкинет фортель – мы перемигивались и прыскали со смеху. Всегда старались запомнить, как выкаблучивается спьяну какой-нибудь дядюшка, что мелет какая-нибудь тетушка. Эпизоды эти потом еще долго служили нам пищей для разговоров. У нас и язык был свой, особый, тайный. И родственники все по категориям разбиты с жестокостью и проницательностью, каких и не заподозришь у девочек-подростков.

Сейчас за каждым углом меня караулит образ Кейси – такой, какой она стала бы, если б не... Ведь и взрослая Кейси не всегда под кайфом: вижу ее с банкой колы, с чужим младенцем на руках... Гладящей чужую собаку... Играющей с троюродной племянницей...

* * *

Прохожу дом насквозь, оказываюсь на заднем дворе. Лужайка в изморози, границу между двумя участками определяет деревянный забор. У забора курят трое моих кузенов, в том числе и Бобби. Судя по его лицу, он совершенно не ожидал меня увидеть.

– Какие люди! – тянет Бобби.

С нашей последней встречи он растолстел; учитывая, что росту в нем шесть футов три дюйма^[18], Бобби теперь настоящая глыба. Он четырьмя годами старше меня. В детстве постоянно терроризировал нас с Кейси – гонял по комнатам и дворам, угрожая камнями, палками и прочими опасными предметами. Кейси повизгивала от восторга. Мне было страшно по-настоящему.

Бобби отпустил бородку. Бейсболка с эмблемой «Филлиз» сдвинута набок. Рядом с Бобби – его родной брат Джон и двоюродный – Луи. Оба меряют меня равнодушными взглядами. Может, не узнают.

Сегодня я долго думала, что надеть. Пыталась соблюсти некий баланс – одновременно проявить уважение к поводу для встречи и не показаться родственникам зазнайкой. В конце концов остановилась на серых брюках (сидят ловко, но не в обтяжку), белой удлиненной блузке и туфлях без каблука, удобных для прогулок. Все три вещи – тоже униформа, только для выходных дней. Волосы я собрала в хвост, надела крошечные серебряные сережки в виде полумесяцев – Саймонов подарок на двадцать первый день рождения. Не раз я боролась с порывом спустить сережки в унитаз, но они такие изящные, что даже отвращение к Саймону не заставило меня с ними

расстаться. Ювелирных изделий у меня и так – раз-два и обчелся. Глупо разбрасываться ценными вещами, вдобавок сами-то сережки ни в чем не виноваты.

– Ну, малышка, как делишки? – слабится Бобби. В голосе патока.

– Нормально. Как у вас, ребята?

– Супер, – отвечает Бобби, а Джон и Луи бубнят что-то нечленораздельное.

Из трех ртов торчат сигареты.

– Меня не угостите? – спрашиваю я. Не курила с тех пор, как рассталась с Саймоном. Он курит только за компанию, ну и я порой присоединялась.

Бобби как-то судорожно тянет из кармана пачку сигарет. Слежу за каждым его движением. Это у него одышка появилась – или он занервничал, потому и пыхтит? Может, просто озяб?

Отозвать его «на пять минут»? Пожалуй, не надо – чего доброго, насторожится. Самым своим беззаботным тоном говорю:

– Я тебе эсэмэсила.

– Как же, как же, – отвечает Бобби.

В пачке осталась последняя сигарета. Беру ее.

– Как же, – повторяет Бобби. – Извиняй, что не ответил. Справки наводил.

Протягивает мне зажигалку. Прикурить получается не сразу.

– Спасибо. Ну и как – выяснил что-нибудь?

Бобби качает головой:

– Никто не в курсе.

Джон и Луи непонимающе переглядываются.

– У нее сестра пропала, – поясняет Бобби. – Кейси, помните?

– Дела! – реагирует Джон.

Он старше Бобби, мельче, ниже ростом. Никогда его толком не знала. В детстве мы с Кейси причисляли Джона к взрослым. Говорят, он замешан в том же грязном бизнесе, что и Бобби.

– Соболезную, Мик, – произносит Джон.

Правда соболезнует? Сомневаюсь.

– Спасибо, Джон. Бобби, когда ты в последний раз говорил с Кейси?

Тот закатывает глаза, размышляет, как ответить.

– Ну-у-у... Господи, Мик! Что я, помню? Видел ее на районе, вроде в прошлом месяце еще мелькала. А чтоб разговаривать... С год назад, не меньше.

– Понятно.

Курим. Руки зябнут. Носы покраснели.

На сборищах О'Брайенов слово «наркозависимость» произносить не принято. Потому что касается оно слишком многих членов семьи. Кейси, конечно, – особо тяжелый случай, но и остальные в той или иной степени «употребляют». Порой кто-нибудь обронит: «По слухам, у Джеки дела идут на поправку»; другой согласится: «Да, она молодец – держится». Но никто не говорит о конкретных эпизодах, никто не использует специфическую терминологию. Сегодня я намерена грубо нарушить неписанный закон.

– Бобби, кто ее в последнее время дурью снабжал?

Бобби мрачнеет. Целый миг изображает оскорбленное достоинство.

– Давай, Мик, продолжай.

– Что?

– Ты ж знаешь – я больше не при делах.

– Откуда, интересно, мне знать?

Джон и Луи переминаются с ноги на ногу.

– Чем докажешь, Бобби?

– Ничем. Придется поверить на слово.

Затягиваюсь.

– Можно, конечно, и поверить. А можно заглянуть в досье твоих арестов. Хочешь – прямо сию минуту найду его в смартфоне?

Сама себе удивляюсь. Все негласные запреты нарушила, все границы перешла. Бобби теперь мрачнее тучи. На самом деле со смартфона нельзя получить доступ к досье арестов – только Бобби об этом не знает.

– Слушай, Мик, – заводит он, но прежде чем успевает продолжить, слышится знакомый голос. Ба называет его сиреной.

– Да неужто это Мики?

К нам приближается тетя Линн, мать Эшли.

– Мики! Сколько лет, сколько зим!

Всё, поговорили. Повезло Бобби. Поворачиваюсь к тете Линн, изображаю внимание. Тетя Линн хочет выяснить, где я пропадала, сообщает, что мир съехал с катушек, выражает надежду, что моя работа для меня безопасна, интересуется здоровьем Ба.

– Виделась с ней пару недель назад. Она приходила на мой день рождения. Ай, что за праздник Эшли мне устроила! Я упиралась, а Эшли: нет, мама, пятьдесят пять – это не кот начхал! Представляешь: мне – и вдруг пятьдесят пять!

Киваю. Слушаю про морковный пирог, испеченный Эшли по этому знаменательному поводу и, вопреки рецепту, покрытый ванильной

глазурью, ибо тетя Линн не любит глазури из сливочного сыра. За этими подробностями пытаюсь улавливать мимику троих кузенов, что стоят слева от меня. Луи что-то шепчет, Бобби отвечает еле заметным кивком.

Помню, Саймон надо мной подтрунивал. Чувствовал, если я отвлекалась от его речей, если прислушивалась к чужому разговору. «Ушки у тебя вечно на макушке», – смеялся он, и возразить мне было нечего. Это действительно так. Вдобавок развитое периферическое зрение очень помогает в моей работе. На кенсингтонских улицах оно не менее важно, чем зрение фронтальное. А ушки на макушке вполне могут спасти человеческую жизнь.

В дверях мелькает кто-то с подносом; тетя Линн исчезает так же внезапно, как появилась. Не прощается. Трубит на весь двор:

– Дай мне! Я сама отнесу!

Оборачиваюсь к кузенам. У них уже другая, неисчерпаемая в Филадельфии тема для разговора – серия неожиданных побед, которые одержали «Иглз»; их шансы на Суперкубке. Заметив мой взгляд, умолкают.

– Еще один вопрос, Бобби. Прежде чем пропасть, Кейси написала в «Фейсбуке», что встречается с неким Коннором. Фамилии не знаю. Кличка – Док.

У всех троих физиономии буквально вытягиваются.

– Рехнулась девка! – выдыхает Луи.

– Ты его знаешь, да? Вы все его знаете?

Вопрос повисает в воздухе. Он риторический. Конечно, мои кузены знают Дока.

Бобби вдруг становится очень, очень серьезным.

– Давно они встречаются, Мик? Когда пропала Кейси?

– Точно не скажу. Насколько у них было серьезно – не в курсе. Знаю, что в августе они были вместе.

Бобби качает головой.

– С этим типом лучше не связываться. Похоже, Кейси влипла.

Джон и Луи согласно хмыкают.

Прежде чем снова заговорить, выдерживаю паузу.

– Что за ним числится?

Бобби передергивает плечами.

– Сама догадайся.

Некоторое время он молчит, затем произносит:

– Мик, я попробую разузнать. Я больше не при делах, но с людьми связь не потерял.

Киваю. По лицу Бобби ясно: он всерьез озабочен. Кейси – его кузина,

член клана, он обязан ее защитить.

– Спасибо, Бобби.

– Пока не за что.

Он долго не отпускает мой взгляд. Наконец отворачивается.

* * *

Возвращаюсь в дом. Томаса нигде нет. Ищу его. Начинаю волноваться. Хватаю за плечо проходящую мимо Эшли. От неожиданности она проливает вино.

– Ой, прости... Томас куда-то запропал. Ты его не видела?

– Да он наверху, Мик.

По лестнице, покрытой толстым ковром, поднимаюсь на второй этаж. Одну за другой начинаю распахивать двери: ванная, гардеробная, комната с двумя кроватками (наверное, здесь спят младшие мальчики Эшли). Интерьер в лиловых тонах, с прописной буквой «Ч» на стене – должно быть, спальня Челси, единственной дочери Эшли. В следующей спальне, вероятно, обитает самый старший из мальчиков.

Добираюсь до последней комнаты. Это спальня Эшли и Рона. В углу подрагивает радиатор, довольно приятно пахнет теплой пылью. Посередине – кровать с балдахином; на стене – картина: Иисус держит за руки двоих малышей. Все трое направляются к мерцающему водоему. У ног Иисуса написано: «Идите со мною».

Все еще осмысливаю картину, когда совсем рядом слышится шорох. Звуки явно доносятся из шкафа. Распахиваю дверцу. Вот он, мой сын, и с ним еще двое мальчишек – не иначе, в сардинки^[19] играют.

– ТСССС! – хором шипят все трое.

Понимающе киваю, захлопываю шкаф, ретируюсь из хозяйской спальни.

* * *

Вернувшись в гостиную, накладываю себе гору еды в тарелку и ем – запоздало, жадно, с чувством вины, косясь на телеэкран (транслируют праздничный парад). Меня окружает гул голосов, знакомых с детства и полузабытых; голоса звучат в унисон, повышаются и понижаются волнообразно. Мы тут все – родня, близкая и дальняя; мы составляем одно семейное древо, многие листья и ветки которого за последнее время атрофировались, сгнили. Вот, рядом со мной, Шейн, представитель старшего поколения О’Брайенов: хвалится, сколько вчера выиграл в казино. Заходится кашлем. Почесывает спину.

Входят Эшли и Рон, а вслед за ними, явно по родительской указке, – все четверо детей.

– Прошу внимания! – возвышает голос Эшли.

Призыв тонет в общем гуле. Тогда Рон свистит в два пальца.

Я как раз несла кусок ко рту. От неожиданности опускаю вилку.

– Началось, – хмыкает Шейн. – Сейчас будет проповедь!

Эшли меряет его взглядом.

– Мы вас надолго не задержим. Просто мы – я, и Рон, и наши дети – хотели сказать, что очень вас любим. Спасибо всем, кто сегодня выкроил время и пришел в наш дом. Спасибо Господу, что дает нам возможность собираться вместе, всей большой семьей.

Рон, Эшли и их дети берутся за руки.

– Если нет возражений, – говорит Рон, – давайте помолимся.

Кошусь по сторонам. Лица у всех скептические. Если О’Брайенов и можно охарактеризовать каким-то одним словом, то слово это – «католики». Все мы религиозны; правда, в разной степени. Некоторые мои тетки чуть ли не каждый день ходят в церковь, некоторые кузены не ходят вовсе. Сама я вожу Томаса к мессе на Пасху, Рождество и в те дни, когда мне грустно. Но чтобы молиться в День благодарения – такого не припомню.

Рон тем не менее уже молится – низко склонив лысую голову, в полной тишине. Мышцы рук напряжены – так волнительна для него молитва. Он благодарит Господа за пищу, данную нам, за родных, что нас окружают; просит упокоить с миром усопших членов семьи. Далее следуют благодарности за собственное жилье, работу и детей. Рон возносит Господу хвалу за мудрых и заботливых лидеров, которых Он даровал американскому народу, и выражает надежду, что лидеры и дальше будут выполнять свой долг с максимальным рвением. Вообще-то, я почти не знаю Рона, видела его раза четыре за все время, что он женат на Эшли, считая с днем свадьбы. Сейчас по его позе, по истовости я вдруг понимаю: Рон – человек с твердым характером, трудолюбивый и серьезный, и на все у него свое мнение, которым он охотно поделится – только спроси. Сам он родом из Делавэра, даром что граница Пенсильвании с этим штатом находится практически сразу за городской чертой Филадельфии, на юго-западе, О’Брайены считают Рона чужаком, имеющим весьма опосредованное отношение к клану. Данный статус предполагает некоторую степень пиетета – и предубежденности.

Наконец молитва завершена. Со всех сторон слышится «аминь»; кто-то не в меру остроумный бурчит: «Богу спасибо за мясо, за рыбу. Хлеб дал

нам днесь – так давайте же есть».

За моей спиной, будто из-под земли, возникает Рич, мой двоюродный дед, с кружкой пива.

– Не ожидал, не ожидал, Мик. Давненько ты семейные праздники не посещала.

Рич в джинсах и фуфайке с символикой неизбежных «Иглз». Представляет собой сильно увеличенную копию Ба. Как и все мои двоюродные деды и дядя, любит почесать язык; он из тех, кто, сострив, пихает собеседника локтем – дескать, чего не смеешься?

– Всё некогда.

– Я погляжу, Мик, ты со своей службой совсем оголодала. – Рич кивает на мою тарелку. – А я вот воздерживаюсь. Талию берегу. – Подмигивает.

Выдавливаю смешок.

– Я слышал, ты в Бенсалеке перебралась? – не отстает Рич. – Бабушка твоя мне говорила.

Киваю.

– Небось неспроста? Признавайся: новый парень завелся? От семьи, Мик, ничего не утаишь.

Как всегда, Рич меня просто поддразнивает. Я привыкла. Отвечать необязательно.

– Привезла бы его к нам, познакомила бы с родней...

– Некого привозить, – говорю я.

– Да ладно, я ж просто так. Сейчас некого – значит, скоро будет кого.

– Мне никто не нужен.

Снова подхожу к фуршетному столу. Выбираю кусочки помельче, чтобы в тарелке ничего не резать. Это процесс не быстрый. Рич торчит рядом, но чуть ли не впервые на моей памяти ничего не говорит.

Тогда

После того как я рассказала Саймону Клиру о проблемах сестры, мы стали регулярно встречаться в нерабочее время.

Тем летом, отдав несколько часов Лиге, я шла в библиотеку, или в парк, или в ресторан. Места выбирал Саймон – по одному-единственному критерию: чтобы нам с ним не нарваться на знакомых. («Еще подумают про нас что-нибудь не то», – объяснил Саймон, чем всерьез меня заинтриговал.) Иногда мы бывали в кино или ездили в центр Филадельфии смотреть спектакль в каком-нибудь из независимых театров, а потом Саймон провожал меня до самой остановки, всю дорогу распространяясь о мощи театрального искусства в целом и о слабостях этого конкретного

сценария и этих конкретных актеров. А случилось, мы просто сидели на заброшенном пирсе над рекой Делавэр. Пожалуй, это было небезопасно, учитывая гнилые опоры, зато там уж точно никто нас не застукал бы. Вдобавок с пирса открывался отличный вид на реку и Кэмден. Где бы Саймон ни назначил встречу, я неизменно приходила первой. Правда, и он не задерживался, не заставлял меня ждать слишком долго. Теперь он уже все знал о Кейси и к моим рассказам проявлял поразительное внимание.

Не прошло и недели с первой передозировки, как сестра вновь стала регулярно пропадать из дому. Поскольку мы, как и раньше, спали в одной постели, я знала обо всех ее отлучках. Разумеется, я пыталась вразумить Кейси. Даже грозила, что все расскажу Ба. Но я бы так не поступила. Наказание было бы фатальнее, чем уверенный распад, которому Кейси сама себя подвергала. Я не сомневалась: Ба просто вышвырнет ее из дому. И что тогда? Что будет со мной и с моей сестрой?

– Не уходи, Кейси, – шептала я, лежа в постели.

– Да я только за сигареткой сгоняю – и назад, – отвечала сестра. И пропадала на несколько долгих часов.

Это повторялось ночь за ночью. Выходы «за сигареткой» быстро сказались на ее внешности и поведении. Вялые движения, остекленевший, потусторонний взгляд, нездоровый румянец, замедленная речь, распухший, еле ворочающийся во рту язык – все признаки были налицо. Так и хотелось хлопнуть перед Кейси в ладоши, да погромче, чтобы растормошить ее. Хотелось обнять сестру и сжимать, сжимать, пока не выйдет наружу вся тьма, которая одна и повинна в том, что Кейси с таким упорством губит собственную жизнь. Мне ужасно не доставало ее прежней – подвижной, остроумной, бойкой, столь непохожей на эту, новую девушку, завязшую в трясине вечных сумерек.

Понятно, как ни старалась я прикрыть сестру, Ба была в курсе всех или почти всех ее выходов. Периодически она устраивала у Кейси обыск и однажды нашла пачку стодолларовых купюр – та уже тогда распространяла наркотики, «работала» вместе с Полой Мулрони на ее брата Фрэна. Для бабушки этой улики оказалось достаточно. Мои худшие опасения сбылись – Ба выгнала Кейси из дому.

– Куда же она теперь пойдет? – плакала я.

Ба была непреклонна:

– Не моя печаль. Сама вляпалась, сама пускай и выпутывается.

– Ей шестнадцать! – взывала я к бабушкиному милосердию.

– То-то и оно. Пора бы уже поумнеть, к шестнадцати-то годам.

Правда, через неделю Кейси вернулась – с обещаниями завязать. Но,

конечно, не завязала.

* * *

Обо всем этом я рассказывала Саймону. Просто перекладывала на него часть собственного бремени. Так мне было легче – я знала, что не в одиночку волоку груз отвратительных подробностей, что еще кто-то следит за деградацией моей сестры, да не просто следит, а дает советы – разумные, достойные взрослого человека.

– Она просто тебя прощупывает, – доверительным тоном объяснял Саймон. – Хочет понять, до каких пределов простирается твоя любовь. Сама-то Кейси еще ребенок. Это у нее как детская болезнь. Потерпеть надо.

Чуть наклонившись ко мне, он добавил:

– Я и сам через это прошел.

Нет, сейчас-то он не употребляет, сейчас он чист. Саймон закатал штанину, продемонстрировал татуировку – буквы «ЭКС», в смысле – экс-наркоман. Бывший. Сообщил, что группу анонимных наркоманов уже не посещает, но и бдительности не теряет. Ведь от рецидива никто не застрахован.

– Самая дрянь в том, что надо каждый миг быть начеку. Нельзя расслабляться. От слова «совсем».

Теперь-то я могу признаться самой себе: тот разговор очень меня утешил. И даже успокоил. Подумать только: человек вроде Саймона – активист Лиги, прирожденный педагог, вдобавок умница, вдобавок заботливый и любящий отец – а тоже в свое время был как моя сестра! И выкарабкался! Вылез из трясины! Сам!

* * *

Никто, даже Кейси, не знал о моих встречах и разговорах с Саймоном Клиром. В те редкие ночи, когда сестра была дома, мы лежали рядом, но каждая – со своей тайной. Что-то треснуло в наших отношениях, и с каждой неделей трещина расширялась и углублялась.

* * *

Кейси бросила школу.

Ба она об этом, конечно, не сказала. А школа, финансируемая по остаточному принципу, перенасыщенная «трудными» учащимися, не удосужилась хотя бы послать домой письменное уведомление.

Я тоже помалкивала. У меня теперь была одна задача: не дать Ба

выгнать Кейси. Вот я и прикрывала сестру, как могла. Сейчас думаю: наверное, зря.

Просто я ее любила. Между нами еще случались моменты истинной нежности. Кейси, либо взгрустнувшая, либо под кайфом, приходила домой, исключительно чтобы приласкаться ко мне. Садилась рядом, обнимала меня, устраивала голову на моем плече, и мы вместе смотрели телевизор. Частенько Кейси просила расчесать ее «на прямехонький проборчик», в таких случаях она располагалась у моих ног, на полу, и комментировала сцены в телевизоре – вроде бы лениво, даже вяло, но всегда выхватывая самую соль. Да, в те времена у Кейси еще получалось острить. Помню тяжесть ее головы, спокойное дыхание. Свои тогдашние чувства я определила сравнительно недавно, с появлением в моей жизни Томаса. Материнский инстинкт – вот что это было такое.

Я использовала нашу близость – молила сестру завязать. Даже плакала. Кейси неизменно отвечала: «Обязательно завяжу! Обещаю! Клянусь!» Но при этом не глядела мне в глаза. Взгляд ее, неуловимый, блуждал то по полу, то по оконной раме.

* * *

Я значительно сузила список университетов, соблазнявших меня в средней школе. Процесс отбора давал мне передышку от вечной тревоги, что прочно засела в подсознании; наконец-то, думала я, пришло время вырваться из бабушкиного дома, из замкнутого круга. Я непременно вырвусь, я сама построю себе жизнь – и тогда сумею выручить Кейси. Об этом я грезил много лет – с того дня, когда сестра Анджела Лоув из школы Святого Спасителя сказала мне, что с моей головой можно достичь любых высот.

К бабушке за советом я не обращалась. У меня уже имелся горький опыт.

Всякий раз, когда хвалили мои способности или прилежание, Ба только кривилась: «Тебе мозги запудривают. Настропаяют ерундой заниматься». Как и все О’Брайены, она верила и продолжает верить лишь в физический труд. Интеллектуальная деятельность – пшик; даже учителем стать – значит от семьи оторваться. Нет, надо уметь что-то делать руками. Университет – для мечтателей да пижонов.

С помощью мисс Пауэлл, а также руководствуясь рекомендациями школьного методического отдела (весьма некомпетентного по причине недоукомплектованности), я написала заявления в два заведения – в Государственный исследовательский университет Темпл и в частный университет Святого Иосифа.

Меня приняли и в один, и в другой.

С двумя письмами-подтверждениями я пришла к мистеру Хиллу, своему куратору. Тот приветственно вскинул руку, а затем вывалил на меня сведения о стипендии и помянул какую-то заявку на федпом.

– Что это такое? – напряглась я.

– Заявка на федеральную помощь студентам. Должна же администрация знать, как ты за обучение платишь собираешься, – отвечал мистер Хилл. – Вот, держи. Отдай родителям, пускай заполнят.

– У меня нет родителей, – отрезала я. Надеюсь, что прямота фразы убедит мистера Хилла: я могу – и буду – все делать сама.

Он поднял удивленный взгляд.

– Ну, тогда пускай твой опекун заполнит. Кто у тебя опекун?

– Бабушка.

– Вот бабушке и отдай.

К горлу подкатил ком.

– А можно как-нибудь без нее обойтись, мистер Хилл?

Но сказано это было почти шепотом, а мистер Хилл был слишком занят. Не расслышал. Не взглянул на меня больше.

* * *

Как Ба отреагирует, я уже знала. И все-таки понесла ей бумаги – бережно, боясь измять.

Ба сидела на диване перед телевизором, ела мюсли с молоком, качала головой и бубнила: «Отморозки! Выродки!» – этими эпитетами у нее всегда сопровождался выпуск местных вечерних новостей.

– Это еще что? – подозрительно спросила Ба и брякнула ложку в миску. Саму миску поставила на журнальный столик. Закинула ногу на ногу. Долго вчитывалась в анкету, продолжая жевать. И начала смеяться. Сначала тихо, затем все громче.

– Бабушка, почему ты смеешься? – выдавила я.

В те дни я саму себя стеснялась. Никак не могла свыкнуться с собственным долговязым телом, которое при бабушке, в бабушкином доме, почему-то умялось до ничтожных размеров. Руки вечно мешали. Помню, я то складывала их на груди, то опускала по швам, то упирала в бока.

– Да так, – ответила Ба. Последовал новый взрыв смеха. – Извини. – Она прижала ладонь ко рту. – Вот умора. Мики – и вдруг студентка! Сама подумай, чего тебе в «Святом Иосифе» делать? Ты ж еле вякаешь! Они денежки-то приберут, а тебя и вышвырнут, да еще повеселятся. Место свое знать надо, а ты до сих пор не знаешь. В будущее вкладываешься, да?

Думаешь, окупится? Держи карман шире!

И она швырнула бумаги на журнальный столик. Там, на столике, было пролито молоко, и бумаги угодили прямо в лужицу. Ба снова взяла миску.

– Не подпишу, даже не проси, Мик. Не дам тебе в долги залезть ради бумажки, которой самое место – в сортире на стенке.

* * *

Я уже упоминала, что мисс Пауэлл дала нам, лучшим ученикам, свой номер телефона заодно с напутствием – звоните, выручу. Получив отповедь Ба, я решила: вот когда пригодится «спасательный круг».

Раньше я мисс Пауэлл не звонила. Меня трясло, когда я тыкала в кнопки с цифирками. Мисс Пауэлл очень долго не брала трубку. Наконец ответила. Фоном к ее «алло» был детский плач. Слишком поздно я сообразила: семья, наверное, ужинает – на часах половина шестого. Вспомнилось, с какой любовью мисс Пауэлл рассказывала о своих малышах – мальчике и девочке.

– Алло! – повторила мисс Пауэлл с явной досадой.

Ребенок теперь буквально выл: «Ма-а-а-а-ма! Ма-а-а-а-ма!»

Что-то звякнуло – наверное, крышка от кастрюльки.

– Не знаю, кто вы, – заговорила мисс Пауэлл, так и не дождавшись моего ответа, – но сейчас у меня дел невпроворот. Вы позвонили очень некстати.

Никогда ее голос не звучал столь резко. Я повесила трубку. Вообразила, каково было бы родиться дочкой мисс Пауэлл.

* * *

Я решилась обратиться к Саймону. Отправила ему сообщение на пейджер и уселась в кухне у телефона. Через пятнадцать минут раздался звонок. Я судорожно схватила трубку.

– Кто там еще? – крикнула из гостиной Ба.

– Коммерческий звонок, – ответила я.

На другом конце провода Саймон шепотом спросил:

– Что случилось? У меня одна минута.

Впервые за все время наших отношений он говорил раздраженно. Почти сердито. Я заплакала. После неудачи с мисс Пауэлл это было уж слишком. Мне требовалась хоть капля участия.

– Прости за беспокойство, – прошептала я. – Она заявку заполнять отказывается.

– Какую еще заявку? Кто – она?

– Ну, заявку на федеральную помощь студентам. Бабушка не хочет ее заполнять. А у меня денег нет на обучение.

Саймон долго молчал.

– Жди на пирсе, – наконец велел он. – Буду через час.

* * *

В последний раз мы встречались на пирсе еще осенью, до перевода часов на зимнее время. А сейчас стоял февраль, за окном бушевал ветрище, и сумерки уже сгустились. Ба я соврала, что иду заниматься к подруге. Кейси, которая в кои-то веки была дома, только брови вскинула.

Несмотря на холодрыгу, славно было покинуть бабушкин дом. Славно было отвлечься от вечного страха, что однажды Кейси пропадет навсегда.

Все лето и всю осень мы с Саймоном виделись при каждом удобном случае, однако наши отношения оставались платоническими. Зима и напряженные занятия в выпускном классе свели наши встречи к минимуму. Мне исполнилось восемнадцать, но я была на редкость неискушенной девушкой. Впрочем, я прекрасно отдавала себе в этом отчет. Едва ли не все знакомые, в том числе родная младшая сестра уже давно имели сексуальные связи, а у меня вся романтика происходила в воображении, с красавчиками из телевизора и журналов. Я тешилась тем, что в подробностях представляла свидание с героем дня – какой-нибудь знаменитостью, или самым популярным из одноклассников, или – чаще и охотнее всего – с Саймоном. Меня мучил вопрос: каковы его намерения? Мы с ним – кто? На этот счет имелись две версии. Первая: интерес Саймона ко мне – сугубо профессиональный, так наставник относится к одаренному, оправдывающему ожидания подопечному. Саймон смеялся над моими замечаниями – то искренне, а то желая поддразнить меня, даже если я вовсе не собиралась демонстрировать остроумие. Он улыбался, когда я краснела; я думала, может, люди так флиртуют. Когда я о чем-нибудь рассказывала, Саймон чуть заметно выпячивал губы и не сводил с моего лица внимательных, как бы прощупывающих глаз. Порой я замечала: взгляд скользит ниже, к моим рукам, шее, груди. Хорошенькой я никогда не была; по крайней мере, сама себе таковой не казалась. И не кажусь. Тогдашней девчонке, долговязой и тощей, даже косметику не на что было покупать; сегодняшняя Микаэла Фитцпатрик не пользуется косметикой потому, что не имеет такой привычки. Одеваюсь я очень скромно, по большей части вообще ношу полицейскую форму. О ювелирных украшениях уже упоминала. Что до волос, они, как правило, собраны в хвост. В юности я еще, помню, мочила водой, прилизывала

непослушные пряди. Если в моем лице и была некая привлекательность, то замечали ее очень немногие. И тогда, в восемнадцать, я часто думала: может, Саймон – один из этих немногих? Обнял же он меня на раскаленном дворе! При воспоминании об этом внизу живота начиналось шевеление. Внутри делалось горячо, а кожа была словно наэлектризована. Тут-то и включался голос разума. Саймон, говорил этот голос, видит в тебе, Микаэла, всего лишь ребенка – умненького ребенка, в которого стоит вложить немного душевных сил. А ты навоображала невесть чего.

* * *

Делавэр-авеню отделяла от пирса рощица, поднявшаяся на пустыре, среди сорной травы и мусора. Было уже совсем темно; я шла, вытянув вперед руки. Помню внезапную мысль: куда меня несет? Мало ли кто шастает в темноте по пустырям? На пирсе нередко выгуливали собак, но однажды, явившись, как всегда, первой, я наткнулась на бездомного. Он говорил сам с собой, а при моем приближении гадко осклабился. В тот раз я ретировалась на Делавэр-авеню и ждала Саймона там.

Теперь, продвигаясь к пирсу почти на ощупь, я успокаивала себя: в такую пору сюда ни один маньяк не придет. Я оказалась права: пирс был безлюден. Но и безлюдность тревожила, и безлюдность пугала. Я дошла до конца пирса, потуже затянула пояс куртки и уселась, свесив ноги. Мост Франклина отражался в темной воде, мерцая, словно кольцо из рубинов и алмазов.

Минут через десять послышались шаги. Я обернулась. Держа руки в карманах, ко мне направлялся Саймон. Он был в униформе – не полицейской, нет; у него имелась и гражданская униформа – джинсы с отворотами, черные сапоги, вязаная шапочка и кожаная куртка с барашковым воротником. Мне, сидящей, Саймон показался выше и сильнее, чем обычно.

Прежде чем заговорить, он обнял меня за плечи.

– Как ты? – спросил, вглядываясь в мое лицо, дыша теплом в висок. Я вся затрепетала.

– Неважно, – вымучила я.

– Давай-ка поподробнее, – сказал Саймон.

И, как всегда, я повиновалась.

* * *

Именно в тот вечер Саймон посоветовал мне поступить на службу в полицию. Сейчас возраст соискателя подняли до двадцати двух лет, а тогда

достаточно было достигнуть девятнадцати.

– Послушай, Микаэла, – убеждал Саймон, – не вечно бабушке душить твои мечты. Однажды ты станешь финансово независимой, сможешь сама заполнить заявки, или как их там. Только это займет некоторое время.

– А пока что мне делать?

– Не знаю. Работай в Лиге, как и работала. Поступи в муниципальный колледж. В любом случае опыт пригодится.

Выдержав паузу, Саймон добавил:

– Я считаю, полицейская служба как раз по тебе. Ты могла бы стать первоклассным следователем. Я это много раз говорил. Зачем бы мне врать?

– Незачем, – согласилась я.

На самом деле я вовсе не была уверена. Детективные романы мне нравились. Нравились и фильмы, которые рекомендовал Саймон: одни – больше, другие – меньше. Во многих сюжет вертелся вокруг полицейской службы. И мне очень, очень нравился сам Саймон – офицер полиции. Но романам и фильмам я всегда предпочитала серьезное чтение, я интересовалась историей. Мисс Пауэлл пробудила во мне любознательность к рассказам о далеких временах, эти рассказы странным образом облегчали одиночество. Быть может, думала я, и мне надо преподавать историю; быть может, это мое призвание...

– Ты, конечно, сама решай, – заключил Саймон и придвинулся чуть ближе. Его рука все еще обнимала меня. Он не то потер, не то потрепал мое плечо, как бы желая согреть. – Я только одно скажу: какое бы поприще ты ни выбрала, Микаэла, – ты добьешься больших успехов.

Я поехала. На Саймона не смотрела – мой взгляд скользил по водной ряби, отражавшей огни с обоих берегов. Вспомнился урок истории заодно с географией: река берет начало в месте слияния Уэст-Брэнч-Делавэр с Ист-Брэнч-Делавэр и впадает в одноименный залив. Зимой 1776 года (наверное, такой же холодной, как нынешняя) Джордж Вашингтон во главе своей армии переправился через реку Делавэр всего в тридцати пяти милях к северу от этого самого пирса. Тогда, наверное, тоже было темно. Никаких городов на пути. Никаких огней.

– Посмотри на меня, – сказал Саймон.

Я повернулась к нему.

– Сколько тебе лет, Микаэла?

– Восемнадцать.

День рождения у меня в октябре. В тот год никто о нем не вспомнил. Даже Кейси.

– Восемнадцать, – эхом откликнулся Саймон. – Вся жизнь впереди.

Наклонился и поцеловал меня. Помню, все мои усилия сосредоточились на том, чтобы не лишиться чувств. Когда эта опасность миновала, в голове забилося: «Мой первый поцелуй. Мой первый поцелуй. Мой первый поцелуй». Мне случалось слышать о первых поцелуях всякие гадости – о том, как фонтанирует чужая слюна; о том, как неуклюжий язык возбужденного, неумелого мальчишки не дает дышать; о том, как чужой огромный рот чуть ли не на всю твою голову натягивается. Но поцелуй Саймона был прекрасен. И сдержан. Саймон слегка коснулся губами моих губ и отпрянул, в последнее мгновение куснув меня за нижнюю губу. Это привело меня в восторг. Я и подумать не могла, что в поцелуях участвуют и зубы.

– Ты мне доверяешь? – прошептал Саймон.

Взгляд его стал напряженным. Лицо было так близко к моему лицу, что приходилось изгибать шею, подлаживаясь под Саймона.

– Да, – пролепетала я.

– Ты знаешь, что ты очень красивая?

– Да.

Я и правда чувствовала себя красивой – впервые в жизни.

* * *

Вечером у меня буквально язык чесался – так хотелось поделиться с Кейси. Она-то впервые поцеловалась еще в двенадцать лет, когда мы очень дружили, и мне был дан подробнейший отчет. Помню, Кейси долго играла во дворе, а потом как ворвется в дом, как закричит с порога: «Мики!» Взлетела по лестнице, плюхнулась на кровать и все сразу выложила.

– Шон Гейген меня поцеловал, представляешь?!

Глаза у нее так и сверкали. Она схватила подушку и несколько раз выкрикнула в нее:

– Мы целовались! Целовались!

Мне было четырнадцать. Я слушала молча.

Кейси положила подушку на место и смерила меня взглядом. Что-то поняла. Посерьезнела. Протянула ко мне руку и произнесла с жалостью:

– Мик, не переживай. И тебя кто-нибудь поцелует.

– Сомневаюсь, – ответила я с вымученным смешком.

– А ты не сомневайся, – наставительно продолжала Кейси. – Ты лучше обещай, что сразу мне расскажешь. Поняла? Как только – так сразу!

* * *

И вот я лежала рядом с сестрой и думала: с чего начать рассказывать? А потом слышались легкие, ритмичные вдохи и выдохи – Кейси уснула.

* * *

Я сделала, как советовал Саймон.

До конца учебного года я продолжала жить в доме Ба; правда, после долгих колебаний все-таки перебралась в «среднюю» спальню, где все еще обитал мамин дух. Устроилась работать в аптеку – кассиршей на полставки; платила Ба ренту – двести долларов ежемесячно. Выдержала экзамен в Лиге. В двадцать лет уже была сотрудником патрульной полиции. На церемонии введения в должность никто из родных не присутствовал.

* * *

Кейси тем временем неудержимо деградировала. Стала резкой и очень непостоянной. При крайней нужде в деньгах нанималась барменшей, иногда работала у Рича, нашего двоюродного деда, в магазине запчастей или сидела с детьми безответственных родителей, готовых доверить самое дорогое столь сомнительной няньке. Подозреваю, что от случая к случаю она приторговывала «товаром» Фрэна Мулрони. Ночевала попеременно то у бабушки, то у приятелей, то прямо на улице. В последнем случае это всегда был Фиштаун, а не Кенсингтон – то есть, находясь на дежурстве, я Кейси не видела. Возвращаясь в бабушкин дом, никогда не знала, застану сестру или нет. Мы с ней почти не разговаривали.

Кейси оставалась единственной, кто знал о моих отношениях с Саймоном. Его записку она случайно обнаружила в моих вещах (лишь много позже я сообразила: Кейси искала деньги). Едва я переступила порог спальни, сестра швырнула в меня этой запиской.

– Совсем спятила, да, Мик? Не соображаешь, с кем связалась?

Мне стало неловко. Саймон писал о восхитительной ночи, что мы с ним недавно провели в гостинице, и выражал надежду на повторение. Наши встречи стали для меня отдушиной. Впервые в жизни я была по-настоящему счастлива. Если нужно скрывать отношения, думала я, что ж: пусть они будут тайной. Моей, и только моей.

Я судорожно схватила записку, спрятала на груди. Ничего не ответила сестре.

Плохо помню ее дальнейшую речь. Кажется, Кейси сказала: «Этот твой Саймон – извращенец». Или выразилась еще резче: «Да он к тебе в трусы залезть пытался, еще когда ты соплячкой четырнадцатилетней была!»

Сейчас при одном воспоминании о словах Кейси меня дрожь пробирает. С детства я стараюсь сохранять достоинство в любой ситуации. На работе даже с самыми отпетыми типами держусь в подходящих рамках. Дома, при Томасе, слежу, чтобы он грубого слова не услышал. Даже проявления сочувствия и вопросы о здоровье и деньгах представляются мне неприличными. Поэтому я никогда не жалуюсь – наоборот, изо всех сил делаю вид, будто у меня всё тип-топ, всё под контролем. В целом так оно и есть.

– Ты не права, Кейси, – выдавила я тогда.

Она рассмеялась. Смех прозвучал зловеще.

– Э, да он тебе все уши лапшой завесил!

– Ничего подобного.

– Глупая ты, Мик.

Кейси мотнула головой и впервые в жизни глянула на меня с искренней жалостью (раньше я ее жалела, а не наоборот).

* * *

Я была совершенно уверена, что Кейси говорит так с досады, что не представляет ситуацию во всех деталях. Прежде всего, это я ходила хвостом за Саймоном, а вовсе не он меня домогался. Далее: я совсем не влюбчивая, но вот встретила Саймона – и запала на него. С первого взгляда. Он-то как раз утверждал, будто все эти годы видел во мне дитя, а не объект вожделения. Наша связь не укладывалась в общепринятые рамки. Мы скрывали ее изо всех сил. Саймон наконец-то выдержал экзамен, начал карьеру следователя в Южном департаменте. Ужасно боялся, как бы что-нибудь не помешало его продвижению. Встречались мы только в гостиницах – Саймон не хотел травмировать своего одиннадцатилетнего сына. По его словам, мать Габриэля могла нагрянуть к ним в любой момент. «Все крайне сложно», – так говорил Саймон.

– Однажды у тебя появится собственное жилье, – повторял он. – Тогда мы с тобой забудем о гостиничных номерах.

Вдохновленная этой перспективой, я копила деньги. За два года службы в полиции удалось наскрести на первый взнос. Мне было двадцать два года, когда я подписала договор и стала хозяйкой собственного дома в Порт-Ричмонде. Заплатила сразу сорок процентов от полной стоимости. Объективно это была скромная сумма – а все-таки столько денег разом я не имела на счете ни до, ни после. Риелтор прямо ахнула. Я, говорит, никогда не видела двадцатидвухлетнюю девушку, способную ТАК себя ограничивать. Хотелось сказать ей: и не увидите. Но я, конечно,

промолчала.

* * *

Съехать от Ба было все равно что перебраться через линию фронта и попасть в тыл. Ба и Кейси без конца ссорились, нередко и врукопашную схватывались.

Никому из них я даже не заикалась, что планирую переезд. Во-первых, незачем им было знать о моих финансах. Ба, чего доброго, ренту повысит (а она и так достаточно вытянула из моего кошелька); Кейси же будет кланчить деньги чаще и настырнее. (Мало ли что я в этом отношении занимала последовательную позицию – не давать, Кейси все равно атаковала меня мольбами.)

Во-вторых, я помалкивала о переезде, полагая, что и Ба, и Кейси нет до этого дела; как и вообще до меня.

К моему удивлению, сестра ужасно расстроилась.

В тот день она как раз пришла домой – и застала меня за перетаскиванием коробок по лестнице.

– Ты что это делаешь, Мик?

Кейси скрестила руки на груди. Нахмурила лоб.

Я разогнулась, перевела дыхание. У меня только и было своего, что одежда да книги, но этих последних набралось неожиданно много, и я очень быстро поняла, как тяжела коробка, набитая даже и дешевыми изданиями в бумажных обложках.

– Съезжаю, – лаконично ответила я.

Думала, Кейси просто пожмет плечами. А она стала горестно качать головой.

– Не бросай меня, Мик! Остайся!

Я плюхнула коробку на ступени. Спина ныла нестерпимо, я потом несколько дней в чувство приходила.

– Ладно тебе, Кейси. Теперь зато вздохнешь свободно; разве нет?

Она опешила.

– Нет! С чего ты взяла?

Хотелось ответить: «Ты меня больше не любишь»; но прозвучало бы это сентиментально до плаксивости, с явным битьем на жалость. Поэтому я сказала, что сейчас мне надо идти, но вечером я вернусь попрощаться чин чинном. Кейси придержала для меня дверь – как-то официально у нее вышло. Я оглянулась: вдруг в ее лице мелькнет призрак прежней девочки – той, что полностью зависела от меня?

Призрак не мелькнул.

* * *

Мой новый дом на самом деле был стар, запущен и тесен – но он был только мой. Помню, вернувшись со смены, я некоторое время просто стояла в прихожей, прислонившись к входной двери и приложив ладони к сердцу, – впускала в себя благословенную тишину. Повторяла: «Здесь я сама себе хозяйка».

В пустом доме гуляло какое-то особенное эхо – теплое, родное. Заводить обстановку я не спешила. Первые месяцы жила с одним матрацем на полу да несколькими стульями, принесенными с улицы. Приступив же к покупке мебели, проявила максимум придирчивости. Ходила по комиссионкам, где было в избытке восхитительных, на мой вкус, вещей. Постепенно раскрывалось очарование старого дома. Например, справа от двери обнаружилось витражное окошко – красные и зеленые цветы, свинцовые перемычки... Я подолгу смотрела на витраж и думала: кто-то, подобно мне, очень дорожил этим жильем – настолько, что счел его достойным столь прелестной детали. Холодильник мой теперь ломился от полезных продуктов; музыку я слушала, когда хотела и какую хотела. Серьезно потратилась только на кровать. Выбрала самую удобную (конечно, исходя из финансовых возможностей). Купила новый матрац два на полтора метра; разорилась на постельное белье (продащица уверяла, что полотно нежнее мне не найти).

Наконец-то у нас с Саймоном появилось место для свиданий; случалось, он даже проводил со мною целую ночь. Тогда я будто в мягком коконе спала – умиротворенная, совершенно счастливая. Как в раннем детстве, когда мы с Кейси были совсем маленькими. Когда мама еще была жива.

* * *

В течение следующих лет я виделась с бабушкой и Кейси лишь изредка. Сестра от раза к разу опускалась, бабушка – усыхала и сморщивалась. Чем занимается Кейси, я не спрашивала – она сама вываливала на меня сведения, которые по большей части оказывались ложью. О своем возвращении в школу объявляла несколько раз; потом понизила планку – выдала, что будет проходить тестирование по программе средней школы^[20] (насколько мне известно, у нее и до первого теста не дошло). Позднее кормила меня «завтраками» о собеседованиях, а однажды солгала, будто получила-таки работу.

Чем она занималась на самом деле, сказать трудно. Не думаю, что уже

тогда Кейси стала торговать собой; по крайней мере, я ее во время дежурств на панели не наблюдала.

Однажды сестра разоткровенничалась.

– Знаешь, Мик, на что похожа зависимость? На петлю. Утро соблазняет надеждой на перемены, а вечером от стыда не знаешь куда деваться – опять сорвалась... Одна задача стоит – ширнуться. Каждый укол – это парабола: снизу резко вверх и опять вниз. Ниже плинтуса. День можно изобразить в виде ряда графиков. Бюро статистики, блин; всё зафиксировано – сколько кайф длился и сколько – ломка. А дни, Мик, в месяцы переходят; вот в чем подлянка.

Так она говорила в периоды воздержания. Кейси случалось и добровольно обращаться за помощью в Киркбрайд, Годензию, Фэйрмаунт и другие дешевые центры реабилитации; лечение шло с переменным успехом. Но порой, если она влипала в историю, воздержание становилось принудительным. Здесь тоже уместен был бы график: штиль воздержания – волна рецидива – девятый вал запойного употребления. Исходная линия всегда – Аве с ее обманчивым чувством локтя, с ее затягивающей рутинной.

Подъемы так и сменялись бы падениями, если б не безответственность моей сестры. В 2011 году Кейси поддалась на уговоры своего тогдашнего дружка – украсть у родителей телевизор. Те отмазали парня от тюрьмы, свалив инициативу на Кейси. Она не особо и отпиралась. Взяла вину на себя, словом. Ну а судья, видя, какой за Кейси «шлейф», вынес максимально суровый вердикт.

Ее приговорили к году тюрьмы.

Кое-кто, возможно, счел наказание несправедливым. Но только не я. Впервые за долгое время во мне затеплилась надежда на исправление сестры.

Сейчас

На утренней планерке снова присутствует молодой следователь Дейвис Нуэн. Судя по лицу, замотался в последнее время. Сегодня Нуэн в костюме, явно недешевом и не характерного для следователей покроя: брюки заужены и чуть коротковаты, виднеются носки. Стрижка у Нуэна тоже нестандартная. Так стригутся подростки в районах Нортен-Либертиз и Фиштаун, но отнюдь не представители полицейского департамента. По бокам волосы сняты вовсе, на темени подбриты в форме клина. Сколько этому Нуэну лет? Двадцать с хвостиком? Едва ли. Наверное, он мне ровесник, но кажется представителем другого поколения. Интересно, где он учился? Скорее всего, имеет диплом по криминальному праву.

Нуэн держит пластиковый стаканчик из кафе «Бомбический кофе». Отхлебнув темной жидкости, сообщает:

– Похоже, мы нащупали ниточку от клубка кенсингтонских убийств.

В комнате слышится ропот.

Нуэн склоняется над компьютером. На большой экран транслируется запись с видеокamеры, установленной на воротах дома в районе Тайога, неподалеку от места, где обнаружили труп Кэти Конвей.

Сначала на экране появляется молоденькая девушка. Пятью секундами позже мы видим мужскую фигуру – на голове капюшон, руки в карманах. Изображение черно-белое, очень расплывчатое.

– Вот это, – Нуэн перематывает запись, указывает на девушку, – Кэти Конвей. А вот это – предполагаемый убийца.

Нуэн ставит видео на паузу и максимально увеличивает изображение. Оно настолько нечеткое, что нельзя даже установить, к какой расе принадлежит мужчина. Единственное, что понятно, – он крупный. Хотя и это под вопросом – может, громилой мужчина кажется только по контрасту с миниатюрной Кэти Конвей.

Зато четко видна надпись на фуфайке с капюшоном: по правую сторону от «молнии» – «Уайлд», по левую продолжение – «вуд».

Уайлдвуд – курортный городок на Атлантическом побережье, на юге штата Нью-Джерси. Очень популярный. Пожалуй, во всей Филадельфии не найдется человека, не побывавшего в Уайлдвуде. Мы с Саймоном один раз тоже туда вырвались. В таких вот фуфайках может куча народу щеголять. И все-таки фуфайка представляется нам, полицейским, зацепкой.

– Кто-нибудь видел этого типа? – спрашивает Нуэн. Понятно: спросил только для проформы. Не рассчитывая на положительный ответ. Все качают головами.

– Мы отослали копию видеозаписи в отдел расследований Уайлдвуда. Тамошние ребята уже взялись за дело, – продолжает Нуэн. – Сбросим видео и на ваши мобильники. Сегодня же. С тем чтобы вы показывали его, кому сочтете нужным.

Эйхерн благодарит Нуэна, тот собирается уходить. Он уже у двери, когда Джо Ковальчик поднимает руку:

– У меня вопрос.

– Слушаю вас, – отзывается Нуэн.

– Ваше личное мнение – к какой расе принадлежит этот человек? Сколько ему лет? Хотя бы примерно.

Нуэн выдерживает паузу.

– Мне бы не хотелось ставить какие бы то ни было рамки. Из-за них

можно упустить истинного преступника. Следите за всеми. И потом, вы же видели – запись очень нечеткая.

Он обращает взоры к потолку. И развивает мысль:

– Впрочем, если вы настаиваете, вот вам общая установка. Этот мужчина – белый, лет ему примерно сорок пять. По крайней мере, львиная доля подобных преступлений совершается белыми мужчинами от сорока до пятидесяти лет.

* * *

Сегодня кенсингтонские улицы тише обычного. Мороз не отпускает, а совсем наоборот. Небо – бледное, ветер – низовой; стоит выйти из машины, и дыхание перехватывает, в груди становится больно.

На улице – только самые стойкие. А еще те, кому позарез нужна доза.

Сворачиваю в переулок. Слева – ряд из шести домов. Их тут называют «заколочос». В смысле, дома заколочены, потому что брошены. Без сомнения, служат приютом для нескольких обездоленных. Представляю себе интерьеры: дряхлая мебель, фотографии на стенах... Какую тоску, должно быть, вызывают в новых обитателях эти остатки чужого благополучия, свидетельства, что всего несколько десятилетий назад здесь жили дружные рабочие семьи! Отцы трудились на текстильной фабрике. Или на металлургическом заводе. Или (если дом очень старый) – занимались рыбной ловлей.

В позапрошлую зиму на соседней заброшенной фабрике случился большой пожар. Полыхнуло, потому что двое замерзающих бездомных вздумали развести огонь в бочке. Один пожарный погиб. С тех пор к списку обязанностей патрульного полицейского прибавился новый пункт: отслеживать, не дымится ли где-нибудь.

* * *

Рация молчит уже целый час. В десять паркуюсь возле заведения Алонзо. Мне требуется кофе.

Выхожу со стаканчиком в руке. Навстречу две девчонки, лет шестнадцати-семнадцати – я и раньше их здесь видела. Идут неспешно, жуют жвачку. Обе – в тряпочных кедах без носков. Прямо дрожь пробирает, как взглянешь. Не пойму, они «работают» или так просто, прогуливаются.

Приблизившись, девушки, вопреки моим ожиданиям, не проходят мимо, демонстративно отвернувшись, и не таращатся на мою форму. Одна из них сразу подступает ко мне с прямым вопросом:

– Про убийства копы знают?

Раньше никто не спрашивал. Видно, слухи уже расползлись.

– Конечно. Расследование ведется. Полагаю, результаты не заставят себя ждать.

Стандартный, давно заученный ответ на подобные вопросы. Я обязана была ответить именно так, даром что мне известно немногим больше, чем этим девчонкам. Ловлю себя на привычном ощущении. Оно неизменно появляется, когда я говорю с Томасом об отце, а еще – в таких вот случаях. И так, я чувствую себя виноватой, ибо лгу, и в то же время горжусь собой, ибо щажу чувства более слабого. Пусть этот грех – ложь – остается на мне; я его выдержу. И ради сына, и ради этих девчонок.

Вспоминаю про видео.

– Вот, взгляните, пожалуйста.

Достаю сотовый телефон. Действительно, из убойного отдела скинули коротенький ролик. Прокручиваю его перед девушками, ставлю на паузу, когда появляется предполагаемый убийца.

– Вы его, случайно, не знаете?

Обе девушки смотрят с предельным вниманием. И отрицательно качают головами.

В течение смены показываю ролик всем встречным. Похоже, никто нашего подозреваемого не видел. Две-три женщины при появлении Кэти Конвей бормочут что-то невнятное – не иначе, осознают собственную незащищенность, высокую вероятность того, что участь Кэти могла (и может) постигнуть любую из них.

* * *

Уже перед концом смены, около четырех, замечаю Полу Мулрони, которая до сегодняшнего дня где-то пропадала. Наконец-то она рассталась с костылями. Стоит, прислонясь к стене заведения Алонзо, курит.

Глушу двигатель. Выхожу. Я не видела Полу с тех пор, как исчезла Кейси. Давно хотела с ней поговорить.

Несмотря на нашу с Кейси ссору, Пола остается дружелюбной. «Это ваши сестринские дела», – так она однажды сказала. Обычно Пола приветствует меня улыбкой, может и в бок пихнуть шутя, поддразнить: «А кто это к нам пожаловал? Геморрой ходячий!»

Но сегодня Пола смотрит сквозь меня.

– Привет, Пола.

Она молчит.

– Рада тебя видеть, Пола. Понимаешь, Кейси пропала. Ты не в курсе,

где она может быть?

Пола качает головой. Делает затяжку.

– Понятия не имею.

– А сама ты когда ее в последний раз видела?

Пола лишь фыркает.

Не пойму, что на нее нашло.

– Это ведь ты сказала Алонзо, что Кейси пропала, разве не так? Дело в том...

Тут Пола взрывается.

– Слушай сюда! Я с копами не треплюсь!

Такого я не ожидала. Во всяком случае, от нее.

Меняю тактику.

– Как твоя нога?

– Паршиво.

Пола снова затягивается. Отступает от меня на дюйм.

– Сочувствую.

Что дальше говорить, просто не представляю.

– Хочешь, я тебя в больницу отвезу?

Пола отмахивается и снова трясет головой.

– Видишь ли, у меня к тебе дело. Точнее, вопрос.

– Валяй, задавай, – разрешает Пола. Но в голосе – пренебрежение, и посыл ясен: спрашивай, сколько влезет, отвечать все равно не буду.

Достаю сотовый, включаю ролик. Любопытство пересиливает, Пола вглядывается в экран.

При появлении Кэти Конвей она мрачнеет.

– Это ж Кэти! Я ее знала.

– Правда?

Следует кивок. Теперь Пола глядит на меня почти с ненавистью.

– Ну да. Девчонка, которую в Тайоге нашли.

Зачем она мне это говорит, не пойму.

– Славная была эта Кэти, – продолжает Пола. – Молоденькая совсем. Я и с мамашей ее знакома. Вот уж сука так сука. Она-то дочку и сгубила.

Всё это Пола выдает, глядя мне прямо в глаза. Будто обвиняет. Подносит ко рту сигарету.

Всякий раз, стоит мне вспомнить о Поле Мулрони, перед мысленным взором появляется одна и та же сцена: школьный холл, Пола во главе стайки самых бойких, самых симпатичных девчонок. Ведет их куда-то, смеется-заливается над чьей-то шуткой. Казалось бы, столько лет прошло, столько в наших жизнях изменилось – а я до сих пор тушуюсь перед

Полой.

– Ты знаешь, как погибла Кэти Конвей?

Пола отвечает не сразу. В тоне – холод.

– По-моему, об этом *ты* должна мне рассказать, а не наоборот.

И снова я ловлю ртом воздух.

– Кто из нас коп – я или ты? – язвит Пола.

– Расследование ведется, – мямлю я. – Мы над этим работаем.

– Еще бы вам не работать.

Пола оглядывает улицу. По судорожности ее движений, по кляцанью зубов я давно поняла: она в ломке. Нагнувшись, хватается за живот. Наверное, ее тошнит.

– Еще бы вам не работать, – повторяет Пола. – Только, похоже, вы там не сильно напрягаетесь.

Давно бы надо оставить ее в покое. Когда у человека ломка, ему ни до чего.

Однако прежде чем уйти, я прошу:

– Пола, пожалуйста, посмотри ролик целиком. Самое главное – в конце.

Она закатывает глаза – мол, да отвалишь ты или нет? – но все-таки склоняется над экранчиком. Увидев мужчину в капюшоне, выхватывает у меня телефон. Глаза ее округляются.

– Ты его знаешь?

Замечаю, как сильно дрожат ее руки.

– Разыгрываешь меня, да? Издеваешься, Мик?

– Ты его знаешь?

Пола хохочет – зло, вызываяюще, по-вороньи.

– Меня только впутывать не надо, лады?

– Разве я впутываю? О чем ты, Пола?

На миг она закрывает глаза. Делает последнюю затяжку, бросает бычок, давит его мысом кроссовки. Наконец поднимает обвиняющий взгляд.

– Мик, это один из ваших. Это – коп, сечешь?

Тогда

Как я и надеялась, тюремное заключение изменило Кейси.

Спросите любую наркозависимую, которой пришлось «слезать» в тюремных условиях, каково оно, – и не сводите глаз с ее лица. Вы увидите, как она опустит веки, наморщит лоб, как приоткроет рот, будто в риторическом вопросе: на что нужна жизнь, когда она вот такая? Кейси тоже в наиболее тяжкие минуты думала о самоубийстве; она сама созналась. Зубами моя сестра порвала простыню на длинные полосы.

Сплела веревку. Сделала петлю. Конец веревки прикрепила к потолочному крюку и забралась на подоконник, готовая прыгнуть, – но что-то остановило ее. Какая-то потусторонняя сила, говорила Кейси, шепнула ей: подожди умирать, поживи еще – увидишь, какой тебе подарок приготовлен.

Вся дрожа, она сняла петлю, слезла с подоконника и решила написать мне письмо. Впервые сестра просила прощения за все: за то, что не держала обещаний, лгала, огорчала меня и предавала себя. «Я скучаю по тебе, – добавила Кейси. – Ты – единственный человек в мире, чье мнение меня волнует. Больно знать, что я тебя так подвела».

Я ответила сразу. В течение месяца между нами шла бурная переписка – почти как в детстве, когда мы оставляли послания под коврином в углу спальни.

Потом я решила навестить сестру. И едва ее узнала. Глаза ясные, сознание незамутненное. Лицо бледное – оно таким много лет не было. Со щек исчез яркий румянец, в детских книжках подаваемый как показатель здоровья (не могу спокойно смотреть на такие картинки – мне румянец говорит исключительно о наркозависимости). Я стала навещать Кейси регулярно. Каждый раз меня приветствовала новая версия сестры. Год – долгий срок; его достаточно, чтобы организм начал адаптироваться к воздержанию, чтобы сонный разум активизировался, чтобы его «производственные линии» занялись выработкой (пусть и в малых дозах) тех гормонов, которые столь долго попадали в кровь искусственным путем, с помощью иглы.

В первый визит Кейси предстала мне отчаявшейся, во второй – подавленной, затем – утомленной, сердитой и, наконец, проявляющей осторожный оптимизм. Казалось, она приняла решение. Ей известно, что затраты понадобятся огромные – но она готова. Она хочет работать над собой.

* * *

Дома, в Порт-Ричмонде, я строила планы. Взвешивала «за» и «против» предложения сестре поселиться у меня. Колебалась; ох, как я колебалась! После каждого тюремного свидания переигрывала буквально всё. Главным образом из суеверия. Да, я предложу Кейси кров, если она найдет куратора; не предложу, если она САМА не озвучит намерение посещать группу завязавших...

На всякий случай, сказала я себе, подготавлиюсь. А там поглядим.

За домом у меня был маленький забетонированный дворик. Бетон

потрескался от времени, из щелей лезли сорняки. Но пока сестра отбывала срок, я все исправила, прополола, расчистила. Обзавелась деревянными ящиками, растила в них петрушку, лук, помидоры, сладкий перец. Купила подержанную дачную мебель, развесила лампочки, посадила плющ, чтобы тот всю изгородь затянул.

В тот же год я оформила для Кейси дальнюю спальню. Все сделала в ее вкусе. Стены – умиротворяюще голубые (любимый цвет Кейси), покрывало на кровать – темно-синее; миленький подержанный туалетный столик, а на стенах принты – карты Таро. Кейси ими увлекалась. Еще лет в двенадцать раздобыла колоду и научилась гадать. Теперь, для комнаты взрослой Кейси, я выбрала Верховную Жрицу – мне казалось, добрый и пристальный взгляд Жрицы напомнит сестре: у нее тоже есть достоинство и здравый смысл, и она со всем справится. В комнате были и еще три аркана – Мир, Солнце и Луна. У себя в спальне я ничего подобного не повесила бы. По-моему, Таро, астрология и иже с ними – чушь. Но для сестры я выбирала принты арканов с тайным предвкушением: то-то Кейси обрадуется! То-то удивится! Комната получалась как раз по ней.

На последнем свидании настрой у сестры был умиротворенно-приподнятый. Кейси рвалась на свободу, даром что вызовы, которые жизнь готовит бывшей заключенной, ее все-таки страшили. Без каких-либо намеков с моей стороны сестра поклялась воздерживаться от наркотиков, посещать собрания бывших наркозависимых и найти куратора, а заодно и развязаться с теми из приятелей, что продолжают употреблять.

В тот день я официально предложила ей кров – и она с благодарностью согласилась.

* * *

Не знаю, как для Кейси, а для меня это было счастливое время. Пожалуй, самое счастливое в жизни.

Мы обе наконец-то вырвались из бабушкиного дома. Мы были взрослые: мне – двадцать четыре года, Кейси – двадцать два. Могли поступать как заблагорассудится. В моих воспоминаниях о том времени – вечный май, теплый и в меру влажный, те дни, когда впервые после зимы без опасения расстаешься с курткой.

Не счесть, сколько чудесных вечеров мы с сестрой провели во дворике с плющом, разбираясь в истоках наших проблем и строя планы на будущее. Кейси поправилась, отпустила волосы, залечила пятна от прыщей, когда-то жестоко ею расковырянных. Даже рубцы на руках и шее – от неумело поставленных уколов – и те побледнели. Цвет лица выровнялся. Кейси

нашла работу в ближайшем независимом кинотеатре и завела роман с билетером, застенчивым, неуклюжим юношей по имени Тимоти Кэри. Так она его и называла, избегая фамильярного «Тим». О прошлом моей сестры Тимоти ничего не знал. («Заинтересуется – спросит, а сама я – ни гу-гу», – говорила Кейси.) Ее работа устраивала нас обеих. Бывало, после смены я заходила к ней и смотрела кино.

Иногда ко мне присоединялся Саймон.

Тогда же Кейси, хоть и неохотно, примирилась с ним. Деваться ей было некуда – оба, и Кейси, и Саймон, пользовались моим гостеприимством, и именно я оплачивала счета.

Несколько раз мы с сестрой без обиняков говорили о Саймоне.

– Нет, лично я ему не доверяю, – признавалась Кейси. – И он мне не нравится. Никогда не нравился. Но раз уж так сложилось... В общем, это ваше с ним дело.

В другой раз она сказала:

– Мики, лучше тебя никого на свете нет. По крайней мере, мне не встречалось. Не хочу, чтобы ты страдала.

В третий раз выдала вот что:

– Мики, ты взрослый человек. Не мне тебя учить. Просто будь осторожна, ладно?

Часто Кейси спрашивала, почему я не бываю у Саймона дома. Я отмалчивалась, но однажды изложила свою версию:

– Так ведь к нему сын без предупреждения заглядывает. Наверное, Саймон хочет уже представить меня сыну как свою невесту.

Кейси отвела глаза.

– Ты и вправду так думаешь, Мик?

Но больше этот вопрос не задавала. А я не лезла с объяснениями.

* * *

Разумеется, я и тогда чувствовала: Саймон ведет себя странно. Впрочем, я гнала подозрения – слишком была счастлива, на все закрывала глаза. Несколько раз в неделю он стучал в мою дверь – как правило, без предварительной договоренности – и входил в мой дом, и брал мое лицо в ладони, и целовал меня. Иногда мы сначала ужинали, иногда отправлялись напрямик в спальню, где Саймон раздевал меня догола и рассматривал. Первое время я ужасно стеснялась, потом этот элемент любовной игры стал мне необходим. Под Саймоновым взглядом я вся светилась, видела себя его глазами. Думала о неловкой, долговязой девочке, которая так мечтала быть любимой хоть кем-нибудь. Жалела, что не могу сделать шаг

из своего «сегодня» в свое «вчера», сказать этой девочке: «Выше нос! Все еще будет!»

Вот почему я игнорировала пресловутые «звоночки»; а они трезвонили с нарастающей настойчивостью. Очень уж мне хотелось, чтобы все оставалось как есть. Я боялась правды больше, чем лжи. Прав- да означала изменения. Ложь означала стабильность. Ложь умиротворяла. Ложь меня полностью устраивала.

* * *

Так минуло полгода. Однажды я попросилась выйти не в свою смену. В городе была какая-то демонстрация, требовались патрульные для сдерживания толпы. Но когда я примчалась в участок, мой тогдашний босс, сержант Рейнолдс, заявил, что мои услуги не требуются. Волонтеров и без меня хватает – поопытнее да постарше.

Не скажу, что слишком расстроилась. День был чудесный – солнечный с легким морозцем. Я решила пройтись до дома пешком, а не толкаться в автобусе. В отличном настроении я прошагала весь неблизкий путь и неожиданно для самой себя купила свежие цветы – впервые в жизни. Сама понимала, до чего нелепо выгляжу в полицейской форме и с изящным букетом; несла цветы, плотно прижав к боку, словно намеревалась пополнить ими домашний гербарий.

* * *

Входная дверь оказалась не заперта. Я всегда запираю дверь – слишком много краж совершается из-за элементарного легкомыслия. Пару раз я бранила Кейси, не имевшую этой полезной привычки.

Войдя в дом и закрывшись на замок, я только и успела подумать: «Еще раз поговорю с Кейси», – когда со второго этажа послышался шум. Сестра должна была быть на работе.

Табельное оружие находилось при мне. Я стала приближаться к лестнице, держа правую руку на рукояти пистолета. В левой по-прежнему был неуместный букет.

Я старалась ступать потише, но деревянный пол под моими ногами немилосердно скрипел. Шумы в спальне между тем усилились. Я слышала, как кто-то выдвигает и задвигает ящики комода, волочет через всю комнату что-то тяжелое...

Решение пришло мгновенно. Цветы были отброшены. Пистолет – вынут из кобуры.

Я толкнула ногой дверь спальни и выкрикнула, еще не видя вторженца:

– Не двигаться! Руки вверх!

– Что еще за черт? – произнес незнакомый мужской голос.

Рядом с чужим мужчиной была Кейси.

Обоих я застукала стоящими посреди спальни, то есть в самом неподходящем месте, но по сбитоному, скомканному пледу поняла – оба только что лежали на кровати.

Оба были полностью одеты; едва ли они занимались сексом. Более того: мужчина производил впечатление гомосексуалиста. Но по лицу Кейси я поняла: ей за что-то стыдно.

– Мик, – заговорила сестра. – А я... я думала, ты... на работе.

Я медленно опустила пистолет.

– То же самое я думала про тебя, Кейси.

– А я... я это... расписание перепутала. П-п-познакомься: мой друг... Луи.

Тот смущенно поднял руку.

Предполагалось, что знакомство с Луи должно меня смягчить. Не смягчило.

Вмиг я все поняла. По замедленной речи сестры, по характерному румянцу на скулах, по другим признакам стало ясно: Кейси взялась за старое.

Я ничего не сказала. Прошла к комоду, стала выдвигать ящики. Ну конечно, вот оно: шприцы, жгуты, кислота. Миниатюрные прозрачные пакетики с немыслимой маркировкой. Медленно я задвинула ящик.

Когда обернулась, «друга Луи» уже не было в спальне. Мы с Кейси остались одни.

Сейчас

Пола всё еще хохочет. Кажется, у нее истерика. Вон как голова мотается...

– Кто он, Пола? Назови имя!

– Да тот самый легавый, который заставляет ему отсасывать, не то в участок заберет.

Отдышавшись от хохота, она добавляет:

– А теперь, Мик, валяй, скажи, что именно этого легавого вы там у себя и подозреваете. Именно этого гребаного копа. Скажи, что давно его ведете. Это будет супер.

Открываю рот прежде, чем обдумываю ответ. В голове мутно, на душе тошно.

– Мы обязательно всё проверим, Пола. Виновный будет наказан.

Пола меняется в лице.

– За дуру меня держишь? – цедит она чуть слышно. – Так вот: я не дура.

И уходит, прихрамывая.

– Как он выглядит? – кричу ей вслед.

Пола замедляет шаг. Стоит ко мне спиной, но ее слова слышны отчетливо:

– Меня только впутывать не надо.

На ходу она резко поворачивает голову. Глаза сверкают яростно, угрожающе.

– Пола! Пола, напиши заявление!

Она усмехается.

– Ага, разбежалась...

Дальнейшее доносится уже от угла:

– Мне только заявы и не хватало. Чтоб у каждого легавого в черном списке очутиться.

Пола исчезает за углом. Впервые за все годы, что я в профессии (которой всегда гордилась), меня начинает подташнивать от догадки: имеет место некое противостояние, очень важное, а я... я воюю на стороне неправой армии.

* * *

По дороге в участок звоню Трумену. Надо с ним посоветоваться. Может, он прольет свет на обвинение, выдвинутое Полой.

На пятом звонке, когда я уже готова услышать металлический голос автоответчика, Трумен берет трубку. Ни «алло», «ни привет». Сразу:

– Ты в порядке, Мик?

– Я тебя от чего-то отвлекла?

– Нет-нет. Что стряслось?

– Ты ни у кого из... из наших... не видел случайно фуфайки с надписью «Уайлдвуд»?

Трумен отвечает не сразу.

– Вроде нет. А с какого боку тут фуфайка?

На заднем плане женский голос спрашивает:

– Трумен, кто это? Кто звонит?

Сразу тушуюсь.

– Я попозже перезвоню, если ты занят.

– Я не занят.

– Такую фуфайку, – говорю медленно, тщательно подбирая слова, – носит один... полицейский... который требует... особых услуг от женщин с улиц Кенсингтона. Иначе грозит забрать их в участок. Ты о нем не слышал?

Трумен молчит. Долго и напряженно.

– Слыхал, – признается он с неохотой. – Да об этом типе все знают.

«Кроме меня», – думаю я. Но молчу.

– Трумен! – кричит неизвестная женщина.

– Не отключайся, Мик, – говорит Трумен.

Следует его монолог, приглушенный ладонью. Наконец он снова обращается ко мне:

– Я перезвоню, о'кей?

Мое «конечно» напарывается на короткие гудки.

* * *

Вернувшись в участок, сразу бегу к сержанту Эйхерну. В кабинете его нет. Нет и другого начальства. Но должна же я кому-нибудь изложить важную информацию.

Наконец меня замечает капрал Шах.

– Не знаете, где сержант Эйхерн?

– Выехал на место преступления, – отвечает Шах, сглатывая слюну, – за щекой у него вечная жвачка. Чуть ли не в одиннадцатый раз он пытается бросить курить. Уже целую неделю продержался. – Передать ему, что вы его искали?

– Спасибо, не надо. Я сама позвоню. Возьмите только мой планшет.

* * *

Переодевшись, уже в своей машине, звоню Эйхерну. Отвечает автоответчик.

– Сержант Эйхерн, это Микаэла Фитцпатрик. Мне нужно с вами поговорить. Об одном событии, которое случилось во время моего дежурства. Это очень важно.

Оставляю свой номер, хотя, конечно, у Эйхерна он имеется.

Еду домой.

* * *

Свернув на подъездную дорожку, сразу замечаю миссис Мейхон. Стоит, руки в боки, смотрит на небо. В машине у меня полный бардак, сплошное нагромождение вещей. Открыв дверцу, приветственно машу миссис Мейхон. Тащу с заднего сиденья покупки. Хоть бы хозяйка ушла. Охота ей мерзнуть. Сегодня на миссис Мейхон фуфайка с объемным принтом в виде гирлянд. Не иначе, трехмерность принта призвана ободрить всякого, кто вздумает завести с миссис Мейхон беседу.

Нагрузившись пакетами, свертками и парой ботинок, иду к своей лестнице.

– Слыхали про снегопад, Мики?

Резко разворачиваюсь.

– Нет.

– По прогнозу, нынче в ночь выпадет снега на целый фут, – сообщает миссис Мейхон. – Это же катаклизм.

Можно подумать, на нас цунами надвигается – так зловеще звучит ее голос. Возможно, она думает, что я не знаю слова «катаклизм».

– Спасибо, миссис Мейхон. Сейчас включу новости, – произношу я самым своим серьезным тоном.

Меня разбирает смех. С тех пор как мы переехали, миссис Мейхон раз десять, не меньше, предрекала «катаклизмы». Даже заставила меня окна заклеить крест-накрест скотчем – передали, что выпадет град величиной с мяч для гольфа. (Никакого града, конечно, не было.) Миссис Мейхон из тех персонажей, которые, насмотревшись новостей, бегут в супермаркет и покупают хлеба и молока гораздо больше, чем им требуется; они также наполняют ванну водой – чтобы через двое суток тоскливо провожать взглядом эту воду, спускаемую в сливное отверстие.

– Доброй ночи, миссис Мейхон, – говорю я.

* * *

Дом кажется пустым. По крайней мере, в гостиной свет не горит и телевизор выключен.

– Эй, кто-нибудь! – зову я.

Ответа нет.

Почти бегу в детскую.

Из ванной выходит Томас в своей любимой бейсболке с логотипом «Филлиз» (отцовский подарок годичной давности) и прижимает пальчик к губам.

– Тсссс!

– В чем дело, Томас?

– Бетани спит.

Он указывает на дверь своей комнаты. И точно: на детской кровати, на покрывале с гоночными автомобилями, разлеглась Бетани. Ладонь под щекой, чтобы прическа и макияж не пострадали.

С грохотом захлопываю дверь. Снова открываю. Снова захлопываю. Бетани пробуждается. Медленно садится, потягивается. На лице – ангельское умиротворение. По щеке тянется розовая полоска – след от складочки на подушке.

– Здрасьте, – беспечно бросает Бетани. И утыкается в смартфон.

Наконец, видимо, заметив, какое у меня лицо, она выдавливает:

– А что такого? Легла сегодня под утро. Отключалась буквально.

* * *

Много позже – после беседы с няней («Поймите: Томасу ВСЕГО ЧЕТЫРЕ ГОДА! Он ТОЛЬКО КАЖЕТСЯ самостоятельным!»); после отъезда Бетани, оскорбленной в лучших чувствах, едва не продырявившей меня злобными взглядами; после приготовления ужина – вспоминаю, что так и не включила новости.

Впрочем, еще не поздно. На сей раз миссис Мейхон не преувеличивала: действительно, телеведущая Сесили Тайнен предрекает на завтра от шести до двенадцати дюймов осадков, особенно интенсивным снегопад будет на севере и западе Филадельфии.

– Только не это! – выдыхаю я.

Патрульные выезжают на дежурство при любых погодных условиях. А отгулов, по милости Бетани, у меня не осталось.

– Мама... – начинает Томас.

Жду неудобного вопроса. Мой сын – очень чуткий мальчик; наверное, уловил, что не всё в доме ладно.

Он долго молчит. Садится рядом со мной на диван. Поникает головкой.

– Что не так? Что с тобой, Томас?

Обнимаю сына. Кожа у него теплая, волосы шелковистые, как пучок рыльцев на недозрелом кукурузном початке. Томас утыкается мне в бок. Хорошо бы лечь, притянуть его к себе на грудь – я так делала, когда Томас был малышом. Ибо что может быть блаженнее тяжести младенческой головки в районе солнечного сплетения? Нет, нельзя: в последнее время Томас «вырабатывает характер»; говорит о себе «я уже большой». Это он так только, по старой привычке и по собственной инициативе сейчас приласкался; вот спохватится – и вывернется из-под моей руки.

– До чего же мне с тобой повезло, – шепчу я.

Озвучивать такое равносильно сглазу; я даже в мыслях не позволяю себе слишком часто благодарить судьбу. Потому что это – как открытое окно для темного ночного существа, как приглашение: давай, влезь и умыкни моего мальчика.

– Томас, в чем дело?

Наконец он поднимает взгляд.

– Когда у меня день рождения?

– Ты сам знаешь. Ну-ка, когда у тебя день рождения?

– Третьего декабря. Но... через сколько дней?

Таращусь на сына. Это же надо было до такой степени замотаться!

– Через неделю, Томас. А почему ты спрашиваешь?

Глядя в пол, он признается:

– Сегодня Бетани говорила про день рождения. Спрашивала, когда мой. Я ей сказал. А она спросила: мама тебе праздник организует, да?

Раньше на каждый день рождения Саймон забирал Томаса, устраивал для него что-нибудь особенное: в прошлом году, когда Томасу исполнилось четыре, это был поход в кино; в позапрошлом – в Институт Франклина^[21]. Три года назад (Томас, конечно, не помнит) они с отцом посетили коллекцию интерактивных экспозиций «Трогать разрешается». В этом году я планировала подхватить эстафету; думала, мы проведем третье декабря вдвоем, на какой-нибудь познавательной выставке. Но Томас глядит с надеждой. Действительно: почему бы не организовать для него настоящий детский праздник?

– Знаешь что, – произношу я после долгих размышлений. – Мы с тобой могли бы пригласить ребят из садика.

Сын расплывается в улыбке. Я спохватываюсь.

– Я ничего не обещаю, Томас. Может, не все придут. Надеюсь, ты это понимаешь?

Следует кивок.

– Ну, кому звонить?

– Лиле и Карлотте, – быстро отвечает Томас. И начинает подпрыгивать на диване.

– Отлично. Завтра свяжусь с их мамами. А куда мы с тобой позовем Лилу и Карлотту?

– В «Макдоналдс» с площадкой.

Внутри что-то обрывается. Но уже через мгновение я беру себя в руки.

– Здорово ты придумал.

Томас имеет в виду «Макдоналдс» с закрытой игровой зоной. Это в Южной Филадельфии, Томас ходил туда с отцом. Год там не был. Как он вообще помнит про игровую зону?

Томас накрепко сцепляет пальчики, устраивает ладошки под подбородком. Обычный жест, когда моего сына переполняют эмоции.

– И ты мне купишь все, что я захочу, да, мама?

– Разумеется. А ты будешь соблюдать меру, договорились?

* * *

Вскоре он засыпает прямо на диване. Уношу его в детскую, укладываю в постель.

С этим у меня строго. Ребенок должен спать в своей постели. Без вариантов. Малышом Томас мучился от сильных колик, безутешно плакал

целыми часами. Сердце разрывалось слушать этот плач. С самого начала инстинкт – первобытный, если не сказать животный – таился у меня во чреве; он и сейчас там, он не желает отпустить Томаса, цепляется за него когтищами, грозит свести на нет всю работу, которую я проделала с тех пор, как родился мой сын. Проще всего пойти у инстинкта на поводу – уложить Томаса к себе под бок. Но пособия по уходу за детьми на этот счет держатся единого мнения: никогда не берите малыша в свою постель. Во-первых, вы можете его случайно раздавить; а во-вторых, сформируете дурную привычку, с которой впоследствии вряд ли справитесь. Дети, которые спят в родительской постели, вырастают неуверенными, несамостоятельными, неспособными занять достойное место в мире.

Еще прежде, чем Томасу исполнилось полгода, он у меня стал оставаться на ночь в отдельной комнате. Пока мы жили в Порт-Ричмонде, все было хорошо. Колики прошли, как я и предвидела; сын не страдал нарушениями сна, мы с ним оба просыпались бодрыми и полными сил.

Но стоило переехать в Бенсалем, и все изменилось. Теперь с нарастающей частотностью Томас умоляет: «Мама, можно я буду спать с тобой?» Иногда среди ночи или утром я обнаруживаю его в собственной кровати – он прокрадывается, дождавшись, когда я усну, и сворачивается клубочком у моих ног. В таких случаях я непреклонна. Отношу Томаса в детскую, убеждаю, что ничего с ним не случится, и даже включаю ночник, купленный специально для его успокоения.

До сих пор я считала свою линию правильной. Усомнилась недавно, пару месяцев назад, проснувшись не от плача даже – от какого-то щенячьего поскуливания в изножье своей кровати. Никогда ничего подобного не слышала. А потом детский голосок начал повторять: «Папочка. Папочка. Папочка».

Я поднялась, на цыпочках обошла кровать. Томас спал, завернувшись в одеяло, точно звереныш. И разговаривал во сне. Я так и застыла. Время от времени мальчик подергивал ножками и ручками, как щенок, которому снится охота на кроликов. Выражение маленького личика менялось с удивительной быстротой: Томас улыбался, через несколько секунд хмурился, затем изумленно вскидывал бровки и морщил подбородочек. Не сразу я поняла, что он плачет. Коснулась простыни под его щекой. Простыня была мокра от слез. Я положила ладонь ему на лоб, потрясла за плечо. Пробормотала: «Томас, всё в порядке».

Он не проснулся, и впервые в жизни я уложила его рядом с собой и стала гладить ему лобик – так делала моя мама. Проводила пальцем по мягким детским бровкам, пока Томас не затих. Тогда я отнесла его в

детскую.

Наутро он в подробностях пересказал ночной эпизод.

– Это тебе приснилось, – заверила я.

* * *

Среди ночи обнаруживаю: прогноз оправдался.

В фонарном луче видно: снег валит пышными хлопьями, засыпает подъездную дорожку.

* * *

Утром подскакиваю от треньканья телефонного будильника. Судорожно хватаю телефон, жму «Отменить». Экранчик высвечивает сообщение от Бетани – еще в шесть часов скинула. «Завалило по самое некуда. Не приеду». И грустный смайлик.

У меня вырывается язвительное «Ну, спасибо!». Встаю, подхожу к окну. Кругом белым-бело.

– Спасибо, Бетани, удружила! – повторяю я.

За дверью шлепают Томасовы ножки. Мой сын стучится и входит, не дождавшись ответа.

– Мама, что случилось?

– Бетани в снегу завязла. Не приедет сегодня.

Подозреваю, что дело вовсе не в снегопаде. Просто Бетани мстит за вчерашний выговор. С Томасом я этими соображениями не делюсь.

– Ура! – ликует мой сын.

Не сразу понимаю: он уверен, что раз няня не приедет, значит, с ним останется мама.

– Нет, мне нужно на работу.

Маленькое личико кривится. Беру его в ладони.

– Прости, милый. Сейчас что-нибудь придумаю. Один ты не будешь.

Времени в обрез. Опускаюсь на кровать. Что делать? Кому звонить?

Томас пристраивает подбородочек у меня на плече – будто легонькая птичка уселась.

– А с кем я буду, мама?

– Пока не знаю.

– Возьми меня с собой. На заднее сиденье.

Улыбаюсь.

– Нет, детям в полицейскую машину нельзя.

Усаживаю его к себе на колени. Вдвоем мы прикидываем, кто бы мог нас выручить.

* * *

Скрепя сердце, набираю номер бабушки. Раньше она меня выручала, сидела с Томасом. Сейчас я не очень на это рассчитываю.

Ба не отвечает. Что и требовалось доказать.

Звоню бывшей приходящей няне, Карле. Она работает в страховой компании в центре. С сожалением Карла говорит, что их контору по случаю снегопада не закрыли.

Последняя моя надежда – Эшли. Сотовый она не берет. Отправляю эсэмэску.

В ожидании ответа кормлю сына завтраком. Поглядываю за окно. Снег все идет.

А ведь я через такие сугробы не проеду. Придется браться за лопату.

– Надевай сапоги, Томас! – командую я.

* * *

От физической работы настроение улучшается. В Порт-Ричмонде я занималась спортом. Недолго практиковала кросс-фит. Играла в футбольной команде. Знаю по опыту: три-четыре раза в неделю пропотеть как следует – это полезно. Нервы успокаивает. Сейчас на спорт нет времени.

Вручаю Томасу лопатку – мол, помогай! Двадцать минут он толчется на одном пяточке, потом принимается строить снежный замок.

У меня дело продвигается. Когда целых пять футов освобождены от снега, в дверях возникает миссис Мейхон.

– Не нужно вам убирать снег, Мики. Вы не обязаны.

– Зато хоть размялась.

– Чак бы убрал. Ему карманные деньги не повредят.

Чак – соседский мальчик, подросток. Подрабатывает, сгребая сухую листву и подметая дорожки.

Продолжаю орудовать лопатой.

– В любом случае спасибо вам, – произносит миссис Мейхон.

– Пустяки.

Вдруг меня осеняет. Хватаюсь за телефон. Ответа от Эшли нет как нет.

– Скажите, миссис Мейхон, вы сегодня заняты? В смысле, у вас есть планы?

– Я, Мики, давно планов не строю, – миссис Мейхон мрачнеет.

* * *

Никогда не была у нее в доме. Договор подписывали в квартире, которую я сейчас и занимаю. Удивление мое неподдельно. Я представляла обстановку вроде той, что окружает Ба: безделушки-пылесборники, выдавший виды ковер на полу, захламленное пространство. Но у миссис Мейхон – минимум эргономичной, недешевой мебели и безупречная чистота. Пол из паркетной доски, кое-где лежат стильные коврики. Кругом картины – абстракции большого формата, написанные размашистыми мазками. Очень, очень недурны. Неужели миссис Мейхон балуется живописью? Спросить не решаюсь, хотя язык так и чешется.

– Мне нравятся ваши картины, миссис Мейхон.

– Спасибо.

И никаких пояснений.

– Ужасно неловко вас беспокоить... Если бы не безвыходная ситуация...

Томас стоит не шевелясь. Похоже, одновременно заинтригован и напуган. Вот шагнул вправо, к лестнице; вытянул шейку, пытаюсь увидеть, что там, на втором этаже. Спальня миссис Мейхон – что же еще.

Извлекаю бумажник. В нем только двадцать долларов одной купюрой.

– Возьмите, миссис Мейхон. Это пока. Вечером будут еще деньги.

Миссис Мейхон отмахивается.

– Ну что вы, Мики! Не надо!

– Нет, я так не могу. Пожалуйста, позвольте мне расплатиться.

– Не позволю, – заявляет она.

Дальнейшие уговоры не действуют. Миссис Мейхон непреклонна.

Вручаю ей сумку, которую собрала еще дома. Там смена одежды для Томаса, книги, игрушки.

– Завтрак я тоже упаковала, миссис Мейхон.

Об одном я умалчиваю. Томасу всего четыре года. Он до сих пор писается в штаны, особенно если увидит по телевизору что-нибудь страшное. А напугать его может даже выпуск новостей. Взглянув на Томаса, решаю утаить эти подробности от миссис Мейхон.

– Вот это уж совсем лишнее, Мики. Я прекрасно могу состряпать ланч. Надеюсь, юный джентльмен любит сэндвичи с арахисовым маслом? А, Томас? Как насчет сэндвичей?

Тот кивает.

– Вот и славно. Кажется, мы поладим.

Опускаюсь перед сыном на колени. Целую его в щеку.

– Будь хорошим мальчиком, Томас. Ты же знаешь, что это такое?

Снова следует кивок.

– Это значит – слушаться старших, – произносит Томас, указывая себе на ушко.

Храбрится изо всех силенок.

Чем, чем он будет заниматься целый долгий день?

Записываю свой номер мобильного; впрочем, наверняка он у миссис Мейхон имеется.

– Если что – звоните. Прошу вас. Не стесняйтесь меня отвлечь. Работа не убежит.

Наконец делаю шаг к двери. Затем еще один. И еще. Не оглядываюсь. Перед глазами – дрожащий Томасов подбородок.

* * *

Всю дорогу в участок меня трясет.

Что я сделала? С кем оставила Томаса? Эта миссис Мейхон – она вообще кто? Родственников ее я не знаю. Помню, она говорила о сестре. А как у миссис Мейхон со здоровьем? Вдруг ее припадок накроет или инсульт? А если она несдержанная? Если сорвется – ударит моего сына, наорет на него?

Спохватываюсь. Говорю себе: «Микаэла, прекращай нянчиться с Томасом. Ему почти пять лет. С каждым днем твой сын все самостоятельнее».

Сегодня потеплело, со вчерашним не сравнить. И снег не идет. Тот, что выпал, уже тает; на проезжей части бурая каша, изборожденная шинами. Бетани вполне могла бы проехать. Если б захотела.

После планерки подхожу к сержанту Эйхерну, спрашиваю, получил ли он мое сообщение.

– Какое еще сообщение?

– Вчера я вам звонила, попала на автоответчик.

– А, это!.. Ну да. Что стряслось? Поговорить хотели, Фитцпатрик?

Озираюсь по сторонам. Трое патрульных торчат в зоне слышимости.

– Дело деликатное, сержант Эйхерн. Может, лучше у вас в кабинете?

Он тяжело вздыхает.

– Там сейчас комиссия. Напяливают бронежилеты, поедут с нашими ребятами по району. Вы же не потащите меня в сортир, чтобы изложить ваше деликатное дело? Говорите здесь.

Снова кошусь на троих патрульных. Двое из них отлично подходят под описание, данное Нуэном, – белые, возраст чуть за сорок.

– У вас не найдется для меня минут двадцать? В обеденный перерыв? – мямлю я.

– Найдется. Я перекусываю «У Скотти».

Эйхерн назвал забегаловку, где всегда толкуются патрульные. Место самое неподходящее. Стараюсь там не появляться. Как и в остальных заведениях, облюбованных моими, гм, коллегами.

– Лучше в «Бомбическом кофе», на Франт-стрит, сержант Эйхерн.

* * *

Утренние часы еле ползут. Примерно в десять вздрагиваю, заметив ярко-оранжевую куртку. Так и есть: Док собственной персоной, скрестив на груди руки, торчит на перекрестке с Кэмбрия-стрит. Держит пластиковый пакет.

Останавливаюсь, не доехав до него полквартала; наблюдаю.

Если Док и заметит полицейский автомобиль, все равно насторожиться не должен бы. Ему с такого расстояния не разглядеть, кто за рулем. Зато мне отлично видно: всякий раз, когда кто-нибудь приближается к Доку, его губы шевелятся. Подозреваю, что произносит он одно и то же слово: «Агрегаты». Чистые шприцы. Совсем дешево. Таким способом в Кенсингтоне многие зарабатывают – берутся продавать шприцы. Плата мизерная, но на дозу хватит. Случается, предлагают и свои услуги – поставить укол, чаще всего в шею – если все остальные вены давно одеревенели. Бывает, особенно когда бесплатная больница закрыта или находится слишком далеко, такие персонажи берутся лечить инфекции и вскрывать фурункулы. Как правило, с фатальными результатами.

Достаю телефон, ищу номер Трумена. Медлю с минуту. Любопытство пересиливает. Печатаю сообщение.

«Ты не занят?»

Да, лучше так. Учитывая тот недовольный женский голос. Вдруг у Трумена личная жизнь, а я вторгаюсь?

Почти сразу он отвечает:

«Не занят. Что случилось?»

«Как насчет старой доброй слезки?»

* * *

Трумен появляется ровно через тридцать минут. Все это время я не сводила глаз с Дока. Думала: только б он не ушел с каким-нибудь клиентом. К моему облегчению – и к его досаде, – пока никто не пожелал воспользоваться его услугами.

Звонит сотовый. Высвечивается номер Трумена.

– Посмотри направо, Мик.

Повинуюсь. Сегодня Трумена не узнать. Он в спортивных штанах, дутой куртке и шерстяной шапке. Замотан шарфом по самые глаза. Нацепил рюкзак и темные очки. Выдает его лишь спортивное телосложение.

– Что скажешь? – интересуется Трумен. В сторону моей машины не глядит намеренно.

– Где ты этот прикид раздобыл?

– В полиции нравов дали.

В юности Трумен работал под прикрытием. Проникал в наркопритоны.

– Видишь красавчика в оранжевой куртке?

– Вижу.

– Это и есть Док.

Трумен напрягает взгляд.

– Всяк трудится, как может.

На него глазают две молодые женщины.

– Всё, он у меня на крючке, Мик. Я перезвоню.

И начинает движение к цели. В походке узнаю фирменную труменовскую решимость. Ту самую, которую мой напарник являл все десять лет. Ту, к которой я привыкла.

* * *

Проходит час. Трумен не звонит. Мне пора на встречу с Эйхерном.

Пишу ему эсэмэс-напоминание. Затем сообщаю диспетчеру о своем местонахождении. Вру. Якобы я в супермаркете сети «ВаВа», соседнем с кафе «Бомбический кофе».

Сержант Эйхерн меня опередил. Уже сидит за столиком. Вид у него скептический. А место занял самое выигрышное, с лучшим обзором. Поодаль от других столиков, рядом с уборной.

Сержант только глядит на меня, привстать даже не думает. Сажусь напротив.

– Так это здесь вы тусуетесь, Фитцпатрик?

– Не то чтобы. Один раз была. Просто подумала, что здесь можно поговорить без свидетелей.

– Похоже на то, – Эйхерн таращит глаза. – Крутое заведение.

В голосе – яд. А сидит он будто на иголках. Перед ним кофе в пластиковом стаканчике. Сержант не спрашивает – может, я тоже хочу сделать заказ.

– Ну так что там у вас, Фитцпатрик?

Быстро оглядываюсь. Мы в кафе одни.

Достаю сотовый, прокручиваю вчерашнее видео. Говорю шепотом:

– Вчера во время смены всем показывала ролик.

– Зачем?

– Как – зачем?

– Я говорю – за каким чертом вы показывали ролик кому ни попадя?

– Так ведь Нуэн сказал...

Эйхерн трясет головой, не дослушав.

– Кто у вас босс – Нуэн или я? Нуэн – следователь, ему за поиски деньги платят. Вы-то тут при чем, Фитцпатрик?

Ловлю воздух ртом, как рыба. Стараюсь сохранить самообладание.

– Всё правильно, сержант Эйхерн. Только...

– У нас, у патрульных, и без вашего «только» забот полон рот.

Похоже, он мне закончить сегодня не даст.

Замолкаю. Тут же замолкает и Эйхерн.

Начинаю второй заход:

– Все правильно. Только вчера одна женщина опознала подозреваемого. Я эту женщину хорошо знаю. Она сказала... – снова оглядываюсь, подаюсь ближе к Эйхерну, – она сказала, что этот человек служит в полиции.

Сержант берет стаканчик в руку.

Откидываюсь на спинку стула. Жду реакции. Эйхерн невозмутим.

– Допустим, – цедит он наконец. – Ну и как его фамилия?

– Она не сказала. – Чувствую себя по-дурацки. – Наверное, она просто не знает. По ее словам, этот человек – гм... завсегдатай на районе.

Голос я уже до еле слышного лепета понизила. Не знаю, как бы поделикатнее выразиться.

– По ее словам, он требует от женщин... интимных услуг... Иначе грозит арестом.

Эйхерн кивает. Лицо у него спокойное.

– Понимаете, почему я не обратилась напрямую к Нуэну, а прежде решила посоветоваться с вами – моим непосредственным начальником?

Он что – ухмылку сдерживает?

Перед этой встречей я представляла себе разные реакции – но только не снисходительную ухмылку. Эйхерн снимает крышку с пластикового стакана, аккуратно кладет на стол. От кофе валит пар.

– Вы... Для вас это не новость, сержант Эйхерн?

Он подносит стакан к губам, осторожно цедит кофе. Тщательно подбирает слова.

– Всего я вам сказать не могу, Фитцпатрик. Но мы действительно в

курсе подобных обвинений.

– В курсе?

– Ну да, в курсе. Нам про них известно. Нечто подобное мы уже слышали. Теперь понятно, Фитцпатрик?

– И что вы в связи с этим предпринимаете?

Кровь приливает к щекам, в груди все клокочет от возмущения. Как школьница, честное слово.

– Мики, – Эйхерн смягчает тон, трет пальцами виски. Кажется, прикидывает, продолжать или нет. Все-таки выдает: – Мики, Мики... Вот представьте: шляется по Аве некто – ни работы, ни денег. Женщину ищет. Только ведь задаром секса не получишь. Ну и что делать такому-то типу? А?

Я смущена.

Эйхерн качает головой. Явно доволен.

– Копом назваться! Тогда его по первому разряду обслужат.

Молчу. Крыть нечем. Отвожу глаза. Наверное, порой так и бывает. Как Эйхерн говорит. Но Пола – она же умная. Ее не проведешь.

– Ладно, Мики, я все передам Нуэну, если вам от этого полегчает. Кто ваш источник?

– Она просила не называть имени.

– Имя останется между нами. Сами подумайте, хорош я буду, если заявлюсь в убойный отдел с анонимным обвинением... Меня на смех поднимут. Слушать не станут.

Сказать или нет?

– Ну, как хотите. В таком случае я ничего никому передавать не обязан. Повторяю: кто ваш источник?

– Пола Мулрони.

Наибольшее благо для наибольшего числа людей – такое определение миссис Пауэлл давала понятию «утилитарная этика». О наибольшем благе я и думаю, закладывая Полу Мулрони.

Сержант Эйхерн кивает.

– Знакомое имя. Пару раз побывала в участке эта ваша Пола, верно?

– Не пару. Раза три. Если не все четыре.

Эйхерн встает, берет свой кофе. Пришлепывает пластиковую крышку. Поводит плечами. Короче, дает понять, что встреча окончена.

– В общем, Мики, не беспокойтесь – сообщу куда следует.

– Спасибо.

– А вы, – сержант ловит мой взгляд, – сконцентрируйтесь лучше на работе. Вы не что-нибудь, а Двадцать четвертый район патрулируете.

Времени на другое такая служба не оставляет.

* * *

Я снова в машине.

Сообщила диспетчеру, что уже пообедала. Сижу, кипя негодованием.

Если раньше я просто недолюбливала сержанта Эйхерна, то теперь он мне омерзителен. Он говорил со мной неприемлемым тоном. Он вел себя как самодовольный индюк; еще смел кивать – дескать, знаю, знаю; ничего принципиально нового. А я-то как сплеховала! Можно было ответить... Достойные ответы множатся в голове. Поздно. После драки кулаками не машут. Лучше проверю телефон.

Одно голосовое сообщение. От Трумена.

«Мик, перезвони, как сможешь».

Руки начинают трястись. Набираю номер, начинаю движение по Аве.

Гудок. Еще один. Еще один. Шепотом заклинаю:

– Ну ответь же, Трумен! Ответь!

Не берет трубку. Отключаюсь. Снова перезваниваю. Наконец-то слышу его голос:

– Мики! Ты где?

– На углу Франт и Корал-стрит. Выруливаю на Франт-стрит.

– Жду тебя возле «Эмералда».

Я чуть не проскочила поворот. Резко сбавляю скорость, выкручиваю руль. За мной сразу два водителя давят на тормоза. Слышится скрежет.

Просто сама не своя в последнее время.

– Она... жива, Трумен?

Я говорю о своей сестре.

– Не знаю, Мик, – отвечает Трумен.

* * *

Он успел переодеться, только рюкзак оставил. В рюкзаке, наверное, дутая куртка с трениками, а на нем – неприметные джинсы, под которыми угадывается наколенный бандаж. От шарфа и темных очков Трумен тоже избавился. А сменной куртки у него, похоже, и не было.

Может, поэтому он с такой быстротой запрыгивает ко мне в машину. Морщится – колено дало о себе знать. Косится направо и налево.

– Давай-ка, Мик, лучше сначала вырулим из этого района.

Он прав. Поворачиваю на юго-восток, еду к Фиштауну.

– Что было? Долго ты за ним следил?

– Пришлось шприц у него купить. Я сказал, что сам не местный.

Спросил, где можно ширнуться.

Киваю. Начало классическое: именно так случается подавляющее большинство передозировок. Человек приезжает из пригорода, чтобы получить по максимуму, и переоценивает возможности своего организма.

– Док говорит: иди за мной. И двигает по Аве к северу.

– Он про себя что-нибудь рассказал, Трумен?

– Ничего. Спросил, не легавый ли я. Я говорю: обижаешь, сам легавых ненавижу. Вот и вся беседа...

Трумен откашливается и продолжает:

– Привел он меня в переулок. Называется Мэдисон. Туда можно через заколочос попасть, через задние дворы. Огляделся – никого. И давай товар рекламировать. Мол, только у нас, только для вас, только сейчас. Спросил, сколько мне нужно, сколько денег есть в наличии. Я, говорит, с медобразованием; за приемлемую цену укол поставлю в лучшем виде. Не надо, говорю, я и сам умею. Тут он напрягся. Вытаращился на меня. «Точно умеешь?» – спрашивает. А потом: «Тут и место есть надежное для этого дела. Можно в тепле, без риска все организовать». Теперь уже моя очередь настала напрягаться. Вдруг, думаю, он просек, что я коп? Куда я денусь? Когда я в полиции нравов служил, у меня была группа прикрытия. Свои бы всегда меня отбили. А тут... Говорю ему: «Не, всё в порядке». Деньги сую. Он берет. Велит подождать. Я: «Ты ведь не сбежишь с баблом, а?» «Не бойсь, – отвечает. – У нас без обмана. А то мигом из дела вылетишь». Входит в заколочос – который и правда фанеркой заколочен...

– А номер дома? Номер какой, Трумен?

– Вспомнила про номер!.. Он оторван давно. Сам дом – с белым сайдингом и с граффити над окнами. Три буквы «Б».

Трумен переводит дыхание и рассказывает дальше:

– Только Док – в дом, я скорей к окну. А внутри темень. Разглядел только, что там как минимум четверо тусовались. Разной степени обдолбанности. Один, кажется, вообще труп.

Отлично представляю обстановку. В подобных домах я была бесчисленное количество раз. Для меня они – как круги Ада.

– Еще я разглядел, как он по лестнице поднимался, – говорит Трумен. – Наверху недолго пробыл, мигом спустился – и вон из дому. Я еле успел от окна отскочить, прикинуться, что так просто землю мыском ковыряю. Выходит Док, еще раз переспрашивает: точно я в его услугах не нуждаюсь? А то он – медик по образованию, так ширнет, что любо-дорого. И всего за пять баксов. «Не надо, – говорю. – Я сам». Он меня взглядом смерил. «Только, – говорит, – возле дома моего не колись. И вообще,

осмотрись сначала, чтобы свидетелей не было». Я ему – спасибо, и уходить собираюсь. А сам думаю: черт, жаль, в доме почти ничего не разглядел. Он заметил, что я медлю, и спрашивает: «Может, тебе еще чего надо?» «Например?» – говорю. А этот сукин сын: «Например, девочку».

Меня пробирает озноб. Трумен, прежде чем продолжить рассказ, смотрит с тревогой.

– Тогда я ему говорю: «Пожалуй, я не прочь». А он: «Вот у меня тут фотки, хочешь посмотреть?» Я говорю: «Давай, покажи». Он достает смартфон и листает фотогалерею. И вот что, Мик. Среди этих женщин была Кейси.

Удивлена ли я? Ничуть. К этому и велось.

– Док мне: «Ну что, приглянулась какая-нибудь?» Я говорю: «Да, только сначала ширнуться надо. Приду попозже». Он дает мне номер телефона. «Звони, – говорит, – как будет нужда. Всегда к твоим услугам». И опять про свое гребаное медобразование напомнил.

Избегаю смотреть на Трумена.

– Мик. Ты как? В порядке?

Молча киваю. В груди разрастается ненависть.

– Как она выглядела, Трумен?

Лишь задав этот вопрос, соображаю: я говорила почти неслышно. Спрашиваю снова.

– В смысле, Мик?

– На фото. Как она выглядела?

Трумен играет желваками.

– Она была считай что... Раздетая, в общем. Очень тощая. Волосы выкрашены в ярко-рыжий цвет. Мне показалось, что ее незадолго до этого били. Глаза были заплавленные. Хотя толком я не успел разглядеть.

«По крайней мере, жива, – крутится у меня в голове. – Наверное, жива».

– Это не всё, – говорит Трумен. – Когда я уже собрался уходить, подвалил какой-то тип – весь такой brutальный, в татуировках. Обрадовался – давно не видел приятеля. «А, – кричит, – Макклатчи! Как живешь, как можешь?»

– Макклатчи, – повторяю я.

– Именно.

– Коннор Макклатчи.

Перед глазами фото из «Фейсбука» с подписью «Коннор Док Фэмизол».

Трумен кивает. Поводит подбородком на центральную консоль, где лежит лэптоп.

– Можно, Мик?

– Конечно.

Будто старые времена вернулись: мы с Труменом напарники, он занят документацией, я веду машину.

Поскольку Трумен на больничном, его логин заблокирован. Диктую свой. Он входит в базу данных.

Стараюсь заглянуть в лэптоп, не выпуская руля. Создаю аварийные ситуации.

– Господи, Мик! Обоих нас угробишь! Сбавь хотя бы! – восклицает Трумен.

Но я не хочу сбавлять. По крайней мере, до тех пор, пока мы не выберемся из этого района, где светиться не следует не только мне, но и Трумену. Смотрю то вперед, то в зеркало заднего вида, почти готовая наткнуться на кого-нибудь из коллег. Или на сержанта Эйхерна.

– Читай вслух, Трумен.

Он читает сначала про себя. Наконец произносит:

– Вот он, голубчик. Макклатчи, Коннор. Дата рождения – третье марта тысяча девятьсот девяносто первого года. Место рождения – Филадельфия. Молодой, – добавляет Трумен, быстро взглянув на меня.

– Дальше.

Он присвистывает.

– Что? Не томи, Трумен!

– Не буду. Тут у нас целый букет. От вооруженного ограбления до бродяжничества и нелегального владения огнестрельным оружием. Был под арестом три... нет, четыре раза. Нет, пять раз.

Снова следует пауза.

– Что молчишь, Трумен?

– Похоже, вовлечен в торговлю живым товаром.

Значит, еще и сутенер. Кстати, для Кенсингтона это нехарактерно, здесь почти все женщины сами себе клиентов находят. Но нет правил без исключений.

– Сейчас отпущен на поруки, – добавляет Трумен. – Это может облегчить нам задачу.

– А может и не облегчить, – я хмыкаю.

Смотрю на приборную панель, на часы. Смена заканчивается. Пора спасти Томаса от миссис Мейхон. Или наоборот. И слишком долго я не отвечала на звонки диспетчера.

– Где твоя машина, Трумен?

Он дает координаты. Некоторое время едем молча.

Наконец я открываю рот:

– Как думаешь, она была в том доме?

Трумен отвечает не сразу.

– Трудно сказать. Вполне могла быть. На первом этаже я ее не видел. Но есть же и второй этаж. И там, я уверен, что-то происходило.

Киваю.

– Мики, ты, главное, глупостей не натвори.

– Не бойся, не натворю.

Звонит его мобильник. Трумен быстро взглядывает на экран, просит остановить – дальше он пройдет пешком.

– Да ведь холодно. Давай я тебя до самой машины довезу.

– Ничего. Здесь недалеко.

Похоже, ему не терпится от меня отделаться. Телефон так и трезвонит, а Трумен не отвечает. Только выскочив из машины, жмет на зеленую кнопку. Тут-то я и вспоминаю, что про встречу с Эйхерном ему не сказала. Если кто и может дать совет, так это Трумен. Но он уже говорит по телефону, удаляясь скорым шагом.

Смотрю ему вслед.

Интересно, что это за абонент такой засекреченный...

* * *

Наконец-то можно ехать домой.

Всю смену я волновалась: как там Томас?

Еще и пять не пробило, а уже темно. Подруливаю к дому. Ненавижу это время – сумерки года. Каждый проблеск солнца кажется бесценным. Стараешься упрятать его в память, как в кладовку, растянуть, как последние припасы, чтобы хватило на всю крошечную зиму.

Первое, что замечаю, – темные окна. Ни одно не светится. Под ложечкой екает. Выскакиваю из машины, бегу по снегу. Жму на кнопку звонка. Сразу же начинаю колотить в дверь.

Приникаю к дверному окошку. Ничего не видно. Они вообще дома? Я готова ногой по двери садануть. Рука, по рабочей привычке, сама ложится на пояс, где во время дежурства – рукоять пистолета.

Господи, почему эта миссис Мейхон не открывает?

Вдруг дверь распахивается. За спиной миссис Мейхон полумрак. Томаса нет. Миссис Мейхон моргает сквозь толстенные очки.

– А где Томас?

– Где ж ему быть? Здесь, конечно. Да что с вами, Мики? Зачем в дверь дубасили? Меня чуть инфаркт не хватил.

– Простите. Где мой сын?

В это мгновение появляется Томас. Над верхней губой у него «усы», в руках – стакан с чем-то красным, явно сладким. Томас улыбается.

– Я дала ему «Кул-эйд»^[22]; надеюсь, вы не против, – поясняет миссис Мейхон. – Всегда держу для внучатых племянников.

Не видела, чтобы к ней приходили племянники – ни внучатые, ни обыкновенные. Вслух говорю:

– Нет-нет, конечно, я не против. Спасибо.

– Мы смотрели кино, – с восторгом объявляет Томас. – Как в настоящем кинотеатре!

– Томас имеет в виду, что мы приготовили попкорн и выключили верхний свет. Да заходите же, Мики! Не стойте в дверях – вон, холоду напустили!

Пока Томас надевает ботинки и курточку, осматриваюсь. В прихожей замечаю старое, пожелтевшее коллективное фото. Полдюжины рядов – дети, от дошколят до подростков. Два последних ряда – монахини. В кардиганах, простых платьях и скромных косынках – такие же носили наставницы в школе Святого Спасителя. Дату определить практически невозможно. Как невозможно представить миссис Мейхон малышкой или юной девушкой. Ищу ее на фото. Вдруг она касается моего локтя.

– Знаете, Мики, тот человек опять приходил.

Сердце екает.

– Томас его видел?

– Нет. Я-то из окна его заметила, мигом узнала и услала Томаса вверх. А сама вышла и говорю: не живут они здесь больше. Как вы и просили, Мики.

Выдыхаю.

– А он что?

– Огорчился.

– Пусть огорчается, сколько влезет. Как вы думаете, он вам поверил? Насчет нас?

– Похоже, поверил. Вел он себя учтиво, тут не придерешься.

– Это он умеет.

Миссис Мейхон поджимает губы. Кивает.

– Вы правильно сделали, Мики. От мужчин, по большей части, одно беспокойство.

Подумав, она добавляет:

– За всю жизнь мне только пара-тройка путных встретилась.

* * *

Вот мы и дома. Томаса распирает от впечатлений.

– Миссис Мейхон поставила знаешь какое кино? «Платянин»!

– Что еще за «Платянин»?

– Ну, там монстр катается на велосипеде!

– Может, все-таки «ИНО-планетянин»^[23], а?

– Да. И миссис Мейхон выучила меня звонить домой!

Томас, копируя действия заявленного инопланетянина, выставляет указательный пальчик, касается им моего пальца.

– Вот так, мама!

– Тебе понравился фильм?

– Понравился. Миссис Мейхон разрешила смотреть, хотя он страшный.

Томас явно взвинчен фильмом, да еще, пожалуй, избытком сахара в напитке.

– И ты не боялся?

– Нет. Фильм страшный, а я все равно не боялся.

– Молодец. Ты просто молодец.

Однако ночью я просыпаюсь от шлепанья маленьких ножек. Так и есть: на пороге моей комнаты, закутанный в одеяло, переминается Томас. Ни дать ни взять – главный герой фильма в знаменитой сцене.

– Мне страшно, мама.

– Бояться абсолютно нечего, Томас.

– Я сегодня соврал. По правде, мне было жутко смотреть фильм.

– И зря. Это все выдумка.

Томас кусает губу, смотрит в пол. Отлично знаю, что за этим последует.

– Томас, – говорю я как можно строже.

– Можно я буду спать с тобой? – все-таки просит сын. Отлично понимая, что я не позволю.

Встаю с постели, беру его за руку, вывожу в коридор.

– Тебе почти пять, Томас. Ты уже большой. Будь умницей. Будь храбрым мальчиком. Постарайся? Ради меня?

Он кивает.

Почти втаскиваю его в детскую, включаю ночник. Томас забирается в постель, я подтыкаю ему одеяло, кладу ладонь на лоб.

– Совсем забыла тебе сказать. Я сегодня разговаривала с мамами Карлотты и Лилы. Пригласила твоих подружек в «Макдоналдс».

Томас молчит.

– Ты меня слышишь?

Он отворачивается. Колеблюсь не дольше секунды.

Вспоминаю все, что читала в пособиях по воспитанию о том, как вырастить сильного, самодостаточного человека и гражданина, и насколько важно для будущей жизни чувство уверенности, которое закладывается в раннем детстве.

– Они придут. Обе. И Лила, и Карлотта, – говорю я.

Целую Томаса в лоб и тихонько ухожу.

* * *

Утром мне надо быть в суде. Я – свидетель по делу Роберта Малви-младшего. Похоже, его жена все-таки одумалась, написала заявление. Вызвали меня и Глорию Петерс.

Дело рутинное, и день самый обычный. Всё бы как всегда, если б не беспокойство, которое мне внушает Малви. Взгляд его сверлит меня; он пытается установить визуальный контакт, и, когда это удастся, я ловлю себя на мысли, что знаю этого человека, что уже видела его. Но где и когда – вспомнить не могу.

Дав показания, уезжаю. Незачем оставаться, ждать вердикта. Потом Глория все расскажет.

В машине сверяю наручные часы с теми, что находятся на панели.

Немного мне известно про Коннора Макклатчи, но одно я знаю наверняка: каждый день в половине третьего он является к мистеру Райту, чтобы погреться и уколоться. А раз он у Райта, следовательно, дома его нет.

«Глупостей не натвори», – сказал Трумен. Только это не глупость; совсем не глупость – прошерстить дом подозреваемого. Наоборот – это необходимо.

Сейчас одиннадцать утра. Еще несколько часов ожидания. Постараюсь не коситься на циферблат. Но избегать улицы под названием Мэдисон не получается. Пару раз – недостаточно для того, чтобы возбудить подозрения – проезжаю по Мэдисон, тяну шею, точно из машины реально разглядеть дома в переулке, который описывал Трумен.

Если район Сентер-Сити с его прямыми углами и идеальной симметрией доказывает, что планировкой занимались люди степенные и здравомыслящие, то в Кенсингтоне видишь, насколько сильно необходимость способна исказить первоначальные благие намерения. Там и сям разбросаны скверики самых неожиданных форм. Кроме ровной, как стрела, Франт-стрит и идеальной диагонали Аве, остальные

кенсингтонские улицы забирают вкось, под тем или иным углом отклоняются от экватора, заданного улицами Вайн, Маркет и Саут, которые расположены в Сентер-Сити. Здешние улицы начинаются внезапно и обрываются без предупреждения; порой раздваиваются, а потом снова претерпевают слияние. Мэдисон не похожа на Ист-Мэдисон; Уэст-Саскуэханна почему-то бежит параллельно Ист-Камберленд. Едва ли не все недлинные улицы заняты под жилье. Дома ленточной застройки – кирпичные, с отштукатуренными фасадами – стоят плечом к плечу; лишь иногда в их сплоченных рядах наблюдаются пустыри – словно недостающие зубы. Отдельные кварталы – сравнительно опрятные: там если и попадется заколочос, то всего один, максимум – два. Другие кварталы словно повествуют о несчастьях, что постигли их обитателей. Здесь пустует каждый второй дом; по крайней мере, такое создается впечатление.

Немало в Кенсингтоне переулков, которые упираются в тесные аллейки, ведущие к задним дверям. С тыла дома неприветливы: каждый, кому открылась их изнанка, – враг. Автомобили здесь не ездят – просто не протискиваются.

В такую-то аллею я и пытаюсь заглянуть, ища дом с тремя буквами «Б».

Если он и есть, с Мэдисон его не видно.

* * *

Ближе к двум часам останавливаюсь возле заведения Алонзо. Вхожу. Алонзо миглом смекает, что я не за кофе явилась, и кивает на подсобку – наверное, там спрятана моя одежда.

Благодарю его, иду в уборную. Переодеваюсь. Сохраняю максимум достоинства. Не очень-то получается в таком прикиде.

Молча прячу пакет с униформой в шкаф. Выхожу на улицу.

На сей раз у Алонзо остались и рация, и оружие. Под футболкой их все равно не утаить.

Бегу к улице Мэдисон. Бежать теплее, чем идти. Кошусь на часы. Ровно половина третьего.

Перед поворотом сбавляю скорость. Пытаюсь в заданных обстоятельствах выглядеть органично. Сама чувствую: не получается.

Вот он, дом, о котором говорил Трумен. Обшит белым сайдингом. И граффити тут же – три буквы «Б». Дом – в самом конце улицы; понятно, почему я не видела его с шоссе.

Заглядываю в окно. Ничего не разглядеть – слишком темно внутри.

После недолгих колебаний стучусь в заднюю дверь. Вот *что* я скажу, *что* сделаю, если Док откроет?

Жду в бездействии. Снова стучусь. Никто не открывает.

Наконец отодвигаю фанерку и делаю шаг внутрь.

* * *

К вони, обычной для таких домов, примешивается дух зимней промозглости. Кажется, в доме холоднее, чем на улице. Неудивительно: в эти заколочос ни один солнечный луч не проникает. В холле – будто в морозильнике.

Делаю пару шагов, жду, пока глаза привыкнут к темноте. Пол предостерегающе скрипит; пожалуй, есть и прогнившие доски; не хватало наступить на такую, попасть в капкан...

Жаль, что я без форменного пояса. Достала бы фонарик. Придется заменить его мобильником.

Луч от горящего экранчика шарит по углам. Что я ищу? Что готова увидеть? Людей; человеческие тела, мертвые ли, живые ли. Их нет. Есть матрасы, есть тряпье, есть всякий хлам. Похоже, этот заколочос необитаем.

А ведь Трумен говорил, что Док бегал на второй этаж. Значит, должна быть лестница. Я ее не вижу.

Дюйм за дюймом продвигаюсь к парадному входу. Мобильник высвечивает парадную дверь, невысокий порог, спускающийся в холл. Лестница должна быть с другой стороны.

Глаза наконец адаптировались к темноте. Я ступаю гораздо увереннее. Вдруг соображаю: Док может вернуться с минуты на минуту. Скорее прочесать второй этаж – и прочь отсюда.

Взбегаю по лестнице, перепрыгиваю разом по несколько гнилых ступеней, левой рукой держусь за облезлые перила.

Буквально напарываюсь на взгляд огромных глаз.

Роняю телефон и тут же понимаю: лицо – мое собственное. Отражение в зеркале.

Вся дрожа, поднимаю телефон и одну за другой принимаюсь отворять двери. Сколько раз я так делала, когда искала сестру по притонам!

Ловлю себя на том, что принимаю: не пахнет ли распадом человеческого тела? Раз учуяв этот запах, вряд ли когда его забудешь. Зловоние, которым пропитан заколочос, слито из множества омерзительных оттенков – но, слава богу, среди них нет самого страшного, самого тошнотворного.

В коридор выходит пять дверей. Ванная комната – на месте ванны с

унитазом две дыры в полу; кладовка; три спальни.

В первой спальне – старый диван и стопка журналов. На полу валяются использованные презервативы.

Во второй спальне – ни кровати, ни дивана. В угол брошен голый матрац, а у стены – грифельная доска. Уверенной, хоть и явно детской рукой, на доске запечатлен пейзаж. Окна в этой комнате не забиты, и дневного света достаточно, чтобы рассмотреть стилизованное небо, взрезанное линией высоток с бесчисленными окнами, – их юный художник обозначил рядами жирных точек. Когда сделан рисунок? Прежде чем жильцы оставили дом – или сравнительно недавно? В деревянном желобке лежат три кусочка мела. Не могу удержаться – в правом углу пейзажа оставляю крохотную меловую метку. Сто лет не царапала на доске.

Хочу вернуть мелок на место – и тут слышатся шаги. Вздрагиваю. Как в замедленном кино, мелок описывает дугу и с характерным стуком падает.

– Эй! Кто там еще?

Голос принадлежит мужчине.

Кошусь на окно. Чем грозит прыжок со второго этажа? Какими конкретно травмами?

Но прежде чем я успеваю решиться, тяжелые шаги раздаются на лестнице. Замираю от страха.

Господи, ну почему я не взяла оружие?

Если нет оружия, лучше сразу это показать. Выставляю вперед руки. Откашливаюсь.

Человек медлит на лестничной площадке. Войдя, я закрыла за собой дверь, но задвижкой не воспользовалась. Сердце бьется где-то в горле. Того и гляди, выскочит через рот.

От удара ногой дверь с грохотом распахивается.

Не сразу узнаю вошедшего. Явно его били. Правый глаз заплыл, не открывается. Фингал отливает всеми оттенками синего и зеленого. Нос переломан. Ухо и верхняя губа распухли. Но стрижка все та же. И оранжевая куртка.

– Док? – выдыхаю я.

Теперь меня трясет так, что коленки стучат одна о другую.

Мне стыдно этой дрожи. Хочется объясниться: от холода трясусь. Адская холодрыга нынче.

– Какого черта ты здесь делаешь? – цедит Док.

– Тебя ищу.

Приходится импровизировать.

Док делает шаг в мою сторону.

– Как ты меня вычислила?

– Поспрашивала людей. Ты – фигура заметная.

Он усмехается. Вроде даже с горечью. Хватается за бок. Наверное, у него ребра сломаны.

– Что у тебя в руке?

Как ответить? Есть шанс убедить Дока, что я вооружена. Совсем крошечный шанс – но он мог бы гарантировать мне безопасное отступление. А если Док не купится? Я буду выглядеть идиоткой.

– Ничего, – отвечаю я.

– Руки подними.

Повинуюсь. Док подходит ко мне, задирает рубашку. Оттягивает пояс штанов. Охлопывает меня всю. Стою совершенно беспомощная.

– Надо бы тебя кончить, – еле слышно произносит Док.

– Что?

– Говорю, кончить бы тебя за то, что твоя родня со мной сделала.

Каменею от ужаса.

– А что она сделала?

– «А что она сделала»! – передразнивает Док. – Кейси знаешь, как про тебя говорила? Этак с придыханием: Мики у нас УМНАЯ! Злилась на тебя – но должное отдавала. Кейси послушать, так ты – минимум Альфред Эйнштейн.

Смотрю в пол. Молчу. Все силы уходят на то, чтобы не выпалить: «Альберт, а не Альфред!»

– Так вот, я тебе не верю, – продолжает Док. – Ты умная – значит, сечешь. Насчет родни.

Не поднимаю глаз. Только бы не разозлить его. В Академии учили языку тела; очень, очень полезные навыки.

Док указывает на свое лицо.

– Видишь? Нет, ты погляди, погляди. Такой толпой на одного – это как? Встретишь Бобби О’Брайена – скажи, чтобы не зевал. Уж я его подкараулю.

Значит, Бобби.

Недаром же он ухмылялся тогда, у Эшли в гостях, стоило мне помянуть Дока.

– Если это сделал мой кузен, мне за него стыдно, – мямлю я. – Но я сама с ним очень редко вижусь. Мы не друзья.

Док только скалится.

– Ну да, рассказывай!

– Я почти не общаюсь с Бобби, – продолжаю я. – Если он тебя избил – значит, по собственной инициативе. Я тут ни при чем.

Док задумывается. Переминается с ноги на ногу. Чешет затылок.

– Странно: почему-то я тебе верю. Не должен бы – а верю, – наконец выдает он.

– Вот и хорошо.

Чуть приподнимаю голову. Взглядываю на Дока. Снова отвожу глаза.

– Дела! – тянет Док, явно удивленный. – Все-таки передай Бобби, чтоб на район не совался. Здесь у меня полно приятелей.

– При случае передам.

Он снова усмехается. Кривится от боли.

– Ладно, руки можешь опустить. Они у тебя небось затекли уже. И давай-ка без выкрутасов. Зачем пришла?

– За Кейси.

– Она тебе так дорога?

Вся напрягаюсь. Начинаю осторожно, подбирая слова.

– Она – моя сестра. Кроме того, она – жительница района, который я патрулирую по долгу службы.

Док коротко смеется.

– Нет, ты точно с приветом... – Помедлив, продолжает: – Слушай, уходи, пока цела. Где Кейси, я не в курсах. Честно.

– Сейчас уйду. Спасибо.

Может, он и врет, не знаю. Знаю другое – мне действительно нужно уходить, пока цела. До сих пор чувствую его лапы на своих боках, животе,

груди. Хочется вымыться с мылом.

Шагаю к двери, пока Док не передумал. Выскакиваю в коридор. Я уже на лестнице, когда он окликает меня:

– Мики!

Медленно оборачиваюсь. Он стоит в дверном проеме, как в раме, освещенный сзади. Этаким темный силуэт с неразличимым лицом. С неразличимым выражением лица.

– Осторожнее будь. У тебя сын, о нем заботиться надо.

Тело напрягается, готовое к схватке. Голос звучит сдержанно:

– Что ты сказал?

– Я говорю, сын у тебя. Томасом звать, так?

Док садится на придверный коврик. Затем ложится ничком.

– Всё, проваливай.

Он закрывает глаза.

Я ухожу.

* * *

Фраза «сын у тебя, о нем заботиться надо» – словно гулкое эхо в висках. Похоже, Док хотел меня запугать. Что ж, ему вполне удалось. Сажу в машину, обдумываю следующий шаг. Разумеется, нападение на Дока организовал Бобби; кто же еще! Следовательно, он знает больше, чем выдал в День благодарения. Из чего вытекает, что дополнительную информацию из него так просто не вытянешь.

Разве только застать Бобби врасплох. Или поспрашивать о нем третьих лиц.

Без особого оптимизма пишу сообщение Эшли:

«Случайно не знаешь, где сейчас живет Бобби?»

* * *

В ожидании ответа звоню Трумену.

– Мики, – произносит Трумен, выслушав меня. – Ты что, рехнулась? О чем ты только думала!

Ощущаю приступ упрямства.

– Я просто полагалась на доказательства, которые у меня имелись, с целью принять обоснованное решение. Я знала, что в половине третьего Док будет отсутствовать. Знала, что нужно проверить дом – вдруг там вещи Кейси? Поэтому я туда и пошла.

Почти вижу Трумена, качающего головой. Трумена, сдавившего себе виски.

– Мик, так дела не делаются. Ты хоть понимаешь, что тебя могли убить?

Теперь, когда Трумен это озвучил, – понимаю. И готова признать свою ошибку.

– Слушай, Мик, ты увлеклась. Мы оба увлеклись. Ты написала заявление, чтобы Кейси объявили в розыск?

Молчу. Наконец выдаю:

– Я... я пыталась... поговорить с Эйхерном. Но он был занят.

– Сообщи следователю. Не патрульному вроде нас с тобой, а настоящему следователю. Да хотя бы Ди Паоло.

Чем больше Трумен убеждает, тем сильнее все во мне сопротивляется этой идее – заявить о пропаже сестры. Почему – неясно. Впрочем, уже включился тревожный звоночек. Если б Трумен замолк хоть на миг, я разобралась бы в сигналах, которые шлет мне подсознание.

– Мики, дело серьезное. Этот тип знает про Томаса. Он его упомянул. Сама подумай, чем это грозит.

И тут я соображаю, почему боюсь говорить о Кейси с представителями полиции. Передо мной – скептическое лицо Полы Мулрони. «Да тот самый легавый, который...» А как сержант Эйхерн отреагировал? Сразу обвинение отмел!

Вот в этом все и дело. Я потому до сих пор не заявила о пропаже сестры, что перестала доверять коллегам. *Легавым.*

Трумен молчит. И я молчу. Слышно только наше с ним дыхание.

Наконец Трумена прорывает.

– Тебе, Мик, может, и безразлично, что с тобой станется. А Томасу – небезразлично. И мне тоже.

Меня бросает в краску. Чуть ли не впервые Трумен высказался столь прямо.

– Мик, ты меня слышишь?

Киваю. Соображаю, что разговор у нас – телефонный; откашливаюсь и говорю:

– Слышу.

* * *

Через минуту после того, как я нажала «Отбой», телефон звякает эсэмэс-сообщением.

Оно от Эшли. Всего два слова:

«Не знаю».

* * *

Вечером уделяю Томасу дополнительные полчаса. Читаю ему, выслушиваю сбивчивый рассказ о маленьких дневных горестях и победах. Вместе загибаем пальцы – ну-ка, сколько дней осталось до похода в «Макдоналдс»? Радуюсь, что сыну есть чего ждать.

* * *

– КАРЛОТТА И ЛИЛА, – повторяет Томас, едва завидев девочек в ресторанном зале. Как заклинание: – КАРЛОТТА И ЛИЛА. КАРЛОТТА И ЛИЛА.

Мы мчались как угорелые. На пятнадцать минут опоздали на свой же собственный праздник. Из Бенсалема до Южной Филадельфии полчаса езды, но со мной случился временной провал.

Девочки устремляются навстречу Томасу.

– Здравствуйте, – говорю я их мамам. Обе отвечают «Привет». Мама Лилы обнимает меня, чем приводит в крайнее смущение. Обеих женщин я едва знаю. Виделись мы только в садике, дальше «добрый день» разговоры не шли. Прежде чем звонить, я должна была узнать в справочнике их имена.

Они представляют два ярких типажа. Мама Карлотты старше меня, ей, наверное, за сорок. Кудрявая, в практичной куртке на «молнии» и в перчатках, с виду самовязаных.

Мама Лилы – мне ровесница, то есть ей чуть за тридцать. У нее густая челка и длинные локоны. Одета в элегантное синее пальто с поясом, застегнутым на пряжку. И пальто, и пояс, и пряжка настолько здорово сделаны, что хочется их потрогать. На ногах сапожки на устойчивых каблуках, в ушах изящные золотые серьги, которые достают почти до воротника. Похоже, мама Лилы работает в индустрии моды. От таких женщин обычно хорошо пахнет. Такие женщины обычно ведут блоги.

Я, в своей «униформе» – вечных серых брюках и удлиненной белой блузе, – должно быть, выгляжу как официантка.

Несмотря на разность в типажах, сразу ясно, что мать Лилы и мать Карлотты обе из хороших семей, обе имеют дипломы престижных университетов.

С мучительной, внезапной, запоздалой остротой понимаю: ни одна, ни другая никогда не ели в ресторанах быстрого питания.

– Здесь прикольно, – говорит Лорен, мама Лилы. – Детям раздолье.

Джорджия, мама Карлотты, напряжена. Ее взгляд перемещается с

одного объекта игровой зоны на другой – ищет скрытую угрозу.

– Не знала, что у них есть детская площадка, – наконец выдает Джорджия.

– Она как магнит. Еще бы – единственная в городе, – поясняю я. – Томас очень любит это место. Только мне неловко, что вам пришлось ехать в такую даль.

– Пустяки, – бросает Лорен. – Сюда нетрудно добраться. От Коламбус все время к югу. И потом, у них есть парковка. Не к каждому «Макдоналдсу» парковка прилагается.

– Пустяки, – повторяет Джорджия после паузы.

С минуту наблюдаем за детьми. Лила и Томас забрались на лесенку, которая ведет в домик на возвышении. Карлотта блаженствует в сухом бассейне с шариками. Делает взмахи руками, будто лежит на снегу. Кошусь на Джорджию. У нее прямо на лице написано: «Когда эти шарики последний раз дезинфицировали?!»

– Как работа? – спрашивает Лорен.

Никогда никому в Томасовом садике не говорила, где работаю. Наверное, Лорен и Джорджия видели меня в полицейской форме, когда я забирала сына после смены.

– С работой порядок. Загруженность большая, а так порядок.

Спросить или не спросить, чем они занимаются? Подозреваю, что ничем. Наверное, обе отдали детей в садик исключительно ради лучшего развития в кругу сверстников, а вовсе не потому, что днем их не с кем оставить.

И все-таки надо бы поинтересоваться. Пока я раздумываю над формулировкой, Джорджия спрашивает:

– А что с этими убийствами в Кенсингтоне?

Вот не ожидала, что она знает!

– С убийствами? Расследование ведется. Есть зацепки.

– Убийца – один и тот же человек? – допытывается Джорджия.

– Скорее всего, да.

– Надеюсь, вы его вычислите. Скверно, что там школа совсем рядом.

Выдерживаю паузу.

– Едва ли детям что-то грозит. Убийцу, похоже, не они интересуют.

Лорен и Джорджия вперяют в меня взгляды.

– В смысле, я тоже надеюсь, что убийца будет пойман в ближайшее время. Полиция, кажется, напала на след. Не беспокойтесь.

Очередная утешительная ложь. Молчим. Скрещиваю руки на груди. Переминаюсь с ноги на ногу.

– Надеюсь, все будет в порядке, – произносит Джорджия, глядя на часы.

– Что? – переспрашиваю я. – Простите, не поняла.

– Я говорю, место действительно неплохое. Не ожидала.

Вдруг понимаю, о чем она.

– А! Да. Да, конечно.

– Ни толпы, ни кухонных запахов, – поясняет Лорен. – Очень мило.

– Пожалуй, – Джорджия поводит рукой по сторонам.

Бежит Томас с готовым перечнем вкусовностей. Вот что он закажет:

– молочный шейк;

– куриные наггетсы;

– гамбургер с картошкой фри;

– еще молочный шейк.

За Томасом бегут Лила и Карлотта. Похоже, эти трое держали совет; похоже, вместе решали, чем будут лакомиться.

Джорджия вдруг опускается перед дочерью на колени, кладет ладонь ей на плечико.

– Карлотта, мы же об этом говорили. Мы привезли свой ланч.

Девочка, тараща глаза, начинает мотать головой, словно не веря, что подобная несправедливость вообще возможна.

– Нет, мама! Нет! Я хочу гамбигир. Гамбигир и картошку.

Джорджия поднимает на нас быстрый взгляд. Отводит плачущую дочь футов на десять, склоняется над ней, говорит тихо, но тоном, не допускающим возражений.

Отворачиваюсь, всем своим видом показываю, что не желаю вмешиваться. Буквально слышу слова Джорджии: «Эта еда не для нас, золотко. Она вредная. В ней мало питательных веществ, одни шлаки. Разве мамочка допустит, чтобы ее зайка такое кушала?»

Наверное, Джорджия думала, что здесь будет большой детский праздник и у нее получится, незаметно улизнув с дочерью, накормить ее едой здоровой и питательной. Без всяких шлаков.

– Куда ушла Карлотта? – волнуется Томас.

– Не знаю. Может, ей надо побыть одной. Ты за ней не ходи.

Джорджия тащит Карлотту (уже не просто плачущую, а ревущую) прочь из ресторана. В дверях оглядывается, показывает жестом: вернемся, одну минуту подождите.

– Карлотта еще придет? Мама! Карлотта ведь не совсем ушла? – не

отстает Томас. Цепляется за мою руку, не разжимает пальчиков.

– Придет.

Впрочем, в моем голосе – никакой уверенности. Это ж надо было догадаться – в «Макдоналдс» их пригласить! О чем я только думала!

Ситуацию спасает Лорен. Внезапно хлопает в ладоши и говорит:

– Не знаю, как вы, – а я умираю, хочу бигмак!

Под моим недоуменным взглядом она сознается:

– До умопомрачения люблю бигмаки. Это мой тайный грех, честное слово.

Лицо у Лорен совершенно серьезное. Не знаю, как ее и благодарить.

– Я тоже их люблю. До умрачения, – повторяет Томас. – Это мой тайный грех.

* * *

Сделав заказ, находим стол на шестерых, усаживаемся и принимаемся за еду. Появляется Джорджия, в обход нашего стола ведет дочь в игровую зону. Там Карлотта останется, пока Томас и Лиля обедают.

Лорен сидит напротив меня. Не представляю, что ей сказать. Светские беседы – не мой конек; особенно если попадается действительно светская женщина. Уж конечно, люди ее круга считают людей моего круга отбросами, отребьем, источниками проблем. С такими только свяжись – либо в историю влипнешь, либо нахлебника наживешь.

Однако Лорен совершенно непринужденно потягивает содовую и поддразнивает дочь, которая запачкалась кетчупом.

– Не может не насвинячить!

Ничего себе словечко.

Лорен закатывает глаза, ищет у меня поддержки: мол, да, малышня вся такая.

Скоро выясняется, что и насчет ее занятости я ошиблась. Лорен работает, причем на настоящей работе, в полную смену. Она – продюсер на «Филадельфия общественной радиостанции». Вообще-то, профилирующая специальность у нее – телевидение, и одно время она работала на телевидении (ничуть не удивляюсь: Лорен прехорошенькая, таких в дикторы берут охотно).

– Сейчас вот на радио застряла. Но так даже лучше. Не надо подрываться ни свет ни заря, чтобы грим успели сделать, – сообщает Лорен.

Минут пятнадцать ведем на диво непринужденный разговор. Наши дети с аппетитом поглощают пищу, которую Джорджия сочла

неподходящей для своей дочери. Личико Томаса буквально сияет, ручонки снуют – от бигмака к пакетику с картошкой, от картошки – к стакану с шейком. Сразу видно: получил все тридцать три удовольствия. Как и полагается имениннику.

Внезапно Томас меняется в лице.

– Что с тобой? Томас!

Но он уже вскочил, уже мчится через весь обеденный зал.

И прежде чем я успеваю подняться, Лорен спрашивает:

– Микаэла, разве ваш сын знаком с этим мужчиной?

Я опоздала. Томас повис на сказанном мужчине, который стоит ко мне спиной.

Конечно, это Саймон. Мне и оборачиваться не надо, я его спиной чувствую. Так и бросилась бы к нему вслед за Томасом, по-детски простила бы все и сразу.

Внутренняя борьба жестока и кошмарна – но вдруг я замечаю, что Саймон пришел не один. С ним – женщина, миниатюрная брюнетка с длинными прямыми волосами.

Вмиг эмоции меняются на прямо противоположные. Меня охватывает ярость. Потрясенный Саймон смотрит вниз, на Томаса, обхватившего его ноги; явно не узнает его – родного сына, с которым год не виделся. Наконец до него доходит. Он поднимает глаза на свою спутницу, смотрит на нее со страхом. Чувства этой куклы ему важнее, чем чувства собственного ребенка. Я же в это время, не помня себя, бегу спасать Томаса.

Тот стоит на цыпочках, тянет ручонки к отцу – такому высокому, такому красивому. Выражение маленького личика мне знакомо: точно так же он смотрел на отца в последний раз. Томас заискивает перед отцом. Томас боготворит отца и гордится им. С торжествующей улыбкой он оглядывается на Лорен и Лилу, на личике прямо написано неоновыми буквами: «Вот какой у меня папа!»

– Папочка! – повторяет Томас. – Папочка! Папочка!

Понятно: решил, что Саймон пришел к нему на день рождения. Сюрприз устроил.

От этой догадки подступает тошнота.

Где уж Томасу, в пять-то лет, уяснить: отец не склонится над ним, не подхватит его на руки и не прижмет к сердцу, как делал раньше.

Томас замечает меня, выкрикивает с торжеством:

– Мама, смотри: папа ко мне пришел!

Брюнетка, спутница Саймона, оборачивается. Наконец-то вижу ее лицо.

Ей, пожалуй, и двадцати нет. Миниатюрная, прехорошенькая. Обе щеки с пирсингом – еще одно доказательство юного возраста.

А на руках у брюнетки – малышка в розовой курточке. С виду ей месяцев восемь-девять.

Взгляд Саймона теперь мечется в замкнутом треугольнике: от Томаса ко мне, затем – к брюнетке и снова к Томасу.

Последний уже догадался: к сердцу его не прижмут. Ручонки бессильно повисли. Личико сморщилось – сейчас разревется. Одного он не понимает: причины такого равнодушия.

– Папочка! – выкрикивает Томас. Уже без всякой надежды.

– Папочка? – повторяет брюнетка, сверля Саймона взглядом.

Тот смотрит на меня.

– Микаэла, познакомься – это моя жена, Жанин.

Ну, вот все и объяснилось, все странности в поведении Саймона за последний год.

* * *

Жанин гордо удаляется, не дав Саймону слова сказать. И уносит свою дочь. Саймон в растерянности – руки опущены, взгляд – тоже. Томас будто окаменел.

Ступор Саймона длится недолго. Опомившись, он на своих длинных ногах шагает к выходу. Нет, не успел: знакомый темный «Кадиллак» резко газует, выруливая с парковки.

Мой ступор тоже проходит. Что же я застыла? Мне ведь надо спасти Томаса. Подскакиваю к нему, хватаю в охапку. Ох, какой он стал тяжелый! Томас утыкается мне в плечо.

Не знаю, что дальше делать. Хочется наорать на Саймона, отвесить ему оплеуху – за то, что так повел себя с Томасом, да еще и в день рождения.

Но нет, такого всплеска эмоций Саймон от меня не дожидается. Нет, я не уроню достоинства перед ним. Я веду Томаса обратно к столу, где ждут Лорен и Лила. Прошу Лорен:

– Присмотрите за Томасом, я сейчас вернусь.

– Конечно, конечно, Микаэла. Томас!.. А мы думали, ты от нас сбежал!

Иду прямо к Саймону. Он строчит эсэмэс-сообщение. Под моим взглядом отвлекается от телефона. Сует его в карман.

– Послушай...

Качаю головой.

– Слушать тебя я не стану.

Он вздыхает.

– Микаэла...

– Не лезь в нашу жизнь. Оставь нас в покое. Больше мне от тебя ничего не нужно.

Он явно озадачен.

– Ты же сама меня помогала.

– Когда это?

– А кто ко мне на работу пригремел? Или уже забыла?

Ничего я не забыла.

– Откуда у тебя мой новый адрес? Не смей приходить, Саймон!

Он скрещивает руки на груди.

– Не понимаю, о чем ты. Никакого нового адреса у меня нет.

Странно, но на сей раз я верю Саймону.

Наконец он убирается. Наверное, побежит сейчас к своей малолетке, станет ей очередную лапшу на уши вешать. Выражаясь культурно – «строить новые отношения».

Я его настоятельно попросила не прощаться с Томасом. Тот и так уже рыдает. Ничего. Чем отклеивать лейкопластырь по миллиметру – лучше просто дернуть. Так и с прощаниями, которые – навсегда.

* * *

Праздник кончился.

– Извините, что так вышло, – шепчу я Лорен и Джорджии. Девочки получают от меня по пакетику конфет, которые я купила в супермаркете «Любой товар за 1 доллар».

Джорджия в растерянности – она ведь пропустила ужасную сцену. Лорен смотрит с сочувствием. Наверняка просветит ее. В деталях все расскажет. Для того, кто видел, ситуация яснее ясного.

* * *

Всю дорогу домой Томас плачет навзрыд. Я его урезониваю:

– Я все понимаю, Томас. Это очень горько. Сейчас тебе это трудно осознать, но на самом деле так лучше. Поверь мне.

И добавляю зачем-то:

– Жизнь – штука жестокая.

Томас безутешен.

А мне нужные слова в голову не идут – потому что занята голова совсем другим. Если это не Саймон нас искал – тогда кто?

Погруженная в свои мысли, подпрыгиваю, услышав телефонный звонок. Томас уже икает от слез.

– Офицер Фитцпатрик? – произносят в трубке. Голос принадлежит немолодой женщине.

– Да, это я.

– С вами говорит Дениза Чемберс из отдела внутренних вопросов.

– Слушаю вас.

– От сержанта Эйхерна к нам поступила информация, которую мы хотели бы проверить. Давайте назначим встречу.

Выбираем понедельник. Будто гора с плеч свалилась. Пожалуй, Эйхерн, несмотря на все странности, все-таки правильное дело делает.

* * *

Дома включаю Томасу телевизор, а сама бегу вниз по лестнице и стучусь в парадную дверь.

– Миссис Мейхон, не могли бы вы дать больше сведений о мужчине, который нас искал?

– Каких именно сведений, Мики?

– О его внешности. Сколько ему лет – хотя бы примерно? Белый он? Какого роста? Плотный или худощавый? Цвет глаз, волос – в общем, все такое.

Миссис Мейхон поправляет очки. Морщит лоб.

– Сколько лет – не скажу. Бывают такие субъекты – нипочем возраст не определишь. Одет как молодой. По лицу – давно не мальчик.

– Насколько давно, миссис Мейхон?

– Не знаю. Я в этом не сильна. Может, ему за тридцать. А может, и за сорок. Кто его разберет... Роста высокого, это я уже говорила. И красивый. Правильные черты лица. А, еще раса! Белый. Он был белый.

– Может, у него были усы или борода?

– Нет. Зато была татуировка. На шее. Пониже уха. Какая-то надпись, только я не разглядела толком.

– Как он был одет?

– В фуфайку. С капюшоном и на «молнии».

Вздрагиваю. И сразу напоминаю себе: в фуфайках с капюшонами пол-Филадельфии ходит.

– А может, на фуфайке была какая-нибудь надпись?

– Вроде нет.

– Вроде или нет?

– Нет. Точно нет.

– Ладно. Спасибо, миссис Мейхон. Спасибо вам. Если еще что-нибудь вспомните – дайте знать. И у меня к вам просьба.

– Выкладывайте, Мики.

– Если он снова явится, спросите, что передать. Или сразу же – сразу же! – позвоните мне.

Миссис Мейхон переваривает мои слова. Наверное, я ее здорово озадачила. Если не напугала. Ей ведь «проблемы не нужны» – так она сама говорила. Пыталась донести до меня эту мысль.

Но в ответ на мою просьбу миссис Мейхон о ненужных проблемах и не заикается.

– Всё сделаю, Мики, – обещает она и медленно закрывает дверь.

* * *

Раундхаус – вот как называют здание, где расположена штаб-квартира Полицейского управления Филадельфии. Название неофициальное, но официального я никогда не слышала.

Здание лишено углов, стены изгибаются волнообразно. Стил – брутализм. Материал – желтовато-серый бетон, который под дождем темнеет. Не стихают слухи о скором переезде Полицейского управления – якобы тесно ему в этих мрачных, морально устаревших стенах. А по моему, они неотделимы от теперешних обитателей. Точно так же не могу представить, чтобы Трекс заселили новые люди. На прошлой неделе за район взялись Консолидированная железнодорожная корпорация и городские власти – бетонируют пустыри. Но от хаоса им не избавиться. Хаос может сменить дислокацию, и только.

Вхожу в Раундхаус. Киваю двоим знакомым офицерам, что толкуются в холле. Они смотрят с недоумением, будто спрашивают: «Ты-то что здесь забыла?» Досадно. Лучше бы мне проскочить незамеченной. После таких встреч сплетни неминуемы. Считается, что зря в Раундхаус никого не вызывают.

* * *

Дениза Чемберс – дружелюбная, пухлая, седая женщина лет пятидесяти с хвостиком. Смотрит на меня сквозь синие очки. Приглашает к себе в кабинет, просит присаживаться. Стул – новехонький и очень низкий. Чувствую себя нашкодившей девчонкой.

– Замерзли, наверно? – участливо интересуется Дениза Чемберс.

Она кивает на окно. Под нами с полдюжины этажей, отлично видна пробка на стыке 676-й автострады и 95-й улицы. Ничего принципиально нового.

– Да нет, я холод нормально переношу.

Жду, пока Чемберс завершает какую-то операцию в компьютере. Наконец она поворачивается ко мне.

– Знаете, зачем вас вызвали?

Сразу перешла к сути дела. С похожими интонациями я подозреваемых на улицах спрашиваю: «Знаете, почему я вынуждена вас задержать? Знаете, за что я вас остановила?»

Впервые за все время мне делается не по себе.

– Вы сказали, что сержант Эйхерн передал вам некую информацию.

Чемберс не сводит с меня глаз. Прикидывает, что мне известно, а что неизвестно.

– Так и есть, – произносит она после затяжной паузы.

– Что он сказал?

Чемберс вздыхает, устраивает руки на столешнице.

– Очень неприятно говорить такое, офицер Фитцпатрик, но работа есть работа. Словом, вы попали под внутреннее расследование.

– Кто – я?!

Вопрос вырывается прежде, чем я успеваю подумать. Еще и в грудь себя тычу.

– Я? Я под внутренним расследованием?!

Чемберс кивает. А ведь Трумен предупреждал: «Главное – правильно выбрать, к кому подмазаться». Говорил: «Это политика, Мик».

– В чем меня подозревают? – выдавливаю я.

Чемберс принимается загибать пальцы.

– В прошлый вторник вы были замечены с пассажиром в служебной машине. Также вас видели за пределами вверенного вам участка. В среду и в четверг вас видели во время дежурства без рации и полицейской формы. В пятницу вы два часа подряд не отвечали диспетчеру. В целом нынешней осенью ваша профпродуктивность снизилась на двадцать процентов. А еще вы беспричинно открывали досье арестов. Искали данные по двум гражданам. Наконец, у нас есть все основания полагать, что вы дали взятку владельцу малого бизнеса в вашем районе.

Таращусь на Денизу Чемберс. Выдыхаю:

– Кому?

– Алонзо Вилланува. Вдобавок, судя по всему, в его заведении вы прячете смену штатской одежды для самовольных действий в рабочие часы. По крайней мере однажды вместе с полицейской униформой вы оставили там и табельное оружие. Которым, заметьте, мог воспользоваться кто угодно.

Возразить мне нечего.

Дениза Чемберс на меня не наговаривает – формально она права. И все равно я в шоке. Во-первых, жуть берет от мысли, что за мной следили. Судорожно вспоминаю, о чем говорила, катаясь в служебной машине. Может, информация – из аудио- и видеозаписей? Или ко мне соглядатая приставили? С них станется.

– Могу я спросить, офицер Чемберс? Кто запустил расследование?

– Это закрытая информация, – цедит она.

Впрочем, я и без нее знаю.

Эйхерн – больше некому. Он меня терпеть не может. Что до профпродуктивности, она снизилась оттого, что Трумен получил травму и я осталась без напарника. Бывает, кстати, что внутреннее расследование начинают ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО из-за потери профпродуктивности; что из-за нее над патрульным полицейским устанавливают наблюдение. Но Эйхерн, похоже, только повода ждал от меня избавиться. В терпеливости ему не откажешь.

– А еще что-нибудь сержант Эйхерн вам говорил? Про Полу Мулрони? Про обвинение, которое она выдвинула против офицера полиции?

Чемберс колеблется.

– Д-да, говорил. Да.

Озарение приходит внезапно. Подлец Эйхерн. Мои же слова против меня использовал. Небось сказал: «Она будет прикрываться голословным обвинением какой-то потаскухи-наркоманки. Не верьте ей».

– И что вы намерены делать, офицер Чемберс? Насчет этого обвинения? Вы проинформировали детектива Нуэна?

– Разумеется. Он сам этим займется.

– Послушайте! – Сама чувствую, что излишне горячусь. – Эйхерн испытывает ко мне личную неприязнь. Ничем не обоснованную. Верьте мне. Я наверняка знаю, что как минимум один патрульный требовал услуг сексуального характера от женщин, которые загнаны в угол. Которые не могут сказать «нет».

Повисает недолгая тишина. Ободренная, продолжаю:

– Именно этого человека зафиксировала камера видеонаблюдения. Он как раз преследовал жертву.

Глаза Денизы Чемберс вспыхивают. На краткий миг – но этого мига достаточно, чтобы ощутить: мы с ней обе – женщины, постарше и помоложе; мы должны быть солидарны. Дух солидарности витает над столом.

– Об этом Эйхерн вам сказал? Или нет? – допытываюсь я.

Но Дениза Чемберс не говорит больше ни слова.

* * *

Выхожу от Денизы с толстой папкой. В ней – перечень моих прав и обязанностей на период расследования, которое надо мной ведется. От работы меня отстранили.

По крайней мере, больше не надо беспокоиться, с кем оставить Томаса. По крайней мере, одна забота с плеч долой.

Намеренно смотрю в пол.

Единственный, с кем я хочу поговорить, причем немедленно, – это Трумен.

Сажусь за руль, достаю телефон. Застываю, не нажав на кнопку. Может, у меня паранойя. Но откуда, откуда мне знать, что в телефоне – или даже в машине – не установлены «жучки»? Отдел внутренних вопросов вполне мог получить такое разрешение. Ну конечно! Все мои разговоры прослушиваются! Изучаю потолок, заглядываю под сиденья, под детское кресло. Кто их разберет, где заканчиваются их права? А Трумена втягивать нельзя – он и так достаточно сделал.

Прячу телефон и еду к нему домой.

Неудобно сваливаться как снег на голову – но выбора нет. Надеюсь только, что не вторгнусь в его личную жизнь. Прекрасно помню тот женский голос: «Кто звонит, Трумен? Кто это звонит?»

* * *

Труменов новенький «ниссанчик» припаркован на подъездной аллее. Все его машины, сколько я их помню, прямо-таки сияли чистотой что снаружи, что внутри. Ни крошки хлебной, ни пятнышка, ни царапинки. Зато в моей машине полный бардак. И раньше был, а с появлением Томаса усугубился. Игрушки, бутылки с водой, крошки, фантики, пакеты из супермаркета, монеты, промасленная бумага от сэндвичей...

Снова паркуюсь на улице, иду к крыльцу. Ко- леблюсь, прежде чем постучать. Наверное, зря я приехала.

Пока терзаюсь запоздалыми мыслями, дверь распаивается. На пороге – худенькая, миниатюрная женщина. В ней и пяти футов росту не будет.

– Что там у вас еще? Как эти коммивояжеры надоели! Ничего покупать не буду, сразу говорю!

– Я не коммивояжер. Простите, Трумен дома?

Женщина вскидывает брови, но не двигается и не отвечает.

Лет ей может быть и шестьдесят, и все восемьдесят. С виду – постаревшая хиппи. На ней бандана и футболка с надписью «Вирджиния –

для любовников». Неужели она – мать Трумена? Я знаю, что его мать жива и что он ее обожает. Что она заведовала детским садом. Сейчас, конечно, уже не работает. Живет на северо-востоке Пенсильвании; горы Поконо чуть ли не за домом начинаются.

Пытаюсь заглянуть в дом. Но женщина прикрывает дверь, заслоняя мне обзор своим сухоньким телом.

– Мэм, я – знакомая Трумена. Я хотела бы с ним поговорить.

– Трумен, – повторяет женщина, словно припоминая. – Трумен...

Наконец появляется сам Трумен – босой и с полотенцем на бедрах. Не то подпрыгивая, не то прихрамывая, идет к двери. Воображаю, как ему неудобно. Его даже в выходной без формы редко увидишь, а тут – полотенце, голый торс...

– Мама, – говорит Трумен, – это Мики. Мы с ней друзья.

Женщина кивает, но взгляд по-прежнему подозрительный. Косится на сына, затем на меня.

– Вон оно что, – тянет миссис Дейвс. Но от двери – ни шагу.

– Подожди, Мик, не уходи. – Трумен осторожно отодвигает свою миниатюрную маму. – Секунду. Я сейчас.

Он закрывает дверь. На мгновение наши взгляды скрещиваются.

* * *

Пятью минутами позже мы трое, плюс общая неловкость, сидим в гостиной. Трумен теперь полностью одет. Прислонился к жесткой спинке стула, правую ногу вытянул на оттоманке. Мы пьем чай. Миссис Дейвс бессмысленно смотрит в свою чашку.

– Пей, мама. Уже остыл, – произносит Трумен. И поясняет: – К себе ее забрал. – Он искоса взглядывает на мать – слушает она или нет – и быстро добавляет: – У нее был инсульт. Теперь провалы в памяти.

Миссис Дейвс сверкает глазами над чашкой.

– Вообще-то, сынок, я с тобой в одной комнате нахожусь. И никаких провалов у меня нет.

– Извини, мама, – смущается Трумен и предлагает: – Мик, давай лучше во двор выйдем.

Следую за ним, прикрытая широкой прямой спиной. Сколько раз я смотрела на него именно со спины! Сколько выездов на место преступления мы совершили вместе – и всегда Трумен первым поднимался на крыльцо какого-нибудь притона, первым видел кровь, раны, трупы. Служил этакой ширмой, буфером между страшной сценой – и мной. Вот я и привыкла: раз он впереди, значит, бояться нечего.

Во дворе все застыло от холода. Безлистный кустарник тянется вдоль дощатой изгороди – бурое на буром. Из наших ртов вырывается пар.

– Не сердись на маму, – говорит Трумен. – Просто она... – Нужное определение не сразу приходит ему в голову. – До сих пор надо мной квохчет.

– Все нормально.

Чувствую легкий укол зависти. Вот и надо мной бы кто-нибудь квохтал – очень было бы неплохо.

Рассказываю Трумену о встрече с Денизой Чемберс, о неожиданных результатах этой встречи. В его глазах – искреннее участие. Раскрыться перед таким слушателем легче легкого.

– Быть не может, Мик!

– Может. Меня отстранили от работы.

Трумен долго молчит.

– О Кейси нет новостей?

– Нет.

Он кусает губу, словно борется с собой: спросить – не спросить. Наконец решается.

– А что насчет Клира, Мик?

– А что насчет Клира, Трумен?

Он удерживает мой взгляд.

– Мик, давай начистоту.

Так вот стены и рушатся. Возводишь их, возводишь, скрепляешь притворством, вечным «У меня все прекрасно»; знаешь при этом, что фундамент – лишь тактичность Трумена, лишь его скромность. И пожалуйста – один-единственный прямой вопрос, будто строительная груша, разносит стену в пыль.

Ответить я не могу – ком к горлу подкатил.

Я очень редко плачу. Даже из-за Саймона воли слезам не дала. Да, я пришла в бешенство; да, несколько раз саданула по холодильнику, выпустила в потолок серию душераздирающих воплей и долго боксировала подушки. Но не плакала.

Сейчас я трясую головой. Горячая слеза ползет по щеке; я стираю ее резким, яростным жестом.

– Черт!

Не помню – вроде раньше при Трумене не выражалась.

– Успокойся, Мик.

Трумен сердится, это по голосу ясно. Кажется, сам уже не рад, что спросил. И не знает, как теперь себя вести. Мы друг к другу никогда не

прикасались. Разве только случайно, если вдвоем заваливали какого-нибудь молодчика.

– Успокойся, – повторяет Трумен. Протягивает руку, несмело опускает ладонь на мое плечо. Обнять не пытается. Я это ценю. Я и так достаточно унижена.

– Ну что – лучше?

– Супер. Откуда ты узнал про Саймона?

– Извини, Мик, но ваши отношения – это, если честно, секрет Полишинеля. В тесных кругах патрульной службы все всё давно знают.

– Понятно.

Пытаюсь собраться в кучку. Смотрю в серое от холода небо. Кажется, что слезы замерзают прямо на веках. Вытираю нос рукой в перчатке. Говорю извиняющимся тоном:

– Я тогда была совсем зеленая девчонка.

– Да, я в курсе.

Отворачиваюсь. Жестоко краснею – вот и выдала себя. С потрохами.

– Забудь, – бросает Трумен. – Чего тут стыдиться? Клир – мерзавец. Ты была ребенком.

Вроде Трумен констатировал факт – а мне только хуже. Выходит, меня считают «жертвой»; гадость, какой бы смысл в слово «жертва» ни вкладывали. Не терплю повышенного внимания к своей особе, сочувствия, шепотков за спиной. Лучше б вообще мое имя не упоминали в разговорах. Ни по какому поводу. Ясно вижу компанию коллег-патрульных: закатывают глаза, пихаются локтями, прыскают над кофе. Еще бы: мои отношения с Саймоном – отличная тема для обеденного перерыва. Хочется провалиться сквозь землю – да, вот эту самую, промерзлую, в Труменовом двореке.

Трумен еще некоторое время колеблется, прикидывает, насколько тяжело будет для меня следующее откровение. Упирает руки в бока. Опускает взгляд.

– У него... гм... репутация такая...

– Ты о Саймоне?

Он кивает.

– Не в обиду тебе, Мик; и не подумай, что я сплетни собираю. Только, похоже, ты такая не одна. В Лиге были и другие девочки, на которых Саймон разлакомился. О нем давно поговаривают... Кстати, его тоже временно отстраняли от работы. Но по-настоящему прищучить не смогли.

Буквально подмывает крикнуть: «Мало же вы о нем знаете!» Но я молчу. Мне стыдно. Саймон – отец моего сына.

Так и стоим – лицом к лицу, глаза в глаза.

– Какого возраста кенсингтонские жертвы? – спрашивает Трумен.

– У первой дата рождения не установлена. Второй было семнадцать. Третьей – восемнадцать. Четвертой – двадцать.

– Мики, у тебя видео в телефоне сохранилось?

Киваю. Но просматривать ролик заново не хочу. Меня и так тошнит.

Трумен протягивает руки. Поневоле отыскиваю ролик и нажимаю нужную кнопку.

Смотрим вместе. Изображение, как я уже говорила, размытое. Мужчина больше похож на оборотня, лица под капюшоном словно и вовсе нет. И в эту фуфайку, в этот капюшон, как бы заключающие в себе человека-невидимку, я с поразительной легкостью вписываю Саймона.

– Ты думаешь, что...

Нет, не хочу это озвучивать. Пускай Трумен сам.

Он пожимает плечами.

– Все может быть. Ты его лучше знаешь. Я-то с ним никогда дружбу не водил. Он подонок. – Спыхватывается, добавляет: – Только не обижайся.

– Я не обижаюсь.

Снова и снова прокручиваем ролик. Наконец Трумен подытоживает:

– Вот что мы имеем. Хорошая новость: ты завтра свободна, и я завтра свободен. Кто у нас на подозрении?

– Коннор Макклатчи. И, наверное, Саймон.

– Значит, надо разделиться. Я займусь Макклатчи. Не хочу, чтобы ты с ним дело имела – после этого случая. А ты води Саймона.

Также Трумен предлагает поменяться машинами. Это разумно, учитывая, что Саймон мою машину знает. План таков: моя машина остается в Маунт-Эйри, домой я еду на Труменовом «Ниссане». Заранее извиняюсь за беспорядок в салоне.

Прощаясь, Трумен снова кладет ладонь мне на плечо.

– Мы ее найдем, Мик. Я в этом уверен.

* * *

Как-то нелогично в первый же день отстранения от работы заниматься слежкой.

С утра влезаю в неприметный темный свитер, напяливаю такую же неприметную бейсболку. Томас смотрит с подозрением.

– Почему ты так оделась, мама? Где твоё всё?

– Что – всё?

– Кобура. Ремень.

– У меня выходной.

Вчера я не удосужилась подумать, что скажу Томасу. Приходится тянуть время. Лихорадочно соображаю. Соврать насчет отпуска нельзя – вдруг отстранение долго не продлится?

– Значит, никакой Бетани не будет! – ликует мой сын.

Рано обрадовался.

– Нет, будет.

Поручив Томаса Бетани (которая, как всегда, опоздала на пятнадцать минут), я прыгаю в машину и мчусь в Южную Филадельфию.

* * *

Было время, когда я частенько каталась в Саймоновом «Кадиллаке». При определенном усилии я и сейчас могу представить себя в салоне, пахнущем кожей и чуть-чуть – сигаретами (Саймон не курил, а *покуривал* – и только в хорошую погоду, когда можно открыть окна). По выходным он свой «Кадди» намывал, начищал прямо-таки любовно. Саймон вообще обожает автомобили – это у него от отца, который хоть и умер безвременно, а успел привить сыну страсть к технике.

И вот теперь, углядев знакомый автомобиль на стоянке полицейского участка, я вынуждена гнать воспоминания обо всех многочисленных случаях интимной близости, которые имели место между мной и Саймоном в салоне этого самого «Кадди».

Паркуюсь неподалеку. Опускаю оба козырька. Не дай бог задремлю. Чтобы этого не случилось, я прихватила аудиокнигу. Буду слушать и неотрывно смотреть на входную дверь. Также у меня изрядный запас воды и сэндвичей. Только водой увлекаться нельзя, а то в туалет приспичит.

Все утро народ так и снует туда-обратно; дверь хлопает, впуская или выпуская очередного сотрудника. Почти всех этих людей я вижу впервые. Пару раз мелькают мужчины, похожие на Саймона; вздрагиваю, чтобы в следующий момент понять: обозналась.

В одиннадцать утра наконец-то появляется Саймон Клир. Он выходит из здания, смотрит налево, затем направо, в сторону Труменова «Ниссана», откуда я веду слежку. На нем стильное пальто и, наверное, костюм – я вижу серые брюки, начищенные до блеска черные туфли. Волосы зачесаны назад и приглажены гелем. Получив должность детектива, Саймон кардинально сменил стиль.

Вот оно, началось. Улица сравнительно тихая – приходится дать ему тронуться с места в своей машине, прежде чем газануть самой.

Куда собрался Саймон? Может, в Управление для допроса, для беседы

с жертвой или свидетелем? Или у него обеденный перерыв уже наступил? Не рановато ли? Саймон катит к северу по Двадцать четвертой улице. Добравшись до Джексон-стрит, внезапно круто разворачивается и едет в обратном направлении, на юг. Возле Пассунк-сквер забирает вправо. Сейчас окажется на хайвее. Точно. Еду за ним.

Кажется, я поняла, куда направляется Саймон. Я угадываю все его действия. Знаю, куда свернет, прежде, чем он выкручивает руль в соответствующую сторону. И все-таки каждый раз удивляюсь. Чему? А вот этому ощущению неминуемости.

Саймон въезжает на автостраду 676-Ист, катит до развязки. Вот он уже на Аллегейни.

Дальше я могла бы ехать с закрытыми глазами.

* * *

На районе сегодня оживленно. Ах да, ведь начало месяца. Народ оплачивает квитанции. Справа молодая женщина в отчаянии швыряет сумку оземь, скорчивается над ней, плачет в голос, не таясь.

В одном квартале от Аве Саймон внезапно останавливается. Для конспирации приходится проехать вперед. Смотрю в зеркало заднего вида и не замечаю, что из переулка выруливает автомобиль. Чуть не полоснула по нему крылом. Судорожно сворачиваю на Аве, паркуюсь в первом попавшемся месте – напротив бесплатной столовой. Человек тридцать-сорок встали в очередь, ждут, когда заведение откроется. Выскакиваю из машины. Выглядываю: может, Саймон просек слежку? Может, решил проверить, что это за «Ниссан» и кто в нем?

Саймона нет.

«Кадиллак» пуст. Значит, успел выйти и скрыться в одном из трех направлений.

Бегу к «Кадиллаку».

* * *

Что Саймон забыл в Кенсингтоне в это время суток? Приписан он к району Южная Филадельфия; значит, и вверенный ему участок – там же. Остается вероятность – небольшая, правда, – что Саймон работает под прикрытием. Но тогда зачем он так вырядился – костюм, пальто? По Кенсингтону подобные персонажи не разгуливают.

Заглядываю в ближайший к «Кадиллаку» переулок. Пусто. Пробегаю полквартала, до следующего переулочка. Пусто. Дальше, быстрее. Недешевое серое пальто как сквозь землю провалилось. И двери домов закрыты – все

до одной. Проходит пять минут.

«Оторвался», – думаю с досадой.

Торможу в переулке под названием Клементайн. Здесь относительный порядок – дома опрятные, и всего пара заколочос. Чуть наклонившись вперед, упираюсь ладонями повыше колен. Трудно дышу. Злюсь на себя. Надо же – упустила! После такой напряженной слежки!

Вот Трумен – тот не упустил бы. Годы работы в Армии спасения даром для него не прошли. Кого хочешь выследит.

Поднимаю глаза. Оказывается, я стою прямо перед домом, который мне почему-то знаком. Может, я здесь арест проводила? Может, заглядывала сюда для проверки жилищных условий какой-нибудь семьи?

Ищу зацепку. Вот она: лошадь с повозкой на входной двери. Такие нашлепки в Филадельфии каждую вторую дверь украшают. Но у этой лошади отломаны передние ноги. И мне снова семнадцать, я с Полой Мулрони стучусь в чужой дом, где последний раз видели мою сестру...

Закрываю глаза. Всего на мгновение. Мгновения достаточно, чтобы вернуться в то лето, в тот день, когда вопрос – жива Кейси или нет – оставался открытым. Это после я узнаю: да, на сей раз жива. На сей раз мне суждено ее найти.

* * *

Дверь открывается. От этого звука открываются и мои глаза.

На меня таращится незнакомая женщина. Не она ли впускала меня в притон, к Кейси? У той волосы были черные; у этой – седые. Ну так ведь больше десяти лет прошло. Может, и она.

– Тебе плохо? – спрашивает женщина.

Мотаю головой.

– Тебе что-то нужно?

Не хочется деньги попусту тратить – у меня их негусто, – но эта женщина, пожалуй, что-нибудь заподозрит, если я скажу «нет». И потом: может, она владеет какой-то информацией...

Может, помнит Кейси...

Говорю «да», и меня впускают. В тот самый дом, где впервые умерла моя сестра.

* * *

Тогда здесь мебели почти не было. Люди, больше похожие на призраков, валялись, наверное, прямо на полу.

Сейчас в доме тепло и на удивление чисто. Пахнет

свежеприготовленной пастой. На стенах плакаты: Иисус, еще Иисус, Дева Мария, группа «Иглз» с чьим-то неразборчивым росчерком. Пол застелен аккуратными ковриками, и есть мебель – дешевая, зато новехонькая.

– Садись, – приглашает женщина, указывая на стул.

Ну и что делать? Впрочем, легенда созревает моментально. Мне нужен «Перкоцет»^[24]. Столько, на сколько хватит двадцатки, что хрустит в моем кармане. Пожалуй, три колеса смогу купить. Хотя зависит от дозировки. Если женщина заподозрит, что я из новичков, – пожалуй, разведет меня всего на одно колесо. Разумеется, я его в грязь втопчу, как только выберусь отсюда. Получается, я готова заплатить целых двадцать долларов за информацию, о потенциальной пользе и достоверности которой понятия не имею...

Отогреваю руки в карманах. Женщина исчезает в кухне, но быстро возвращается со стаканом воды.

– На-ка, выпей. Что-то вид у тебя неважный.

Беру стакан, пью. Жду. Похоже, я в этой женщине ошиблась.

– Откуда ты про меня узнала? – спрашивает женщина.

– Один приятель сказал, – выдавливаю я, помедлив.

– Что за приятель?

– Мэтт, – придумываю я. Мэттов в наших краях – через одного.

– Значит, ты подруга Мэтти Б.? Славный парень!

Киваю.

– Пей, пей водичку-то.

Послушно делаю еще глоток.

– Ты сегодня еще не принимала? – допытывается женщина.

– Н-нет.

Первое слово правды. Становится стыдно.

Услышав, что я чиста, женщина кладет ладонь мне на плечо.

– Вот и умница. Умница. Я тобой горжусь.

– Спасибо.

– Сколько уже дней ты воздерживаешься, милая?

И тут я замечаю на стене, прямо над собственной головой, распечатку в рамочке – «Двенадцать шагов». Формат небольшой – увидит лишь тот, кто будет высматривать специально. Голова ближайшего Иисуса чуть наклонена к инструкции, будто Он тоже считает шаги. Интересно, это случайно получилось?

Откашливаюсь. Сообщаю:

– Три дня.

Женщина кивает со знанием дела.

– Ты просто молодчина. – Мне достается оценивающий взгляд и предположение: – Небось впервые соскочить пытаешься, а?

– Откуда вы знаете?

– Да ведь видно. Ты не изможденная. Те, которые годами употребляют, – на тех глядеть жалко. Замученные. Совсем как я.

Она усмехается.

Замученной я уже давно себя чувствую – с тех самых пор, как Томас родился. Переезд в Бенсалем меня просто доконал, а исчезновение Кейси стало последней каплей. Но эта женщина, конечно, говорит о другом. Знаю, о чем. Тоже насмотрелась на таких, которые то соскакивали, то опять срывались – и так годами, десятилетиями. В периоды воздержания у них такой вид, будто они просто ужасно хотят спать.

– Ну, а на группу ты пойдешь, милая? – спрашивает женщина. – Кстати – тебе ночевать-то есть где? – Ее взгляд скользит к лестнице. – Там, наверху, сейчас шестеро живут – поэтому извини, я тебя приютить никак не могу. Хотя... Дай подумать...

Она подходит к лестнице и кричит:

– Тедди! Тед!

– Спасибо, мне есть где жить, – говорю я.

Женщина качает головой.

– Не глупи. Найдется и для тебя местечко. Потеснимся.

Сверху слышится мужской голос:

– Звала, Рита?

– Нет, правда, не стоит беспокоиться, – мямлю я. – У меня бабушка жива. Она меня пустит. Там тихо, в бабушкином доме...

Рита смотрит с сомнением. Снова обращается к невидимому Теду:

– Ты когда в Вест-Честер собираешься?

– В пятницу, – доносится со второго этажа.

– Вот, я же сказала – местечко найдется, – произносит очень довольная Рита. – В пятницу можешь заселяться, деточка. Или даже в четверг вечером. Только тогда одну ночь на диване поспишь – ничего?

Снова отнекиваюсь, а Рита гнет свое: знаю, мол, все знаю.

– Просто имей в виду – здесь тебя ждут. Или тебе платить нечем? Так это не беда. Я денег не беру, не волнуйся. Я ни от какой организации, я сама по себе. Действую по принципу «Передай добро дальше». От тебя требуется продукты в общий котел покупать, туалетную бумагу, бумажные полотенца – все такое. А за старое возьмешься – пинками выгоню, поняла?

– Поняла, – вымучиваю я.

Ужас как неудобно перед этой Ритой.

Она смотрит вопросительно.

– Станный у тебя выговор. Ты местная?

Киваю.

– А поконкретнее?

– Выросла в Фиштауне.

– Вот оно что...

Думаю только об одном – как бы сбежать. Но ведь я даже не заикнулась о Кейси.

– Запиши мой номер, – продолжает Рита. – Телефон-то у тебя есть?

Достаю телефон. Она диктует номер, я начинаю его вводить – и вижу эсэмэску от Трумена.

«Ты где?»

«Рядом с К и А», – печатаю в ответ.

Затем нахожу фото Кейси и протягиваю телефон Рите.

– На что он мне?

– Я ищу эту женщину. Всех о ней расспрашиваю. Я ее сестра. О ней уже около двух месяцев нет никаких известий.

– Ай, бедняжка! Плохо дело! – сокрушается Рита.

Берет телефон, отводит руку подальше, прищуривается. Увеличивает изображение. Хмурится.

– Это твоя сестра?

– Да. Вы ее знаете?

Рита становится мрачнее тучи. Прикидывает что-то в уме, делает некие выводы. Внезапно свирепеет:

– Убирайся из моего дома. Вон. Живо!

* * *

Никаких объяснений за этим приказом не следует.

Я не успеваю еще сойти с крыльца, как дверь за моей спиной захлопывается. Оборачиваюсь напоследок, фиксирую в памяти безногую лошадь. Бегу к «Ниссану».

Изо рта валит пар. По самые уши занываю в куртку. Глаза щиплет от слез.

Кошусь по сторонам – может, появится Саймон. Он не появляется.

Новое сообщение от Трумена.

«За сколько доедешь до перекрестка с Сомерсет-стрит?»

«За 2 минуты».

Едва успеваю отправить ответ, как появляется новое сообщение.

«Я на перекрестке с Лехай-авеню».

Значит, Трумен на месте не стоит. Потому что, вероятнее всего, пытается оторваться от «хвоста».

* * *

До заявленного перекрестка мне легче дойти, чем доехать. Я уже практически там. Дождусь Трумена. Сейчас бы горячего чего-нибудь выпить... Холод когтит меня, пробирает до костей. Выбиваю дробь зубами.

Вздрагиваю, услышав голос Трумена:

– Мик, идем скорей. Я машину рядом оставил. Там и поговорим.

Сажусь за руль.

– Что у тебя, Трумен?

Я и хочу услышать, что он разведает, и в то же время все во мне

противится этой информации. Трумен понимает. Вид у него мрачный. Он прикидывает, как бы преподнести новость.

– Трумен, не томи.

– Короче, пошел я в этот дом. В переулке рядом с Мэдисон, – начинает он. – Ну, где три «Б» на стене. Стучусь в фанерку. Появляется Макклатчи. Весь обдолбанный. Ладно, думаю, это мне на руку. У него бдительность на нуле. Макклатчи мне кивает, спрашивает: «Ты кто?» Ну понятно: где ему меня узнать? Я говорю: «Я эсэмэсил. Насчет перепихнуться». Вижу – он еле-еле на ногах держится. Однако выдавливая: «Угу». А сам ни с места. Я: «Ну так что? Будет мне девочка или как?» Он: «Будет. Заходи».

Захожу. В доме несколько уже кайф ловят, еще двое колются. На меня ноль внимания. Макклатчи приваливается к стенке и отключается. Холод собачий. Воняет дерьмом. Трясу этого урода за плечо. Он глаза открывает, моргает. «Где, – говорю, – твоя мобила? Хочу еще разок на девочек взглянуть». Он достает сотовый, открывает свой каталог. Листаю. Все женщины, которых он мне в прошлый раз показывал, на месте. А Кейси нет. Ну, думаю, попал я. Если сейчас его про Кейси спрошу – он смекнет, что мы с тобой заодно. А потом рассудил: а что мне терять? Нечего. Вдобавок он под кайфом – может, и не сообразит. И спрашиваю: «А рыжая где? В прошлый раз она мне глянулась». Макклатчи еле ворочает – что мозгами, что языком. «А, – говорит, – Конни!» «Значит, – уточняю, – ее Конни звать?» Он: «Конни... того... выбыла из строя». И голову наконец-то поднял. И знаешь, Мик, – лицо у него было как у коршуна, который жертву заприметил. Совсем другое лицо, короче. Он даже глаза в кучку собрал каким-то чудом.

Тут двое восстали из мертвых и тоже на меня вылупились, будто я им всю идиллию нарушил. Будто от меня все проблемы. То было тихо-мирно, и вдруг изменилось что-то в комнате, понимаешь, Мик? А Макклатчи спрашивает: «Чего тебе далась эта Конни? Другую выбери». Я: «Не знаю. Люблю рыжих, что ж теперь со мной поделаться?» А сам боком, боком – и к выходу. С Макклатчи глаз не свожу – вдруг у него нож или еще что? Вижу: он очухивается. Шагнул ко мне, встряхнулся. И спрашивает: «Тебя кто подослал? Сеструха ее? Ты легавый, что ли?» Тут я и свалил. Знаешь, Мик, колено-то мое, оказывается, работает не хуже прежнего. Бегу, а вслед несется: «Ты легавый, да? Легавый, так тебя растак?!»

Трумен смотрит на меня, почесывает щеку.

А мне кажется, что по венам и артериям вместо крови ледяную воду пустили.

– Что это значит – выбыла из строя? Что это значит, Трумен?

Ответа мы не знаем – ни я, ни он.

В свою очередь, рассказываю ему про Саймона.

– Поехал в Кенсингтон. Прямым. Петлять даже не думал. Я его упустила.

– Очуметь, – комментирует Трумен.

– Ему в Кенсингтоне делать вообще нечего. Он к Южному отделению приписан. К Южному, – повторяю я.

* * *

Заруливаю на парковку перед шеренгой убогих заведений: китайская едальня, прачечная самообслуживания, магазин «1000 мелочей», кафе «Данкин донатс». Надвигаю бейсболку на самый нос – не хочу, чтобы меня заприметил кто-нибудь из завсегдатаев. Хлопает дверца соседнего автомобиля. Утыкаюсь подбородком в грудь.

– По-моему, пора, Мики.

– Что пора?

– Пора рассказать все Майку Ди Паоло.

Качаю головой.

– Нет. Не надо.

– Надо. Ди Паоло славный парень. Я его с детства знаю.

– Мало ли кто кого с детства знает...

– Хорошо. Какие еще варианты, Мик?

– Разбираться самим. Без посторонних.

– Допустим, мы так и будем делать. Допустим, ты вычислишь убийцу. И что дальше? Ты с ним лично покваитаешься? И сядешь до конца своих дней? Нет, так не пойдет. Сама знаешь, почему.

Высказавшись, Трумен умолкает.

– Ты ему действительно доверяешь?

После продолжительного раздумья он произносит:

– Да. Ди Паоло в спортивных играх никогда не мухлевал.

– Чего он не делал?

– Не жулил, говорю, Ди Паоло, даже когда мы с ним пацанами были.

– Ну а ты сам? Тебе что – охота впутываться? Есть риск работу потерять, Трумен. Мы действуем не по протоколу.

– Мне уже всё равно, Мики. Я в полицию не вернусь.

Так вот оно что... А я всё голову ломала.

– Почему?

– Не хочу, – напрямик отвечает Трумен. – Оно ведь как? Ладишь с

ребятами. На грубость от начальства не нарываешься. Всем вроде приятель. Идешь словно по ровной дорожке – и забываешь, что система-то подгнила. Я не про Филадельфию. Не про эти конкретные убийства в Кенсингтоне. Я про систему в целом. Нельзя столько власти в одни руки, особенно когда эти руки – грязные. Разладилось что-то, причем, похоже, в самой середке. – Трумен переводит дыхание. – Мик, я сна лишился. Понимаешь, почему? Люди гибнут. Не только женщины. Вообще люди. Ни в чем не повинные. Безоружные. Вот и не спится.

Кажется, впервые он раскрыл свои убеждения.

Мне ответить нечего.

– Я сейчас легко могу уйти. Пенсию уже заслужил. Захочу – другую работу найду. Зато спать буду спокойно.

И добавляет:

– Люди гибнут. Кругом. Каждый день.

– Понимаю.

Пожалуй, и впрямь надо обратиться к этому Ди Паоло.

* * *

Итак, Трумен звонит своему приятелю. Мы всё еще в «Ниссане», едем к моей машине.

– Слушай, Майк, тут одно дело, – говорит Трумен в трубку. – Не из тех, которые на планерках обсуждают. Можешь подскочить в «Герцог» сегодня вечером?

«Герцог» – бар в Джуниате. В этом северном районе росли Трумен и его друг Ди Паоло. Бар – один из старейших, уже несколько десятилетий существует. Любимое заведение Трумена. Он знаком со всеми барменами. Я в «Герцог» была всего раз, на день рождения Трумена, который отмечали большой офицерской компанией. Но вообще здесь полицейские не зависают. Значит, можно будет спокойно поговорить, без страха, что кругом – чуткие уши.

Мне не слышно, что ответил Ди Паоло, но, судя по всему, он согласен.

– В восемь нормально, Майк? – уточняет Трумен. – Хорошо. До встречи.

И дает «отбой».

– А ты, Мики? Тебе восемь – не поздновато?

– Нет, ничего.

* * *

На мое счастье, Бетани демонстрирует столь редкую для нее

отзывчивость. Конечно, она посидит с Томасом дополнительное время. Вообще не вопрос.

В «Герцог» малоллюдно, тихо. Стены отделаны деревянными панелями, свет приглушенный. У дальней стены бильярдный стол. В Филадельфии почти не осталось заведений, где еще разрешается курить, «Герцог» – одно из них. Хотя в данный момент не видно никого с сигаретой, все равно табачный запах намертво въелся в эти стены.

Трумен занял столик за перегородкой, в уголке, укромнее места и не найдешь. Ди Паоло пока нет. Перед Труменом бутылка «Короны». Кажется, это единственный напиток, с которым он изменяет своим снобским гастрономическим предпочтениям. Бутылка почти пуста. Спрашиваю, не взять ли еще.

– Бери, – соглашается Трумен.

Заказываю две «Короны». Одну – себе. Алкоголь я не люблю. Пока была с Саймоном, могла выпить чуть-чуть за компанию. Просто не вспомню, когда последний раз пила. Может, год назад. Пиво кажется мне восхитительным.

Входит Ди Паоло. Они с Труменом сверстники, но, в отличие от сухопарого, спортивного Трумена, которому ни за что не дашь больше сорока, Ди Паоло выглядит придавленным своими годами, бремя столь тяжело, что он еле волочит ноги. И вообще производит впечатление зажатого, застегнутого на все пуговицы зануды, способного вдруг уйти в отрыв. Помню, на Труменовом дне рождения Ди Паоло поставил композицию «Бон Джови» «Живем молитвами», стал подтягивать и так всех завел, что последний куплет пели хором. Мне он тогда понравился.

– Похоже, у вас в этом и впрямь большая нужда, – говорит Ди Паоло вместо «Добрый вечер, Мики» и кивает на бутылку.

– Так и есть. Будете? – отвечаю ему в тон.

– Еще чего. Мы не на пляже, чтоб пиво глушить. Эй, Пит! – кричит он бармену. – Виски со льдом. «Джеймсона», а не что зря! А для леди – еще бутылку «Короны».

Наконец мы все трое уселись: я рядом с Труменом, Ди Паоло – напротив. Трумен благодарит приятеля за то, что тот выделил время. Получает в ответ улыбку.

– А почему бы и не выделить ради приятной компании? Ну, выкладывайте, во что вляпались.

Трумен косится на меня, я – на Ди Паоло. Пауза затягивается, улыбка сползает с лица последнего.

– Не томите.

– Вы знаете Саймона Клира? – решаюсь я.

Прежде чем отпить виски, Ди Паоло долго смотрит мне в лицо. Наконец делает глоток. Даже не морщится, будто воду пьет.

– Знаю.

– Хорошо знаете?

Он пожимает плечами.

– Не то чтоб очень. Мы пересекались на межведомственных совещаниях. Он к Южному департаменту приписан. Далековато от моего участка.

Взвешиваю каждое слово в ответе Ди Паоло. Главное – не выдать волнения, главное – сдерживаться.

– А могут у него быть причины поехать посреди рабочего дня в Кенсингтон?

Ди Паоло напрягается.

– Почему вы спрашиваете, Мики?

Вопрос меня коробит.

– Сегодня я его там видела. В рабочее время.

Ди Паоло вздыхает. Смотрит на Трумена, пытается установить с ним визуальный контакт. Тот прячет глаза.

– Вот что, Мики, – говорит Ди Паоло и начинает производить странные манипуляции – будто круги рисует в воздухе. – Если меня тут вздумали втянуть в любовные разборки – то не выйдет.

Долго молчу. Наконец выдавливаю:

– Что вы имеете в виду?

– Не хочу показаться бесцеремонным, только, Мики, про ваши отношения с Саймоном Клиром всем известно. Меня сюда впутывать не надо.

Он явно что-то недоговаривает. Вздыхает, продолжает:

– Не знаю, что ему понадобилось в Кенсингтоне, но, наверное, причина имелаась. Личного характера.

Прежде чем ответить, считаю в уме. Вся киплю от негодования.

– Дело не в моих отношениях с Клиром. Я просто пытаюсь донести до вас некую информацию, которая, возможно, пригодится при расследовании кенсингтонских убийств. Потому что больше меня никто слушать не желает.

– Что за информация? – спрашивает Ди Паоло.

– Не знаю, сколько вам известно на сегодняшний день, – говорю я и делаю большой глоток пива. После чего излагаю всё.

Про Полу Мулрони. Про ее категорический отказ писать заявление.

Про исчезновение Кейси. Получается сумбурно. По лицу Ди Паоло не поймешь, верит он или нет.

– Сначала я доложила сержанту Эйхерну. Еще в тот же день. Примчалась в участок и наговорила ему на голосовую почту, что есть сведения. Мне казалось, Эйхерн должен знать это; и потом, я хотела действовать по инструкции. Эйхерн заявил, что обвинения в насилии уже до него доходили. Обещал сообщить кому следует.

Замолкаю. Начинаю со свежими силами:

– Но я отнюдь не уверена, что Эйхерн выполнил обещание. Через несколько дней после нашего разговора мне позвонили из отдела внутренних расследований. Вызвали на беседу. Приезжаю, а мне говорят: вы под следствием. Вот, от работы отстранили.

Впервые я выдала все одним махом; наверное, поэтому несправедливость, неправильность происходящего чувствую настолько остро.

Ди Паоло по-прежнему сидит с непроницаемым лицом. Интересно, какой процент информации был ему уже известен? Похоже, немалый. У Ди Паоло – опыт, и голова варит как надо.

– Понятно, – наконец цедит он.

Не дождавшись других комментариев, продолжаю:

– Я имела в виду, что убийцей может быть полицейский. Саймон – полицейский. И сегодня его понесло в район, который он неоднократно проклинал последними словами.

Ди Паоло молчит. Впечатление, будто я ему вызов бросила.

– Что-нибудь еще, Мики?

– Да. Саймон любит молоденьких девушек. И он... в личной жизни он нарушает... этические принципы.

Ди Паоло будто окаменел.

Внезапно понимаю: больше от него ничего не добиться. Похоже, он мне не доверяет. Еще бы: от работы отстранена по непонятным причинам, выдвигает обвинения против своего бывшего... Поведение неумной и мстительной любовницы.

Опускаю глаза, но боковым зрением вижу: Ди Паоло смотрит на Трумена: мол, она как, с головой дружит? Тот, благослови его Господь, кивает.

– Я – адекватная, – выпаливаю. Сама знаю, до чего нелепо звучит. – Трумен! Скажи ему, что я не психованная!

Вдруг осознаю: да ведь я пьяна. Конечно – две бутылки пива выцедила!

– Мик, никто тебя психованной не называет. И не считает, – произносит

Трумен. И едва заметным качанием головы велит: «Помолчи. Ради бога, закрой рот».

Ди Паоло кладет обе ладони на столешницу.

– Мики, я вас выслушал. Я вас понял. Вам надо было выговориться, верно?

Против воли издаю звук, который можно расценить как откровенную издевку.

– Ха!

Ди Паоло невозмутим.

– Ситуация не в вашей компетенции.

– А в чьей?

– Не скажу. Не имею права. Поверьте на слово: всё под контролем.

Он встает. Разговор окончен.

Неожиданно для себя выдаю:

– Я в СМИ обращаюсь. У меня на радио одна подруга работает. Уж наверное, она этой историей заинтересуется. Насчет коррупции в полицейском участке Кенсингтона.

Я имею в виду Лорен Спрайт. Воображаю, как бы она изменилась в лице, услышав от меня в свой адрес слово «подруга». Наверное, расхохоталась бы.

Ди Паоло даже бровью не ведет.

– Вот как.

– Да. Вот так, – отвечаю я и в то же мгновение слышу от Трумена предостерегающее: «Мик!»

– Что ж, ваше право. Валяйте. Только знаете, что вам эта подруга скажет?

Не знаю. Поэтому молчу.

– Она скажет, что преступник пойман, – продолжает Ди Паоло. – Да будет вам известно, Мики, что не далее как сегодня, в четыре тридцать пять, мы его, голубчика, повязали. – Он взглядывает на часы. – А десять минут назад эту информацию выпустили в свет все местные и национальные СМИ.

У меня отвисает челюсть.

– Нет, конечно, если вам так уж приспичило поболтать с подружкой о развращенных, коррумпированных легавых – вперед. Начните с сообщения, что вас отстранили от работы за несанкционированную слежку.

Ди Паоло залпом допивает виски. И на сей раз его лицо перекашивается.

Не желаю доставлять ему такое удовольствие – спрашивать, кто же преступник. Но все равно почему-то спрашиваю.

– Роберт Малви-младший, – отвечает Ди Паоло. – По-моему, вы его знаете.

* * *

Как только Ди Паоло скрывается за дверью, хватаюсь за смартфон. На Трумена даже взглянуть не могу. Он молчит, но я понимаю: ему за меня стыдно.

Шарю по сайтам местных газет. Ищу конкретную новость. Через несколько минут открывается статья.

«Задержан подозреваемый в совершении кенсингтонских убийств», – гласит заголовок.

На фото – Роберт Малви-младший. Кажется, что глядит прямо на меня, причем с той же злобой, что и тогда, в суде.

Оказывается, Малви арестовали сегодня в связи с убийствами после того, как источник, пожелавший остаться неизвестным, сообщил, что видел его на месте первого убийства. Информацию подтвердила и видеозапись. Экспертиза ДНК доказывает несомненность контактов Малви со второй и третьей жертвами.

Отвожу взгляд от фото.

– Вспомнила наконец-то!

– Что ты вспомнила, Мик? – Давно Трумен рта не раскрывал.

– Где видела этого типа. А то прямо весь мозг сломала: физиономия знакомая, а откуда знакомая – не могу понять, и всё... Так вот, я видела этого Малви, когда мы нашли первую жертву. Я ему еще сказала: «Вам не следует здесь находиться, сэр». Он не отреагировал.

Наконец решаюсь взглянуть на Трумена. Он удивительно серьезен.

– Да в чем проблема? Что я такого сделала?

Трумен не выдерживает:

– Мик, все с тобой ясно. Это у тебя на почве переживаний. Из-за сестры разнервничалась. Навоображала всякого.

– Из-за сестры! Да она надо мной небось потешается. Завела себе очередного, а от нынешнего прячется... Может, прямо сейчас сидит и ржет. Вот, думает, а Мики-то меня ищет, ха-ха-ха!

Трясу головой. Что-то я совсем стала никудышная. Малви не опознала вовремя... Он-то меня запомнил, еще как запомнил. Он мне в лицо ухмылялся. А я, вся на эмоциях, такую улику проворонила... Еще мечтала о карьере следователя! Последние недели ясно дают понять: это не для

меня.

Заказываю еще пива. И, вспомнив, *что* пил Ди Паоло, – виски со льдом. Потом вторую порцию. И третью.

– Будешь, Трумен? Нет?.. Ну, как знаешь.

– Полегче, Мики. Притормози, – советует он.

Не хочу притормаживать. Хочу мчаться на максимальной скорости. Чтобы проскочить этот дурацкий эпизод. Чтобы он поскорее остался в прошлом.

– Ладно, Трумен, уговорил.

(Сказано распухшим, заплетающимся языком. Как же я теперь домой поеду? Мне бы голову на стол положить и спать, спать...)

Трумен колеблется.

– Это я виноват, – наконец выдавливает он. – К Клиру у меня личная неприязнь, под ее влиянием я и внушил тебе подозрения. Просто о нем столько болтали, что...

Следует пауза.

– В твоем случае сорваться было как раз плюнуть. Клир с тобой гадко поступил. А у меня к нему всегда была неприязнь, – повторяет Трумен.

На некоторое время умолкаем.

– Все равно непонятно, что ему понадобилось в Кенсингтоне, – упираюсь я.

Трумен пожимает плечами.

– Например, он работает под прикрытием. Сейчас этот вид расследований широко используется. Особенно в авральные ситуации. И не могут ведь посылать на задание все время одних и тех же. Нужны новые лица, вот Клир и...

Качаю головой.

– Нет. Он – следователь, а не солдат Армии спасения.

– Этого ты наверняка знать не можешь, Мики. Нас с тобой в круг посвященных не приглашали.

Свет над столом неестественно яркий. Даже странно, что дает его лампа с абажуром в стиле Тиффани. Что интересно: Луис Комфорт Тиффани учился в Вест-Честере, в военной академии. То есть несколько лет провел в Пенсильвании. Этот конкретный абажур – явно подделка. Грубо выглядит. Должен интимную атмосферу создавать, а сам нервирует, как стробоскоп в черно-белых детективах. И вот, под этим резким светом, я вдруг осознаю: работа меня целиком поглотила, сначала я – офицер полиции, а потом уже все остальное. А ведь этой самой работы я могу запросто лишиться, если Ди Паоло вздумает шепнуть кому надо пару слов. Смешно.

– Нам не соскочить, Трумен. Нам не соскочить.

Трумен, похоже, не понимает, о чем я. Смотрит сочувственно. Почти нежно. Будто сейчас по щеке меня погладит.

– Мики, ты сегодня сама не своя. Мне за тебя тревожно.

– Не парься, Трумен. Всё в ажуре.

Продолжаю смеяться. Сама чувствую: смех отдает сумашедшиной.

– Давай-ка я тебя домой отвезу, – предлагает Трумен.

Иду за ним. У дверей спотыкаюсь и едва не падаю.

Трумен перехватывает меня поперек туловища – и не отпускает до самой машины. Какая же сильная у него рука! Мысль об этой силе волнует, под его ладонью тело напрягается. Ощущаю слабый запах – вероятно, от кондиционера для белья. Никогда у нас с Труменом не было такого тесного контакта. Никаких отрицательных эмоций на эту тему. Эмоции сплошь положительные. Как хорошо, как приятно, когда тебя поддерживают в прямом смысле слова. Обнимаю Трумена за шею, прижимаюсь виском к его виску.

«Ниссан» припаркован в квартале от бара. Трумен тащит меня на другую сторону, прислоняет к пассажирской двери. Жмет на брелок, и машина отзывается двойным писком. По тихой и пустынной улице разносится эхо. Трумен тянется, чтобы открыть дверь. Я ему мешаю – но не двигаюсь с места.

– Мик, пусти. Я отвезу тебя домой.

Смотрю ему в лицо. Как я раньше не понимала – насчет всего мира и насчет нас с Труменом? Это же э-ле-мен-тар-но! До смешного просто! Трумен почти десять лет рядом, можно сказать, бок о бок со мной. Где были мои глаза? Вот, пожалуйста: мы даже дышим сейчас в унисон, учащенно дышим.

И я целую его в щеку.

– Мик, – произносит Трумен. Кладет ладонь мне на плечо. Моя ладонь оказывается у него на щеке. Он ведь в баре хотел меня погладить по щеке, так? Вот сейчас я сама его поглажу.

– Постой, – говорит Трумен. Но не двигается с места. Тогда я целую его в губы. И он мне отвечает. Целое мгновение. А потом почти отшатывается.

– Нет, – говорит Трумен. – Мики, это неправильно.

И отступает еще на пару шагов. Пространство между нами создает.

– Это неправильно, Мик, – повторяет Трумен.

– Очень даже правильно.

Его лицо делается каменным.

– Послушай, Мик. Я... кое с кем встречаюсь.

– С кем?

Выпалила не подумавши. Впрочем, меня осеняет прежде, чем Трумен успевает ответить. Фото у него на столе. Счастливая семья. Очаровательные дочери. Жена-красавица.

А старая миссис Дейвс! Как она меня впускать не хотела! Трумен сказал: «Мама надо мной квохчет».

– Я встречаюсь с Шейлой, Мик, – сознается Трумен. – Мы решили всё исправить. Может, и получится...

Едем молча. Даже выходя из машины возле своего дома, я не говорю ни слова.

Порог переступаю под осуждающим взглядом Бетани. Стараюсь к ней не приближаться, но, конечно, она учуяла, чем от меня разит, когда брала деньги.

* * *

Просыпаюсь с чудовищным чувством стыда. Кажется, в жизни так стыдно не было.

Воспоминания о вчерашнем вечере сначала подползают, затем валятся на меня, как лавина. Закрываю лицо ладонями.

– Ох, нет! Нет-нет-нет-нет-нет...

Томас, оказывается, тайком прокрался ко мне в постель. От моих стенаний он вскакивает.

– Что – нет, мама?

– Ничего. Пустяки.

* * *

Бетани, как всегда, опаздывает. Дожидаясь ее, позволяю себе предаться сладкой мечте: вот приедет – уволю, прямо с порога. Я под следствием, услуги няни – тем более такой – мне не нужны. Вовремя спохватываюсь. Есть два «против»; они-то и удерживают меня от импульсивных действий. Во-первых, моя машина осталась в Джуниате, и мне не хочется объясняться с Томасом на тему, куда это мама срывается из дома и как машина попала в другой район. А во-вторых... Может, я вернусь в полицию. Сколько времени займут поиски другой няни с таким же гибким графиком? (Если они вообще увенчаются успехом.)

Поэтому, когда Бетани наконец приезжает, я делаю вид, будто собираюсь на работу. Впервые она извиняется за опоздание. Сегодня Бетани даже накраситься не успела и выглядит совсем юной.

Сбитая с толку ее искренностью, мямлю:

– Всё в порядке. Не беспокойтесь. Кстати: сегодня Томасу можно посмотреть одну телепередачу. Сами решите, какую именно.

* * *

Еще одно открытие: такси из Бенсалема в Джуниату стоит тридцать восемь долларов два цента (это не считая чаевых). Я прекрасно жила бы и без этой информации.

Сажусь в свою машину. Весь день принадлежит мне, я могу делать, что хочу. Осознание внезапно – и приятно. Давно, очень давно не было у меня такой роскоши – свободного времени. Я и забыла, как это, когда некуда спешить. Вечно ведь мчишься на службу, а потом – со службы, к Томасу; не считая забот, которые я на себя дополнительно взваливаю.

Еду по Двадцать третьей улице. Теперь, когда я не на дежурстве, в глаза бросаются разные не связанные с криминалом вещи. Например, импровизированные игровые площадки в Кенсингтоне, точнее, способы их обустройства. Откуда-то притащили детскую горку – вон она, ржавая, стоит на углу; к заборам там и сям приварены баскетбольные кольца с драными сетками. Прямо на тротуаре торгуют подержанной бытовой техникой, помятые стиральные машины и облезлые холодильники выстроились совсем по-военному – этакая старая гвардия.

И никто не таращится на мой автомобиль – он же не полицейский! Уличные женщины не вздрагивают при моем приближении. Меня обгоняет мальчик на трехколесном велосипеде. Возле светофора он все равно вынужден остановиться, и я из-за него не вижу, что сигнал сменился с красного на зеленый.

Поддаюсь порыву взглянуть на свой порт-ричмондский дом. Он теперь принадлежит одному рафинированному юноше (точнее, по документам, его не менее рафинированным родителям).

Взглянула. Вздохнула. Еду к Фиштауну, мимо бабушкиного дома. Окна не светятся, дом кажется заброшенным.

Пора в Бенсалем. Но, поравнявшись с кафе «Бомбический кофе», я внезапно торможу. Сегодня я в штатском – никто не обращает на меня внимания. На миг позволяю себе представить другую реальность. В ней мы с Томасом каждую субботу заглядываем в кафе и читаем газеты. И у меня достаточно времени отвечать на все вопросы Томаса, удовлетворять его растущую любознательность. И я обеспечиваю сыну беззаботное детство, балую его – то пухлым маффином за пять долларов (маффины выставлены в витрине), то фруктами и йогуртом – их бармен берет с голубого керамического блюда, как раз взял, протягивает покупателю. Я знаю этого

бармена по имени; спрашиваю, как жизнь. Я в приятельских отношениях со всеми – и с официантами, и с завсегдатаями. В другой реальности у меня стабильный график, и по выходным я часами сижу в каком-нибудь ресторанчике, вооружившись альбомом для этюдов. С детства любила рисовать.

Стою в общей очереди, мысленно проговариваю заказ. Вдруг меня окликают:

– Мики, это вы?

Голос женский. Оглядываюсь, вся как струна. Не выношу, когда меня застают врасплох. Пожалуй, эта женщина еще и наблюдала за мной, прежде чем позвать.

Слава богу, голос принадлежит Лорен Спрайт, маме Томасовой подружки Лилы. Сегодня на Лорен шерстяная шапка рыхлой вязки и фуфайка в мелкую звездочку.

– Привет! – радуется Лорен. – Вот здорово, что мы встретились! Я все думала, как вы там... – Она умолкает и добавляет – помедлив и взвесив фразу: – Ну, с того случая. Со дня рождения.

Переминаюсь с ноги на ногу. Прячу руки в карманы.

– Неловко вышло. Такая сцена... Простите.

– Пустяки. Как Томас?

Мой ответ звучит слишком поспешно.

– Томас в порядке.

Чуть не выпалила: «Не ваше дело!» Только Лорен, кажется, искренне переживает, а не сплетен алчет.

– Рада слышать, – произносит она. Похоже, и вправду рада.

– Кстати, Мики, как насчет приехать в гости? Лила только о Томасе и говорит, все уши мне прожужжала. Малыши наши вместе поиграли бы, а мы пообщались бы...

– Что желаете? – нетерпеливо произносит бармен. Я и не заметила, что подошла моя очередь.

– Спасибо, Лорен. Это было бы здорово.

Она чуть подает назад, не мешая мне делать заказ.

– Я вам позвоню, Мики.

* * *

Прихлебывая кофе, руля одной рукой, еду во Франкфорд, оттуда – на север, на Делавер-авеню. К своему удивлению, сворачиваю на парковку возле пирса, где Саймон столько раз назначал мне встречи. С тех пор многое изменилось. Сияет огнями казино «Сахарный дом». Новые

парковки заняли место пустырей, в реку глядятся кондоминиумы.

Но сам пирс остался прежним. Он в аварийном состоянии, замусорен и безлюден. Та же рощица, оголенная зимними ветрами, закрывает его от взглядов случайных прохожих.

Останавливаю машину, иду через пустырь, отводя от лица хлесткие ветки, с хрустом топча сухие сорняки.

Вот и пирс. Упираю руки в бока. Думаю о Саймоне. О себе, восемнадцатилетней, забнувшей вот на этих самых досках. Что я тогда, полжизни назад, смыслила? Ничего. Что изменилось? Ничего. Мне до сих пор непонятно, зачем человеку прикладывать столько усилий, чтобы завоевать обожание ребенка – ведь ребенком я, по сути, и была.

* * *

К часу дня силы меня оставляют. Подкатывает тошнота; возможно, дело в похмельном синдроме. Сегодня отпущу Бетани пораньше. Пусть отдохнет. Выруливаю с парковки, ныряю на Девяносто пятую и еду к северу.

* * *

Открываю дверь. В квартире подозрительно тихо.

Может, Томас спит? Ему все еще иногда требуется дневной сон; правда, теперь гораздо реже.

Вешаю куртку на крючок. Заглядываю в кухню. Разумеется, там полно немытой посуды – осталась после завтрака и после обеда; а Бетани что-то не видно. Делаю вдох. Выдыхаю. Придется провести с ней беседу, а начать так: «Если б вы, Бетани, прибирали в течение дня...»

Нет, не стану нервы себе портить.

Иду дальше. Дверь детской закрыта. Если Томас спит, незачем его будить.

Дверь ванной тоже закрыта. Задерживаюсь возле нее, прислушиваюсь. Проходит полминуты. Никаких звуков.

Наконец не выдерживаю. Тихонько стучусь, зову шепотом:

– Бетани, вы здесь?

Поворачиваю дверную ручку. Оказывается, изнутри было не заперто.

В ванной – никого.

Подскакиваю к детской. Распахиваю дверь. Постель не застелена, но пуста.

Теперь я кричу на весь дом:

– Томас! Бетани! Где вы?

Ответа нет.

Врываюсь в свою комнату. Пусто. Почти скатываюсь по лестнице, ищу сама не знаю что – записку, какой-то знак, намек, зацепку.

Но я же сама только что видела машину Бетани. Стоит себе спокойно на подъездной аллее. Для пеших прогулок сегодня слишком холодно. Вдобавок Бетани и в хорошую погоду гулять не заставишь.

Выскакиваю на наружную лестницу без куртки, без шапки. Скорее, скорее. Через две ступени. Огибаю дом. Ветер так и пронизывает сквозь тонкий свитер.

Заглядываю в машину. Разумеется, в ней никого нет. Успеваю отметить, что детское кресло Бетани так и не установила – вон, валяется на заднем сиденье.

Стучусь к миссис Мейхон. Звоню в звонок. Пускаю в ход кулаки.

Мысли – одна другой кошмарнее, одна другой навязчивее. Буквально вижу Томасово тельце – безжизненное, распластанное где-нибудь на пустыре. Я достаточно насмотрелась на трупы, мне ничего не стоит визуализировать. Правда, мертвый ребенок мне попался всего один – девочка шести лет, сбита машиной в районе Спринг-Гарден. Я тогда разрыдалась. Образ той девочки до сих пор меня преследует.

Снова жму на кнопку звонка.

Миссис Мейхон открывает, мигает непонимающе за своими толстенными очками. На ней коричневый махровый халат и тапочки.

– Мики, что стряслось?

– Томас... он пропал. Я его с няней оставила. Утром. Возвращаюсь – их нет. И записки тоже нет.

Миссис Мейхон бледнеет.

– Боже! Я их сегодня не видела!

Затем она выглядывает, замечает машину.

– Погодите, Мики, – машина-то на месте...

Но я уже собой не владею. Убегаю обратно в квартиру, мечусь по комнатам. Соображаю позвонить Бетани. Слушаю гудки. Отправляю эсэмэску:

«Вы где? Пожалуйста, позвоните мне. Я уже дома».

И тут, как вспышка, как озарение, вспоминаются слова Коннора Макклатчи: «Осторожнее будь. У тебя сын, о нем заботиться надо».

Десяти секунд хватает, чтобы принять решение.

Звоню 911 – больше ничего не остается.

* * *

Раньше не приходилось иметь дело с местной полицией.

Полицейские бенсалемского участка немногочисленны, зато высокопрофессиональны. За несколько минут превратили дом в место преступления. Двое патрульных – мужчина и женщина, он помоложе, она постарше – примчались первыми и живо меня допросили.

Отдельно допрашивали миссис Мейхон.

Странно сотрудничать с полицией за пределами Филадельфии, в пригороде. По логике вещей, мне бы обратиться за помощью к филадельфийским коллегам. Они вроде как есть – но позвонить им я не могу. По разным причинам для меня потеряны Майк Ди Паоло, Эйхерн, Саймон, а теперь еще и Трумен. Семья тоже не поможет. Наскоро перебрав в уме теток, дядьев и кузенов, я вдруг осознаю, сколь бездонно мое одиночество. Небо кажется с овчинку, дышать трудно.

– Успокойтесь, – говорит женщина-офицер, заметив, как я побледнела. – Ну-ка, вдох – выдох! Вдох – выдох!

В жизни не была допрашиваемой. Всегда сама допрашивала. Послушно делаю вдохи.

– Что вам известно о приходящей няне, мисс Фитцпатрик?

– Имя – Бетани Сарноу. Двадцать один год. Работает гримером. Берет уроки первой медицинской помощи. Кажется, онлайн.

– Понятно. Вы знаете ее домашний адрес?

У меня округляются глаза.

– Нет, не знаю.

Я всегда расплачивалась с Бетани наличными. Дважды в месяц совала ей деньги. Как няня она нигде не зарегистрирована.

– Так-так, – бормочет женщина-офицер. – Что вам известно о ее друзьях и родных? Телефоны, адреса?

Мотаю головой. Сама себя избить готова. Телефонный номер – всего один, принадлежит инструктору Бетани по мейкапу. Раз пришлось по нему позвонить – так эта девица, инструкторша, слова буквально цедила.

– Я боюсь... – выдавливаю я. В горле спазм. – Кое-чего определенного.

– Чего именно?

К нам подходит второй полицейский, молодой мужчина. Он уже всю квартиру обыскал. Представляю, какое у него сложилось впечатление: кругом пыль, вещи валяются как попало, ремонта сто лет не было. В такое жилище гостей не пригласишь.

– Дело в том, – начинаю я, – что пропала также моя сестра. По крайней мере, я не знаю, где она. Есть... люди, которым известно, что я ищу сестру; и им это не нравится. Я сама служу. Я – патрульная в Двадцать четвертом

отделе; только я сейчас под внутренним расследованием. Но это недоразумение. Или, может, чья-то грязная игра. Подставить меня кому-то понадобилось...

Взгляды этих двоих скрещаются. Всего на долю секунды – но я-то успеваю заметить. Прекрасно понимаю, что они подумали. Я на их месте то же самое подумала бы.

– Нет, нет, вы не поняли. Все совсем не так. Я – офицер полиции. Меня просто временно отстранили. Потому что...

Умолкаю. Сама себе велю: прикуси язык. Ради бога, перестань. Почти слышу эти слова из уст Трумена.

– Почему же вас отстранили? – спрашивает полицейский, почесывая нос.

– Это к делу не относится. Я боюсь, что моего сына похитили.

Женщина поеживается.

– У вас есть конкретные причины считать, что ребенок был похищен? Вы кого-то подозреваете?

– Да, подозреваю. Коннора Макклатчи. Конечно, я не утверждаю, что он похититель, но...

Мужчина-полицейский выходит в коридор, звонит диспетчеру. Докладывает. Слов мне не слышно. Женщина продолжает допрос. Прибывают всё новые люди.

И вот, когда в квартире уже не протолкнуться от криминалистов, раздается отчаянный стук в дверь.

За стеклом маячит миссис Мейхон – растрепанная, с нечитабельным выражением лица.

– Откройте! – кричит она, продолжая барабанить. – Откройте!

* * *

– Они вернулись! – выпаливает миссис Мейхон. Смотрит только на меня, остальных игнорирует.

Все мои силы уходят на то, чтобы не рухнуть на колени, не закрыть лицо руками, не разрыдаться.

– Где они? – шепчу я.

– На подъездной аллее. С ними какой-то парень.

Выскакиваю за дверь. Вслед мне несется предостерегающее «секунду, мэм!» – полицейский явно недоволен.

Почти скатываюсь с лестницы. Миссис Мейхон изо всех сил спешит за мной. Огибаю дом. Вот он, мой сын – с серьезной мордашкой стоит перед женщиной-следователем. Та присела на корточки, чтобы быть с Томасом

как бы на равных.

Подбегаю к сыну. Подхватываю его на руки. Он утыкается мне в шею.

Только тогда я перевожу взгляд на подъездную дорожку.

Бетани рыдает. Незнакомый парень уже в наручниках, лицо у него багровое от ярости.

Позднее выясняется, что парень – друг Бетани. Что эта парочка надумала поехать в торгово-развлекательный центр на его машине – и взять с собой Томаса. А в машине не только детское кресло не установлено – там нет даже ремней безопасности. Ни Бетани, ни ее дружок не потрудились хотя бы записку оставить или сообщение мне послать. («Мы подумали, вы рассердитесь», – оправдывается Бетани. «Правильно подумали», – киваю я.) Через полчаса я отказываюсь от дальнейших услуг Бетани – а она, ничуть не раскаявшаяся, на полном серьезе требует рекомендательное письмо.

Мне уже всё равно. Я смотрю и не вижу. Ко мне обращаются – я не слышу. Единственное, что улавливает мой слух, – дыхание Томаса да еще мое собственное сердцебиение. Втягиваю ноздрями чистый зимний воздух – как сладко он пахнет!

* * *

Позднее, уже вечером, снова раздается стук в дверь. Вздрагиваю.

За кружевной шторой – миссис Мейхон. Слишком подалась к окну, от ее дыхания стекло запотело.

Я как выжатый лимон. Хочу одного – вместе с Томасом улечься на диване и спокойно посмотреть телевизор.

Но мой сын, увидев, кто пришел, радостно подпрыгивает и кричит: «Привет!»

С того памятного снежного дня Томас очень проникся к миссис Мейхон. Всякий раз, когда мы пересекаемся, он с энтузиазмом ей машет.

Вот и сейчас Томас уже у двери, уже тянет дверную ручку. Мне остается только сказать:

– Входите, пожалуйста!

От порыва ветра дверь, едва пропустив миссис Мейхон, захлопывается. В руках у нашей хозяйки бутылка, завернутая в коричневую бумагу, и некий квадратный объект в рождественской пестрой упаковке. В этом последнем что-то глухо постукивает.

– Я не по делу, Мики, – говорит миссис Мейхон. – Просто заглянула – проверить, как вы, после сегодняшнего. И вот, принесла кое-что.

Неловко, с заготовленными стандартными пожеланиями, она вручает

бутылку – мне, а квадратный объект – Томасу.

– Как мило с вашей стороны... – отнекиваюсь я. – Право же, не стоило... Не надо... Это лишнее.

Однако бутылку уже взяла и держу.

– Вы не подумайте – это лимонад, – поясняет миссис Мейхон. – Я сама приготовила. Всегда делаю побольше и ставлю в холодильник. Если вам покажется терпковато, можно прямо в стакане подсластить. Я лично люблю покислее.

– Я тоже. Спасибо. Спасибо большое.

Томас успел развернуть свой подарок. Это шахматная доска и пластиковый пакетик с фигурами. Становится не по себе. Сын поднимает взгляд на меня – а не на дарительницу миссис Мейхон.

– Что это, мама?

Я почти шепчу:

– Шахматы.

– Кто лохматый? – переспрашивает Томас.

– Не лохматый, а такая игра, – объясняет миссис Мейхон. – Называется шахматы. Интереснее во всем свете не сыскать.

Томас осторожно, по одной, достает из пакетика фигуры, сортирует: сначала короли, затем ферзи, далее слоны, кони, ладьи и, наконец, пешки. Названия произносит миссис Мейхон. Я от каждого слова внутренне сжимаюсь. Не слышала их с отрочества. Со времен Саймона.

Томас хватает белого слона, протягивает миссис Мейхон.

– Он плохой, да?

Фигура и впрямь выглядит зловеще: безглазая, с оскалом прорези.

– Он может стать плохим, а может – и хорошим. Как и остальные фигуры, – миссис Мейхон улыбается. – Всё от ситуации зависит.

Томас засматривает ей в лицо, переводит взгляд на меня.

– Мама, а пусть миссис Мейхон с нами поужинает?

Я-то рассчитывала провести тихий вечер наедине с сыном... Но теперь деваться некуда. И я говорю как можно радушнее:

– Разумеется! Прошу вас, миссис Мейхон, останьтесь на ужин.

Она, кажется, именно этого и ждала.

– С удовольствием, Мики. Только учтите – я придерживаюсь вегетарианской диеты.

Честное слово, не женщина, а шкатулка с сюрпризами.

Заглядываю в кухонные шкафы, в холодильник, в морозилку. Везде хоть шаром покати. Придется варить спагетти и приправлять томатным соусом (самую малость просроченным). Яркости блюду придаст брокколи,

чудом завалившаяся в морозилке.

Разговор не клеится. Надо поскорее накрыть на стол.

Наконец мы уселись. Миссис Мейхон я устроила во главе небольшого стола, ей же первой положила спагетти. Мы с Томасом сидим друг против друга. Домашний лимонад разлит по стаканам. Он пахнет мятой – миссис Мейхон, оказывается, растит ее прямо на подоконнике. Делаю глоток – и словно получаю вкусовое подтверждение, что лето все-таки бывает в природе. А то я уже в этом разуверилась. Томас приканчивает свою порцию в три глотка.

Жуем молча, и эта тишина напрягает Томаса. Ему хочется, чтобы я и миссис Мейхон подружились.

Откашливаюсь. Решаюсь на вопрос.

– Миссис Мейхон, вы и родились в Бенсалеме?

– О нет. Я из Нью-Джерси.

– Понятно. Хороший штат.

– Да, очень хороший, – миссис Мейхон кивает. – Я росла на ферме. Фермы обычно не ассоциируются с Нью-Джерси. Но только не для меня.

Продолжаем есть. Миссис Мейхон ляпнула соусом на свитер с олешками, и мне кажется – я несу ответственность за это пятно. Хоть бы миссис Мейхон подольше его не заметила, а то еще смутится...

Переглядываюсь с Томасом.

– Что же привело вас в Бенсалем?

– Сестры Святого Иосифа, – просто отвечает миссис Мейхон.

Киваю. Так вот кто эти монахини на старом фото, что я заметила у миссис Мейхон в доме...

– Они преподавали в вашей школе?

– Нет. Я сама была одной из сестер.

– Одной из сестер? – повторяю машинально.

– Да. Я была монахиней. Целых двадцать лет.

Язык так и чешется спросить: «Почему же вы стали мирянкой?» Лучше не надо. Это, пожалуй, бестактно.

* * *

После ужина Томас усаживается за шахматную доску и начинает расставлять фигуры.

– Иди-ка сюда, – зовет миссис Мейхон, похлопывая по дивану. – Я тебя научу.

Я убираю со стола, мою посуду – медленно, вручную. Вдруг ловлю себя на том, что мои плечи развернулись, расслабились. Несколько месяцев

я прожила в напряжении. Чувство, что за моим ребенком присматривает добрая и мудрая женщина, ни с чем не сравнимо. Впервые за долгое время я не терзаюсь угрызениями совести, я совершенно умиротворена.

Позже Томас, вооруженный новыми знаниями, берется учить меня. Притворяюсь, что впервые слышу о поведении шахматных фигур. Томас пробует сыграть с миссис Мейхон. Она – само терпение, сама предупредительность. Перед каждым Томасовым ходом уточняет: «Ты хорошо подумал? Ну-ка, заberi фигуру, переходи! Не спеши, взвесь все варианты». Наконец, после всех этих поддавков, Томас произносит:

– Вам мат, миссис Мейхон!

Он ликует, ручонки взлетают вверх, как в старом фильме «Приземление» (Саймон когда-то показал жест, Томас подхватил).

– Я выиграл! – кричит он.

– Миссис Мейхон тебе поддалась, – урезониваю я.

– Ничего подобного! – протестует та. – Все было по-честному!

* * *

Томасу пора спать. Увожу его. Миссис Мейхон ждет в гостиной. По просьбе Томаса оставляю включенным ночник, кладу на постель набор супергероев, который сама подарила ему на прошлый день рождения.

– Я тебя люблю, – шепчет Томас.

Застываю. Холодею. Фраза не из моего лексикона. Уж конечно, Томас должен узнавать (и узнаёт) о моей любви не из пустых слов, а из действий. Я забочусь о нем. Я его обеспечиваю и защищаю. В слова никогда не верила – особенно в те, которыми описываются сильные эмоции. Фраза «я тебя люблю», по-моему, вся насквозь искусственная. Если не сказать «фальшивая». Такое мне только один человек говорил – Саймон. И вот чем все кончилось.

– Где ты это слышал, Томас?

– В телевизоре.

– Я тоже тебя люблю.

– А я сильнее люблю.

– Ладно. Хватит. Спи.

Стараюсь казаться строгой, но не могу сдержать улыбки.

Миссис Мейхон, дожидаясь меня, сама задремала. Покашливаю. Она резко просыпается.

– Надо же... Длинный день выдался, Мики.

Кладет руки на колени, будто собираясь встать, но при взгляде на меня передумывает.

– Вот что, Мики, я хотела вам сказать. Я в любой день – слышите, в любой – с удовольствием присмотрю за Томасом. Ваш сын – чудесный мальчик. А у вас в жизни трудный период.

Качаю головой.

– Спасибо, не надо. Мы сами.

Во взгляде миссис Мейхон – твердость и непоколебимая уверенность. Ясно, что предложила она серьезно и что возражений не потерпит. Как она сейчас похожа на не в меру строгих сестер из школы Святого Спасителя!

– В воспитании нужна последовательность, – продолжает миссис Мейхон. – А у вас с этим не очень.

Впервые за вечер ощетишиваюсь. Вот она, миссис Мейхон, во всей красе. Миссис Мейхон, готовая поучать – как продукты упаковывать, как сына воспитывать...

Она открывает рот, но я ее опережаю:

– У нас с ЭТИМ всё в порядке. И со всем остальным тоже.

Повисает молчание. Миссис Мейхон смотрит на шахматную доску. Наконец с усилием поднимается, поддегивает брюки.

– Ну, тогда я вас оставляю. Спасибо за ужин.

Она идет к двери, и тут я выдаю нечто неожиданное даже для себя самой:

– Почему вы стали мирянкой, миссис Мейхон?

Вопрос мне покоя не дает целый вечер. К моему удивлению, она не обижается – напротив, между нами спадает напряжение – и просто отвечает:

– Потому, что влюбилась, Мики.

– В кого?

Она закрывает дверь, чтобы не дуло с улицы.

– В хорошего человека – в Патрика Мейхона. Он был тогда социальным работником.

– А как вас звали до замужества?

Она улыбается. Потупляет взор.

– При рождении мне дали имя Сесилия. Сесилия Кенни. В ордене я была сестрой Катериной Каритас – по-латыни это значит «забота». После замужества стала Сесилией Мейхон. И сейчас так зовусь.

– Как вы познакомились с Патриком Мейхоном?

– Патрик работал в больнице Святого Иосифа, которая находилась на попечении нашего ордена. Он курировал семьи больных детей. Всё это были бедняки. Представляете, что это такое? Люди даже по-английски зачастую не говорят. Многие бьют своих детей или просто внимания на них не обращают. Словом, случаи крайние. Патрик сутками дежурил. А я работала в отделении интенсивной терапии для новорожденных. По специальности-то я – медсестра. У нас многие сестры были с медицинским образованием.

Миссис Мейхон умолкает.

– Ну и вот, мы полюбили друг друга. Я стала миряной. Мы поженились. Мне было тогда уже сорок лет.

Выдерживаю паузу, говорю:

– Вы смелая женщина.

Миссис Мейхон качает головой.

– Какое там! Наоборот – я тогда струсилась. Но ни о чем не жалею.

Даже страшно спросить, что случилось с Патриком Мейхоном.

– Мой муж скончался пять лет назад. Мы прожили в этом доме четверть века. Здесь, на третьем этаже, у Патрика была студия. Он увлекался живописью. И скульптурой.

– Мне так жаль... Какая это, должно быть, тяжелая утрата для вас, миссис Мейхон.

– Что же делать. Все мы смертны.

– Значит, это картины вашего супруга там, на первом этаже?

Миссис Мейхон кивает. Берется за ладью, делает два хода вперед и отступает. Смотрит на меня поверх очков.

– Они просто прекрасны, – говорю я. – Сразу виден уровень.

– А у вас есть семья, Мики?

– Вроде того.

– Это что же значит?

И я ей все рассказываю. Без всяких сомнений. Уверена: миссис Мейхон поймет. Я говорю о Кейси и о Саймоне. О бабушке. О маме и об отце. О тетках, дядьях и кузенах, как живущих в Филадельфии, так и разбросанных по стране. Даже о тех, которых никогда не видала. Словом, выдаю все тайны без страха отпугнуть миссис Мейхон. Столько лет, со столькими людьми я этого боялась, и тайны набрякли невысказанностью, и бремя стало почти непосильным...

Миссис Мейхон замерла. Слушает молча, глядит во все глаза. Кажется, никогда еще никто меня так внимательно не слушал.

Помню первую свою исповедь, перед первым святым причастием. Мне

было шесть лет. Меня трясло от страха. Ба велела успокоиться. «Нету провинностей – так присочини, делов-то». Втолкнула меня в исповедальню. Помню, как сознавалась в придуманных прегрешениях. Оттого, что патер был невидим, что от него остался только голос, возникло ощущение ирреальности. Было стыдно. И в процессе, и после.

Куда эффективнее исповедоваться, сидя на диване, перед живым человеком, которого видишь, к которому можешь прикоснуться. Условная миссис Мейхон должна быть у каждой шестилетней девочки, да, у каждой.

И вот все тайны изложены, и бремени как не бывало. Понимание, которое явила миссис Мейхон, столь глубоко и искренно, что я, освобожденная, будто перенеслась в другое измерение. На душе легко и спокойно – ощущение, позабытое за многие годы.

– Миссис Мейхон, а вы в Бога верите?

Вопрос дурацкий и вдобавок бестактный. Никому его не задавала, кроме Кейси (в детстве) и Саймона.

К моему удивлению, миссис Мейхон ничуть не обижена.

– Да, – отвечает она, для большей убедительности кивая. – Я верую всей душой и в Господа Бога, и в нужность работы, которой занимаются сестры Святого Иосифа. Уход из ордена стал для меня огромной трагедией. Которую компенсировала счастливая жизнь с Патриком.

Она подносит руку к слабым своим глазам, рассматривает сначала одну ее сторону, потом другую.

– Это две стороны одной судьбы, Мики.

То же самое проделываю со своей рукой. Тыльная сторона кисти – загрубелая, в цыпках, в трещинках от холода. Такой она становится каждую зиму. Зато ладонь – мягкая, гладкая.

– Я, Мики, больше не монахиня – но продолжаю работать в больнице Святого Иосифа. Стала волонтером, когда Патрик умер. Дважды в неделю хожу туда – младенцев укачиваю.

– Что-что вы делаете?

– Укачиваю, баюкаю деток, которые родились от наркозависимых матерей. Знаете, в этом городе таких все больше и больше. Мамаши продолжают употреблять всю беременность; родят – оставят малыша, а сами снова на улицу. Я уж не говорю про папаш. А многих и не пускают к детям. Ну и вот, малютки – совсем одни. Без физического контакта, который им так нужен. Когда их на руки берешь, они боль легче переносят.

Молчу так долго, что миссис Мейхон, давно поднявшаяся и собравшаяся домой, приближается ко мне, спрашивает с тревогой:

– Вам нехорошо?

– Нет, я в порядке.

– Вот бы и вы в больницу Святого Иосифа заглянули, – продолжает миссис Мейхон. – Люди нам нужны.

Не отвечаю.

– Знаете, как бывает: помогаешь ближнему – и собственные проблемы отступают на задний план. Это я вам по опыту говорю.

– Вряд ли у меня получится, – выдавливаю я.

Во взгляде миссис Мейхон мелькает осуждение.

– Что ж. Передумаете – дайте знать.

* * *

Всю неделю не разлучаюсь с Томасом. Последний раз так было во время отпуска по уходу за ребенком. Мы оба счастливы. Томас расцвел. Еще бы – каждая минута принадлежит только ему. Мы вместе читаем, вместе играем. Съездили в Камденский океанариум, побывали в Институте Франклина. У меня рот не закрывается – я пытаюсь напитать Томаса бесчисленными подробностями, которые знаю о Филадельфии.

А еще я приняла решение. Теперь, если Томас прокрадывается в мою комнату, я его не гоню. Просто притворяюсь спящей, позволяю ему забраться в постель, свернуться клубочком у меня в ногах. Проснувшись первой, подолгу смотрю на сына: в личике с каждым днем убывает детской мягкости, черты определяются. Теплые волосы неизменно взлохмачены. Ручонки либо под подушкой, либо сложены на груди, либо закинута за голову, будто в знак капитуляции.

Приближается Рождество. Едем на елочный базар, покупаем две елки – маленькую для себя, побольше – для миссис Мейхон. Елку оставляем у нее на пороге, снабжаем запиской: мол, если нужна наша помощь – мы дома.

Помощь, оказывается, нужна.

* * *

Каждый день думаю: надо извиниться перед Труменом. Не могу. Так стыдно, что кажется: телефон пальцы жжет. Узнать о расследовании не от кого. Сам Трумен не звонит, Ди Паоло – тем более. В общем, я совсем выпала из информационного пространства.

Каждое утро жду звонка от Денизы Чемберс. Наверное, меня уже уволили. Но и эту информацию никто не подтверждает и не опровергает.

* * *

Рождественский день выдается морозным и солнечным.

Лобовое стекло в завитках инея. Томас ждет на заднем сиденье, пока я щеткой уничтожаю эту хрупкую красоту. Миссис Мейхон проведет сегодняшний день с сестрой, и для меня это большое облегчение.

– Куда мы поедem, мама? – спрашивает Томас.

– К бабушке.

– Зачем?

– Затем, что мы всегда навещаем бабушку на Рождество.

Это не совсем так. Мы навещаем бабушку не на само Рождество, а за пару дней до него или через пару дней после, потому что в праздник мне обычно ставят дежурство. В прежние годы Томас сидел с Карлой, бывшей няней. Я убеждала себя: сын слишком мал, дату он не фиксирует. В прошлом году заподозрила, что ошибаюсь. Но сейчас-то я отстранена. Вот мы и едем к Ба. Везем скромные подарки – мы купили их в торговом центре «Прусский король».

По бабушке я не скучаю. Мне неуютно без семейных уз, а не без конкретных родственников. Осознала я это, когда Бетани умыкнула Томаса. Мысль, что и позвонить-то некому, потрясла меня. И я сказала себе: «Микаэла, ты просто обязана расширить круг друзей и начать уже контактировать с родней. Хотя бы ради Томаса».

И вот вчера я позвонила Ба, предупредила, что мы приедем. Ба встретила эту новость без энтузиазма – у нее-де не прибрано, и подарок Томасу она не купила, потому что работы под праздник – завал. Но постепенно оттаяла.

– Бабушка, не беспокойся насчет подарка. Томас постоянно к тебе просится. В этом всё дело.

Ба выдержала паузу.

– Просится? Ко мне? – Похоже, усмехнулась: мол, рассказывай! – Ну, раз так – привози его.

– Днем тебе удобно? Часа в четыре?

– Удобно.

И повесила трубку. Без всяких «до свидания». Что, впрочем, вполне в ее стиле.

* * *

Утро у нас прошло тихо и славно. Я напекла сыну его любимых вафель. Вручила подарки – в нарядной бумаге, всё как положено. Томас их с азартом развернул, обнаружил трансформера высотой себе по пояс, укулеле (он говорил, что хочет учиться играть на гитаре), сказки братьев

Гримм (то же издание, что было у меня в детстве) и кроссовки с подсветкой и человеком-пауком.

Эти последние он немедленно обул. Судя по легким шумам сзади, Томас стучает пяткой о пятку и восторгается результатом. Наблюдаю за ним в зеркало заднего вида. Томас приник к окну, личико бледненькое, даже сероватое – может, виной тому зимние сумерки...

Проезжаю по Уэст-Жирар-авеню, направляюсь к Фиштауну. Улицы непривычно тихи. Понятно: жители либо в отпусках, либо сидят по домам. Поворачиваю на Белгрейд, где прошло мое детство, и без труда нахожу место для парковки. Выпускаю Томаса, беру его за ручку.

Жму на кнопку звонка. Жду. Звук такой же, как тридцать лет назад, – сначала гулкое «бом», затем – долгое навязчивое дребезжание. Всю жизнь этот звонок неисправен, и наладить некому.

Выждав достаточное время, вынимаю собственный ключ. За последние годы Ба неоднократно меняла замок, чтобы Кейси не проникла в дом и ничего оттуда не вынесла; однако она ни разу не забыла снабдить меня новым ключом.

Едва я вставляю ключ в скважину, как дверь распахивается. Ба жмурится, будто вышла на яркое солнце. Ради праздника она прихорошилась: волосы недавно подстрижены, выкрашены в каштановый цвет и аккуратно причесаны; красный свитер и синие джинсы вместо привычной домашней одежды – фуфайки и легинсов. Ба даже надела сережки с рождественским мотивом. Сколько ее помню, она всегда носила крохотные серебряные пуссеты из тех, что вдевают в свежeproколотые мочки лет этак в девять-десять.

– Извините, – говорит Ба. – В туалете застряла.

* * *

В доме холодно до промозглости. Похоже, бабушка по-прежнему экономит на отоплении. Томас начинает дрожать. Потом – клацать зубами.

Замечаю и другое: Ба постаралась украсить свой дом. В уголке стоит елочка – тощая, облезлая («Уступили вчера задешево, вон там, на углу; последняя оставалась», – поясняет Ба). Все три неработающие музыкальные шкатулки выставлены на каминную полку. На одной – танцующий медведь, на другой – Щелкунчик, на третьей – Санта-Клаус, в лучшие времена умевший под музыку поднимать ноги и руки, а также поворачиваться вокруг своей оси.

Мы с сестрой обожали все три шкатулки. Заводили их каждый день, порой одновременно. То-то какофония получалась, то-то нам влетало от

Ба. Томаса тоже так и тянет к шкатулкам. Вот он бочком, бочком добрался до камина, взял ту шкатулку, что с медведем, и пытается вникнуть в работу механизма. Вдруг осознаю, как вырос мой сын – раньше он не мог дотянуться до каминной полки, а теперь – пожалуйста.

– Бабушка, ничего, если я свет включу?

Моя рука замирает на пути к выключателю.

– Валяй. Все равно уже пора.

От щелчка вспыхивает елочная гирлянда.

Я готова сказать: «Может, заодно и отопление включим?» – но не говорю. Проще остаться в пальто. И с Томаса курточку не снимать.

Отдаю бабушке клюквенный кекс (купила вчера в Бенсалеми). Молча, без всяких там «спасибо», она тащит кекс на кухню. Слышится хлопок дверцы холодильника. Сколько себя помню, Ба ведет войну с мышами. Несколько раз в году выдерживает мышиное нашествие. Никогда, ни при каких обстоятельствах, ни на полминуты не оставляет продукты на столе.

Она возвращается в гостиную. Вдруг замечаю, как Ба усохла за последнее время. Она и всегда была миниатюрна, мы с Кейси переросли ее лет в десять; но сейчас Ба по комплекции совсем как ребенок – сухонький, тощий, если не сказать «истощенный». Ее движения по-прежнему быстры и порывисты, будто у перепуганного зверька. Руки не знают покоя, вечно шарят в воздухе, ищут что-то неопределенное, взлетают к лицу, замирают на талии, прячутся в карманах... Ба подходит к елке, достает два свертка. Бумага закреплена кое-как, явно в спешке. Один свертос – для Томаса, второй – для меня.

– Держите, – говорит Ба.

– Может, сядем, бабушка?

– Хотите – садитесь.

Садимся на древний диван с лопнувшей обивкой. Позволяю Томасу развернуть подарок. Он довольно большой и какой-то бесформенный; приходится придерживать край, пока Томас рвет бумагу.

Оказывается, это водяной пистолет из кислотно-оранжевого пластика. Сто процентов, Ба купила его на распродаже с большой скидкой, как несезонную игрушку. Я бы никогда не подарила сыну такое. Никогда не позволила бы играть штуковиной, хоть отдаленно напоминающей оружие. Стараюсь не выдать эмоций.

Томас молчит, рассматривает подарок.

– Ты такие штуки любила, когда маленькая была, – внезапно заявляет Ба.

Что-то она путает. Не припомню за собой страсти к водяным

пистолетам. Холодно спрашиваю:

– Разве?

– Еще бы! Таким соседские ребята игрались. Как лето – целыми днями обливаются. А ты глядишь на них из окошка – только что слюни не пускаешь. Не дозваться тебя было.

Понятно. Только дело не в водяном пистолете. Я смотрела на самих ребят – как они общались между собой. Отмечала каждый кивок, каждый прищур, чтобы после скопировать.

– Ну-ка, что надо сказать, Томас? – спохватываюсь я.

– Спасибо, бабулечка, – произносит Томас.

– Спасибо, бабушка, – выдавливаю я сама.

Мой подарок – фоторамка с надписью «Семья», в которой уже есть фото – самое свежее изображение Томаса, в детском садике. Снято больше года назад. Томас дарит брошь в форме бабочки. Мне достается бледно-голубой свитер («Заприметила в секонд-хенде, подумала: Мики будет к лицу».)

– Кучу денег за него выложила, – добавляет Ба. – Чистый кашемир.

Она включает телевизор (идет одна из Томасовых любимых передач) и топает на кухню. Следую за ней.

По пути замечаю: в задней двери стекло выбито. Дыра заделана пищевой пленкой и скотчем, но, конечно, сквозняк все равно есть, да еще какой.

Подхожу поближе. Осколки на полу не валяются. Значит, инцидент произошел не сегодня и не вчера. И главное: выбит именно тот квадрат стекла, который ближе всех к дверной ручке.

– Бабушка, что случилось?

Ба стреляет взглядом на дверь, затем – на меня.

– Пустяки. Мыла пол, рукояткой швабры ткнула случайно.

Молча трогаю край ненадежной пленки.

– Что-то не похоже...

Но Ба резко меня обрывает.

– Похоже, не похоже... Говорю: сама разбила. Иди лучше, помоги на стол накрыть.

Она лжет, это яснее ясного. Вон, и разговор на другое перевела, и рассердилась. Другой вопрос – почему она лжет? Впрочем, давить нельзя. Только все испорчу. Потом вернусь к этой теме.

Помогаю Ба разложить по блюдам крекеры, нарезать сыр, завернуть кусочки острой колбасы и сыра в треугольники готового теста. Вру, что забыла кое-что в машине, и выскальзываю из кухни. Миную гостиную,

говорю Томасу:

– Я сейчас вернусь.

По телевизору идет «Олененок Рудольф» – пластилиновый мультфильм 1964 года выпуска. Звук поставлен на минимум.

Обхожу дом с тыла, осматриваю дверь с выбитым стеклом. Бабушкин и соседний участки разделяет узенькая дорожка – по ней обычно мусор выносят. Дорожка ведет к обоим забетонированным патио, из которых, в свою очередь, можно попасть в дома через черный ход.

Сама дорожка имеет калитку, выкрашенную в синий цвет и запирающуюся изнутри, чтобы чужие не шастали. Но калитка давно обветшала. Толкаю ее снаружи, и она легко поддается. Ага, вот оно что: щеколда, которая и раньше-то держалась на честном слове, теперь сорвана. Похоже, кто-то просто размахнулся ногой в тяжелом ботинке...

Ощущение, что я на пороге разгадки. Кровь бросается в голову, в носу щекоотно, будто я – ищейка, взявшая след.

Возвращаюсь в кухню.

– Бабушка, я кое-что обнаружила.

В ее взгляде вызов – но еще и чувство вины.

– И что же?

– Щеколда сломана.

– Да, я знаю. Вчера целый день искала, кто бы ее обратно привинтил. Никого не нашла. Конечно: сочельник...

– Кто сорвал щеколду, бабушка? Кто?

Она вздыхает.

– Ладно, твоя взяла. Расскажу.

* * *

– Повздорили мы – я и Кейси. Она явилась и денег стала требовать. Я говорю: не получишь. Хватит с меня. Она распахивалась.

– Когда это было?

Ба смотрит в потолок.

– Два месяца назад. Может, больше. Не помню.

– Почему же ты мне солгала? Я ведь спрашивала, видела ты Кейси или нет!

Она тычет в меня пальцем.

– Потому, что ты и так загружена. Потому, что ты непременно всполошилась бы. Ты с ней мягче, чем я; ты бы ей не отказала. У тебя для этого кишка тонка.

Качаю головой.

– Бабушка... Я чуть с ума не сошла – так волновалась! А ты... ты... В Кенсингтоне женщин душат – слышала, наверно? Мне Кейси каждый раз представляется...

Ба пожимает плечами.

– По-моему, лучше сейчас чуток поволноваться, чем нажать геморрой на будущее.

Отворачиваюсь. Просто не могу смотреть ей в глаза.

– Ну и вот, – продолжает Ба, – на завтра прихожу, глядь – в доме шарил кто-то. По-твоему, это совпадение? По-моему – нет.

– Ты обратилась в полицию?

Ба беззлобно смеется.

– А смысл, когда своя полицейская в семье?

Помолчав, добавляет:

– Вдобавок ничего не пропало. Так о чем заявлять?

На этих словах в мой разум закрадывается догадка.

– Я все заначки проверила. Деньги целы. Телик цел. Серебро цело.

Она продолжает перечислять свои скудные накопления. Хвост недлинного списка я уже не слышу – вышла из кухни, поднимаюсь на второй этаж.

– Эй, Мик, ты куда? – кричит Ба.

– В уборную.

* * *

Но открываю я совсем другую дверь – дверь нашей с Кейси бывшей спальни. Много лет сюда не входила. Мои визиты к бабушке были краткими и почти официальными; я старалась поскорее вырваться из этого холодного дома и на второй этаж поднималась, только если действительно хотела в туалет.

Едва узнаю нашу старую комнату. Бабушка избавилась от любых напоминаний, что здесь когда-то жили ее внучки. Осталась только полуторная кровать, на которой мы с Кейси умещались вдвоем. И то – покрывало новое, хрусткое, из набивного ситца. Выглядит как полиэстеровое. Вся прочая мебель вынесена, даже шкаф. Даже лампы больше нет.

Прохожу в угол, становлюсь на четвереньки, приподнимаю край ковролина, нащупываю расштанную половицу. Вот он, наш детский тайник – одновременно и сокровищница, и почтовый ящик. Тьма, раз просочившись в жизнь Кейси, заставила мою сестру использовать тайник еще и как склад для сигарет и марихуаны.

Очень может быть, она вломила в бабушкин дом не для того, чтобы что-то забрать, а для того, чтобы что-то ОСТАВИТЬ.

Едва дыша, приподнимаю половицу.

Шарю в пустоте. Пальцы касаются бумаги. Достāju объемную стопку.

Не сразу понимаю, что это. Чек на пятьсот восемьдесят три доллара от администрации штата Пенсильвания, датирован первым февраля 1991 года. Пробегаю глазами остальные листы. Тоже чеки. Ежемесячные. За период в десять лет. Сумма в каждом следующем чуть больше, чем в предыдущем.

Есть и кое-что другое. Три документа от департамента соцслужбы штата Пенсильвания от имени Дэниела Фитцпатрика. Нашего отца. Бенефициары по договору – Микаэла и Кейси Фитцпатрик. Право распоряжаться денежными средствами переходит к Нэнси О’Брайен. К бабушке, которая являлась нашим официальным опекуном.

У бабушки никогда не было почтового ящика на двери. Она арендовала номерной ящик в почтовом отделении. Теперь понятно, почему. Десятки открыток на Рождество и наши дни рождения. Десятки писем. Открытки ко Дню всех святых. Валентинки. Все – с подписью «Любящий папа». Многие – с пометкой «Прилагаю чек на 1 доллар, купите конфет». Чеки, разумеется, давно и благополучно изъяты и обналичены бабушкой.

Последнее письмо датировано 2006 годом – годом моего совершеннолетия. Кейси тогда было девятнадцать. Озарение внезапно и мучительно до боли в животе – в 2006 году я уже считала отца мертвым.

* * *

С бумагами в руках сбегāju вниз по ступеням. Томас смотрит недоумевающе. Велю ему:

– Будь в гостиной, никуда не выходи.

Ба успела откупорить пиво. Нехарактерно бледная, она стоит, прислонившись к разделочному столу. Боевой настрой пропал. Не иначе, Ба сообразила: я там, на втором этаже, неспроста задержалась, сейчас что-то раскопаю. Яркий свитер, опрятные джинсы, елка с гирляндой – словом, все, что так тронуло меня поначалу, теперь вызывает гадливость. Ба просто пыталась подластиться ко мне – после всего, что сделала.

Молчу – говорить нет сил. Руки дрожат, и бумаги шелестят прямо-таки зловеще.

– Это чего там у тебя? – спрашивает Ба. Будто сама не видит.

Шагаю к ней, шлепаю бумаги на стол. В очередной раз отмечаю, как бабушка усохла – едва мне до груди достает. Жду. К бумагам она не прикасается.

– Вот ЭТО я нашла.

– Сестру не трудись искать, – выпаливает Ба. – Раз она исчезла, значит, ей так надо. Не лезь не в свое дело.

– Бумаги прочти.

– Чего мне их читать. Читала уже.

– Почему ты нам лгала?

– Я? Никогда я не лгала!

Усмехаюсь.

– А кто каждый божий день стонал, что тащит нас на горбу безо всякого пособия? Не ты? Ловко устроилась!

Ба сверкает глазом, но голос ее звучит спокойно:

– Он вас бросил. Он мою дочь на иглу посадил, а когда она умерла – дёру дал. Я вас одна поднимала. Кому вы нужны были? То-то, что никому. Только мне, бабке. И пара сотен баксов в месяц сути дела не меняет.

– Он жив?

– А я почему знаю?

– Бабушка, ответь, только честно: мы с Кейси тебе жизнь сломали?

Она хмыкает.

– К чему столько пафоса, Мики?

– Это не пафос. Я серьезно. Так сломали или нет?

Ба пожимает плечами.

– Не вы. Смерть моей деточки. Лизы. Тогда-то всё для меня и кончилось.

– Но мы же были совсем маленькие. Кейси и двух лет не исполнилось. Мы не виноваты, что мама умерла.

Бабушка дергает головой.

– А то я не знаю!

И тычет пальцем в холодильник.

– Погляди! Нет, ты внимательно погляди!

На дверце – целый коллаж. Пожелтевшие, закудрявившиеся по углам листки – записки наших учителей, единственный табель Кейси с хорошими отметками, школьные фото. Фотография Томаса, сделанная бабушкой в прошлое Рождество.

– Я о вас заботилась, – говорит Ба. – О тебе и о Кейси. Кроме вас, у меня никого не было.

– Да, но ты нас не любила.

– Любила!

Это слово она почти выкрикивает. Но сразу успокаивается.

– Я с вами не сюсюкала, что да, то да. Я делом любовь доказывала.

Жизнь на вас положила. Думаешь, я эти деньги, с чеков, прикарманила? Нет, они на вас же и пошли.

Долго подбираю слова, наконец говорю:

– Я была доброй. А из-за тебя очерствела.

Ба кивает.

– Так оно лучше. Жизнь – штука жестокая. Я хотела, чтоб ты это усвоила.

– Я усвоила.

– Вот и хорошо. Значит, не зря я старалась.

Крыть нечем.

– Бабушка, – начинаю я вкрадчиво, льстиво – этот тон, бывало, действовал в мои детские годы. – Бабушка, пожалуйста, скажи: ты знаешь, где Кейси? Ведь знаешь, да?

– Не лезь не в свое дело! – повторяет Ба. Лицо ее становится непроницаемым. – Забудь про Кейси. Не ищи ее, слышишь?

– Я поступлю так, как считаю нужным.

Впервые в жизни говорю с бабушкой таким тоном.

Она цепенеет, будто от пощечины. Затем вперяет в меня неприязненный взгляд. Долго молчит и наконец выдавливает:

– В положении она.

Так уже давно не говорят. Целый долгий миг мысленно отмахиваюсь от истинного смысла этих слов.

С языка едва не срывается дурацкий вопрос: «В каком положении?»

– Потому мы и поругались, – поясняет бабушка. – Ну вот, теперь ты в курсе. Не хотела я говорить, да ты все равно узнала бы.

Она смотрит пытливо – как яотреагирую? Каменею лицом.

Ее взгляд скользит мне за плечо. Оборачиваюсь. Томас потихоньку прокрался в кухню, стоит столбиком, личико испуганное.

– Твой малыш, – говорит Ба.

Тогда

Всё-таки скажу. Да, надо сказать.

Я изо всех сил старалась поступать правильно. Как в личной жизни, так и в профессиональной. Я горжусь тем, что мои действия почти никогда не противоречили моим же представлениям о хорошем и дурном.

Но и моя правильная жизнь не обошлась без пары решений, которые сейчас я была бы рада пересмотреть.

Первое такое решение я приняла в тот период, когда у Кейси, жившей со мной в Порт-Ричмонде, случился срыв.

Я не удержала сестру.

Но ведь я сразу оговорила единственное условие: Кейси не должна употреблять наркотики и крепкий алкоголь – тогда пусть остается в моем доме, сколько пожелает, я буду рада. Сорвется – откажу от дома. Никаких «вторых шансов». А чтобы у Кейси на этот счет не осталось сомнений, иными словами – лазеек, – я должна сама твердо знать: я действительно ее выгоню, если она возьмется за старое.

В тот день, когда я застучала сестру с поличным, когда собственными глазами убедилась, что она снова употребляет, мы ни слова друг другу не сказали. Кейси стала собирать вещи. Я в это время рыдала в чулане, очень надеясь, что сестра не слышит.

Как я радовалась, что ей лучше, что мы снова вместе – и притом не в бабушкином доме!

Она ушла молча.

А потом я увидела ее на улице, поджидающей клиентов. Поверить не могла, что Кейси по собственной воле этим занялась.

И вот, вскоре после того как она ушла, мы с Труменом были на дежурстве. Звонок диспетчера привел нас в северную часть района, к Франкфорду. Трумен рулил, я сидела на пассажирском месте.

Краем глаза я выцепила женскую фигуру в шортах и футболке, с сумочкой на плече. Успела подумать: это Кейси. Но мы уже ее миновали, и мою уверенность как рукой сняло. Может, все-таки не Кейси? Я извернулась на сиденье, стала смотреть назад. Женщина где-то скрылась.

– Ты чего? – спросил Трумен.

– Почудилось. Думала – одна знакомая...

Трумен тогда еще не знал про мою сестру.

Разобравшись с вызовом, мы поехали назад. Я села за руль. Ползла на черепашьей скорости.

Сомнений не осталось. Кейси. Точно, она. Под кайфом. Стоит на нетвердых ногах, заглядывает в окно автомобиля. Почти по пояс туда влезла. Мужчина за рулем, увидев полицейскую машину, резко газанул. Еще бы чуть – и руку Кейси сломал бы. Та выпрямилась, шагнула с проезжей части, крайне недовольная – как же, сорвалось. Поправила сумочку на плече. Скрестила руки на груди.

Я вела так медленно, что Трумен спросил: может, мне нездоровится?

На этот раз я не ответила.

Поравнявшись с сестрой, остановилась. Чисто импульсивно. Никто и не подумал сигналить – полицейским автомобилям не сигналият, стой они хоть посреди шоссе.

– Мики, ты что делаешь? – всерьез обеспокоился Трумен.

За нами образовалась пробка. Далеко в хвосте вопил клаксон – автолюбителю, конечно, было не видно, кто причина затора.

Только услышав надрывные звуки, Кейси подняла взгляд. Увидела меня. Гордо выпрямилась.

Долго, очень долго мы смотрели друг на друга. Само время замедлилось, остановилось. В наших глазах были невыносимая тоска и понимание, что прошлого не повторить, что детские мечты о лучшей жизни растоптаны, искрошены в пыль.

Я подняла руку, пальцем указала в сторону Кейси. Трумен проследил мое движение.

Кажется, никогда еще она так скверно не выглядела, как в тот день. Отощавшая, вся в рубцах выдавленных фурункулов, волосы невымытые, нечесанные, макияж наполовину стерт, наполовину размазан.

– Ты ее знаешь? – спросил Трумен. Ни язвительности, ни отвращения в голосе не было. Было глубокое сострадание. Мне почудилось, он готов раскрыть объятия для этой отверженной женщины, окажись та моей подругой или родственницей.

«Да, Трумен, – подумала я. – Я ее знаю». А вслух сказала:

– Это моя младшая сестра.

* * *

Весь вечер я плакала и названивала Саймону. Он не отвечал.

Наконец взял трубку. В голосе было раздражение, как всегда, когда мой звонок раздавался в неподходящее время.

– Что за срочность такая? – спросил Саймон.

Назойливостью я никогда не грешила. Мои просьбы к Саймону можно было по пальцам перечесть. Я вечно боялась спугнуть его; думала, мужчины не терпят капризов, требовательности, беспомощности. Но в тот вечер я была в полном отчаянии.

– Приезжай, пожалуйста, – взмолилась я.

Саймон обещал вырваться.

* * *

Через час ему это удалось. И я всё рассказала о дневном происшествии.

Саймон, надо отдать ему должное, слушал очень внимательно и не скупился на советы.

– Ты не вычеркнешь из жизни родную сестру, – произнес он наконец.

– Уже вычеркнула, – возразила я. – Иначе нельзя было.

Саймон покачал головой.

– Если даже ты с ней и порвала – это все равно не точка в ваших отношениях. А хочешь, я с ней поговорю?

Мы сидели рядом на диване. Саймон принял странную позу – лодыжка одной ноги на колене другой. Наверное, если смотреть сверху, он был похож на цифру «4». Рассеянно потирал татуировку – буквы «ЭКС».

– Надо попытаться, Микаэла. В последний раз. Это и ей, и тебе во благо. Ты сама себя изведешь, если не попытаешься, – я же знаю. Позволь мне помочь.

После долгих уговоров, измученная, я согласилась.

– Я сам – бывший, – сказал Саймон. – Ты не забыла, что я – бывший? Поверь, беседа с тем, кто тоже оступись, а потом выкарабкался, порой действует лучше, чем увещевания изначально правильных, изначально чистых.

* * *

Через неделю Саймон нашел Кейси, которая с компанией приятелей устроилась в заброшенном доме. Пришлось, сказал он, задействовать профессиональные навыки, да еще поспрашивать «агентов на районе».

Поначалу Кейси его гнала, но Саймон – он настойчивый. Он установил с ней контакт, и с тех пор я каждый день получала отчет: «Кейси выглядит неважно». «Кейси держится молодцом». «Я водил Кейси обедать. Заставил ее немного поесть».

Так продолжалось целый месяц: Саймон общался с моей сестрой. По ощущениям, он снял бремя с моих плеч и водрузил на свои. В общем, мне стало лучше. За этот месяц я оправилась. Огромным облегчением было знать, что не я одна забочусь о Кейси, что кто-то подставил плечо под груз ответственности, который я тащу аж с четырех лет. Саймон тогда все еще представлялся мне сильным, надежным, взрослым, зрелым – короче, равных ему просто не было.

– Почему ты это делаешь? – спросила я однажды, под впечатлением от его великодушия.

– Да просто мне нравится людям помогать, – объяснил Саймон.

* * *

Еще через месяц или, может, через месяц с небольшим он позвонил и выдал:

– Надо поговорить.

Тон мне сразу не понравился.

– В чем дело? Не томи, скажи сейчас.

– Нет, не по телефону, – возразил Саймон.

Вскоре он уже был у меня дома. Сидел на диване, держал мои руки в своих.

– Вот что, Микаэла. Не хочу тебя пугать раньше времени, только с твоей сестрой плохо. Кейси... она, по-моему, гм, в уме повредилась. Несет какую-то околесицу. Не знаю, от наркотиков это или еще от чего. В любом случае дело серьезное.

Я нахмурилась.

– Что именно она говорит?

Саймон вздохнул.

– Объясняю же – околесицу несет. Будто бредит. Кажется, она из-за чего-то злится, а вот из-за чего именно – поди разбери... Я лично никак не разберу.

– Но слова – слова-то ты слышишь? Какие она произносит слова?

Вопрос, казавшийся мне вполне логичным, почему-то сильно раздосадовал Саймона.

– Ты что, мне не веришь, Микаэла? Кейси не в своем уме!

– Допустим, – сказала я. – Что теперь делать?

– Я постараюсь помочь. Есть у меня знакомые в соцслужбе... Тут главное – диагностировать психоз, у нее или еще что-нибудь в этом роде. Словом, наша первая задача – показать Кейси врачу.

Саймон помолчал, дожидаясь моего ответа. Не выдержал, спросил прямо:

– Ну что? Да или нет?

– Да.

* * *

В ту ночь мне не спалось.

Я лежала в постели, считая часы до утренней смены. Вдруг сообразила, что два с лишним месяца питалась только отчетами Саймона, а саму Кейси ни разу не видела на улице – и считала это хорошим признаком.

Был час ночи. Смена моя начиналась в восемь. Но я уже уяснила, что заснуть не получится. Перестав гоняться за призрачным сном, я поднялась, оделась и отыскивала самую свежую из фотографий Кейси.

Затем вышла из дому, села в машину и поехала в Кенсингтон.

Из отчетов Саймона я примерно представляла, где может находиться Кейси. Добравшись до первого перекрестка, стала расспрашивать о ней.

По ночам в Кенсингтоне жизнь бьет ключом. Особенно если ночь

теплая и благоуханная, какие выпадают в конце весны и начале лета. Был май. Немногочисленные кенсингтонские яблони и вишни стояли в полном цвету, покачивая отяжелевшими, будто от снега, пышными ветвями. Зрелище из категории зловещих: цветы, что жаждут солнца, в ночном мраке вынуждены тянуться к фонарям.

Я молча показала фотографию группе мужчин. Один из них сразу опознал Кейси, а я подумала с неприязнью: уж не клиент ли это моей сестры?

Опознавший тоже что-то заподозрил, скосил на меня глаз.

– На что она тебе, а?

Вдаваться в подробности не хотелось, тем более перед этим типом. Я просто сказала, что ищу подругу; может, меня к ней отведут?

Мужчина молчал. Колебался.

Из настоящего кенсингтонца слова не вытянешь, даром что все друг друга знают и каждый в курсе, чем промышляет сосед. Скрытничают главным образом ради собственного спокойствия. И впрямь: зачем лезть в чужие дела, геморрой наживать? «Не закладывай» – звучит здесь рефреном; будь у Кенсингтона герб, эта заповедь смотрелась бы на нем вполне уместно.

Этот конкретный тип, возможно, видел меня в полицейской форме и решил, что я работаю под прикрытием, а байку о подруге сочинила с целью арестовать Кейси.

К счастью, есть сравнительно простой способ расколоть кенсингтонца. Цвет отмычки – зеленый. Пожалуй, мне хватило бы и пяти долларов (ровно столько просят за дозу героина), но я запаслась двадцаткой.

– Отведешь меня к ней – получишь двадцать баксов, – пообещала я.

Кроме денег, у меня был пистолет – на случай, если деньги попытаются отнять силой. Насчет пистолета я, конечно, умолчала.

Мужчина огляделся по сторонам. Вид у него был неважный. В ломке, догадалась я. Такой на все способен ради дозы. В другое время будет соблюдать неписанный кодекс кенсингтонской чести, а когда доза необходима, честь – побоку...

Словом, он согласился. Повел меня какими-то закоулками. От свидетелей подальше, думала я, в любую секунду готовая выхватить оружие. Мужчина шел первым, я следовала за ним на расстоянии нескольких шагов, чтобы и его движения предугадывать, и по сторонам глядеть.

Наконец мы пришли.

Дом заброшенным не выглядел. Окна не заколочены, стены не

размалеваны. Даже клумбы с красными геранями у входа, причем в полном порядке – выполоты, политы.

– Вот здесь она теперь живет, – сказал мужчина и протянул ладонь: мол, давай, плати.

Я покачала головой.

– Почему я должна тебе верить? Пока сама ее не увижу, денег не получишь.

– Ну ты и зануда... Я что, среди ночи должен людей тревожить?

Он вздохнул в знак того, что согласен – потревожит, куда же деваться? Мне стало стыдно – за свою неприязнь, за подозрительность.

Мужчина постучался – сначала тихонько, затем – настойчивее.

Минут через пять дверь открылась. На пороге стояла... нет, не Кейси. Другая женщина. Лицо ее досадливо кривилось, она моргала спросонья, но выглядела прилично – никаких признаков наркотического или алкогольного опьянения, пижамные штаны и чистая футболка.

– Джереми, ты совсем сдурел? Ночь на дворе! – сказала женщина. – Что стряслось?

Он указал на меня пальцем.

– Вот эта Конни ищет.

С улицы было видно, что в доме прибрано. Я даже разглядела опрятный ковер на полу. Пахло чесноком и луком, будто недавно стряпали что-то сытное, аппетитное.

Теперь женщина воззрилась на меня. Щелкнула пальцами, произнесла:

– Ну, здравствуй. Чем помочь?

Я отвернулась, чтобы ей было не видно, как я расплачиваюсь с этим Джереми. Он живо скрылся, а я показала женщине фотографию.

– Это моя сестра. Она здесь, верно ведь?

С явной неохотой женщина отступила, пропуская меня в холл.

Я нашла Кейси спящей на узкой кровати в чистой комнате. Вторая такая же кровать пустовала. Что сестра не проснулась от стука, меня ничуть не удивило – она всегда, с самого детства, спала крепко.

– Спасибо, – сказала я своей провожатой, рассчитывая, что она оставит нас наедине.

Женщина не двинулась с места, не шевельнулась, только вскинула бровь. Я поняла: она ждет реакции Кейси. Хочет убедиться, что та мне рада; в противном случае выгонит меня. Вон как глядит: явно готова к обороне. Такую готовность, такую решимость я наблюдала у женщин, среди которых росла, в том числе у бабушки. Позднее это выражение переняла и Кейси. Я тоже умею его копировать, использую иногда на

работе, но мне это стоит определенных усилий.

Я тронула Кейси за плечо, слегка потрепала. Потом удвоила усилия.

– Кейси, проснись. Это я, Мики. Проснись.

Она открыла глаза. В считанные секунды выражение ее лица изменилось четырежды. Сначала это было недоумение, затем – смущение, следом удивление, наконец стыд.

Еще через секунду в глазах Кейси заблестели слезы.

– Значит, он тебе рассказал, – пролепетала моя сестра.

Я не ответила. Не поняла, о чем она.

Кейси села на постели, закрыла лицо ладонями. Краем глаза я заметила, как моя провожатая – видимо, делившая с ней комнату – перенесла вес с одной ноги на другую.

– Прости меня, Мики; прости, – повторяла Кейси. – Я так виновата перед тобой... Я ужасно виновата.

* * *

Уже тогда я почувствовала, что мы с сестрой – на перепутье.

Перед нами простиралась карта наших жизней; я буквально видела тропы, веером расходившиеся из точки под названием «Настоящий момент». Мало того: я видела и последствия выбора мною каждой конкретной тропы. Видела, чем тот или иной мой шаг обернется для Кейси.

Теперь-то понимаю: я сделала неправильный выбор.

Не просто ошиблась, нет; я поступила недостойно.

Кейси заговорила обрывочными фразами:

– Я беременна. От Саймона. Все случилось, когда мне было совсем скверно. Я не понимала, что делаю. Он воспользовался мной. Как только узнала про беременность, я старалась не употреблять.

Я произнесла только одно слово: «Нет».

Оно само вырвалось. Потому что голова моя закружилась, я ощутила дурноту, как когда-то в детстве, во время «эпизода». В бессмысленной попытке предотвратить неизбежное я повторила:

– Нет.

И тут же почувствовала: все, решение принято. Обратный путь заказан. Если б минутой раньше я заткнула уши – я могла бы еще передумать, но не теперь, когда сестра все выложила.

Мне надо было уйти. Взять больше времени на размышления.

– Мики, – умоляюще произнесла Кейси.

Я резко отвернулась.

– Мик, мне стыдно. Прости меня. Ох, если б этого никогда не было!..

* * *

Сейчас я периодически травлю себе душу – вспоминаю все гадости, которые сказала и сделала сестре. Возглавляет список детская ложь, выпавшая в приступе гнева. Ложь о том, что мама любила меня больше, чем Кейси. Тогда мой детский умишко не мог измыслить ничего более ядовитого. Ложь о маминой любви стала кинжалом, вспорола обычную ссору, какие сплошь и рядом происходят между братьями и сестрами. Реакция Кейси, этот чудовищный вой, оказалась столь бурной, что живо отрезвила меня, заставила раскаяться и поклясться себе: никогда, никогда больше с моего языка не сорвутся такие злые слова.

И однако в тот вечер клятва была нарушена.

– Ты лжешь, – ровным голосом сказала я.

Кейси на миг смутилась.

– Не лгу.

– Откуда у тебя такая уверенность?

– Уверенность в чем?

– В том, кто именно отец.

На миг показалось – сейчас Кейси ударит меня. Такое лицо было у нее в театре. Я почти видела занесенный кулак – тот, из детства, из прежних времен, когда сестра не раздумывая бросалась на защиту слабого. Но нет, удара не последовало. Кейси молча переварила жестокие мои слова. Отвернулась и сказала:

– Уходи.

– Уходи, – эхом повторила ее соседка по комнате, указывая на дверь. Сейчас я осознаю: эта чужая женщина была предана Кейси больше, чем я – родная сестра.

* * *

Саймон отделался легким испугом.

Я не закатила ему сцены. Не вынудила сознаться в неверности.

Наоборот – когда назавтра он приехал, я сказала, что согласна с его мнением, что надо срочно спасать Кейси.

– Она говорит, что беременна, – обронила я. – И что ребенок – твой.

Саймон молчал.

– Может такое быть, Саймон?

– Я же тебя предупредил: она не в себе.

– Она и вправду беременна?

– Кто ее знает... Поживем – увидим.

* * *

В ту весну и в то лето я видела Кейси часто. Слишком часто. Она вернулась на улицу – будто вызов мне бросила. Колеся по району в патрульном автомобиле, я наблюдала сестру подпирающей стену, поджидающей клиентов.

Я видела ее растущий живот.

Может, в доме с красными геранями Кейси действительно воздерживалась, но теперь налицо были все признаки того, что она вновь употребляет, – красные склеры, мутный, застывший взгляд, фурункулы. Плюс ужасная худоба, при которой беременный живот казался чужеродным. С прискорбием должна признать, что беременность несколько не отпугивала клиентов – наоборот, кажется, добавляла Кейси популярности. Сколько раз я лично видела, как автолюбитель, проскочив мимо, подавал назад, чтобы «снять» мою сестру.

Пару раз я говорила Саймону, что не могу на это смотреть.

Я думала о ребенке. Каким он родится? Что с ним станет? Я думала о маме – и о ее поступках.

* * *

В конце концов я обратилась за юридической помощью.

Первый же юрист, Сара Хименес, заверила: оформить опекунство вполне реально. Ничего экстраординарного. Такое происходит сплошь и рядом, если мать ребенка или оба родителя являются наркозависимыми. Вдобавок Кейси только за последний год несколько раз арестовывали. Правда, есть одно «но» – мать должна свидетельствовать, что отец ребенка неизвестен. Если она назовет имя отца, придется уже у него просить письменного согласия на отказ от сына или дочери.

– Мисс Хименес, – заговорила я, – а что, если мать ребенка не в себе? Что, если она назовет имя, взятое с потолка?

– Тогда, – объяснила Сара Хименес, – большинство судей порекомендуют сделать тест на отцовство.

Саймон выслушал эту информацию в молчании.

Он вообще игнорировал любые упоминания о Кейси. Перестал с ней видаться, бросил попытки ее вытащить. Если я заговаривала о сестре, Саймон живо менял тему.

Я, в свою очередь, игнорировала его реакции. Но вот я упомянула о возможности доказать, что связи с Кейси у Саймона не было – и Саймон не проронил ни слова. Тогда-то я и рискнула озвучить то, о чем в глубине

души знала с самого начала.

Разумеется, брать назад жестокое «Ты лжешь», брошенное сестре, было уже поздно.

* * *

Томас Холм Фитцпатрик родился 3 декабря 2012 года в медицинском центре имени Альберта Эйнштейна. Правда, Кейси хотела назвать ребенка Дэниелом, в честь нашего отца. Я не могла этого допустить.

На родах я не присутствовала. Уже потом мне сказали, что Кейси поступила в больницу вся обколотая, плохо соображая, где она и кто она. Едва родившись, Томас был взят от матери и передан заботливым и опытным медсестрам, чтобы те проверили его на наличие абстинентного синдрома. Каковой не замедлил проявиться.

Томас находился в отделении интенсивной терапии для новорожденных, а я только и ждала, когда его можно будет увезти. Несколько месяцев я готовила, планировала для Томаса другую, лучшую жизнь. Одну из спален порт-ричмондского дома (ту, где жила Кейси) я переделала в уютную, позитивную детскую. Интерьер был в спокойных и в то же время солнечных тонах — я надеялась, они станут цветовой прелюдией к будущему счастью моего мальчика. Цитаты из своих любимых книг я поместила в рамки и развесила по бледно-лимонным, размыто-оранжевым и нежно-бежевым стенам. Сами книги были давно куплены. Все сказки, все истории, которые читали моим ровесникам — но только не мне, — я собрала в детской. И дала себе слово: мой сын не ляжет спать без доброй сказки, он выслушает ее столько раз, сколько захочет. Никогда не наскучит мне читать Томасу на сон грядущий.

С Саймоном я уже не общалась. Но мы заключили соглашение. Саймон отказывается от всех прав на Томаса, но остается в его жизни. Так он сам хотел. (На мой вопрос: «Зачем тебе Томас?» он с гордостью ответил: «Всегда довожу до конца начатое».) Я сказала: «Отлично, тогда обеспечь Томасу достойное образование. С остальным я и сама справлюсь».

Он кивнул. Юридически мы ничего не оформляли.

Устное наше соглашение держалось на обоюдных угрозах. Я клялась, что в случае чего сообщу куда следует о том, как начиналась наша с Саймоном связь. Тот клялся, что потребует опекуна над собственным сыном, что отберет у меня Томаса.

Словом, мы были честны друг с другом.

Каждый месяц я получала чек. Плата за детский сад в Спринг-Гарден, и ни цента больше. В обмен, так же ежемесячно, Саймон забирал Томаса на

целый день. Поначалу тот дичился, но очень быстро общение с отцом, да еще не дома, а где-нибудь в музее, парке или кафе, стало для него праздником. Томас предвкушал каждую встречу недели за две, а то и за три, и потом еще долго делился со мной впечатлениями.

Кого мы не включили в соглашение, так это Кейси.

* * *

С сыном расставаться Кейси никак не желала. В родильной палате клялась, что завяжет. Навсегда. Насовсем. Но факты были красноречивее клятв. Баллы по шкале Финнегана^[25] у Томаса зашкаливали; клинические проявления НАС, вызванные огромными дозами и разнообразием наркотиков, которые употребляла Кейси, были кошмарны.

Вполне ожидаемо, Томаса на сутки забрали органы опеки. Суток им хватило, чтобы выявить ближайших родственников. На завтра они позвонили – бабушке и мне.

– Ты рехнулась, Мики, – повторяла Ба. – Не понимаешь, во что ввязываешься. В курсе вообще, каково растить ребенка одной?

Но я уже все решила.

– Да, – сказала я социальному работнику. – В моем доме места для малыша достаточно.

* * *

Сначала я планировала оформление полной опеки, но мы с Сарой Хименес сошлись на том, что лишать Кейси родительских прав не следует. Надо, фигурально выражаясь, оставить дверь открытой: если она завяжет – пожалуйста, пускай навещает сына. Однако, по моей просьбе, Сара потребовала особой оговорки: Кейси нельзя видеться с Томасом, пока та не пройдет особые тесты на наличие наркотиков в организме.

Прошла ли она хоть один такой тест? Нет. Возмущалась ли, пыталась ли вернуть себе права на посещения? Да. Неоднократно. К сыну ее не пустили ни разу. В итоге я все-таки получила полную опеку. Суд постановил, что это в интересах ребенка; решение, которое далось бы легко каждому ответственному судье.

Ответственность – вот ключевое слово; у меня-то ее предостаточно. Плюс моральные устои. Плюс трезвый образ жизни. Плюс собственное жилье. Плюс стабильная работа. Все шансы, что сын Кейси – то есть теперь уже мой сын – получит хорошее образование.

* * *

Начальству и Трумену я сказала, что усыновила ребенка.

Вопросов мне не задавали. Даже Трумен, с которым я на тот момент работала уже пять лет, – и тот сказал лишь: «Поздравляю». Правда, еще подарок притащил – целую сумку детских одежек и книг, выбранных с трогательной тщательностью. Наверняка кучу времени потратил. Я ответила почтовой открыткой со словом «Спасибо».

* * *

Когда речь идет об отпуске по уходу за ребенком, патрульно-постовая служба особо не расщедрится. Пособие, во всяком случае, платить не будут. Правда, за новоиспеченным родителем шесть месяцев сохраняется рабочее место – а это лучше, чем ничего. Мне удалось кое-что скопить, и я прикинула: дома посижу три месяца и одну неделю. А потом придется отдать Томаса в ясли.

Первые месяцы были тяжелейшими в моей жизни. Никому не пожелаю круглосуточного ухода за младенцем, тем более – за младенцем, который появился от матери, употреблявшей все без разбору, как моя сестра. Но именно этот крест я себе и выбрала. Никакой поддержки, никакой помощи – ни физической, ни моральной, ни финансовой. Всё – сама.

В отделении интенсивной терапии Томас находился на морфине.

Забирала я его заодно с рецептом на фенотарбитал.

Ни морфин, ни фенотарбитал не избавляли от мук абстинентного синдрома. Ребенок, крошечный, жалкий, содрогался всем тельцем, а то и бился в конвульсиях. Под моей ладонью грудная клетка вздымалась и опадала в бешеном ритме, и каждый выкрик казался предсмертным. После кормления Томаса неизменно рвало, так что каждая унция усвоенной пищи считалась победой. Бывало, Томас плакал целые часы напролет; в такое время не действовали ни укачивания, ни лекарства.

Но я не сдалась, не отказалась от опеки. Наоборот: в краткие моменты спокойствия, которые возникали, будто оазисы на нестерпимо тяжком пути именно тогда, когда казалось: всё, больше не могу, – в эти моменты я полюбила Томаса. Пережив очередной приступ боли, мой мальчик медленно поднимал веки и с изумлением вбирал все доступное взору. Я хвалила его за каждый шаг к здоровью, потом – за младенческое гуление, позднее – за более четкие слоги.

Одними лишь словами ни за что не опишешь всю глубину нежности, которая рождается, стоит взять дитя на руки. Эта мордашка, податливая, как воск; эта кожица (от контакта с ней смягчается собственная шкура, какой бы задубелой ни была); эти ручонки, тянущиеся к маминому лицу, говорящие: я – твой, твой... Хлопки маленьких ладошек по щекам – словно бабочка крылом задела...

Сильнейшее в жизни потрясение я испытала тоже благодаря Томасу. Был полдень, я кормила сына, сидя на кровати. Смотрела на его темечко, где только начал пробиваться цыплячий пух; отмечала с удовлетворением, что на запястьях и локотках наконец-то появились пресловутые младенческие складочки – то есть мой мальчик явно идет на поправку. И вдруг меня постиг когнитивный диссонанс. Стыдно в этом признаться – я

разревелась.

Потому что впервые поняла: моя мама тоже вот так же качала меня, а потом и Кейси, тоже смотрела на наши складочки и завитки на темечках – а все-таки бросила нас. Неважно, что не по злему умыслу, а посредством поступков, по причине беспечности, безответственности – и безрассудства, с каким она жаждала словить кайф. Она нас бросила, и точка.

Тогда-то я и дала себе клятву – ту, что стала моим основным жизненным принципом: я уберегу сына от участи, которая постигла меня и Кейси.

* * *

От абстинентного синдрома Томас мучился почти весь первый год жизни. Во мне рос гнев на сестру. «Как она могла? – клокотало у меня в горле. – Как она могла обречь на такое собственное дитя? Как они все это делают?!»

День и ночь сливались, менялись местами. Выныривая иногда в реальность, я тщетно силилась вспомнить, когда последний раз ела, когда принимала душ.

Бабушка единственная, кроме Саймона, была посвящена во все подробности нашего сговора. Поначалу вроде согласная помочь, она стала появляться в моем доме все реже. Один раз, в ответ на жалобу, смерила меня взглядом и процедила: «А теперь вообрази, что их у тебя двое».

Больше я не жаловалась.

* * *

За эти первые месяцы я решила: не допущу, чтобы начало жизни Томаса затормозило его на пути к успеху. Не позволю ему использовать младенческий абстинентный синдром как костыль. И самый верный способ тут – просто не рассказывать сыну о его же страданиях или, по крайней мере, подождать, пока он окрепнет разумом и психикой.

Именно поэтому Томас и по сей день уверен: я – его родная мать.

* * *

Я думала, Кейси, вернувшись на улицу, забудет о сыне.

Конечно, рассуждала я, она какое-то время покукуется; но ведь ежедневная добыча дозы и процесс приема требуют усилий, а дурман забвения густ и вязок; иными словами, ей будет не до Томаса.

Я ошиблась. Не раз и не два, приблизившись к окну спальни на втором этаже, я замечала Кейси. Моя сестра сидела на крыльце дома напротив

либо на бровке тротуара – ноги вытянуты вперед, взгляд шарит по фасаду, по окнам, в лице надежда – вдруг удастся разглядеть какой-то признак, намек, что там, за этими стенами, – ее сын. То есть МОЙ сын.

Пару раз Кейси отваживалась даже позвонить в дверь.

Я не открыла ей.

Наоборот – увидев сестру на улице, занавешивала окна и давала Томасу молоко из бутылочки, чтобы, не дай бог, он не выдал себя плачем. С Томасом на руках я держалась на максимальном расстоянии от двери, слушала, как ломится в мой дом, как воет по ребенку Кейси.

Однажды – худшее для Томаса было уже позади – я пошла в супермаркет, устроив сына в сумке-кенгуру. Как всегда, предварительно выглянула в окно – нет ли Кейси.

Однако она поджидала, как оказалось, ярдах в десяти от двери. Позади меня вдруг раздались торопливые шаги. Я инстинктивно прикрыла ладонью младенческую головку, обернулась. Сестра стояла передо мной – с диким взглядом воспаленных глаз, нечесаная, немытая – привидение, а не женщина.

– Пожалуйста, Мик! Покажи мне его. Я только погляжу, что он в порядке, – и отстану. Честно.

Не знаю, что на меня нашло. Надо было отказать. Но я, после некоторых колебаний, повернулась к сестре так, чтобы она увидела крохотное личико. Томас спал, устроив головку прямо у меня на солнечном сплетении. Чудесный, самый красивый в мире мальчик.

Кейси неуверенно улыбнулась. И заплакала, утирая нос тыльной стороной руки, отчего стала еще ужаснее, еще отвратительнее. Из-за угла вышла соседка, вытаращилась на нас, попыталась поймать мой взгляд, убедиться, что я в порядке. Ясно: сочла Кейси настырной попрошайкой, если не кем похуже. Я отвела глаза.

Костлявая грязная рука робко протянулась к моему сыну, хотела лечь ему на лобик – благословить, что ли? Я отпрянула.

– Пожалуйста, – всхлипнула Кейси.

Это было последнее слово. В течение следующих пяти лет мы разговаривали только в рамках протокола, в формате «патрульный – задержанный».

Я качнула головой и пошла прочь. Кейси осталась стоять – неподвижная, вызывающая одновременно жалость и брезгливость, совсем как заброшенное жилище.

* * *

До сих пор Кейси приходит ко мне в ночных кошмарах, чтобы предъявить права на Томаса.

Она неизменно здорова, чиста, опрятна, упитанна и позитивна, совсем как в раннем детстве. Она очень хороша собой, и Томас бежит к ней сквозь толпу (потому что снится мне всегда людное место – супермаркет, школа, реже – церковь) и лепечет: «Я по тебе скучал», или «Я тебя заждался», или произносит одно-единственное слово – «мама». Вот так просто заявляет на нее свои права. Констатирует факт. Называет маму – мамой.

Сейчас

– Твой малыш, – говорит Ба.

В голосе – тень упрека.

– Один у тебя уже есть, – продолжает она. – Незачем второго на шею вешать.

– Замолчи.

Томас с шумом выдыхает – никогда не слышал он от меня таких резких слов.

Озираюсь. Неужели в этом доме я провела двадцать два года? Кажется, более неподходящего для детей места и не сыщешь. Холодно, мрачно, скудно. Каждая клетка моего организма вопит: скорее отсюда! Скорее! Прочь! И Томаса, Томаса забирай! Не возвращайся в эти стены, к этой старухе! Никогда!

Прикасаюсь к его плечу – мол, нам пора. Томас тянется к дареному водяному пистолету, и я почти готова крикнуть: «Не бери!» Передумываю в последнюю секунду.

Идем с ним к дверям. В висках стучит: «Жизнь – штука жестокая. Жизнь – штука жестокая». Фраза была саундтреком к моему – нашему с Кейси – детству. Внезапно осознаю: весь последний год, объясняя Томасу причины проблем, что на него свалились, я использую именно эту фразу.

– Забудь про нее! – кричит нам вслед Ба. – Не лезь не в свое дело, не то хлопот не оберешься.

* * *

Некоторое время просто сидим с Томасом в машине. Сын подавлен, личико вытянулось от тревоги. Он достаточно взрослый, чтобы чутя: происходят странные вещи.

Держу открытку «С днем рождения» – одну из многих, присланных отцом. Потихоньку прихватила ее из общей кипы бумаг. Открытка на имя Кейси. В верхнем левом углу написан адрес: «Уилмингтон, Делавэр».

* * *

Нужно с кем-то оставить Томаса. Совсем ненадолго. И самым надежным человеком сейчас представляется миссис Мейхон.

Из машины звоню ей на стационарный телефон; молюсь, чтобы она была дома, а не у сестры в гостях.

Миссис Мейхон почти сразу берет трубку. Можно подумать, на телефоне сидела.

– Здрасьте. Это Мики.

Прошу о помощи, обещаю все объяснить вечером.

– Конечно, Мики, привозите Томаса, – говорит миссис Мейхон. – Вернетесь – постучитесь ко мне.

Спиной чувствую, как насупился Томас. Оглядываюсь. Не просто насупился – готов разреваться.

– Ты что, Томас? Что случилось?

– Опять ты меня бросаешь!

– Совсем ненадолго. Потерпи.

Всматриваюсь в его личико. Томас кажется маленьким старичком. Слишком много он пережил за последнее время.

– Но сегодня ведь Рождество, мама. Я думал, мы вместе поиграем в новые игрушки...

– Миссис Мейхон с тобой поиграет.

– Не хочу ее. Хочу, чтобы ты не уезжала.

Тянусь к нему, сжимаю ладонью новую кроссовку. От этого включается подсветка. Томас кривится личиком – явно хочет скрыть улыбку.

– Томас, обещаю: завтра мы весь день проведем вместе. И послезавтра. И потом. Но сегодня, пожалуйста, побудь с миссис Мейхон. Знаю, зима выдалась трудная. Но скоро – слышишь, скоро! – всё наладится.

Томас прячет глаза.

– Угадай, что мы сделаем! Мы с тобой поедem в гости к Лиле! Ее мама нас пригласила.

Томас наконец-то улыбается в открытую. Утирает слезы.

– Тогда ладно, мама.

– Представь, как это будет здорово!

Он кивает. Он так просто с надеждой не расстанется.

* * *

Я дольше не знала отца, чем знала. Звучит странно, но это так. Мне было десять, Кейси – восемь, когда отец исчез из нашей жизни.

Оставив Томаса с миссис Мейхон, задаю навигационной системе адрес с открытки.

Сама открытка отправлена десять лет назад. С тех пор отец мог переехать. Но других зацепок у меня нет.

Шарю в памяти, восстанавливаю образ отца – того, молодого. Он был высокий, худощавый. Говорил грудным тягучим голосом, носил мешковатые джинсы, свитер с фото Аллена Айверсона^[26] и бейсболку задом наперед. Ему и тридцати не исполнилось – он был моложе, чем я сейчас.

Я ненавидела его всю сознательную жизнь. Потому что безгранично любила маму; потому что Ба всегда утверждала: в маминой смерти повинен мой отец. Я не висла у него на шее. Не делилась с ним детскими секретами. Кейси – висла и делилась. Не верила дурному об отце, затыкала уши, когда кто-нибудь – и я в том числе – его хаял.

Если отец, пообещав прийти, не появлялся, Кейси воспринимала это как трагедию. Когда он держал слово – ходила за ним по пятам, задыхающейся от волнения скороговоркой рассказывала о своем, жаждала внимания. Я вела себя сдержанно; я просто наблюдала.

Помню, как мы пообщались в последний раз. Отец повел нас в зоопарк. Прежде мы в зоопарке не были, очень ждали этого события. Точнее, Кейси ждала. За несколько недель покой потеряла. Я ей говорила: не раскатывай губу.

В назначенный день отец, как ни странно, появился, но при нем был пейджер, и на этот пейджер поминутно поступали сообщения, которые явно его нервировали. Мы проскочили вольер с жирафами, мельком взглянули на горилл, и отец выдал, что ему пора.

– Но мы же только пришли! – вспылила Кейси. – Мы даже черепах не видели!

Отец смутился.

Зачем Кейси сдались именно черепахи, я отлично знала. Соседский мальчик, Джимми Донахи, дразнил мою сестру – мол, такая большая, а черепах не видала! Ему доставляло удовольствие, что Кейси вспыхивает и бросается на него с кулаками. С чего у них там началось, не помню, но сестре непременно нужно было увидеть черепаху.

– Кейси, да я даже не в курсах, есть у них тут черепахи или нету! – Отец досадливо поморщился.

– Должны быть! – воскликнула Кейси. – Должны!

Он огляделся.

– Ну и где они? На указателе не написано. Всё, нам пора на выход.

Пейджер у него буквально надрывался.

Домой мы ехали в молчании. Я пустила Кейси на переднее сиденье.

Ба открыла дверь, поджала губы, всем своим видом говоря: «Что и требовалось доказать».

– Быстро же вы справились, – бросила она, вроде даже довольная.

* * *

Через неделю нам доставили посылку – две мягкие игрушки. Черепаха для Кейси, горилла для меня. Гориллу я почти сразу потеряла. А Кейси носилась со своей черепахой, даже в школу ее таскала. Может, черепаха и до сих пор у нее цела.

С того дня об отце я не слышала. Ба вела себя так, будто и ей неизвестно, куда он пропал. Регулярно повторяла: она бы, дескать, в суд подала на алименты, да ни времени, ни денег нету. «Кручусь, – говорила Ба, – как белка в колесе, чтоб дом удержать; а с этого подзаборника что возьмешь? И судиться не стоит ради его грошей».

Чуть повзрослев, мы сами избегали заговаривать об отце. Знали: если уж Ба заведется, ее не остановишь. Правда, до нас доходили слухи – соседи и родственники старались. Отец-де осел в Уилмингтоне, забрюхатил очередную. Нет, сразу двух. У него уже шестеро спиногрызов. Посадили его. И наконец: помер он.

Я бросилась «гуглить» коренного филадельфийца Дэниела Фитцпатрика. Действительно, обнаружила сообщение о смерти. Год рождения совпадал, а дату рождения я никогда и не знала. Спрашивать Ба сочла рискованным. Тем более что и ей эта дата могла быть неизвестна. Словом, я решила для себя: мой отец мертв.

От Кейси я это скрыла. Честно пыталась сообщить, и не один раз, но мне не хватало духу. Насколько я понимала, отец в жизни Кейси был таким маячком – одним из очень немногих. Светил во тьме, пусть и слабо; внушал надежду. Иными словами, держал Кейси на плаву. Узнает сестра о его смерти – к чему ей тогда стремиться, ради кого стараться? Короче, не могла я этот маяк погасить.

* * *

Навигационная система приводит меня к двухквартирному дому напротив кладбища Ривервью. Дом в неплохом состоянии, опрятный. Оба входа украшены рождественской символикой. На правой половине, где, судя по всему, и живет отец, замечаю в окне, на подоконнике, электрические светильнички в виде свечей, а на крыльце – пластиковую

елочку. Уже семь вечера; кажется, что тьма длится многие часы.

Паркуюсь в пятидесяти футах от дома. Едва гаснут фары, дорога тонет во мраке. Фонари на улице отсутствуют, свет поступает только из окон домов, да еще – совсем слабый – от рождественских гирлянд.

Некоторое время сижу в темной машине. Оглядываюсь на дом. Отворачиваюсь.

Вот может здесь жить мой отец – или не может? Ривер-драйв, 1025В – этот адрес ну никак не соотносится с великовозрастным разгильдеем из моих воспоминаний.

Наконец, минут через пять, вылезаю из машины. Осторожно, почти неслышно закрываю дверцу. Пробираюсь по наледи, оскальзываюсь – и в это мгновение особенно остро чувствую тьму и близость кладбища. Поневоле ускоряю шаг.

У крыльца четыре ступени. Звоню в дверной звонок, пчусь. Сколько раз я вот так стояла у чужих дверей, за которыми меня совершенно не ждали... По привычке держу руки по швам, раскрытыми ладонями к тому, кто выйдет на звонок.

В окне справа некое шевеление. Приподнимается и снова падает занавеска.

Секундой позже дверь открывает девочка-подросток. Тощенькая кудрявая брюнетка в очках. Первое впечатление о ней – этакий книжный червячок, паникующий перед чужими.

Девочка оглядывает меня с ног до головы. Молчит. Ждет, чтобы я первая заговорила.

– Привет. Извини за вторжение. Я только хотела узнать – Дэниел Фитцпатрик здесь живет?

Девочка хмурится. Колеблется. По лицу видно – напряглась.

– Не бойся меня.

Ей, наверное, не больше четырнадцати.

– Я не по делу. Просто хотела с ним поговорить. Если он здесь.

Я не говорю «если он жив», но фраза вертится на языке.

– Минутку подождите, – произносит девочка. Исчезает в доме, но дверь оставляет открытой.

А если она – дочь моего отца? Моя единокровная сестра? Рот у нее чуть похож на рот Кейси...

Заглядываю в дом. Чистенько, аккуратненько. Лестница на второй этаж; направо от входа – гостиная. Мебель старая, но не замызганная. Выбегает небольшой терьер, обнюхивает мои ботинки, поднимает дыбом шерсть на холке.

Пытаюсь заслонить ему выход, отпихиваю ногой от двери. Не хватало, чтобы пес выскочил и потерялся. В доме тихонько включено радио, передают рождественские мелодии.

Девочка что-то долго не возвращается. Может, она оставила дверь открытой, приглашая меня за собой? Этак все тепло из дому выдует. Я и сама озябла. Дышу на руки и вдруг вижу: кто-то идет вниз по лестнице. Сначала появляются босые ступни, затем – лодыжки в серых тренировочных штанах.

Мужчина. Лет пятидесяти. Темноволосый. Отец. Мой отец.

– Микаэла, это ты?

Киваю в полумраке.

– Хорошо, что ты сама меня нашла. А то хозяйка твоя такая скрытная...

* * *

Он оглядывается, сует ноги в ботинки, нашаривает на столе связку ключей, выходит ко мне на крыльцо и закрывает за собой дверь.

– Поедем покатаемся, Микаэла.

Ехать или не ехать? После находки в доме Ба мое мнение об отце изменилось. Но откуда мне знать его мотивы? И потом, я до сих пор понятия не имею, где Кейси.

Отец замечает мою нерешительность.

– Хочешь – сама за руль садись. Хочешь – я поведу. Ты ж на машине, да?

– Да. Я думала, ты умер, – бросаю прежде, чем отец успевает пристегнуться.

Он усмехается.

– Да вроде живой. – Тычет пальцем себе в ладонь. – Точно – живой. Пока.

Мне с ним неловко. Стесняюсь я его, что ли? Думаю: как он меня находит, после стольких лет? Может, разочарован? Сама себя корю за эту мысль, за эту тревогу.

Решаю молчать, пока отец не заговорит.

Ждать приходится долго.

* * *

В конце концов отец сообщает: он искал нас обоих, меня и Кейси. Давно уже.

С наркотиками завязал тоже давно – в 2005 году.

Мы обе были уже взрослыми; он подозревал, что мы его ненавидим –

мы ведь не отвечали ни на письма, ни на открытки. Ну и он не лез в нашу жизнь. Раз мы не хотим общаться – ему оно надо? Такое оправдание себе нашел.

– А потом Джесси... – говорит отец – и умолкает.

Начинает заново.

– Джесси – моя дочка. Ей двенадцать. В этом году как пристала: где да где мои сестры, да почему я с ними – с вами то есть – не контакту? Сама хотела познакомиться, так я понял. Ну и думаю: воды немало утекло, может, вы с Кейси теперь меня и примете... Я в свое время напортачил, знаю. Виноват перед вами. Но я завязал, я больше – ни-ни. Вот и решил: попытка не пытка. Всегда жалел, что с вами так вышло. Ну, ладно, решить – решил; а как вас найти? Бабка ваша, понятно, тут мне не помощница была бы. Вот я и нанял одного бывшего копа. Он подрабатывает – отслеживает неверных мужей и жен. Согласился и вас, того... выследить. Справился. Причем быстро. Что значит – профи! – продолжает отец. – Кейси в Кенсингтоне отыскал, тебя – в Бенсалеми. Оба адреса принес и говорит: «Теперь всё в твоих руках».

Отец елозит локтем по подлокотнику. Нервничает.

– Я начал с Кейси – коп этот сказал, ей реально плохо. Я напрягся. Это было месяца три-четыре назад. Нашел ее в трущобах. Она меня узнала не сразу, а сам я в жизни ее не узнал бы. Разговор у нас долгий вышел. Решили, что Кейси у меня поживет. Она сказала: «Приду. Только дай мне еще один день». Я ей: «Слушай, я больше не того... не употребляю. Но я знаю, каково оно. Давай и ты завязывай». Назавтра заехал за ней – а ее и след простыл. Тогда я к тебе помчался, в Бенсалеми. Открывает мне старушка. «Нету дома, – говорит, – что передать?»

Кошусь на отца, вспоминаю, как выпытывала о нем у миссис Мейхон. Осознаю: отец и впрямь похож на Саймона, по крайней мере, по общим характеристикам. Во всяком случае, оба подходят под описание миссис Мейхон. Оба высокие, худощавые, темноволосые. И татуировка под левым ухом у отца имеется. В полутьме, правда, ее не разглядеть.

– Ну, думаю, профукал ты, Фитцпатрик, двух дочек разом. Паршиво, а что поделаешь, – продолжает отец. – Живу дальше. Где-то через месяц звонок в дверь. Кейси. Куда пропала, почему – не отвечает. Запястье у нее сломано – а кто сломал, как – не добьешься. «Зато, – говорит, – я беременна. Ребенка хочу оставить. Сама воспитывать буду. И соскочить хочу».

Машина едет практически на автопилоте. Выкручиваю руль налево-направо, в зависимости от команд навигатора. Хоть убей, назад дорогу

сама не найду.

Отец откашливается.

– Сама понимаешь, Микаэла, – мне с ней туго пришлось. Но я себе говорил: вот шанс исправить прошлое. Вдобавок я сам – бывший; знаю, почем фунт лиха. Мало соскочить – надо еще и удержаться. До сих пор два-три раза в неделю на группу хожу. Могу и Кейси с собой брать. Куратора ей подыщем. Выкарабкаемся. Тем более у меня работа хорошая. Я ведь, Микаэла, университет кончил. А ты думала! Высшее техническое имею. Спец по информационным технологиям твой папка. Зарабатывает – дай бог каждому. Короче, хватит денег и на Кейси, и на малыша.

Краем глаза вижу: отец ждет моей реакции. Хочет, чтобы я им гордилась? Я пока не горжусь.

– В общем, – продолжает он, – Кейси сказала, что уже слезает. Когда может достать субоксон – принимает его. Но я ее к врачу отвез. Тот говорит: «Таким беременным не субоксон нужен, а метадон. Причем регулярно». Записали мы ее на метадоновую программу. С тех пор она держится.

– Значит, она у тебя, – выдавливаю я.

– Вот именно. В этом самом доме.

– Значит, она жива.

– Живехонька.

Долго молчу.

– А мне с ней увидаться можно?

Теперь долго молчит отец.

– Тут такое дело... По-моему, она тебя видеть не захочет. Она мне про своего сына всё рассказала.

Меня передергивает. Едва не кричу: «Это мой сын! Мой!»

– Она, Микаэла, с этого и начала. С сына. Как порог переступила – так сразу и выложила. «Я, – говорит, – с ней ничего общего иметь не желаю». Это с тобой.

Отец усмехается и продолжает:

– Знаешь, что странно? Чем дольше она держится, тем больше о тебе говорит.

– Ей до полного очищения еще как до неба, – цежу я.

Жестоко получилось. Зло.

Но отец, кажется, вполне согласен. Это ясно по его лицу, по мутному силуэту, который и виден только благодаря тусклым уличным фонарям.

– Понимаю тебя, Микаэла, – мягко говорит отец. – Так многие думают: что дурь, что метадон – разница невелика.

Он умолкает, и я не выдерживаю:

– А ты другого мнения?

Отец пожимает плечами.

– Не знаю. Не помню. Я и с метадона тоже соскочил. Но в самом начале он был мне нужен. Без него я бы до сих пор кололся.

Некоторое время мы оба молчим. Продолжаю рулить. Теперь я на широком, прямом шоссе. Никаких зигзагов, никаких поворотов. Внезапно вижу мерцающую гладь. Впереди – река, что пролегла через всю мою жизнь. Никуда от нее не денешься.

– Вправо забирай, – говорит отец. – Не то с моста сорвешься.

Но я просто жму на тормоз. Гашу фары, полосующие тьму.

– Ты у Кейси с языка не сходишь, – продолжает отец. – Ей тебя не хватает. Ей нужна семья.

– Ха!

Этот звук вырывается у меня, когда я не в своей тарелке. Когда от бессилия пытаюсь серьезную проблему сделать шуткой.

– Короче, я решил второй раз в Бенсалеми счастья попытать. А хозяйка твоя сказала, что ты там больше не живешь.

– Это по моей просьбе. Я не поняла, кто меня ищет. На другого подумала.

Резко включаю верхний свет. Достали потемки.

– Ты чего? – Отец непонимающе щурится.

Вот она, татуировка под ухом. Три буквы: «Л. О. Ф.», шрифт с завитками.

Не сразу соображаю, что это – мамины инициалы.

Отец замечает, куда я смотрю, трогает татуировку, поглаживает, трет, как место ушиба. Отворачивается.

– Ты тоскуешь по ней, да, Микаэла? Вот и я тоскую.

* * *

Лишь к девяти вечера останавливаю машину возле отцовского дома.

Мы с отцом ничего не запланировали, ни о чем толком не договорились, только телефонами обменялись. Пока я и Кейси созреваем до примирения, этого достаточно.

Отец обещал поговорить с ней обо мне. Настроить ее положительно.

– Вы друг другу необходимы. Это ясней ясного, – убеждает отец.

Я упряплюсь.

– Не надо ее настраивать. Не хочет общаться – я это переживу.

– Ладно. Как знаешь, Микаэла.

Впрочем, по интонации понятно – отец не верит насчет «переживу».

* * *

Уезжаю не сразу. Смотрю отцу вслед. Вот он вошел на крыльцо. Скрылся в доме. Жалюзи не опущены, и видно, что делается там, внутри. Каждое из освещенных окон внушает надежду: вот сейчас мелькнет Кейси.

Не мелькнула. Я достаточно долго ждала. Пора ехать.

Телефон разрядился, и от этого не по себе. Ненавижу, когда нельзя позвонить и узнать, как там Томас.

Дорога пустынна. Падает легкий снежок. Луна желтая и с виду жирная, как сыр. Чем сейчас заняты Томас и миссис Мейхон? Наверное, устроились на диване, смотрят по телевизору что-нибудь рождественское; по крайней мере, надеюсь, что это так. Может, к моему возвращению Томас еще не ляжет спать. Может, я сама пожелаю ему доброй ночи. Тогда чувство вины перед ним будет не так тяжело.

* * *

Ближайшее к двери окно слегка помигивает. Осторожно поворачиваю ключ в замке. Не хочу скрежетать – вдруг Томас уже заснул? Дверь поддается примерно на дюйм – и застревает. Налегая на нее плечом. Дверь приперта изнутри.

В окне появляется круглое встревоженное лицо миссис Мейхон. Ее взгляд устремлен за мою спину – будто она боится «хвоста».

– Мики, это вы?

– Конечно, я. Кто же еще? Что случилось? Где Томас?

– Подождите минутку...

Слышится скрежет – миссис Мейхон двигает по полу что-то тяжелое. Наконец дверь распахивается. Вхожу, озираюсь в поисках сына.

– Где Томас, миссис Мейхон?

– В детской. Он спит. Слава богу, вы вернулись... Вас тут искали.

– Кто?

– Полиция! Примерно час назад приехали, да как зазвонят в звонок! Томас перепугался, бедняжка. Меня чуть удар не хватил. Ну, думаю, всё. Сейчас скажут, что вы погибли. А они: звоним, дескать, мисс Фитцпатрик, а она недоступна. Вот и нагрянули.

– Просто у меня телефон разрядился. Да кто конкретно нагрянул? Фамилии они назвали?

Миссис Мейхон выуживает из кармана визитную карточку. На ней написано: «Детектив Дейвис Нуэн».

- Был еще один. Его фамилию не помню.
- Случайно, не Ди Паоло?
- Точно.
- Что им нужно было? – Говоря, ставлю телефон на подзарядку.
- Ну, мне-то они не сказали! – Миссис Мейхон поджигает губы. –

Просили вас перезвонить.

- Понятно. Спасибо, миссис Мейхон.
- По-моему, это как-то связано с последними событиями.
- А что случилось?

Моя хозяйка кивает на телевизор. Показывают вовсе не рождественское кино. В эфире выпуск новостей. Репортаж с Кумберленд-стрит, пустырь отгорожен полицейской лентой. Падают легкий снежок – такой же, как у нас в Бенсалеми. Внизу экрана надпись – «Рождественское убийство». Журналистка кажется еще бледнее из-за своей лиловой куртки.

– Две недели назад полицейское управление убеждало жителей Филадельфии, будто кенсингтонский убийца вычислен и арестован. Однако сегодняшнее убийство совершено по тому же сценарию, что и предыдущие, – сообщает журналистка.

Миссис Мейхон качает головой, бурчит что-то нечленораздельное. Затем произносит более внятно:

- Бедняжка!
- Имя жертвы назвали?
- Нет. Пока нет. Известно только, что это молодая женщина.
- И всё?
- Почти всё. Обнаружена сегодня в полдень. Говорят, почти сразу после смерти.

Так и стою с телефоном в руке. Жду, когда заряда будет достаточно для звонка.

– Миссис Мейхон, не могли бы вы задержаться еще на минуту, пока я звоню? Вдруг меня вызовут на работу?

- Конечно, Мики. Я и сама хотела.

* * *

Звоню Ди Паоло, а не Нуэну. Ди Паоло я лучше знаю.

Он отвечает сразу же, голос встревоженный. Слышатся посторонние звуки – шум автострады.

- Это Мики Фитцпатрик. Вы меня искали...
- Хорошо, что быстро перезвонили, Мики. Вы где?
- Дома.

– А ваш сын где?

Открываю рот – но вместо ответа сама задаю вопрос:

– При чем тут мой сын?

– Хочу убедиться, что вы оба в безопасности.

– Он дома. Спит уже.

Произношу эти слова – и сама сомневаюсь. А дома ли Томас? Надо убедиться лично.

На цыпочках крадусь к детской, заглядываю.

Да, мой сын спит. По обыкновению, устроил посреди кровати что-то вроде гнезда. Свернулся клубком, вцепился в одеяло. Сонное личико напряжено.

Бесшумно закрываю дверь.

– Послушайте, Мики, – говорит Ди Паоло. – Сейчас я вышлю к вам нашего человека. Он из Девятого отдела Полицейского департамента Филадельфии; новичок. Подежурит в машине под вашими окнами. Не удивляйтесь, когда утром его увидите.

– Да что происходит?

Детектив молчит. В его молчание врывается вой сирены. Ди Паоло откашливается, еще и еще раз.

– Что происходит, Майк?

– Это простая предосторожность, Мики. Возможно, даже ничем не обоснованная. Дело в том, что... Помните, в баре вы упомянули женщину, которая предъявила обвинение полицейскому?

– Конечно. Пола Мулрони ее зовут.

– Звали, Мики. Она мертва.

* * *

Решаем так: миссис Мейхон остается на ночь, спит в моей постели. Я ложусь на диване в гостиной, поближе к двери. Вторженцу, если таковой появится, придется иметь дело со мной.

Вместе безопаснее.

Объясняю миссис Мейхон: мои коллеги тревожатся обо мне как о важном свидетеле, потому и охрану прислали.

– Они перестраховываются, миссис Мейхон. Просто перестраховываются. Посмотрите – разве по мне видно, что дело серьезное?

Впрочем, я лишь храбрюсь, и миссис Мейхон, которая сама храбрится, это отлично понимает. Пока она в ванной, прокрадываюсь к шкафу, беру пистолет.

Уснуть не грозит. Вот зачем ко мне охрану приставили из городского полицейского департамента? Ведь Пола Мулрони обвиняла именно их сотрудника, а Ди Паоло, похоже, считает, что ей просто заткнули рот. Лучше бы приехал кто-нибудь из полиции штата – мне с чужими спокойнее было бы, чем со своими. И ведь недаром Ди Паоло сделал упор на то, что дежурить будет, во-первых, новобранец, а во-вторых, все-таки из другого района. То есть человек, едва ли имеющий знакомых в нашем, Двадцать четвертом отделе.

До четырех утра отслеживаю секундную стрелку стенных часов, смутно различимую в свете уличного фонаря. Свет расплосован, разложен решетчатыми жалюзи. Хорошо бы лечь с Томасом; чувствовать, что он под моей защитой; знать: пока я рядом, ему ничего не грозит. Я и легла бы, да боюсь, разбужу его.

Постепенно мои мысли принимают другой оборот. Пола Мулрони. Ее больше нет. Непоправимость случившегося; та, восемнадцатилетняя Пола, острая на язык, заводная, смешливая, какой она мне до сих пор виделась. Пола, что горой стояла за Кейси, так же как Кейси горой стояла за меня. Мне казалось, Пола и на улице опекает мою сестру, да и всех кенсингтонских отверженных женщин, и было в этом пусть слабое, но утешение. А теперь она мертва.

Вслед за жалостью к этой безвременно оборвавшейся жизни приходит последнее чувство – чувство вины. И оно всего ужаснее. Похоже, офицер, о котором сообщила мне Пола, – действительно из Полицейского департамента Филадельфии; я первой назвала имя Полы сержанту Эйхерну, затем озвучила его Денизе Чемберс, наконец – Ди Паоло. И что из этого вытекает? Правильно: Пола погибла по моей вине. Я навела на нее убийцу.

Зажмуриваюсь. Сжимаю голову ладонями.

«Она просила не называть имени», – сказала я Эйхерну.

«Имя останется между нами», – пообещал тот.

* * *

В утренних новостях имя Полы Мулрони всё еще не названо. И скрывает его, понятно, Полицейский департамент Филадельфии.

Ищу Полу в Интернете. Почти сразу выскакивает страничка «Фейсбука», созданная подругами в ее память.

Оказывается, будет заупокойная месса. В церкви Святого Спасителя, в четверг.

Фото на страничке отсутствуют. Догадываюсь, почему. От догадки

становится тошно.

А на мессу пойду. Обязательно.

* * *

Весь день жду подробностей насчет обстоятельств смерти. Я бы включила телевизор – может, скажут, что кто-то арестован, – да не хочу пугать Томаса. Ловлю новости по радио. В наушниках, чтобы Томас не услышал случайно. Прибираю, закладывая стирку в машинку – наушники на мне. Сын смотрит рождественскую программу, но то и дело спрашивает:

– Мама, что ты слушаешь?

Отвечаю честно:

– Новости.

Полицейский автомобиль с подъездной дорожки убрался, зато мимо дома раскатывает на минимальной скорости другой. Я не в своей тарелке: то вид этого автомобиля внушает мне что-то вроде спокойствия, то кажется угрозой, дурным предзнаменованием. От него, думаю я, опасность еще больше, чем от маньяка. Отслеживаю Томаса, чтобы не приблизился к окну, не заметил автомобиль с мигалкой. Но Томас – наблюдательный и чуткий; он знает – что-то неладно.

Плеер у меня настроен на местную радиостанцию, где работает Лорен Спрайт. Вот кончилась развлекательная передача, и диктор называет ее имя.

Вспоминаю случайную встречу с Лорен в кафе, ее приглашение. Вот это кстати. Позвоню-ка я Лорен. Может, она возьмет Томаса в четверг. Неделя между Рождеством и Новым годом нерабочая, садик Лилы закрыт, сама Лорен будет дома. А я бы спокойно пошла на заупокойную мессу.

Скрывшись в ванной, наговариваю свой план на голосовую почту Лорен. Она перезванивает через минуту.

– Мики, извините, у меня ваш номер не определился, поэтому я не ответила. Конечно, привозите Томаса. Я как раз думала, чем бы занять Лилу. Праздники какие-то затяжные выдались. – Лорен смеется, резко обрывает себя: – Примите мои соболезнования по поводу смерти подруги.

– Спасибо. Вообще-то, она не была мне близкой подругой. Моя сестра с ней очень дружила.

– Все равно. Вы ее хорошо знали. И потом, смерть в раннем возрасте – всегда трагедия.

– Да, это верно.

* * *

Несмотря на то, что имя Полы Мулрони все-таки обнародовали, церковь во время заупокойной мессы полупустая. Прихожу за десять минут до начала. Прежде чем усесться в среднем ряду, по привычке преклоняю колени.

Быть здесь у меня две причины. Во-первых, я должна почтить память погибшей. Не знаю насчет загробной жизни, зато уверена: в жизни земной надо делать что положено. Может, Полу и не потому убили, что я ее имя раскрыла, но я ее предала, с этим не поспоришь. И я здесь, в церкви Святого Спасителя, чтобы отдать Поле последний долг.

Вторая причина – я рассчитываю узнать, подслушать что-нибудь важное о ней, об обстоятельствах ее гибели.

С утра я надела все черное – и брюки, и блузку. Внезапно поняла: выгляжу, как Ба в униформе кейтеринговой компании. Сменила черную блузку на серую. Обошлась без косметики. Волосы собрала в самый непритязательный хвост.

Все первые ряды заняты, все ряды за мной – пусты. Сидя посередине, я будто бы нахожусь на самой последней скамье. Почти все скорбящие знакомы мне либо по патрульной службе (мимо них я проезжаю каждый день), либо по школе. Все – в разных стадиях похмелья. Немногочисленные мужчины держатся кучкой. Один из них кашляет, будто лает; еще один клюет носом. Женщины – их дюжина, – поймав на себе мой взгляд, отворачиваются. Некоторых мне случалось арестовывать.

Сюда нас водили детьми. К приходу Святого Спасителя была приписана и наша начальная школа. Здание церкви – старинное, массивное. В этих стенах безо всяких кондиционеров прохладно в летнюю жару, зимой же – чудовищно холодно, и сегодняшний день – не исключение. Воспоминаний у меня хватает. Здесь, с разницей в два года, я и Кейси получили первое причастие. Причем в одном и том же платье. До сих пор вижу Кейси, наряженную как невеста, степенно шествующую по нефу, старающуюся не сорваться на обычную свою припрыжку.

Сегодня Кейси вполне, вполне может прийти. Уж конечно, она слышала о смерти Полы; возьмет и явится. Но Кейси пока не видно. То и дело оглядываюсь на дверь. Нет, снова не она. Ничего. Еще не поздно.

Начинается заупокойная месса. Патер Стивен – он еще нашу маму отпевал – частит, читает без вдохновения, без должной скорби. Какая тут скорбь! За последние двадцать лет смерти настолько участились, что впору отбарабанить положенное. Заупокойная молитва стала рутиной, с каковым

фактом патер Стивен давно свыкся.

Мать Пола Мулрони, сидящая в первом ряду, по другую сторону нефа, видна мне в профиль. Она в джинсах и кроссовках. Дутую куртку не сняла, будто та служит дополнительным слоем защиты от ужаса произошедшего. Вся скукожилась, локти прижаты к бокам, ладони развернуты к церковному своду. Кажется, эта женщина баюкает скорбь, пытается вспомнить тяжесть теплого младенческого тельца, когда-то удерживаемого этими ладонями. Недоумевает, что сделала неправильно, как упустила дочь.

Фрэн Мулрони, старший брат, произносит надгробную речь – не столько о достоинствах покойной, сколько о ненависти к убийце. «Кто бы это ни совершил», – как заведенный, повторяет Фрэн, трясет головой, намекая: уж я бы выразился, не будь это место свято. Патер Стивен предупреждающе покашливает. Фрэн спохватывается – надо сказать и о сестре. Но получается новая гневная речь – как сестра дошла до такого состояния и кто виноват. Фрэн вспоминает ее чувство юмора, говорит, что малышкой она была просто прелесть. Снова заводится: «Не знаю, как это случилось»; «Ей следовало быть осмотрительнее, думать, с кем связывается». Это говорит человек, который подсадил на колеса всех, до кого сумел добраться.

* * *

Церемония закончена. За причастием выстраивается очередь. Первыми стоят Фрэн с матерью и какой-то пожилой мужчина, возможно дед Пола.

Кейси так и не пришла.

Проскальзываю в боковой неф, останавливаюсь сразу за группой женщин, слишком хорошо знакомых мне по патрульной службе. Все они – подруги Пола, а следовательно, и моей сестры.

Утыкаюсь в смартфон. Если на меня оглянутся – пусть не думают, что я пришла выслеживать да вынюхивать. Конечно, эти женщины – по крайней мере, многие из них – узнали меня, хоть я и в штатском. Они тихо переговариваются; мне слышны лишь отдельные слова, особенно часто мелькает характеристика «этот выродок».

Сначала я подумала – речь о Фрэне Мулрони. Женщины косились в его сторону, вот я и составила такое мнение. Но прозвучало слово «легалый», сообщив разговору совсем иную окраску. Затем кто-то произнес «оборотень, мать его так». Затем процедили «поручитель хренов». Мне видны только затылки говорящих, но женщины наклоняются друг к другу, и тогда удается поймать выражение лиц – уголок поджатых губ, злой

прищур.

Внезапно та, что возглавляет группу, обернувшись к подруге, замечает мой взгляд. Она цепенеет, шипит:

– Тихо! Тут легавая!

Теперь на меня таращатся все четверо. Опускаю глаза, смотрю на экранчик смартфона, боковым зрением вижу: трюк не удался, я привлекла внимание. Так просто не отделаюсь.

Ближайшая ко мне женщина в лиловых джинсах мала ростом, коренаста. Явно не слабачка. Она тычет в меня пальцем – почти касается солнечного сплетения. Делать нечего – поднимаю взгляд.

– Ну ты и сука. Это ж до того обнаглеть – на отпевание припереться!

Волосы у нее кое-как собраны в низкий хвост, приглажены, прилизаны. Возможно, простой водой смочены. Длинные серьги цепляются за воротник.

– Что вы сказали?

– Сказала, что таких наглых тварей еще поискать.

Остальные, как по команде сунув руки в карманы и выдвинув подбородки, начинают на меня надвигаться.

– Канай отсюда, – велит женщина в лиловых джинсах.

– Не понимаю, в чем дело.

– Тупая, что ли?

Изо всех нелицеприятных характеристик именно «тупую» я не терплю от слова «совсем».

Женщина в лиловых джинсах прищелкивает пальцами перед моим нахмуренным лицом.

– Алё! Ты! Слышишь? Канай, говорю, отсюда. Для тупых поясняю: проваливай. Домой топай.

Некое движение за спинами моих обидчиц. Кто-то вошел, кто-то пробирается против течения толпы.

Не сразу узнаю эту женщину.

Волосы у нее светло-каштановые – то есть оттенок максимально приближен к естественному, который мне помнится с детства. Лицо бледное. Очки. Раньше она очков не носила.

Кейси. Моя сестра.

* * *

Как странно – Кейси выглядит одновременно и здоровой, и измочаленной. Куртка на ней расстегнута – не сходится на объемном животе. Видны белая рубашка и серые тренировочные штаны. Наверное,

единственные, которые она сейчас может надеть. Кейси пристраивается в конец очереди за причастием.

Женщина в лиловых джинсах оглядывается на подруг, и вот уже две из них, не сговариваясь, шагают ко мне, хватают под локти.

– Не вздумай шум поднимать, – шипят мне в ухо. – Имей уважение. Похороны, как-никак.

Включаются приемы самозащиты, усвоенные в полицейской академии. Выворачиваюсь, и от моего резкого движения одна женщина оказывается на четвереньках, а другая сама отшатывается, выпустив мой локоть, но упрямо цедит:

– Э, нет! Она еще кое-что сделала!

Принимаю боевую стойку.

– Вы чего-то недопоняли. Перепутали меня с кем-то.

И тут Кейси подставляет плечо. В прямом смысле.

– Эй! Из-за чего сыр-бор?

На меня она не глядит – только на этих четверых.

– Эта сучка руки распускает! – отзывается женщина, которую я поставила на колени. Забыла, наверное, кто первый руки распустил.

Кейси по-прежнему избегает смотреть мне в лицо.

– Она сейчас извинится. Мики, извинись.

– Еще чего не хватало... – завожу я, но Кейси пребольно пихает меня локтем под ребро.

– Извиняйся, Мики. Делай, как я говорю.

– Извините, – выдавливаю я.

Женщина в лиловых джинсах пристально глядит на мой лоб – можно подумать, на нем мишень нарисована. Затем оборачивается к Кейси. Качает головой.

– Против тебя, Кейси, мы ничего не имеем. Сестра есть сестра, это ж ясно. Только вот что я тебе скажу: не расслабляйся. Спинай к этому оборотню не стой.

Кейси переводит взгляд с меня на нее и обратно. Вдруг, словно в ее мозгу встала со щелчком на место последняя деталька пазла, показывает женщине в лиловых джинсах средний палец, а меня грубовато обнимает за плечи и тащит к выходу, мимо матери и брата Полы, явно смущенных. Вот так же вела себя Кейси в детстве. Так же вставала на мою защиту; казалось, даже ждала, даже хотела, чтоб меня обидели.

Под хоровое «Бу!» выбираемся из церкви.

Напоследок та, в лиловых джинсах, снова советует Кейси не стоять спиной к «этому оборотню» – ко мне то бишь.

Кейси молчит, однако вместе со мной идет к машине. Дыхание у нее прерывистое.

Не представляю, как начать разговор.

– Спасибо, – выдавливаю я.

– Сдалось мне твое «спасибо», – сестра фыркает.

Мы уже у машины. Надо решаться – либо продолжать, либо ехать восвояси.

Впервые Кейси встречает мой взгляд.

– Папа сказал, ты меня искала. Нарочно за мной приехала.

– Вовсе нет.

Хочу добавить – «больно надо».

Но выдаю совсем другое:

– Я беспокоилась.

Кейси складывает руки на груди. Точнее, на животе.

– Мики, – произносит она после долгой паузы. – А что это там, в церкви, было? Оборотень-чмоборотень – о чем девчонки говорили?

– Понятия не имею.

– Точно? А если подумать как следует?

Сглатываю. Если подумать – речь шла о Поле Мулрони. О том, как я посоветовала ей написать заявление. О том, что она ответила. «Мне только заявы и не хватало. Чтоб у каждого легавого в черном списке очутиться».

– Нет, Кейси. Я правда не знаю, что они имели в виду.

Кейси кивает, не сводя с меня взгляда.

– Я тебе верю, Мик.

На предложение подвезти ее Кейси отвечает:

– Спасибо, не надо. Я на папиной машине. Он дома ждет.

Оставляю ее, уезжаю – раздавленная, с тошнотворной болью в животе.

* * *

Пора забирать Томаса. Еду в Нортен-Либертиз. Лорен приглашает меня в дом. Просторное, современное жилище с видом на парк, о котором во времена моего детства шла дурная слава. В котором кишели хулиганы. Да что парк – тогда весь район был ужасен.

Кухня на первом этаже оборудована словно для съемок кулинарного шоу и снабжена скользящими стеклянными дверьми, ведущими в патио. Там, в патио, – живая елка в ярко-белых крохотных лампочках. Никогда не видела, чтобы елку наряжали во внутреннем дворике. Мне нравится.

– Дети на втором этаже, Мики. Что вам предложить? Кофе будете?

– Да, спасибо.

Меня все еще потряхивает после инцидента. Вдобавок, когда держишь что-то маленькое и теплое – например, кофейную чашку, – разговор лучше клеится.

– Как прошли похороны? – интересуется Лорен.

Отвечаю не сразу.

– Да как-то не по-людски.

– В смысле?

Она насыпала молотый кофе в стеклянный цилиндрический сосуд и залила горячей водой. Сверху приклепнула крышку с отверстием для пара. Никогда не видела, чтобы кофе готовили таким способом. Вопросов, однако, не задаю.

– Это долгая история, Лорен.

– А я не тороплюсь.

Наверху что-то уронили, выждали паузу, захихикали.

– Ну, так в чем там дело? – мягко давит Лорен Спрайт.

Рассказать или нет? Очень, очень это заманчиво – сбросить бремя прямо здесь, в стильной кухне, перед внимательной и благополучной Лорен Спрайт. У людей ее круга вся жизнь рассчитана поэтапно, всё под контролем. «А ведь и я могла бы так жить», – попискивает во мне какой-то почти чужой голосишко. Иметь совсем другую работу, совсем другой дом – да *все* другое. Мы с Саймоном в начале отношений мечтали: вот встанет Габриэль на ноги – будем вместе строить новую жизнь. Почему бы не озвучить сейчас мои давние планы? Почему не сообщить, как хорошо я успевала в школе? Не излить душу в подготовленный сосуд? Лорен Спрайт улыбается, лицо открытое – дескать, жду. Самое имя ее искрится детским оптимизмом.

Воздерживаюсь от исповеди. Писклявый чужак во мне заглушен голосом Ба, ее коронной фразой: «Гусь свинье не товарищ». Ба никогда не уточняла, кто гусь, а кто свинья, но насчет Лорен Спрайт и себя я совершенно уверена – мы из разных стай. Сколь бы ни заблуждалась Ба в других вопросах, насчет гусей со свиньями я ее мнение разделяю – сейчас, пожалуй, больше, чем когда-либо.

* * *

Я дома, Томас уже спит.

Раздается телефонный звонок.

На экранчике высвечено «Дэн Фитцпатрик». Рука не поднялась, сохраняя номер, написать «Папа». Не созрела я пока до этого.

Жму «Ответить».

– Слушаю.

Молчание. Затем – вздох. Знакомый. Но не отцовский.

– Кейси, ты?

– Привет.

– Что-то случилось?

– Да. – Следует пауза. – Есть информация. Можешь не верить, но хотя бы выслушай.

– Конечно.

– Ты мне в последнее время не верила, – тянет Кейси.

Закрываю глаза.

– Так вот, Мики. Сегодня я поспрашивала своих. Позвонила кое-кому. Насчет этого обвинения. Про оборотня.

– Дальше.

Снова молчание.

– Ты с Труменом Дейвсом, да?

– В каком смысле?

Вот уж чье имя не ожидала услышать, да еще в таком контексте. С ужасом думаю: а ведь и правда, вестей от Трумена не было с того неудачного поцелуя. Он не звонил, и я не звонила – стыдилась. Я даже думать о нем избегала.

– В смысле, сейчас, – объясняет Кейси. – Ты с ним в одной машине? Или в одной комнате?

– Нет, я дома.

Кейси умолкает.

– Да при чем здесь Трумен, Кейси?

– Притом, что наши *на него* думают. Ну, что это он убил Полу и остальных девчонок. А ты всё знала.

* * *

Протестует каждая клеточка моего организма. Быть не может. Ложь. Бред. Наветы.

Трумена я десять лет знаю. Он безупречен. Кенсингтонские женщины ошибаются.

Открываю и закрываю рот, словно рыба. Воздуха не хватает.

В трубке слышно, как тяжело дышит Кейси. Ждет моей реакции. По длине паузы судит о степени моего доверия.

Один раз я уже усомнилась. Слова Саймона приняла за чистую монету, а сестру обвинила во лжи. Чудовищная ошибка. Я тогда сказала «нет» – и наши жизни изменились, пути разошлись.

Вот почему теперь я произношу другое слово:

– Спасибо.

– За что?

– За информацию.

И жму «Отбой».

* * *

Я потрясена, сбита с толку. Надо бы верить сестре – а не получается. Интуиция не дает. Единственный выход – принять обвинение Кейси за теорию, которая может быть подтверждена – или опровергнута – только посредством реальных улик.

Уже через минуту я отчаянно стучусь к миссис Мейхон. Сама не помню, как сбежала по лестнице, как очутилась у нее на крыльце. Впрочем, успела надеть куртку и прихватить сумочку.

– Все ясно, – с порога объявляет миссис Мейхон. – Поезжайте по своим делам, я побуду с Томасом. Поспать и у вас могу.

– Мне ужасно неудобно, миссис Мейхон... Извините. Я заплачу.

– Мики, с тех пор, как умер мой Патрик, я себя такой нужной еще не чувствовала.

– Спасибо вам. Спасибо. Спасибо.

Внутренне съежившись от отвращения к себе, прошу еще об одном. Господи, во всю жизнь столько не просила!

– Миссис Мейхон, можно взять вашу машину?

Она смеется.

– Конечно, Мики! Что вам надо – всё берите.

Выносит ключи, в обмен получает мои.

– Моя «Киа» быстро берет разгон, Мики.

Повторяю «спасибо», от которого миссис Мейхон отмахивается.

Она идет за мной вверх по лестнице, усаживается на мой диван, достает книжку.

Мчусь к шкафу, где на верхней полке хранится маленький сейф. В нем – пистолет. «Глок» с пятидюймовой рукоятью. На работе выдали. До сегодняшнего дня не имела нужды его использовать. Сейчас мне требуется что-то более компактное, могущее быть спрятанным в кармане или за пазухой.

Но компактного ничего нет. Придется надеть ремень, прицепить к нему громоздкий «Глок». Ладно, у меня куртка достаточно длинная и просторная – пистолета под ней будет не видно. И все равно – ощущение, что он выпирает.

* * *

Миссис Мейхон подняла взгляд над книгой, смотрит вопросительно.

– Пожалуйста, никому дверь не открывайте, – предупреждаю я.

– Конечно. Я никогда никому не открываю.

– В том числе и полиции.

Впервые за все время миссис Мейхон, кажется, встревожилась.

– Да что происходит, Мики?

– Это-то я как раз и хочу выяснить.

* * *

Резко газую, срываюсь с места. «Киа» миссис Мейхон визжит шинами. Разгон у нее и впрямь что надо. А вот мне не мешает помнить: я не на дежурстве и не в своем внедорожнике. Не хватало, чтобы меня задержали патрульные. Снижаю скорость до приемлемой.

Дорога в это время пустынна. Добираюсь до Маунт-Эйри всего за

тридцать минут.

Останавливаюсь на улице, в половине квартала от дома Трумена. Осторожно вылезаю из машины, стараюсь потише закрыть дверь.

Одиннадцать вечера. В большинстве домов окна уже погасли, а Труменово – светится. Различаю стеллажи с многочисленными книжными томами. Самого Трумена не видно.

Крадучись, поднимаюсь на крыльцо, становлюсь на цыпочки, заглядываю в окно. Трумен читает на диване, его мама дремлет в кресле.

Вглядываюсь в лицо своего бывшего напарника. Похоже, он поглощен чтением. Разумеется, названия книги никак не разобрать. Трумен удобно расположился на диване, вытянул босые ноги. Одной ногой почесывает другую.

Вот он что-то сказал маме. Наверное, предлагает ей переместиться в спальню, в постель.

Внезапно его взгляд скользит к окну. Целое мгновение кажется: Трумен смотрит на меня в упор. Отшатываюсь, вжимаюсь в стену. Жду. Дверь не открывается, Трумен не выходит. Понемногу успокаиваюсь.

Почти сползаю с крыльца, на полусогнутых спешу к машине.

Из машины наблюдать за домом безопаснее.

Проходит пять минут. Десять минут. Наконец Трумен встает с дивана. Вот его силуэт в освещенном окне. Трумен пересекает гостиную. Отмечаю, что он всё еще прихрамывает.

И вдруг, сам собой, в моем мозгу возникает вопрос: чем было вызвано то нападение? По версии Трумена – в которую все как-то очень легко поверили, – колено ему искалечил обычный хулиган. Но теперь я думаю: а вдруг у нападавшего имелся мотив?

Вопросы множатся. Правду ли сказал Трумен о том, как ходил домой к Доку? По его словам, он был у Дока дважды. Но где доказательства? Оба раза я просто верила Трумену на слово.

Свет в гостиной гаснет.

Последнему подозрению сопутствует тошнота. Потому что от него, от подозрения, не отмахнешься. Именно Трумен первым заронил в меня мысль, будто убийцей вполне может быть Саймон. Тогда, в промерзшем дворе, Трумен предложил вести расследование вместе. А потом вынудил вывернуть душу перед Майком Ди Паоло. Не опроверг Ди Паоло, который счел меня женщиной на грани срыва.

Холодает. Из рта вырывается пар. Включаю и снова выключаю отопление. Самой бы не отключиться. Вот что мне нужно – радио!

Мой план: ждать, пока Трумен Дейвс выйдет из дома. И следовать за

ним – как, по его совету, следовала за Саймоном.

* * *

В семь тридцать просыпаюсь, будто от толчка.

Замерзла ужасно – ни рук, ни ног не чую. Растираю ладони, ерзаю на сиденье, потягиваюсь, насколько позволяют размеры салона. Включаю зажигание – пусть машина прогреется.

С радостью отмечаю, что Труменов автомобиль на месте.

Я наконец согрелась. Можно выключить отопление.

Проверяю телефон. Ни сообщений, ни звонков.

Так, скоро меня начнет мучить утренний голод. Хуже того – понадобится в туалет. Смотрю на Труменовы окна, на дверь. Прикидываю.

Совсем рядом есть фастфудная забегаловка. Если поеду – рискую упустить Трумена. Если не поеду – как выдержу долгий день, который, возможно, мне предстоит?

Решаюсь. Чуть резче, чем следует, газую, тороплюсь к фастфуднице.

* * *

Возвращаюсь. Еще и восьми нет, зато мочевой пузырь опорожнен, с собой вода, кофе, упакованный завтрак. Машина Трумена выруливает с подъездной дорожки. Сейчас он проедет мимо «Киа» и увидит меня. Но Трумен катит в противоположном направлении. Выждав несколько секунд, следую за ним.

«Киа» миссис Мейхон – незапоминающегося белого цвета. Никаких ассоциаций у Трумена вызвать не должна. Жаль, что я не училась работать под прикрытием. Приходится полагаться на чутье. Держать дистанцию – между нами всегда пара машин; молиться, чтобы Трумен застрял на том же светофоре, что и я, а не проскочил, не оторвался. Самой лететь на красный, под отчаянный вой клаксона – другие участники дорожного движения возмущены. Я только и могу, что сказать «извините» – может, прочтут по губам.

Трумен едет по Джермантаун-авеню, забирает на юго-восток. Понятно: все дороги ведут в Кенсингтон. Я не удивлена. Только в груди набухает чувство страха.

Потому что я не хочу знать правду.

Остановок Трумен не делает. Катит на малой скорости, будто время тянет. Изрядных усилий мне стоит тащиться вслед за ним. Помню, Трумен надо мной подтрунивал: носишься, говорил, с дьявольской скоростью, и ладно бы по вызову, а то постоянно.

На Аллегейни он поворачивает направо, едет на восток. Внезапно тормозит, не достигнув Кенсингтон-авеню.

Проскакиваю его машину, останавливаюсь чуть впереди. Наблюдаю за Труменом в зеркало заднего вида, в боковые зеркала.

Вот он вышел из машины.

Вот медленно – возможно, из-за колена – направился к перекрестку, вот свернул на Кенсингтон-авеню.

Лишь когда Трумен скрывается за поворотом, я выскакиваю из машины и бегу следом. Не хочу его упустить.

Слава богу, вот он, маячит передо мной. Правда, теперь я слишком к нему приблизилась. Куртка у меня с капюшоном; это кстати. Надеваю капюшон, вжимаюсь в стену – пусть Трумен пройдет несколько шагов, пусть расстояние не будет подозрительно малым. А то меня засекут.

Трумен двигается по Аве. Между нами футов сто. Сворачивает налево, открывает дверь забегаловки. Прежде чем войти, косится по сторонам. Исчезает за дверью. И я наконец-то понимаю, ГДЕ мы находимся, КУДА вошел Трумен.

* * *

Витрина заведения мистера Райта не претерпела никаких изменений. Сбоку по-прежнему торчит вывеска «Товары». А вот и они сами: пластиковые куклы пучат мертвые глаза. Тарелки, кастрюли, ложки и вилки пылятся на тех же полках. Витрина настолько перегружена, что не видно происходящего в магазине. Ну и что мне делать?

Войти? Засвечусь раньше времени. Трумен живо сочинит причину, почему его занесло в Кенсингтон. Ждать, пока он выйдет? Провороню что-нибудь важное – сделку, а то и перевоплощение.

Ладно, выжду ровно десять минут. Если Трумен не появится – сама пойду за ним.

На тридцать футов отдаляюсь от двери, смотрю на смартфон – который час? Прячу смартфон обратно в карман. Время пошло.

* * *

Трумен появляется минуты через четыре, со здоровенным черным чемоданом на колесиках.

По тому, как он его везет, ясно: в чемодане что-то тяжелое.

Теперь Трумен забирает к югу. Следую за ним. Он сворачивает на Кэмбрия-стрит, проходит еще несколько сотен футов и скрывается в аллее. На малых улицах, каковой является Кэмбрия-стрит, пешеходов

практически нет. В любой момент Трумен может оглянуться и увидеть меня. Крадусь на цыпочках, чтобы он хоть шороха шагов не уловил.

Ох, упустила-таки... Вдруг слышится стук закрывающейся двери.

Впереди – всего шесть домов, причем два из них – коробки без крыш. Остальные четыре – целые, но явно заброшенные.

Держусь ближе к стенам, готовая, если что, нырнуть в зловонную пустоту бывшего жилья. Напрягаю слух. Может, различу какие-то намеки на деятельность Трумена в этих заколочос. Но слышно только мое собственное тяжелое дыхание да биение крови в висках. Доносится шум транспорта с Аве; вот прогрохотала электричка.

Двигаюсь дальше. Заглядываю в щели меж фанерками, которыми забиты оконные проемы. В первых двух домах ничего не видно. В третьем – некое движение, тень, скользнувшая по комнате. Приставляю ладони к вискам, чтобы затемнить остальной мир, чтобы тьма в заколочос не была столь глухой.

Нет, всё замерло.

Вдруг раздается голос. Принадлежащий Трумену. Тихо, очень тихо он говорит с человеком, лежащим на полу. Слов, конечно, не разобрать. Трумен наклоняется, мне теперь его не видно. Мне не видно, чем он занят.

Думаю о Кейси. Обо всем, что она пережила на этих улицах за десять лет. Думаю о Поле Мулрони. Рука сама собой вытаскивает пистолет, нога толкает незапертую дверь.

Вжимаюсь в притолоку на случай выстрела. Так меня учили. Чтобы не торчать в дверном проеме, не быть легкой мишенью.

Глаза, как всегда слишком медленно, адаптируются к темноте. Трумен вскидывает взгляд.

– Не двигайся, – командую я, целясь ему в грудь. – Ни с места. Руки за голову.

Он повинуется.

Озираюсь по сторонам. На полу – женщина. Деталей внешности не видно. Видно только, что она лежит между Труменовых ног.

А чуть поодаль – закрытый чемодан.

Не опуская пистолета, начинаю допрос.

– Это кто?

– Мики! – узнает меня Трумен.

– Кто на полу? Она ранена? Отвечай!

Голос дрожит, словно я не требую ответа, а молю о нем.

– Какого черта тебе здесь понадобилось, Мики? – тихо, устало спрашивает Трумен.

– Не твое дело! Заткнись!

– Пушку опусти. Слышишь, Мики?

Еще чего. Стволom указываю на чемодан.

– Что в чемодане? Ну?

– Сейчас покажу. Открою и покажу.

Лежащая за это время даже не шевельнулась. Трумен на четвереньках подползает к чемодану.

– Я только сотовый возьму, ладно, Мики?

Медленно, очень медленно он выуживает телефон из нагрудного кармана, жмет на кнопку. Экранчик вспыхивает, Трумен направляет луч на чемодан, расстегивает «молнию», поднимает крышку.

Мне не видно, что там внутри. Делаю два шага, заглядываю.

Фуфайки, перчатки, шапки, шерстяные носки. Гелевые обогреватели для рук и для ног – тепла хватает часов на восемь-десять. Энергетические батончики. Шоколадки. Бутилированная вода. И, наконец, в отдельном сетчатом кармане – около дюжины доз назального спрея «Наркан».

– Ничего не понимаю, – мямлю я.

Боковым зрением вижу: фигура на полу подает признаки жизни. Отскакиваю, снова направляю пистолет на Трумена.

– Он еще в сознании, – поясняет тот. – Но медлить нельзя.

– Он? Кто – он?

– Картер. По крайней мере, так он представился.

Приближаюсь медленно – меня удерживает стыд. И впрямь, никакая это не женщина. Это юноша-афроамериканец. На вид ему лет шестнадцать-семнадцать. Возраст Кейси, когда я впервые увидела ее в таком состоянии. Юноша истощен; судя по одежде, косит под панка. Веки подведены черным карандашом. Старается выглядеть старше, но его выдает мальчишеская тщедушность.

Вот только что шевелился – а теперь лежит как мертвый

– О нет!

Трумен не реагирует на мой возглас.

– Нет! – повторяю я.

– Ну что – сама его ширнешь или лучше я? – спрашивает Трумен, кивая на чемодан с назальным спреем.

* * *

Долго ждем «Скорую».

Картеру гораздо лучше. Он сидит на земле, размазывает слезы по щекам, скулит:

– Не поеду в больницу! Мне идти надо!

Рукава свитера длинные, закрывают пальцы. Картер еще и удерживает их, тянет вниз. Пытаюсь погладить его по плечу – он сбрасывает мою ладонь.

– А ну-ка полегче, – командует Трумен, и Картер сникает, покорный.

Трумен держится в сторонке, избегает глядеть на меня.

Несколько моих попыток попросить прощения – за сегодняшнее, за то, что было в баре «Герцог», вообще за все – терпят крах. Открываю и закрываю рот, не нахожу слов. Наконец выдавливаю:

– Что ты здесь делал?

Трумен отвечает не сразу. Будто прикидывает: заслуживаю я объяснений или не заслуживаю.

Потом выясняется: уже довольно давно он помогает мистеру Райту. Как только выдается свободный день – едет в Кенсингтон, заскакивает в «Товары», где для него Райтом уже собран чемодан, и бродит по району, выискивая бедолаг, которым может понадобится еда, вода, теплая одежда. Или «Наркан». Сам мистер Райт десять лет этим занимался – с тех самых пор, как умерли его сыновья. А сейчас он стал старый, ему трудно – вот Трумен и принял вахту.

– Это очень благородно, – мямлю я. Сама себе внушаю: извинись, Мики! Извинись!

От извинений меня удерживает новая мысль.

Упавшим голосом начинаю:

– Тот тип, с бейсбольной битой...

– Ну?

– Он ведь не просто так на тебя набросился?

Трумен отводит глаза.

– Не просто. Тут отдельным персонажам мои занятия не по нутру.

– То есть ты этого человека раньше видел?

– За пару дней до инцидента я заступился за его подругу. Когда он ее дубасил.

– Почему же ты мне не сказал?

В глазах Трумена досада.

– Как, интересно, я бы стал объясняться, Мики? Чего меня к заколочос понесло в нерабочее время? Кто бы мне поверил – ты? Или начальство?

Ответить нечего.

Отворачиваюсь.

– Ну? – произносит Трумен.

– Что – ну?

– Твоя очередь.

Его губы поджаты. В голосе ни намека на теплоту.

– Я за тобой следила, – упавшим голосом отвечаю я.

Запираться бесполезно, Трумен не дурак; да и сил нет на вранье. Не могу поднять взгляд – изучаю трещины на асфальте, изучаю сорную траву, что проросла сквозь них.

– Зачем? – еле слышно спрашивает он.

Выдыхаю.

– Мне сказали, что это ты. Ну, тот самый полицейский.

– Кто именно сказал?

– Подруги Кейси.

– И ты им поверила.

– Нет.

Трумен выдает сухой смешок.

– Не поверила – а все-таки вела меня.

Молчу. Продолжаю таращиться на сорняки.

– Это оказалось несчастное совпадение, – начинаю я, но Трумен перебивает:

– Мики, почему ты так говоришь? Почему?

Интересный вопрос. Требует обдумывания. Мисс Пауэлл внушала: люди часто судят по тому, как строишь фразы. И еще по акценту. Это несправедливо, конечно – только факт остается фактом. «Спросите себя, ребята, – говорила мисс Пауэлл, – какими вам хочется казаться?»

– У меня была учительница, – лепечу я.

– Знаю. Слышал. Мисс Пауэлл, – прерывает Трумен. И добавляет: – Мики, тебе уже тридцать три.

– И что?

Он молчит.

– И что с того? – Вскидываю голову и только теперь вижу: Трумена рядом нет. Оборачиваюсь направо, утыкаюсь взглядом в его спину. Мелькает пятка. Трумен скрылся за углом.

* * *

Спохватываюсь: давно телефон не проверяла.

Три пропущенных звонка.

Все – с моего домашнего телефона.

Вдобавок голосовое сообщение.

Не прослушиваю его. Сразу звоню домой:

– Это Мики, миссис Мейхон. Как вы? Как Томас?

- Всё в порядке. Только Томасу нездоровится.
- Что с ним?
- Его стошнило.
- Господи!.. Мне так неловко, миссис Мейхон.
- Ничего страшного. Не зря же я училась на медсестру. Пригодились навыки. Томасу сейчас лучше. Вон, крекерами хрустит... Пожалуй, заскочите в аптеку, возьмите ему «Регидрона» пару пакетиков.
- Да. Буду через сорок пять минут.

* * *

- С дороги звоню отцу.
- Позови, пожалуйста, Кейси.
- Не проходит и секунды, как сестра произносит:
- Не отключайся. Я сейчас.
- Слышу, как она шлепает по полу, идет куда-то. Наверное, в другую комнату, чтобы поговорить без свидетелей.
- Хлопок закрываемой двери, команда Кейси:
- Выкладывай.
- Быстро излагаю все, что случилось со мной нынче утром. Подытоживаю:
- Едва ли это Трумен, что бы там твои подруги ни говорили.
- Кейси молча переваривает информацию.
- Зачем им врать? Сама подумай, Мик. Зачем девчонкам врать про такое? Бред.
- И тут меня осеняет. Возвращается подзабытое ощущение: деталька пазла уже найдена, и место ей найдено. Осталось ее подогнать.
- Кейси, что конкретно они говорили? Как именно выразились?
 - Да что я, помню, что ли?
 - А ты постарайся вспомнить.
- Кейси нетерпеливо выдыхает.
- «В Кенсингтоне все знают про напарника твоей сестры. По-твоему, она сама не в курсе, да?» Вот что-то типа этого.
- Я настолько потрясена, что слова вымолвить не могу.
- Ну, и чего ты замолчала? – спрашивает Кейси.
 - Мы с весны вдвоем не патрулировали – я и Трумен.
 - Seriously? А с кем ты теперь?

* * *

Слава богу, что Эдди Лафферти столько о себе выболтал; слава богу,

что я умудрилась удержать в памяти эти гигабайты сведений!

Мы были напарниками всего месяц, и все это время я в основном слушала разглагольствования Эдди.

Но вот что подозрительно: уже давно сам он куда-то пропал.

Взмолившись к Эйхерну («Избавьте меня от напарника, я лучше одна буду!»), я всячески избегала Эдди. А теперь я вообще отстранена, то есть выключена из жизни Двадцать четвертого отдела.

Обсудить бы это с Труменом... Нет, нельзя – после сегодняшнего.

Зато можно назвать сестре имя Эдди Лафферти. Что я и делаю.

Кейси долго молчит.

– Что-то знакомое, – наконец выдает она. – Вроде я слышала это имя... Секунду подожди, Мики!

Но не успеваю я ответить, как Кейси отключается.

* * *

Томас лежит на диване, рядом с ним, на столике – стакан воды. По телевизору идет его любимая передача. Мой сын бледен, но в остальном выглядит здоровым.

– Меня вырвало, – объявляет он.

– Знаю.

Трогаю его лоб. Температуры нет.

– Сколько раз тебя стошнило?

Он вскидывает ручонку. Все пять пальчиков растопырены. Гордится, что ли?

Подумав, растопыривает пальцы и на другой руке. Десять раз, получается?

С порога миссис Мейхон чуть качает головой.

– Ему гораздо лучше, Мики. Верно ведь, Томас? Тебе лучше?

– Не лучше, – бурчит мой сын. Во взгляде, обращенном ко мне, – испуг. – Меня и сейчас тошнит, мама.

Миссис Мейхон открывает рот – и снова закрывает, без пояснений. Затем удаляется.

Следую за ней в свою спальню.

– Не хочу вмешиваться, да придется, – шепчет миссис Мейхон. – Томас очень беспокоится о вас, Мики.

– В смысле?

Она колеблется.

– По-моему, всё с ним в порядке. Ну да, его действительно малость стошнило. Рано утром. Но с тех пор он усиленно притворяется. Бегает в

ванную, включает кран, производит рыгающие звуки, спускает воду в унитазе. Выходит и сообщает, что его стошнило. Верный признак, что ребенку недостает внимания.

– Я же с ним всю неделю была. Всю неделю, до вчерашнего дня!

– Дети обладают мощной интуицией, Мики. Томас отлично понимает: есть проблемы. Возможно, уверен, что вам грозит опасность.

– Ха.

– Только не подумайте: он не лгун. Он у вас очень славный. Вежливый.

– Спасибо.

Миссис Мейхон улыбается.

– Ладно, пойду. Оставляю мать наедине с сыном.

– Спасибо, – повторяю я.

* * *

По совету миссис Мейхон весь день провожу с сыном, причем на диване. Благодарный Томас буквально вцепился в меня. Жду – и не дожидаясь – звонка от Кейси.

Наконец он засыпает в моих объятиях. Не выпускаю его, наоборот – прижимаю еще крепче. Как бинт к ране. Лишь во сне маленькое тельце расслабилось, обмякло. Теперь уже я в него вцепляюсь. Надо бы встать, навести справки о Лафферти, сделать несколько звонков, прибраться в доме... Но, зачарованная совершенством детского личика, потрясенная сходством его с лицом Кейси, я смотрю, смотрю неотрывно – и не двигаюсь с места.

Внезапно Томас пробуждается.

– Не уходи, мама!

– Не уйду. Честное слово.

* * *

В девять часов отчетливо слышится шорох автомобильных шин. Едва ли это миссис Мейхон вздумала поехать из дому на ночь глядя. И, уж конечно, сама я гостей не жду.

Вскакиваю, выключаю свет. Остается только фонарь снаружи, над лестницей. Лучше видеть, кого это принесло. И надо закрыться дополнительно – на цепочку.

Томас – на диване, даже пледом не укрытый. Хватаю его в охапку, тащу в детскую, укладываю, подтыкаю одеяло. Бесшумно закрываю дверь.

Незачем чужим глядеть на моего сына.

Оцепеневшая, прислушиваюсь к внешним шумам. Вот снаружи

заскрипели деревянные ступени. Шаг тяжелый. Некто добрался до двери, остановился.

Почему-то не стучится.

Жаль, что оружие не при мне. Надо прокрасться к шкафу, достать «Глок». Вместо этого на четвереньках ползу к двери, приподнимаю занавеску.

На пороге стоит Кейси.

Отмыкаю и распахиваю дверь. Ледяной воздух отвешивает мне оплеуху. Шепотом спрашиваю:

– Что ты здесь делаешь?

– Приехала кое-что тебе показать. Это до утра не терпит.

Вся как деревянная, делаю шаг в сторону, пропускаю сестру, щелкаю выключателем. Она осматривается. Хвалит:

– Уютно у тебя.

– Что есть, то есть.

Некоторое время молчим.

– Как ты меня нашла?

– Папа дал адрес.

– Ты ему рассказала? Про всё?

Кейси кивает с серьезным видом.

– Вот именно, что про всё. Когда завязываешь, надо быть честной. Только начни привирать или утаивать, и... – Она складывает ладонь самолетиком, изображает крутое пике. – Можно, Мик, я папе позвоню? Я обещала позвонить, когда доберусь.

Завершив звонок, Кейси спрашивает:

– Лэптоп у тебя есть?

* * *

Сидим в моей спальне, на кровати, бок о бок. Кейси держит лэптоп.

А хорошо она в Сети ориентируется, я так не умею. Открывает «Фейсбук», задает в поиске имя «Эдди Лафферти».

Смотрим на экран. Вылезло целых семь Эдвардов Лафферти; один из них, похоже, наш. Вот он – в темных очках, с бритой непокрытой головой. Склабится. Держит на поводке собаку – питбуля-полукровку. Припоминаю: Эдди действительно упоминал о питбуле.

Прежде чем я успеваю сказать: «Вот он», Кейси тычет в экран пальцем:

– Вон он.

Сказано с утвердительной интонацией.

Киваю. Это действительно Лафферти.

– Приятель Коннора, – сообщает Кейси. – Я его лично знаю.

Коннор. Не сразу догадываюсь, что за Коннор такой.

– Док, в смысле? – спрашиваю, не подумавши.

– А ты откуда прозвище знаешь?

– Имела несчастье столкнуться с этим твоим Доком, когда тебя искала.

Кейси серьезнеет.

– Понимаю. Он непростой человек.

– Непростой?.. Что ж, можно и так выразиться.

Кейси вздрагивает, замирает на кровати, прижимает ладони к животу. Едва слышно ахает.

– Что такое?

– Она толкается!

– Девочка, значит, – цежу я.

Кейси передергивает плечами. По ее лицу видно: она с удовольствием взяла бы обратно свое исполненное нежности «ах!». Плотнее обхватывает живот, будто защищает его.

– Ладно, Мик. Начну-ка я, пожалуй, с самого начала.

* * *

– Мы стали встречаться прошлым летом, – рассказывает Кейси. – Многие его Доком называли. Я – никогда. Только Коннором. Короче, в прошлом году у нас закрутилось. Он такой милый был... Я без парня сто лет. Знаешь, Коннор из хорошей семьи. Правда, я его родителей не видела, но он про них рассказывал. Говорил, скучает по ним. Говорил: давай вместе соскочим, мол, вместе легче. Я тоже этого хотела. Только, понятно, ничего у нас не вышло. То держимся, держимся – и вдруг один срывается, или он, или я, и другого за собой тянет... Всё дело в том, что одной очень плохо. Тут неважно, колешь ты или квасишь, – тебе кто-то нужен. Кто-то из своих. Такой же, как ты. Ну, а где такой же – там и срывы.

Короче, в сентябре я заметила, что месячных уже давно нет. Когда прекратились, не помню. Я не робот и календари всякие дурацкие не веду. Пока с Коннором жить не начала, всегда резинками пользовалась. А с ним мы забывали про резинки. Обычное дело – с одним и тем же партнером. В общем, я напряглась, пошла в бесплатную больницу, мне дали тест-полоску. Потом сразу на УЗИ повели. Я смотрю на экран: во мне, внутри – кто-то живой. Второй раз со мной такое. Врач говорит: «Видите? Это ваш малыш»...

Кейси ударяется в слезы. Вытирает нос рукавом. Обеими руками закладывает за уши растрепанные волосы – эта привычка у нее с детства.

Чувствую порыв обнять сестру. Не поддаюсь.

— Оказалось, беременность — целых одиннадцать недель. А был сентябрь. Врач спрашивает: «Вы в этот период употребляли алкоголь или, может, еще что?» Я врать не стала. «Да, — говорю, — я на героине. И на колесах. Была и есть. Ну и пью, конечно». Тогда медсестра — славная такая — говорит: «Мы вас на метадоновую программу запишем, потому что сразу бросать вам нельзя — это для малыша опасно». Ну да ты знаешь. Я и сама про метадон слышала. У нас девчонки некоторые залетали и тоже потом на метадоне были. Так что я не удивилась. Только мне тошно было. Я хочу снова зачать по-чистому, а не так, на дури. Если только это реально. Если только у меня еще может быть ребенок. Мы с Коннором, кстати, о ребенке говорили. Мечтали: вот соскочим — и родим. Только, Мик, — *этого* я не отдам, так и знай! — Кейси смотрит в упор. — Иначе мне конец.

* * *

— Ну и вот, я сказала Коннору, а он так обрадовался, так обрадовался. Тоже на метадон записался. У нас впервые была реальная мотивация.

Две недели я в больницу ходила каждый день. Коннор — со мной. Мы даже домик заняли — заброшенный, но ничего, чистый. Еще не похолодало, нормально было даже по ночам. Конечно, мы знали — ближе к зиме там уже спать не будешь, надо новое место искать. Но мы так счастливы были...

Потом прихожу в больницу — Коннора нет. Ждала, ждала его — так и не появился. Ну, меня ширнули метадоном, и я пошла домой. А там Коннор. Под кайфом. Я и поняла: надо что-то менять. Помолилась. Я не особо верующая, но в тот вечер всю душу в молитву вложила.

И представь, Мик, — наавтра папа меня нашел. Словно Бог знак подал — дескать, услышана твоя молитва. Я чокнутая, да, Мик?.. Ну и вот, Коннора как раз не было. Папа хотел меня прямо сразу в Уилмингтон, обещал не допрашивать. Но я не могла так поступить с Коннором. Лучше его я парней не знала. Чего глаза таращишь? Сейчас я и сама все понимаю: это мне тогда так казалось. Короче, я сказала папе, что мне нужен еще один день. Чтоб он наавтра приезжал, я буду готова. Он мне не поверил — это я сразу просекла.

Потом Коннор вернулся. Где его носило — не знаю. Я дождалась, пока он прочухается, и говорю: уезжаю, так надо для ребенка, иначе я тоже сорвусь — в таком духе. Куда уезжаю — решила помалкивать. Коннору это все не понравилось. Мы поссорились. Он меня побил, душить пытался, кричал «Убью!». Так толкнул, что я запястье сломала... В общем, я ушла. В парке ночь перекапталась, и следующую тоже. Две дозы пропустила —

не могла в больницу идти с побитой физией. Они бы допрос устроили, соцработника бы ко мне приставили... Понятно, у меня ломка началась. Ну, думаю, сейчас сорвусь. Прикинула: субутекс можно и на улице раздобыть. Тогда я продержусь. Соскочу.

Кейси замолкает и молчит долго. Смотрит в пол – будто носом клюет. Но потом встряхивается и продолжает рассказ.

– Ничего не вышло. Я сорвалась. Будто и не останавливалась никогда. Спала на улице. В загул ударилась. Клиентов снимала на Аве. А через несколько дней поняла, что наелась этого дерьма. Будто очнулась.

Сестра опять замолкает.

– И что ты предприняла, Кейси? К кому обратилась?

– А я, Мики, с Эшли контактила все время. Ну, да ты небось знаешь. Эшли обо мне справлялась. Отслеживала меня. Даже денег порой подкидывала. Я и пошла к ней. Помаячила возле дома – она меня впустила.

Знакомая, внезапная ярость накатывает волной.

– Так Эшли была в курсе! Видела тебя, знала, что ты жива! И молчала!

Кейси качает головой.

– Она не виновата. Я так просила. Поклясться ее заставила, что не сдаст. Кому другому – ладно, но только не тебе.

– Она мне солгала, – цежу я.

– Зато меня спасла, – парирует Кейси. – Накормила. В ванную пустила. Кровать предоставила. По два раза в день на метадон в больницу возила. Или сама, или мужу говорила. Они с Роном меня контролировали. Эшли твердила: думай о ребенке, живи для ребенка. Так настроила, что я родов дожждаться не могу. Эшли в религию ударилась. В церковь – как на работу, что она, что Рон. И детей приучают. Меня тоже с собой брали. По воскресеньям. Даже работу мне нашли – там же, в церкви. Крыльцо мыть и туалеты. Расплачивались продуктами, я их – в общий котел. Чтоб не на дармовщину жить, понимаешь? Все ко мне хорошо относились. Я как дома была. В церкви про ребенка тоже знали, говорили: «Молодчина», «Так держать» и все такое прочее. Будто уважали меня. Мне нравилось. А что? Я героиней себя чувствовала... Но это днем. А по ночам, Мик, я тряслась со страху. Лежу и думаю: что я сделала с ребенком? Ну я и дрянь! А уж как метадоном ширнусь – вообще удавиться готова, до того себе самой противна. Будто сдаешься каждый раз, с каждой новой дозой. У меня пятнадцать лет ушло, чтоб это понять. Я теперь взрослая, Мик.

Кейси переводит дыхание.

– Я все время думала о Томасе. Мысли сами лезли.

Кажется, впервые она произнесла имя, которое я дала мальчику.

* * *

Теперь Кейси рыдает в голос. Но я сижу, не двигаясь. Просто смотрю на родную сестру.

Наконец она берет себя в руки.

– Тете Линн пятьдесят пять в начале ноября стукнуло.

– Только не говори, что и ты там была.

– А что такого?

– Я их всех – всех О’Брайенов – на День благодарения видела. И они знали, что я тебя ищу. Почему они мне лгали?

Кейси делает глубокие вдохи-выдохи. Подбирает слова. Решает: сказать – не сказать. Внутренняя борьба у нее на лице отражается – а я пока не научилась читать по ее лицу.

– Понимаешь, Мик, они это... тебе не доверяют.

Усмехаюсь. Получается резко.

– Мне? Мне не доверяют?

Гадость какая. Ничего отвратительнее в жизни не слышала.

– А потому что ты на семейных праздниках не бываешь. Потому что в полиции служишь, – заводится Кейси, но вдруг умолкает. Не дает сорваться самому страшному обвинению.

– Продолжай. В чем еще я виновата? Ну?

– Еще ты Томаса заграбастала. Это все знают.

Смеюсь с неприкрытой горечью.

– Они так и говорят – заграбастала?

– Неважно. Главное, это правда. Сколько ни сваливай на обстоятельства – а это факт. Ты забрала моего сына.

В деталях восстанавливаю сборище у Эшли. Мысленно перетасовываю лица, анализирую поведение родственников. Все как один мялись, всем было неловко. При моем приближении каждый на миг цепенел. Все знали про Кейси. Ни один не раскололся.

Господи, какое унижение... Мучительное – но не новое. С детства его чувствую. Только в детстве я от унижения еще и плакала. Как пообщаюсь с О’Брайенами – вот они и слезы. Всем своим поведением родственники внушали: ты здесь чужая; подкидыш ты, уродец эльфийский. Не наша, и точка.

Резко встаю, делаю несколько решительных шагов от кровати. С расстояния смотрю сестре в глаза. Выдавливую:

– Я тоже член семьи.

Кейси шумно дышит. Прикидывает, что дальше говорить. Начинает

вкрадчиво:

– Мне кажется, Мики, они просто не думали, что тебе есть до меня дело.

Тьфу. Я даже поперхнулась от возмущения. Всё, хватит. Хватит с меня.

– Кейси, а Бобби там был?

– Где?

– У Линн на юбилее.

Следует кивок.

– Да, Бобби тоже приходил.

– А ты как выглядела? Я имею в виду, лицо.

Кейси вздрагивает. Наверное, я проявила грубость.

– Ты про следы побоев, Мик? Ну да, они были. Я объяснила, что это один парень постарался, с которым у меня уже всё. Только имя не назвала.

– Ясно.

– Что тебе ясно?

– Я сказала Бобби, что ты встречаешься с типом по кличке Док. Вот Бобби и смекнул, чья работа. Вскоре после Дня благодарения он с Доком поквитался.

Кейси безуспешно сдерживает улыбку.

– Да ладно! Бобби за меня отомстил?

Меня корбит от ее реакции, от нескрываемого удовлетворения.

– Бобби мне всегда нравился, – выдает Кейси.

– А мне – нет.

Всё время разговора Кейси сидела на кровати. Теперь неуклюже укладывается на бок. Видно, что устала.

– Что там произошло, Кейси? У Линн на дне рождения?

– Эшли меня спросила – что, если Ба пригласить? Типа, я не против? Ты же знаешь – Ба с тетей Линн общаются. Сама я не видела Ба несколько лет, но сказала: конечно, приглашайте. Надо ж и с ней мириться. Вообще столько всего надо исправить – ужас... Думаю: начну с Ба.

Она была в ударе. В смысле, злющая, ну, какая она и есть. Не прикидывалась, не корчила из себя. А мне сказала, что я хорошо выгляжу. Спросила, какие у меня планы. Я говорю: пока на метадоне, но кроме него – ни-ни. Ба похвалила. «Ты, – говорит, – смотри, не сорвись опять, а то все псу под хвост пойдет». Ну да, так и выразилась. Ты ее знаешь.

Она уже домой собиралась. Лучше, думаю, сейчас ей про ребенка скажу, все равно ведь пронюхает. Короче, пошла я ее до остановки провожать. «Бабушка, – говорю, – у меня новость». Она как вытаращится, будто привидение увидела. «Только не это, – говорит. – Только не то, о чем

я подумала».

Я напряглась. Руки задрожали, пот прошиб. «А что ты подумала, бабушка?» – спрашиваю. Она зажмурилась. Стоит, головой трясет и повторяет: «Только не это! Только не это!» Я говорю: «Я беременна». Она – в слезы. Вот скажи, Мики, – ты хоть раз видела, чтобы Ба рыдала? Я – нет. Она лицо руками закрыла, а я стою, как дура. Взяла и обняла ее. Она как дернется... Вывернулась, руку мою сбросила. Завопила на всю улицу. Ну, думаю, всё, приехали: Ба рехнулась. Сейчас, думаю, ударит меня. Она вопит: «С меня довольно! Я по горло сыта! На кого ребенок останется, когда ты за старое возьмешься?!» Еще сказала: сил у нее нету за чужими детьми ходить. И у тебя тоже. Тебе и так забот хватает. Второго моего ублюдка ты не потянешь. Так и выразилась: ублюдок.

Кейси делает секундную паузу, ждет моей реакции. Продолжает:

– Ба сказала: «Не собираюсь глядеть, как ты со своим ребенком то же самое сотворишь, что твоя мать с тобой сотворила».

Кейси снова замолкает, снова ждет.

– Мик! Ты слышишь вообще?

Киваю.

– Ни фига ты не слышишь. А если и слышишь, так не понимаешь.

– Чего я не понимаю?

– Я так и знала, что не поймешь. Сама я всегда об этом думала. Ба сказала: «с тобой сотворила». Не «с тобой и с Мики», а именно «с тобой». Я еще говорю: «Бабушка, ты о чем?» А она: «Что тут непонятного; твоя мать кололась, когда тебя под сердцем носила».

– Я опешила. «А Мики? – спрашиваю. – Когда Мики ждала – не употребляла, что ли?» «Нет, с Мики все нормально. Богом клянусь». Так Ба сказала. Еще улыбнулась, будто довольная очень. Типа, вот, Мики чистенькая, не то что ты. «Лиза, – говорит, – колоться начала, уже когда Мики родилась».

Некоторое время перевариваю информацию.

– Кейси! Она ведь могла тебе и солгать. Да наверняка солгала. Припугнула.

Нет, я не убедила сестру. Вопрос остается открытым.

Кейси качает головой.

– Хорошо бы и мне в это поверить. Насчет того, что Ба просто на испуг брала. Чтобы я не сорвалась. Но нет. Знаешь, я от остановки шла – а она мне вслед вопила: «Жалко кроху! Жалко кроху!» Я всю ночь глаз не сомкнула, все думала.

Эшли ничего не знала про наш разговор. Утром я ей записку оставила.

Написала, что буду в надежном месте, что не сорвусь. И свалила, пока все спали. На автобусе доехала до Фиштауна. Пошла к Ба. Прикинула, что она на работе должна быть. Так и оказалось. На стук она не ответила. Ключей у меня не было, но ты ж знаешь про эту аллею и что калитка еле держится. Ну, я ее пнула посильнее, проскочила, стекло разбила в задней двери, руку сунула, замок открыла изнутри. Знаю, это плохо. Плевать.

Влезла в дом – и сразу в подвал. Меня эта мысль прямо разъедала, до зарезу надо было выяснить. Ты в курсе, что у Ба в подвале есть особый шкаф? Ну так вот, там папка хранится. На самой нижней полке. Подписана «Девочки». Я ее достала. Здоровая такая пачка документов. Твое свидетельство о рождении, всё чин чинком: имя – Микаэла Фитцпатрик, фотка из больницы, рост-вес и прочее. В целом – что здоровый ребенок. Без отклонений... И полная фигня обо мне. Только бумажек при выписке из больницы – хватит комнату оклеить. Инструкция, как меня откачивать. Как откачивать ребенка, рожденного от наркозависимой матери. Предупреждения: что я несноснее нормальных детей. Что орать и скулить буду в режиме нон-стоп. И рецепт на фенотарбидил. Ну и что получается, Мики? Получается, что я с рождения подсажена.

Едва не бросаю: «Известно мне про такие инструкции. Проходила. С Томасом».

Спохватываюсь. Молчу.

Кейси невесело смеется.

– Ну, раз уж я в бумаги влезла, стала дальше смотреть. И кое-что другое нашла. Целую вкладку с надписью «Дэн Фитцпатрик».

Киваю.

– Понятно, – говорит Кейси. – Дальше ты в курсе.

Снова кивок.

– Ты их нашла, да? И открытки, и чеки?

– Да.

– Хорошо.

Кейси некоторое время раздумывает.

– Наверное, я специально их в тайнике оставила. Решила: будешь меня искать – в тайник-то уж точно слазишь.

* * *

– Рассиживаться в доме у Ба мне нельзя было, сама понимаешь, – говорит Кейси. – Я забрала больничные бумажки насчет себя да еще одну папину открытку. На мое шестнадцатилетие. Прибирать за собой не стала. Бардак оставила. Подумаешь... Ушла тем же путем, каким и пришла. По

Жиран-авеню пешком до Южной, там голоснула, открытку с адресом водителю показала, он повез. А живет там папа или нет – откуда мне было знать? Просто без вариантов получалось, и всё... Так вот и зависла у него с начала ноября. Он обо мне заботится. Всё дает – еду, одежду. Уже и детскую для внучки подготовил... – Впервые Кейси смотрит на меня со страхом. – У нас с малышкой будет всё необходимое, Мики.

– Знаю, Кейси, знаю.

Она об этом не просит. Но я вдруг понимаю: нужно показать ей Томаса.

На цыпочках идем по коридору. Бесшумно открываю дверь. В детскую выплескивается порция тусклого света – достаточно, чтобы разглядеть на кровати ком из подушек и одеяла, а внутри, как в гнезде, – моего мальчика.

Ловлю молящий взгляд Кейси. Киваю.

Она крадется к изножию кровати, становится на колени, упирается в колени руками, упирается взглядом в Томаса. И долго, очень долго не меняет позы.

* * *

Когда мы были детьми, в доме имелось всего пять книг. Одна из них – Библия. Вторая – история Филадельфии. Еще две – повестушки серии о Нэнси Дрю^[27] – еще с бабушкиного детства. Наконец, пятая книга – старинное издание сказок братьев Гримм, с иллюстрациями, пугающими натуральностью ведьм и дремучестью лесов. Точно такое же издание я подарила Томасу на нынешнее Рождество.

Так вот, больше всего в этом сборнике меня впечатлила сказка «Гамельнский дудочник». Во-первых, она одна из самых страшных – как это Дудочник явился из ниоткуда и увел детей неведомо куда? Во-вторых, меня пугала беспомощность родителей. Почему городские власти не оказали им содействия в поисках? Почему они сами не собрались вместе, не организовали поисковые группы? По сути, предали своих детей. Наконец: куда делись дети? Что с ними стало? Может, их кто-то мучил? Может, им пришлось жить в какой-нибудь промерзшей пещере? Тосковали дети по родителям – или позабыли о них напрочь?

Почти каждый раз во время патрулирования я вспоминаю эту сказку. Наркотики отождествляю с Дудочником. Понятно, что ему запросто удалось увести детей; я насмотрелась, каков бывает наркотический транс. Воображаю опустевший город Гамельн, буквально слышу мертвую тишину его улиц, на которых больше не играет детвора.

Но сейчас, при виде коленопреклоненной, раскаивающейся Кейси, думаю: может, она и вернется...

Перевожу взгляд на Томаса. Остро чувствую: меня могут с ним разлучить, и как я это выдержу, и выдержу ли? Вечный страх, вечная угроза – словно пророчество, от которого отмахиваешься. Словно тихая мелодия, слышная только детям.

* * *

Возвращаемся в мою комнату, снова садимся на кровать. Теперь я держу лэптоп.

Кейси указывает на Эдди Лафферти.

– Сколько я жила с Коннором, столько этот тип и околачивался рядом. Это еще до того, как я завязала. Я всю дорогу была как в тумане, но его помню. Он со мной разговаривал. Дружелюбный такой. Сам говорит – а сам пялится. Я думала – может, я ему нравлюсь. Сейчас встретиться предложит. Нет, не предлагал. Они с Коннором вечно куда-то вдвоем исчезали. Не знаю, что делали и где. Я думала, они просто ширяются. Коннор ведь продавал товар. Да и сейчас, наверное, продает.

– Постарайся еще что-нибудь вспомнить, Кейси.

Она смотрит в потолок, затем – в пол.

– Не вспоминается.

– А ты поднапрягись.

– Я много чего позабыла. Даже про себя, не то что про этого Лафферти. Молчим.

– А давай его спросим! – внезапно предлагает Кейси.

– Коннора? Думаешь, он возьмется помогать – после всего, что сделал?

– Ну да. Тебе, может, и дико, а только Коннор – славный парень. Получше со мной обращался, чем остальные.

– Он же тебя избил!

Кейси молчит – прикидывает что-то.

– На разговор я его вытяну, – говорит она.

Качаю головой.

– Нет, это не годится.

Сестра отворачивается.

– Мы всё решим утром, Кейси. А сейчас нам обоим нужно поспать.

– Пожалуй, ты права, Мик. Ладно, поеду-ка я домой...

Но с места Кейси не двигается. Я тоже сижу как приклеенная.

– Ты не против, если я переночую у тебя?

* * *

Выключаю свет. Мы ложимся рядом, в одну постель. Тишина и чувство

неловкости.

– Мики, – внезапно зовет сестра.

Вздрагиваю. Слишком поспешно произношу:

– Что? Что?

– Спасибо за Томаса. Ты так хорошо о нем заботишься... Никогда я тебя не благодарила. Теперь вот благодарю.

– Ничего. Обращайся.

– Забавно это.

– Что?

– Ты меня всю дорогу ищешь – а я всю дорогу прячусь.

Выдерживаю паузу.

– По-твоему, «забавно» – подходящее слово?

Кейси дышит глубоко и ровно – заснула уже...

Шестнадцать лет минуло с тех пор, как мы в последний раз лежали в одной постели. Шестнадцать лет – половина прожитого нами. Вижу нас маленьких. Мы убаюкиваем друг друга историями (обычно вычитанными) или просто глядим в потолок, на лампочку (как правило, перегоревшую). Под нами – резкий бабушкин голос. Жалобы по телефону, злобное бормотание – этот выродок то, этот выродок сё. «Погладь меня по спине», – просила Кейси. Я гладила – и возвращалась память о маминой ладони между моих лопаток. Наверное, я пыталась внушить Кейси уверенность: она нужна, она – самая лучшая. Самой себе я казалась сосудом с маминой любовью, которая есть иммунитет к многочисленным жизненным трудностям. Так мы и засыпали, связанные мамой посмертно. Над нами – плоская толевая крыша, что почти не держит тепло. Над крышей – небо в огнях Филадельфии. А что над огнями – откуда нам было знать?

* * *

Просыпаюсь от солнечного света. От телефонного трезвона.

Кейси рядом нет.

Сажусь в постели.

Беру сотовый. На экранчике надпись «Дэн Фитцпатрик». Отец.

– Микаэла, это ты? Кейси у тебя?

Оглядываюсь. Кейси нет. Смотрю в окно. Машины тоже нет. Произношу в трубку:

– Наверное, она уже едет к тебе.

Повисает напряженное молчание. Понятно, о чем думает каждый из нас.

Обещаю отцу:

– Я ее найду. Кажется, я знаю, где она.

Да, но как же Томас? Я ведь ему обещала. Не далее как вчера поклялась, что останусь с ним. Вспоминаю рассказ миссис Мейхон – как мой сын бегал в туалет, спускал воду, неумело симулировал болезнь, надеясь, что мама, уезжавшая от здорового мальчика, не бросит хотя бы больного. Сердце буквально разрывается.

Но, кроме сына, у меня есть сестра. Возможно, в эту самую минуту она подставляет под удар сразу две жизни – свою и своей неродившейся дочери, чтобы защитить других женщин. Сколько их на кенсингтонских улицах? Несчитано. И все они в опасности, покуда на районе орудует Эдди Лафферти.

* * *

Против воли меня охватывает острая жалость к Ба. Внезапно я осознаю, скольким она пожертвовала, чтобы обеспечить нам с Кейси нормальные условия жизни. Каково ей было работать с утра до ночи – и постоянно бояться: что-то может стрястись с внучками после школьных уроков...

Мысли не отпускают. Как быть? Не разорвешься ведь.

Наконец я решаю: сегодняшние события масштабнее нужд нашей маленькой семьи. На карту поставлены человеческие жизни. Собираюсь с духом и звоню миссис Мейхон.

Как только она приходит, направляюсь в детскую. Прощаться.

Не сразу решаюсь разбудить сына. Смотрю на него, спящего. Сажусь на кровать. Томас открывает глаза. Снова закрывает. Даже зажмуривает.

– Томас... – начинаю я.

– Не уходи.

– Томас, мне нужно отлучиться. По важному делу. С тобой посидит миссис Мейхон.

Он плачет. С зажмуренными глазами. Повторяет «нет», трясет головой.

– Мне плохо. Меня тошнит. Меня сейчас вырвет.

– Извини, Томас. Я должна идти. Если б я только могла остаться с тобой – ни за что бы не ушла. Ты ведь это понимаешь, правда?

Молчание. Томас затих, дышит легко – симулирует глубокий сон.

– Я скоро вернусь. Честное слово. Однажды я все-все тебе объясню. Почему уезжала, почему так мало времени проводила с тобой... Когда вырастешь, ты все узнаешь. Обещаю.

Он поворачивается на другой бок. Спиной ко мне. Целую его. Треплю по затылку. Задерживаю ладонь. Всего на мгновение. Затем встаю. «Что,

если я сделала неправильный выбор? Что, если ошиблась?»

Гоню эту мысль. Выдавливаю:

– Томас, я тебя люблю.

И ухожу.

* * *

В Кенсингтоне паркуюсь в переулке неподалеку от дома Коннора Макклатчи. Быстрым шагом иду по Мэдисон в восточном направлении. Ныряю в аллею, что ведет к дому с тремя буквами «Б».

За углом натыкаюсь на группку из трех человек. Это мужчины в рабочих комбинезонах, в строительных касках и тяжелых ботинках. Придется миновать их, иначе до нужного дома не доберешься. Есть еще один мужчина. На нем удлиненная куртка и недешевые джинсы.

А стоят эти люди как раз напротив дома Макклатчи.

Что им здесь надо – неизвестно. Приближаюсь. Уверенности моей чуть поубавилось.

Меня заметили. Разговор резко прекращен, все взгляды – в мою сторону.

– Вы что-то ищете? – спрашивает человек в удлиненной куртке.

Дружелюбно спрашивает. Выговор у него сугубо филадельфийский, словно он на соседней улице вырос. Но по виду ясно: уже некоторое время возвращается совсем в других кругах.

– Я... я только... – Что сказать, как продолжить? – Я ищу сестру. Мне кажется, она должна быть здесь, в этом доме. – Киваю на белый дом с граффити.

– Нету здесь никаких сестер, – весело сообщает человек в удлиненной куртке. Где ему догадаться, сколько раз я слышала эту фразу! – Оно и к лучшему. Потому что завтра дом пойдет под снос. Мы вот последнюю проверку делаем.

Только теперь замечаю – дверь распахнута.

– Вы в порядке, мэм? – спрашивает один из рабочих. Наверное, я слишком надолго замолчала.

– В полнейшем.

Разворачиваюсь. Руки на бедра, последний взгляд на Мэдисон-стрит. Ну, и что делать? За моей спиной возобновляется разговор. Оказывается, на этом месте запланирован кондоминиум. Который, надо полагать, очень быстро обживут бесчисленные Лорен Спрайт. Возникнет очередной «Бомбический кофе» – место встреч благополучной молодежи... Город меняется в режиме нон-стоп. Неприкаянные и наркозависимые вынуждены сами о себе заботиться – искать новые заколочос, где можно ширнуться. Лишь немногие из них соскочат, очень немногие.

* * *

Телефон жужжит сообщением.

Вот что мне прислали: «Собор на Онтарио-стрит».

Номер отправителя сохранен без имени. Имя я и так помню. С того ноябрьского дня, когда мы впервые встретились у мистера Райта. Мы – я и Док. Он же – Коннор Макклатчи.

Собор на Онтарио-стрит.

Вообще-то, у него название есть. «Мадонна утешения». Но сколько себя помню, собор называли просто Собором – видимо, из-за внушительности. Сама я была там всего раз, в двенадцать лет. Мы ночевали у одной подружки Кейси, а утром все вместе пошли в Собор. Мне известно, что камень для стен доставили из Европы и что немыслимая высота купола, заодно с роскошью интерьера, призваны говорить о божественном величии. Несколько лет назад Собор закрыли. Об этом я прочла в газете, не обратила внимания на информацию. За последние годы в Филадельфии закрылось немало церквей.

Ехать недалеко. Трогаюсь с места.

* * *

Впервые за всю жизнь внимательно рассматриваю Собор. По адресу он относится к Двадцать пятой улице, так что во время патрулирования я мимо не езжу – не мой участок. Вид Собора жалок. Почти все окна выбиты. На главной двери – табличка «Предназначено под снос». Колокольня возвышается с восточной стороны, но колокола давно сняты. Интересно, кто их спас... А может, утилизировал?

Останавливаю машину прямо у крыльца. Дергаю все двери по очереди. Заперто. Обхожу здание. Задняя дверь раскрыта, ее держит только цепочка. Подныриваю под цепочку. Вот я внутри.

Сразу же слышатся приглушенные голоса. Инстинктивно замираю, наостряю уши. Может, раздастся хриплый, резкий голос Кейси. Но, похоже, ее здесь нет. Все голоса незнакомые. И все – очень тихие. Если б не великолепная церковная акустика, я бы вообще ни слова не уловила. Фразы эхом отскакивают от битой мраморной плитки пола, от стен, от потолочных сводов. Произнесенные шепотом, теплые, скользят ко мне по слою ледяного воздуха.

– Если б только... Этого и следовало ждать... На днях... До тех пор, пока...

В Соборе царят два запаха. Первый мне знаком с детских лет, с того периода, когда я регулярно ходила в церковь. Это запах тонколистных молитвенников, пыльных бархатных подушечек, что лежат на скамеечках для коленопреклонения. Теплый, добрый, надежный запах. Ассоциируется с рождественской ярмаркой и спектаклем, со Святым Распятием. Второй запах тянется за неприкаянными, бездомными, бесприютными. Неотделим от них. И его я тоже узнаю безошибочно. Два острых световых луча, как два копыя, вонзились в пол основной части здания. Она называется «неф».

Слово возникает в мозгу со скоростью вспышки, сопровождается видением: сестра Жозефа, моя любимая школьная наставница, чертит на доске план католического храма, пишет: «неф», «алтарь», «апсида», «часовня», «баптистерий». И мое любимое – «сакристия». Все их помню назубок.

Очень медленно световые копы растворяются, тают, как сахар в напитке. И теперь видны люди. На всех скамьях. Сидят с терпеливыми лицами, будто дожидаясь мессы. Стоят. Занимают за амвоном кресла, больше похожие на троны. Всего здесь человек двадцать-тридцать. Может, больше.

Тишину вспарывает младенческий плач. Разговоры прекращаются, но через минуту жужжат по-прежнему. Чувствую желание отыскать этого ребенка, схватить, унести и спрятать.

Мимо меня, почти толкнув, проскакивает женщина. Бросает на ходу:

– Чего растопырилась?

– Извините... – мямлю я. Спыхватываюсь, бегу за ней.

– Пойдите! Можно вас спросить?..

Женщина останавливается спиной ко мне, медлит обернуться.

– Вы не видели Кейси? Или Конни? Или Дока?

Свет почти не проникает в боковой неф, где мы находимся. Лицо женщины едва различимо. Но хорошо видно, как она напрягается при звуках названных мною имен. Мне достается подозрительный взгляд.

– Наверху поищи, – советует женщина, кивнув на темный дверной проем. Сама дверь снята с петель, стоит, прислоненная к стене. В проеме угадывается лестница.

Начинаю подъем. Теперь голосов из главного зала почти не слышно. Не знаю, куда иду. С каждым шагом воздух все холоднее. Освещаю путь сотовым телефоном. Боковым зрением вижу: кто-то копошится с обеих сторон. Мыши, наверное, а может, тараканы. Или просто многолетняя пыль.

Лестница покрыта полугнилым ковром, что позволяет передвигаться беззвучно. Считаю ступени. Двадцать. Сорок. Лестничная площадка. Дверь. Я ее подергала, приложилась к ней плечом. Дверь не поддалась.

После шестидесятой ступени в лестничный колодец вливается порция слабого света. Двустворчатая дверь с двумя слепыми квадратами – наверное, в них были витражи. Ну да – они-то, разбитые вдребезги, и хрустят у меня под ногами. По ту сторону слышны голоса.

Надавливаю на дверную ручку. Не заперто.

Я – на самом верху. На открытом воздухе. И первая, кого я вижу, –

Кейси.

Она прислонилась к парапету высотой до пояса. Парапет по периметру защищает площадку, где раньше был колокол. Спинай ко мне, глядя на Кейси, стои Коннор Макклатчи. Есшь здесь и еше один мужчина – и он тоже пока меня не заметил. Понятно: забрались на верхотуру, чтобы потолковать без свидетелей.

Ловлю взгляд сестры.

Еще прежде, чем тот, второй, оборачивается, я узнаю его. Это Лафферти. Лысая голова, характерная осанка, высокий рост, легкая сутулость – проблемы с позвоночником, как мне помнится из болтовни Эдди.

Ладонь сама ложится на рукоять пистолета. В следующую секунду он выхвачен и нацелен на Лафферти.

– Руки вверх!

Тон – рабочий. Полицейский. Вынесенный из детства, позаимствованный у Кейси, Полы и остальных девчонок, с которыми я росла. Резкий, командный тон. Здорово пригождался этим девчонкам в школе, на работе, да и вообще. А что, если и они его усвоили не от хорошей жизни?

Мужчины – оба – резко разворачиваются. Я не ошиблась. Это Лафферти и Макклатчи. Причем Лафферти не сразу меня узнаёт, не в первую секунду. Я ведь в штатском. Я выпадаю из контекста. Утром я не успела принять душ, взгляд у меня дикий, несвежие волосы кое-как собраны в пучок. Я измотана и напряжена.

– Какие люди! – Лафферти вымучивает улыбку. Послушно поднимает руки. – Да неужто это Мик?

– Руки вверх, кому сказала!

Коннор Макклатчи наконец-то повинуетя.

– Отошел от нее, Макклатчи! – продолжаю я.

Слишком близко он стои к моей сестре – на расстоянии вытянутой руки. Не знаю, сколько футов до нефа, но рисковать сестрой не собираюсь. А Кейси-то! Зачем к парапету прислонилась? Как не понимает? Внизу шаги, покашливания, голоса слились в невнятный, не поддающийся расшифровке гул.

– Куда отходить-то? – бурчит Макклатчи. Кажется, при прошлой встрече он таким тощим все же не был.

– Куда хочешь. Вон, напротив стань.

Эдди Лафферти продолжает ослабиться, будто выискивает причины – зачем я пришла; будто причины могут быть пикантными. Будто мы четверо

можем быть как-то связаны.

– Мики, ты что – тоже под прикрытием? – выдает Лафферти.

Не отвечаю. Глаза бы на него не глядели. Но и выпускать его из виду нельзя. Ни на мгновение. Я растеряна – на ком сфокусироваться? На Лафферти? На Макклатчи? Кейси стоит за спиной Лафферти. Вдруг понимаю: она пытается что-то сказать мне одними губами.

Сосредоточиваюсь. Кейси чуть заметно кивает в сторону Макклатчи. Губы продолжают двигаться, но слов я не разбираю. «Он...» Он – что? «Я».

Пока я занята расшифровкой, Лафферти напрягается – так поступают полицейские перед тем, как броситься в погоню. Бросается – не в погоню, конечно, а на меня. Валит на пол. Выбивает оружие. Пистолет разражается выстрелом. Пуля расколола плитку в потолке, пистолет скользит по гнилому ковру.

Внизу, в нефе, замирает женский крик. Дальше – тишина.

Лафферти навис надо мной, ногами взял меня будто в клещи.

Макклатчи отделяется от парапета, перехватывает мое оружие.

Не рискую шелохнуться. Едва дышу. Из этого положения хорошо виден свод колокольни. Видно даже, куда угодила пуля. Вон, в тусклом луче оседает пыль – это кусок штукатурки отвалился. Потолок, некогда выкрашенный небесно-голубой краской, неумолимо облезает. В углу притулилось птичье гнездо.

Эхо выстрела до сих пор отдается в ушах. Если б не оно, тишина в Соборе была бы гробовая.

Перед мысленным взором встает Томас. Что с ним будет, если я умру прямо сегодня? Получается, я недалеко ушла от своей матери. Мы обе зависимы, различие только в природе зависимостей. Наркотическую легко выявить и осудить – а такую зависимость, как моя, не сразу определишь. Впрочем, она не менее пагубна. Ибо имеет отношение к уверенности в собственной правоте, которую называют еще воображаемым представлением о себе – или гордыней.

С запоздалым, бесполезным раскаянием думаю: «Прости меня, Томас, прости, сынок... Как жаль с тобой расставаться!»

Несколько секунд проходят в тишине. Макклатчи, завладевший пистолетом, держит его как-то странно – наверное, впервые в жизни. Пожалуй, сам не ведает, что творит. Этим можно воспользоваться. Пока я размышляю, как именно, Макклатчи командует, обращаясь к Лафферти:

– На колени!

Тот смотрит недоуменно, однако повинуется.

– Руки держи так, чтоб я их видел, – продолжает Макклатчи. Косится на меня, уточняет: – Я правильно делаю?

Приподнимаю голову. Здорово лбом стукнулась. До сих пор в глазах двоится. И шея ноет.

– Вставай давай, – говорит мне Макклатчи.

Кейси поспешно кивает. Со скрипом поднимаюсь.

Макклатчи делает что-то непонятное – не спуская с мушки Лафферти, боком придвигается ко мне. Вот мы стоим плечом к плечу. Макклатчи возвращает пистолет.

– Ты с ним получше обращаться умеешь. А я не знаю, с какого конца пули выпускать.

Едва я беру пистолет, Макклатчи закладывает руки за голову, одновременно выдохнув с облегчением. Шагает к самому краю, облакачивается, озирает окрестности.

Кто-то идет. Снизу слышны шаги. Одно напряженное мгновение не знаю, куда направить пистолет – на люк или на Лафферти. Появляются вооруженные Ди Паоло с Нуэном.

– Бросьте оружие, Мики, – мягко произносит Ди Паоло. Повинуюсь. Ничего не понимаю. В течение секунды кажется, что это Лафферти вызвал подкрепление – значит, объяснить, что я забыла на колокольне, будет гораздо труднее.

– Лафферти опасен, – говорю я.

Тот начинает оправдываться, но тут подает голос Кейси.

– Вас Трумен Дейвс вызвал? – спрашивает она Ди Паоло и Нуэна.

– Это еще кто? – возмущается Ди Паоло.

Они с Нуэном по-прежнему стискивают пистолеты, по-прежнему держат нас на мушке. То-то, наверное, неожиданно прозвучало для них имя «Трумен Дейвс».

* * *

Нуэн с Ди Паоло вызывают подкрепление. Нас – меня и Кейси, Лафферти и Макклатчи – рассаживают по разным фургонам и везут в отделение. Там имеет место допрос.

Нуэну и Ди Паоло я выкладываю всё. От начала до конца. Без утайки. Рассказываю о своих отношениях с Клиром. О Кейси. О Томасе. О Лафферти – по собственным наблюдениям и со слов Кейси. Рассказываю о Трумене, о своем заблуждении насчет него. Я говорю правду и только правду – впервые в жизни. Выслушав, Нуэн и Ди Паоло удаляются.

* * *

Прошло уже несколько часов. Вдруг осознаю, что ужасно голодна. Что мне срочно нужно в туалет. Что никогда в жизни я не испытывала такой жажды. Ерзаю на стуле. Вот оно как бывает – когда *тебя* допрашивают, а не сама ты допрашиваешь.

Наконец появляется Ди Паоло. Вид у него измотанный. Он мрачно кивает, руки держит в карманах.

– Вина установлена. Это он. Лафферти.

Ди Паоло протягивает распечатку – фото молодой женщины. Улыбающейся, в миленьком платье.

– Знаете ее, Мики?

Несколько секунд – и память уносит меня в октябрь минувшего года, на Трекс, к бревну, за которым была обнаружена первая жертва. Рядом с ней – об этом жутко думать – Эдди Лафферти. Лицо женщины искажено болью. Красные точки вокруг глаз – признаки жестокой насильственной смерти. Как тогда отреагировал Лафферти? Бесстрастно. С оттенком брезгливости.

– Кто это, Майк?

– Саша Лоув Лафферти, – отвечает Ди Паоло. – Последняя бывшая жена Эдди Лафферти.

– Быть не может...

– Может.

Вглядываюсь в фото. Да, Лафферти говорил о жене. О том, что она слишком молода для него. «В этом проблема. Девчонка она еще».

– У нее была зависимость в тяжелой форме, – сообщает Ди Паоло. – Ни дня без дозы. Родные с ней уже год как не контактировали. Общалась она только с Лафферти, больше ни с кем... – Ди Паоло выдерживает паузу. – Вероятно, поэтому Сашу Лоув не объявили в розыск.

– Боже, – выдыхаю я.

Есть что-то утешительное в этой фотографии. Она – свидетельство, что Саша знала и радости, не только боль. Закрываю глаза. Открываю. Пусть этот образ – улыбающейся, опрятной, живой Саши Лоув Лафферти – вытеснит Сашу другую – мертвую, которая нейдет из моей головы с того самого дня.

– Угадайте, Мики, где они познакомились, – говорит Ди Паоло.

Догадка приходит сразу.

– В Уайлдвуде.

Ди Паоло кивает.

– Боже, – повторяю я.

Ди Паоло, похоже, хочет еще что-то сообщить, но колеблется. Наконец решается:

– Мики, вы спрашивали про Клира...

Каменею. Заставляю себя кивнуть.

– Так вот, я выяснил. Подумал: не стоит отмахиваться от ваших подозрений. Приставил к нему надежного человека. Сразу, как мы с вами поговорили в «Герцоге». И точно: уже на второй день, в рабочее время, Клир намылился в Кенсингтон, где ему совершенно нечего было делать.

– Дальше.

Ди Паоло меряет меня взглядом.

– У него проблема, Мики. Он отправился в Кенсингтон за тем же, за чем туда стремятся слишком многие. Купил кучу таблеток оксиконтин. У нашего с вами общего знакомого. Это не героин, разумеется, – но, похоже, героин станет следующим шагом. Где Клир берет деньги – вот вопрос. На его зарплату оксиконтином баловаться – быстро сдуешься.

Ди Паоло присвистывает.

Опускаю глаза.

– Понятно, Майк. Теперь всё понятно.

Вспоминаю Саймоновы слова – те, давние, сказанные, когда я была так молода. Вспоминаю татуировку – буквы «ЭКС». «Я сам – бывший, – признался Саймон. – Оступился, а потом выкарабкался».

Усыпил мою бдительность. Утешил.

* * *

Мы с Кейси выходим вдвоем. Моя машина осталась у Собора; там же стоит и отцовская машина, на которой приехала Кейси. До них от полицейского участка мили две.

Едва за нами закрывается дверь, звоню отцу. Чтобы сказать: Кейси в порядке и скоро будет дома.

– А ты, Микаэла? – спрашивает отец.

– Что – я?

– Ты сама как?

– Я тоже в порядке.

* * *

Мне действительно полегчало. Двигаясь к машине, поглядываю по сторонам. Кейси идет рядом. Как же изменился Кенсингтон! Или сейчас, в известном смысле освобожденная, я замечаю вещи, которых не видела раньше? В целом район приятный; отдельные кварталы, которым удалось

избегнуть упадка, просто умиляют. Умиляют здешние старожилы. Какая-нибудь старушка, отродясь не искавшая лучшей доли в другом месте, решившая и помереть здесь, в Кенсингтоне, каждое утро сметает сор с крыльца – да не только со своего, но и с соседского. А то и улицу метет. Бесплатно. Минуем с Кейси переулок, весь затянутый рождественскими гирляндами. При дневном свете белые огоньки смотрятся особенно нежно.

Наконец Кейси дозревает до изложения утренних событий.

Она, как и я, тоже сначала поехала к заколочос с граффити. Обнаружив, что Коннора там нет и вообще дом готовят под снос, стала расспрашивать о нем на Кенсингтон-авеню. Очень быстро узнала, куда он перебрался.

Помчалась к нему. Хотела всё рассказать. Хотела расспросить об Эдди Лафферти.

– Что, серьезно? – хмыкаю я. – Не верю. Тебе-то оно зачем?

– А я уже говорила. Потому что я знаю Коннора. Если б только шепнуть ему, что Лафферти – убийца, Коннор с ним все дела прекратил бы.

Качаю головой. Кошусь на Кейси. До чего ж она сегодня бледная! Похоже, ей нездоровится. Вон, руки к животу прижала. Еще только шесть месяцев беременности; едва ли Кейси продержится до конца. Нет, она, конечно, твердит, что с ней полный порядок, – а сама горбится, вся вперед подалась. Когда ей в последний раз кололи метадон?

– Тебе что – плохо?

– Нормально, – выдавливают Кейси.

Дальше идем молча. Наконец она решается продолжить:

– Коннор плохо поступал, это да. Но сам по себе он не сволочь. Здесь вообще реальных сволочей почти никого нету.

Крыть мне нечем. Вспоминается миссис Мейхон, размышляющая над шахматным ходом, медлящая взять фигуру. «Он может стать плохим, а может – и хорошим. Как и остальные фигуры. Все от ситуации зависит». Я почти готова согласиться с этим утверждением. Но Коннора Макклатчи я ненавижу за то, что он сделал с моей сестрой. И никогда, никогда не прощу.

– Ну и вот, Коннор сказал, что Лафферти подкатывал к нему прошлым летом. Сказал, что он из полиции. В обмен на «траву» обещал крышевать Коннора. Я его тогда и запомнила. Они с Коннором за «травой» отлучались. Да, за нее Лафферти закрывал глаза на остальное.

– Выродок, – бросаю я.

– Кто?

– Оба. Оба они выродки.

А вдруг Эйхерн специально подсунул мне Лафферти в напарники, чтобы тот меня подставил, опорочил? Еще полгода назад я отмела бы эту мысль как абсурдную. Сейчас – не спешу отместить.

– Эйхерн тоже выродок. Сто процентов, он был в курсе. Еще, пожалуй, и сам таким способом «траву» получал.

Кейси смеется.

– Ты чего?

– Не припомню, чтоб ты так выражалась.

– Ну, а теперь вот случается.

– Да права ты, права, Мик. Коннор сам говорил: Лафферти такой не один. В смысле, есть и другие, которые вымогают. Или домогаются. Ты даже не представляешь, насколько тут все запущено.

– Да нет, сейчас, кажется, представляю.

– А про женщин – про убитых – Коннор не знал. Правда-правда. И что Лафферти с четырьмя убитыми видели – тоже ни сном ни духом. Потому что не слушает, о чем там в Кенсингтоне болтают. Когда я ему сказала, он прямо взбеленился. По стене кулаком как шарахнет...

– Надо же, какой благородный.

– Вот представь себе – да. Благородный. Местами.

Кейси некоторое время дуется, затем снова заговаривает:

– Так вот, у Коннора есть сотовый Лафферти. Он ему сразу позвонил, говорит: «Деловое предложение, пересечься надо». Назначил в Соборе. Как только Лафферти подгрел, я тебе с Коннорова телефона сообщение скинула. И Трумену Дейвсу тоже.

– Откуда у тебя номер Трумена?

– Он сам дал. Сто лет назад. Ты, может, тогда еще в полиции не служила. Трумен увидел меня на Аве. Я стою такая вся... колбасит меня, в общем; жду, может, подвернется кто. Он подошел и говорит: если, мол, нужна какая или если захочешь соскочить – звони. И визитку мне сунул. Я и забила номер в телефон.

– Вот как... Ну да. Трумен помогает тем, кто в беде.

– Он хороший человек, – говорит Кейси. – Правда, хороший?

– Да. Очень.

Сестра улыбается рассеянно, по-дурацки даже. И подытоживает:

– Короче, супер, что сработало.

От этих небрежных слов я взрываюсь: как она могла? Такой опасности подвергла нас всех – Трумена, Томаса, меня, себя... И ребенка своего не родившегося заодно.

Резко останавливаюсь.

– Черт возьми, Кейси!

Она пятится.

– Ты чего? Чего орешь?

– Ты умнее ничего не придумала? Забыла, что мне рисковать нельзя – у меня ребенок на руках!

Кейси не находится с ответом. Не глядя друг на друга, продолжаем путь. Краем глаза вижу: ее затрясло. Вон, даже зубы клцают.

Возле пешеходного перехода я останавливаюсь, а Кейси шагает дальше. Прямо под колеса. Визг тормозов. Автомобиль, следующий за этим, сбавившим скорость, едва в него не врезается. Со всех сторон вопят клаксоны.

– Кейси!

Она не оборачивается на мой зов. Топчусь у перехода. Движение плотное; притормозить, пропустить меня никто и не думает. Наконец ныряю в просвет, бегу. Кейси успела удалиться футов на пятьдесят. Идет торопливо. Сворачивает за угол, на Аве, и пропадает из виду.

Следую за ней. Ага, вот она снова. Теперь нас разделяет ярдов двадцать. Кейси сидит на корточках, упершись локтями в колени, спрятав лицо в ладонях, выпирающим животом к тротуару. Отсюда не разглядеть – но, похоже, моя сестра плачет.

С бега перехожу на шаг. Осторожно приближаюсь. Мы – на том самом месте, где, бывало, снимали клиентов Кейси и покойная Пола. Как раз напротив заведения Алонзо. Странное, жуткое чувство: если вдруг я скажу или сделаю что-то не то, ошибусь хотя бы в малом, – Кенсингтон-авеню отнимет у меня сестру. Разверзнется и поглотит Кейси.

Около минуты стою над сестрой. Она сотрясается в рыданиях. Захлебывается слезами, ловит ртом ускользающий воздух. Вверх не глядит.

– Кейси.

Кладу руку ей на плечо.

С остервенением Кейси ее сбрасывает.

Сажусь на корточки, чтобы быть с ней вровень. Нас двоих огибает пешеходный поток.

– Кейси, в чем дело?

Наконец-то она поднимает взгляд. Смотрит мне в глаза.

– Отвали! Отвали от меня!

Встаю.

– Да что на тебя нашло, Кейси? В чем я виновата?

Кейси тоже поднимается, выпячивает живот. Концентрируюсь на ее

движениях.

– Ты знала, – заявляет она. – Может, не конкретно про Лафферти, но что такое вообще есть – не могла ты не знать! Тебе и раньше говорили про это дерьмо.

Ощетиниваюсь.

– Никто мне ничего не говорил.

Кейси взрывается резким смешком.

– Никто? А родная сестра не считается? Я тебе говорила, я! Про Саймона. Что он меня поймел, когда мне деваться было некуда. Ты не поверила. Лгуньей меня обозвала.

– Это другое. Я была не права, признаю. Но это другое, Кейси.

Снова ее смех – невеселый.

– Ну а Саймон кто? Кто? Разве не коп?

Закрываю глаза. Делаю вдох.

– Я тогда поддалась, потому что Саймон – коп, – произносит Кейси.

Долго, испытующе смотрит мне в лицо. Затем взгляд скользит мимо – к углу напротив заведения Алонзо. Она будто окаменела. Заставляю себя обернуться. Никого нет. Но всё понятно без расспросов: Кейси видит Полу Мулрони. Та стоит, по обыкновению, уперев ступню в стену, и дерзко улыбается.

– Они все были мне подругами, – шепчет Кейси. – Даже те, кого я лично не знала. Все.

– Прости меня, Кейси, – выдавливаю я.

Она не отвечает.

– Кейси, прости меня.

Мои слова тонут в грохоте электрички. Не уверена, что сестра успела их уловить.

Список

Шон Гейген, Кимберли Гуммер; Кимберли Брюэр, ее мать и дядя; Бритт-Энн Коновер; Джереми Хаскилл; двое младших сыновей Ди Паолантонио; Чак Бирс; Морин Говард; Кайли Занелла; Крис Картер и Джон Маркс (с разницей в один день, оба – жертвы передозировки); Карло, не помню фамилии; парень Тейлор Боуз; годом позже – сама Тейлор Боуз; Пит Стоктон; внучка бывших соседей; Хайли Дрисколл; Шейна Питревски; Пэт Боумен; Шон Боумен; Шоун Уильямс; Хуан Мойя; Тони Чапмен; Дони Джейкобс и его мать; Мелисса Джилл; Меган Морроу; Меган Гановер; Меган Чисхолм; Меган Грин; Хэнк Чамблисс; Тим и Пол Флорс; Робби Саймонс; Рикки Тодд; Брайан Олдрич; Майк Эшмен; Черил Сокол; Сандра

Броуч; Лайза Моралес; Мэри Линч; Мэри Бриджес и ее племянница, с которой они были ровесницами и подругами; отец и дядя Мики Хьюз; два двоюродных деда, с которыми мы редко виделись. Наша кузина Трейси. Наша кузина Шэннон. Наша мама. Наша мама. Наша мама. Всё это дети из Гамельна; и все они ушли безвозвратно. Все подавали надежды, от кого-то зависели, кого-то опекали сами, любили и были любимы. Они сгинули один за другим, утекли рекой, у которой ни истока, ни устья. Пурпурной, окутанной мороком рекой, которую питают души ушедших.

Сейчас

Много часов просидела за лэптопом, отдавая дань памяти тем, кто покинул этот мир. Онлайн. Так можно. Вот, сохранились страницы в «Фейсбуке», сайты похоронных бюро, блоги. Призраки умерших оцифрованы, их последние посты накрыла волна комментов «Скорбим» и пожеланий «Покойся с миром», онлайн-грызни друзей и врагов, утверждений, будто половина из тех, кто отметил, – фейки, что бы это ни значило. Спустя два года после смерти бывшие подруги постят: «С днем рождения, милый», словно Интернет – вроде хрустального шара или доски для спиритических сеансов. Словно он – портал в загробный мир. Что ж, в некотором смысле так и есть.

У меня вошло в привычку бродить по этим страницам. С утра перемещаюсь от страниц живых к страницам мертвых. Как там мама? Сейчас посмотрим. Как лучшая подруга? Как ее парень? (Обычно первым после потери оправляется именно парень. По запросу выскакивает фото счастливых влюбленных – позируют перед зеркалом. Выше – автофотопортрет самого парня, а следом появится фото его новой пассии.) Иногда подругам умершей это не по нраву. Они не скупятся на комменты: «Ты же Кайле обещал». «Клянусь, если еще хоть кто умрет...» «Почему Кайла?» «Покойся с миром». Жестче всех те, кому смерть уже глядит в глаза. «ВСЯ ЭТА ХРЕНЬ ОТ НАРКОТЫ», – написал один – помню, как задерживала его за распространение. Вот и фото – сонный взгляд остекленевших глаз.

Что будет с Кейси? Найдёт ли она в себе силы соскочить и не сорваться снова? Повезет ли ей? Тут очень важно, чтобы повезло. Достанет ли у нее терпения? Тревога за сестру всегда вырастает из мыслей о пропавших душах. Лишь немногим удалось вырваться. Остальных зачаровал Дудочник, увел, оставив после себя тишину. Город Гамельн очнулся – и понял, что проклят, клеймен этой тишиной.

А потом я перевожу взгляд на Кейси, сидящую у меня на диване,

чистую вот уже целых сто восемьдесят девять дней. Она теперь приходит в гости почти каждое воскресенье. Может, моя сестра станет одной из немногих везучих? Ветераном некоей войны – израненным, но выжившим? Может, всех нас переживет, дотянет до ста пяти лет в здравом уме и трезвой памяти...

Надо надеяться. И в то же время надеяться опасно. Вредно. Так же, как пускать Томаса к себе в постель.

Как разрешать ему встречи с женщиной, которая произвела его на свет.

Как нарушать клятву, когда знаешь: тайна должна быть раскрыта.

* * *

С униформой покончено.

Томас счастлив. В первый же день я собралась с силами и позвонила Трумену Дейвсу. Дышать боялась, пока он не ответил.

– Это Мики.

– Я понял.

– Я просто хотела сказать, что ушла из полиции.

Трумен помолчал, наконец выдал:

– Мои поздравления.

– Прости меня, – произнесла я, закрыв от стыда глаза. – Я вела себя как идиотка. Ты заслуживаешь лучшего.

Стало слышно, как Трумен дышит.

– Извинения приняты, – сказал он. И добавил, что занят с матерью. По интонации я поняла: он умыл руки, он для меня утрачен.

«Бывает, – сказала я себе. – Еще и не такое бывает».

* * *

Полицейское управление Филадельфии упорно отрицает, что проблема имеет такой масштаб. Но я-то в курсе. И Кейси в курсе, и женщины с Кенсингтон-авеню – тоже. Поэтому я позвонила Лорен Спрайт и сказала, что могу сообщить некую информацию на условиях анонимности. На завтра же моя история была озвучена на радио. «Сексуальные домогательства со стороны полицейских в Кенсингтоне не редкость» – так начала журналистка. Я сразу выключила радио. Не хотелось это слушать.

Еще несколько дней я просыпалась с ощущением, что поступила гадко. Предала людей, которые меня столько лет защищали, прикрывали со спины – порой в буквальном смысле.

А ведь среди полицейских полно порядочных людей. Взять хотя бы Трумена. Правда, он уже на пенсии. Зато Майк Ди Паоло продолжает

служить. И Дейвис Нуэн. И Глория Петерс. Да и Дениза Чемберс – хорошая женщина. Кстати, она лично звонила мне, извинялась.

Но есть и мерзавцы. Пусть их мало, пусть они не сгруппированы, а пакостят поодиночке – но, пожалуй, каждый так или иначе сталкивался с каким-нибудь эдди лафферти.

Хуже всех, опаснее всех, по-моему, приятели таких, как Лафферти. Субъекты вроде сержанта Эйхерна – уж конечно, он давным-давно был в курсе творящегося в Кенсингтоне. Может, и сам участвовал – кто знает... И его-то как раз не выгонят с треском, не вызовут на допрос. Ему даже дисциплинарное взыскание не грозит. Так и будет посиживать в кабинете, заниматься текущими делами да под настроение злоупотреблять служебным положением. А пагубные последствия таких действий – что для индивидуумов, что для сообществ, что для Филадельфии как города – затянутся на долгие годы.

Вот потому-то я и боюсь не таких как Лафферти, а таких как Эйхерн. Где бы они ни обретались.

* * *

Так и сижу без работы. Можно, конечно, обратиться к юристу, восстановиться в полиции – взяли бы обратно, с учетом последних событий. Но мне не хочется.

Живу на пособие. Помогаю двоюродному деду, Ричу, в магазине запчастей во Франкфорде. Занимаюсь бумагами, отвечаю на телефонные звонки. Рич платит мне наличными в конверте. Теперь, когда у меня стабильное расписание, безо всяких ночных дежурств, я нашла Томасу надежную няню. Она сидит с моим сыном два дня в неделю. По понедельникам и средам я беру Томаса к Ричу. По пятницам его караулит миссис Мейхон.

Система далека от идеала, но сбоев не дает. В будущем году Томас пойдет в садик – значит, снова все поменяется. Может, я поступлю в колледж. Может, стану преподавателем истории, как мисс Пауэлл.

Вот получу диплом – сразу в рамочку его и на стенку, а копию бабушке отошлю.

* * *

Утро вторника. Середина апреля. Открываю все окна. Только что отшумела гроза, воздух такой сладкий – хоть ложкой ешь. Запахи мокрых цветов и юной травы ударяют в голову. Закипает кофе. Новая няня подъедет с минуты на минуту. Томас в детской, играет в «Лего».

Я отпросилась у Рича на целый день.

Появляется няня. Прощаюсь с Томасом, иду к двери миссис Мейхон. Звоню. Спрашиваю:

– Вы готовы, миссис Мейхон?

В моей машине едем к Уилмингтону.

* * *

Поездка была давно запланирована.

Почву я подготовила еще в январе, пригласив на ужин Кейси и миссис Мейхон. В таком составе мы стали собираться у меня каждое воскресенье. Укладывали Томаса, а сами смотрели что-нибудь дурацкое по телевизору – какую-нибудь комедию. Кейси любит комедии. Иногда, правда, ей хочется «замочилова» – так она, даже после всех ужасных событий, называет документальные фильмы об убийствах. Неизменно они начинаются с сообщения о пропаже женщины, и неизменно убийцей оказывается ее агрессивный супруг или возлюбленный. Голос за кадром пугает спокойствием: «Это был последний раз, когда Миллеры видели свою дочь».

– Да это ж он! – обычно говорит Кейси о муже. – Он убил, ясно как день. Нет, вы только поглядите на эту рожу!

Иногда речь идет о малоимущих женщинах. Иногда – о богатых. Почему-то все они блондинки; разумеется, очень ухоженные, безупречно одетые. Жены врачей или юристов.

Они, эти блондинки, кажутся мне выросшими девочками, что когда-то давным-давно смотрели «Щелкунчика». Теми самыми, у которых волосы были собраны в тугие узлы, которые в своих нарядных однотонных платьях походили на стайку тропических птиц или на балерин. Которых обожали папы и мамы.

* * *

Каждое воскресенье Кейси брала с нас клятву, что мы навестим ее в родильной палате.

– А то буду лежать одна, как дура, – повторяла она. – Поклянитесь, что приедете. Обе поклянитесь.

Мы послушно клялись.

И вот я паркуюсь возле больницы.

Дочка Кейси родилась накануне. У нее еще нет имени.

Отец сказал, что малышка пока останется в отделении интенсивной терапии. Нужно ее хорошенько обследовать.

Кейси может глядеть на дочь, сколько душе угодно. Потому что слушалась врачей, выполняла все их предписания. У девочки, конечно, ищут признаки абстиненции.

Перед тем как вылезти из машины, миссис Мейхон взглядывает на меня, прикрывает ладонью мою ладонь. Сжимает.

– Вам это будет нелегко, Мики. Заставит вспомнить о Томасе, о его страданиях. Велика вероятность, что вы вновь разозлитесь на Кейси.

Молча киваю.

– Чтобы этого избежать, просто повторяйте про себя: «Кейси очень старается. Кейси очень старается».

* * *

В моей памяти хранится одна сцена с мамой – я про нее сестре никогда не говорила. Пока маленькая была, просто жадничала, по-детски. Потом стала бояться: если озвучу – воспоминание сотрется, исчезнет.

Так вот: мамино лицо я в этой сцене не вижу. Зато слышу нежный голос. Сама я сижу в ванночке. У меня не столько купание, сколько игра. В доме есть дареный набор пластиковых пасхальных яиц, и мне позволено брать их в ванну. Яйца разноцветные – желтые, оранжевые, синие, зеленые, и каждое можно разъять надвое. Мне ужасно нравится вновь соединять половинки, но так, чтобы они не подходили по цвету. Желтую – с синей, зеленую – с оранжевой. Нарушать порядок. «Не годится! – поддразнивает мамин голос. – Ну-ка, сделай все правильно!» А для меня ничего приятнее в мире нет. «Глупышка!» – говорит мама. С тех пор меня никто так не называл. Так любовно и так снисходительно. С тех пор – после мамы – все давали мне понять, что я взрослая и нечего пустяками заниматься. Еще я помню, как от мамы пахло – цветочным мылом, солнечным летом...

Мне почему-то кажется, что именно это воспоминание – тот факт, что у меня оно есть, а у Кейси нет – и сделало нас обеих тем, чем мы являемся. Что благодаря сцене с разноцветными пластиковыми яйцами я не разделила судьбу младшей сестры. Мамин голос и сейчас могу вызвать в памяти. В нем нежность – подтверждение маминой любви. Свидетельство: кто-то когда-то любил меня больше всех на свете.

* * *

В больнице нам с миссис Мейхон выдают бейджики – специально для посетителей. Звоним в колокольчик, нас впускают в родильное отделение. Следуем за медсестрой. Судя по бейджу, ее зовут Рене С.

Кейси ждет в конце коридора. Значит, ей уже разрешили встать. Рядом

с ней наш отец. Вдвоем они прильнули к стеклу, за которым, надо полагать, и находится отделение интенсивной терапии для новорожденных.

– К вам посетители, – радостно сообщает Рене С.

Кейси оборачивается.

– Вы пришли!

* * *

Рене прикладывает бейдж к считывающему устройству. Дверь открывается. Мимо нас проскакивает врач, бросает на ходу «здравствуйте».

В отделении интенсивной терапии темно и тихо, только слышен мерный гул аппаратов жизнеобеспечения.

Справа от двери две раковины и табличка, призывающая всякого вошедшего вымыть руки. Моем, все четверо, по очереди. Пока Кейси намыливает руки, озираюсь. По центру помещения – проход, с каждой стороны – по четыре плексигласовых бокса. На мониторах отображается работа маленьких сердечек. Тишина. Проход ведет к ярко освещенному сестринскому посту.

Помимо дежурной, в помещении заняты еще две медсестры. Одна меняет подгузник, другая, стоя у высокой подставки на колесиках, вносит данные в компьютер. Еще здесь пожилая женщина – волонтер, а может, бабушка. Она в кресле-качалке, на руках у нее младенец. Она встречает нас молчаливой улыбкой.

Пытаюсь угадать, кто из младенцев – дочь Кейси.

Сестра выключает кран и уверенно идет к боксу, табличка на котором имеет всего одно слово: «Фитцпатрик».

В боксе – крохотная девочка. Она спит, опущенные веки припухли от нелегкой работы – появления на свет. Ресницы чуть трепещут. Малышка по-кошачьи поводит личиком – влево, затем вправо.

Замираем перед этим чудом.

– Вот она, – шепчет Кейси.

– Вот она, – повторяю я.

– Имя выбрать не могу, – жалуется сестра. Взглядывает на меня просительно. – Всё думаю, думаю...

В моей голове мелькает: «Ее ведь так будут всю жизнь называть». И я не смею открыть рот, предложить вариант.

Не успеваю отметить, до чего тихо в помещении, как раздается пронзительный, исполненный боли крик. Резко оборачиваемся. Вот так же

кричал Томас. Кошусь на Кейси. Она застыла в ужасе, глаз от младенца не может отвести.

– Кейси, ты в порядке? – шепчу я.

Она молча кивает.

Плачущий ребенок от нас в пяти футах. Появляется медсестра, склоняется над ним, берет его, в одеяльце, в чепчике, на руки. Интересно, а мать у этого ребенка есть?

– Тише, маленький, – бормочет медсестра. – Тише.

Она устраивает младенца у себя на плече, укачивает. Думаю о маме. О Томасе. Просыпается память тела. Меня тоже вот так держали. И я вот так же укачивала сына.

Медсестра похлопывает ребенка по спинке, сует ему пустышку.

Крики не прекращаются. Переходят в подвывания, в икоту, звучат странно по-птичьи. Ребенок безутешен.

Медсестра кладет его на место. Распеленывает. Проверяет, не надо ли сменить подгузник. Снова заворачивает. Снова принимается убаюкивать. Крики не смолкают.

Появляется другая медсестра, глядит на график.

– Э, да ему дозу пора давать! Сейчас организуем.

Кейси так и стоит, будто окаменевшая. Дыхание быстрое, поверхностное. Затем отмирает, нежно кладет ладонь на лобик своей спящей безымянной дочери.

Возвращается медсестра.

Ребенок снова в боксе.

К маленькому, искаженному криками рту подносят бутылочку с соской. Маленькая головка поворачивается, ребенок причмокивает, ища то самое, необходимое, привычное.

Берет соску. Жадно тянет жидкость.

Благодарности

Спасибо всем, кто в течение нескольких лет делился со мной собственными переживаниями относительно затронутых в моей книге тем. Особая благодарность Индии, Мэтту, Дэвиду, Хосе, Кристе Киллен и всем женщинам из Центра Теи Боумен.

Спасибо фотографу Джефффри Стокбриджу, который уже давно снимает в Кенсингтоне и который познакомил меня с этим районом в 2009 году. Без Джефффри эта книга никогда не была бы написана. Спасибо Натали Уивер, преподобному Майклу Даффи и сотрудникам гостиницы для бездомных «Приют Святого Франциска» за дружелюбие, помощь людям и информацию. Спасибо коллективам организаций «Женщины на перепутье» («Women in Transition») и «Влиятельные писатели» («Mighty Writers»); обе организации предоставляют филадельфийцам помощь и поддержку. Спасибо Зоэ ван Орсдол, Сигни Эспинозе, доктору Чарлзу О’Брайену, Натаниэлю Попкину, Марджори Джаст, а также Кларенс за содействие в поисках материалов для этой книги и смежных проектов. Спасибо Джессике Соффер и Маку Кейзи за вычитку и обсуждение черновика романа. Спасибо авторам нижеперечисленных книг, каковые стали для меня источниками важных сведений. Вот они: «Голоса Кенсингтона: исчезающие мельницы, исчезающие кварталы», автор Джейн Сидер, с фотографиями Нэнси Хеллебранд; «Шелковые чулки и социализм: Труженики филадельфийской легкой промышленности – начиная с Эры Джаза и до Нового Курса», автор Шэрон МакКоннелл-Сидорик; «Облик рабочих кварталов: промышленная Филадельфия, 1890–1950», авторы Филип Скрэнтон и Уолтер Лихт; «Белый город, США», автор Питер Бинзен. Также мне очень пригодился «Путеводитель по Филадельфии».

Спасибо Сету Фишмену и всей команде литературного агентства «Джернерт Компани»; спасибо Саре Макгрейт и команде «Риверхед Букс»; спасибо Эллен Голдсмит-Вейн и команде «Готэм групп» за профессионализм, ценные советы и дружбу.

Спасибо моей большой семье, моим друзьям и всем, кто присматривал за моей дочкой. Я готова благодарить вас каждый день.

1

«Филадельфия иглз», т. е. «Филадельфийские орлы» – название профессионального клуба по американскому футболу, выступающего в Национальной футбольной лиге. – *Здесь и далее прим. пер.*

2

Обыгрывается слово «lean». На сленге наркоманов оно означает напиток – дешевый заменитель тяжелых наркотиков, который готовят из смеси сиропа от кашля с кодеином, газировки «Спрайт» и других составляющих. Прямое значение слова «lean» – подпирать, поддерживать, клониться, прислоняться.

3

Брикхаус (*англ.* brickhouse) – на сленге означает «девушка с шикарной фигурой».

4

«Наркан» – медицинский препарат, применяется для вывода больных из общей операционной анестезии и наркотической комы, а также для облегчения состояния при отравлении этанолом.

5

Около 173 см.

6

Название сети дешевых супермаркетов.

7

Престижный центральный район Филадельфии.

8

Английское слово «nutcracker» («nut» на сленге – голова, во множественном числе – тестикулы; «to crack» – ломить, давить, причинять боль) – имеет, помимо прямого значения «щипцы для колки орехов», еще и ряд сленговых значений: «удар ниже пояса»; «тесные трусы»; «самогон».

9

Пригород Филадельфии с населением около 60 000 человек.

10

55 градусов по Фаренгейту соответствуют 12,5 градуса по Цельсию.

11

«Тайленол» – американское торговое название жаропонижающего препарата, который по всему миру известен как парацетамол.

12

«Оксиконтин» – сильнодействующее обезболивающее средство для онкобольных.

13

Соответствует 32 градусам по шкале Цельсия.

14

Американский супергеройский боевик на основе комикса, режиссер Д. Эйер (2016).

15

Речь идет о романтической комедии «Филадельфийская история» (1940 г.), где блистали К. Хэпбёрн, К. Грант и Дж. Стюарт.

16

Распространенное в Интернете слово. Первый слог слова «family» на сленге значит «друзья, приятели». «Is all» – «прежде всего, важнее всего».

17

Минус 7,5 градуса по шкале Цельсия.

18

Около 191 см.

19

Разновидность игры в прятки, когда прячется только один игрок, а все

остальные его ищут. Всякий, кто обнаруживает спрятавшегося, залезает к нему в тайник и сидит тихо. Так продолжается до тех пор, пока за пределами тайника не останется всего один человек.

20

Тесты по четырем основным школьным предметам; их обычно сдают дети, которые находились на домашнем обучении.

21

Научный музей с обсерваторией, планетарием, залом динозавров и регулярными интерактивными выставками. Старейший в США музей науки и техники, год основания 1824-й.

22

Сухая смесь для напитка из категории «просто добавь воды».

23

Имеется в виду американский фантастический фильм 1982 г., режиссер С. Спилберг, оригинальное название «E.T. the Extra-Terrestrial».

24

Препарат кодеиново-морфиновой группы, сильное обезболивающее.

25

Шкала Финнегана – стандартизированная система баллов на основе

признаков неонатального абстинентного синдрома (НАС).

26

Аллен Айверсон (р. 1975) – знаменитый американский баскетболист, выступавший, в частности, за клуб НБА «Филадельфия 76».

27

Нэнси Дрю – вымышленный литературный персонаж – девочка, затем девушка-детектив; плод совместных усилий целой группы литераторов, творивших под общим псевдонимом «Кэролайн Кин». Первые повести с этой героиней увидели свет в 1930 г.